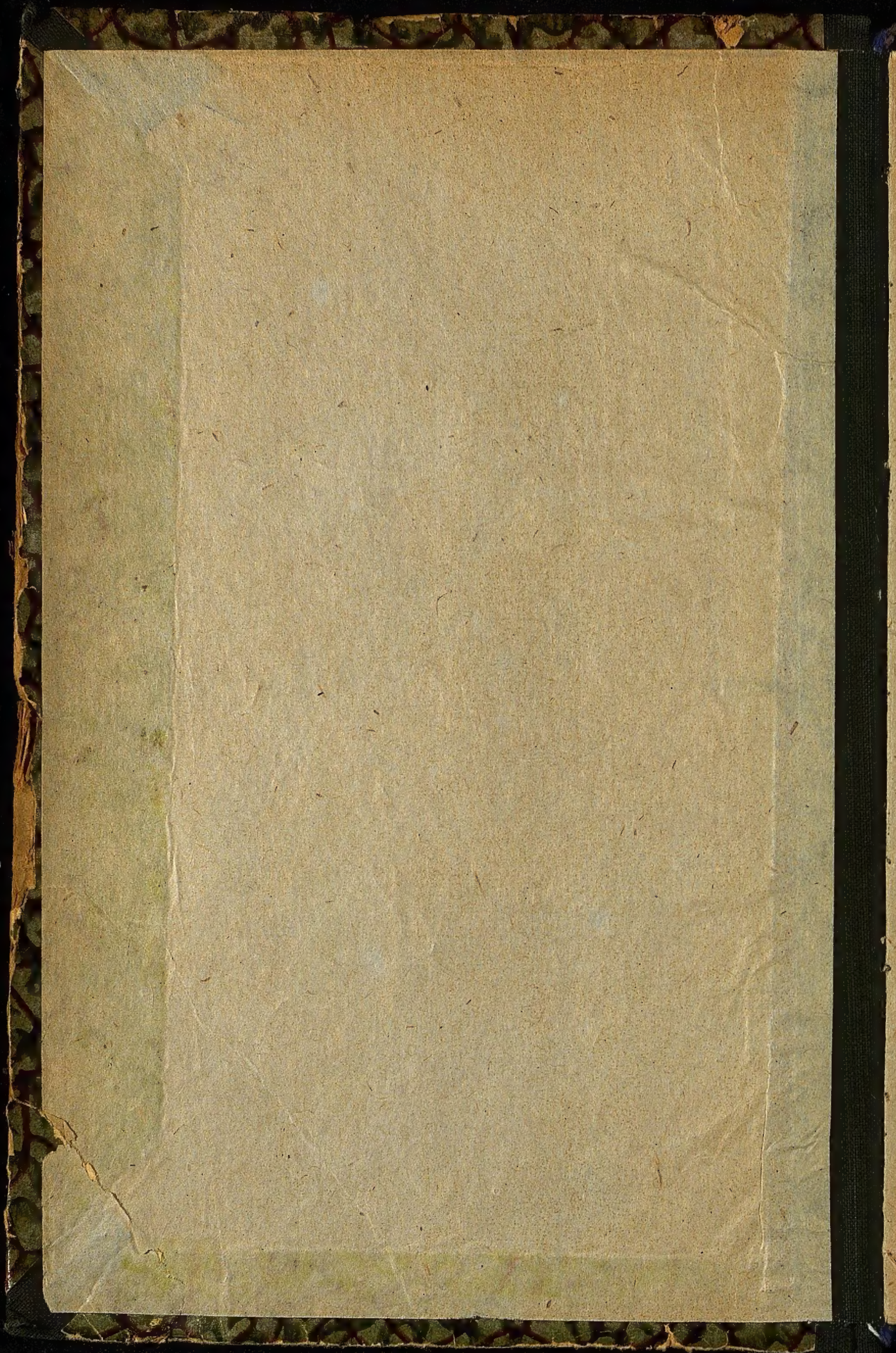

[9 (57.1) «1912»]

ЦЕНТРАРХИВ

МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ

ЛЕНСКИЕ СОБЫТИЯ 1912 ГОДА

(ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ)

СО ВСТУПИТЕЛЬНОЙ СТАТЬЕЙ
ВЕРЫ ВЛАДИМИРОВОЙ

1 · 9 · 2 · 5

ВОПРОСЫ ТРУДА

О Т П Е Ч А Т А Н О
в типографии Нижполиграф,
Варварка, 32, в количестве
5000 экземпляров. В./т № 197
Нижегород. гублит № 109.

В. ВЛАДИМИРОВА

РАССТРЕЛ РАБОЧИХ НА ЛЕНЕ

РАССТРЕЛ РАБОЧИХ НА ЛЕНЕ.

Ленская забастовка является рубежом рабочего движения после годов реакции. Революция 1905 года кончилась разгромом рабочих, и после нее наступили глухие годы полного торжества самодержавия. Насколько велика была подавленность в рабочих массах, видно из следующих данных [1]:

В 1905 года на одних фабриках и заводах бастовало 2.863 тыс. рабочих, в 1906 г. — 1.108 т., в 1907 г. — 740 т., в 1908 г.—176 т., в 1909 г.—64 т., в 1910 г.—47 т., в 1911 — 105 т. [2]:

Ленский расстрел вызвал огромную стачечную волну протеста, которая в одном Петербурге превышала больше чем в два раза число участников забастовок всего 1911 г. И с этого момента рабочее движение неуклонно растет.

Весь 1912 год был годом политических стачек. «По решению, средактированному пятью-семью членами исполнительной комиссии П. К., по листку, изготовленному и розданному 2 — 3 сотням, — встают, как один человек, 250 тысяч (1 мая—*В. В.*) в Петрограде», пишет В. И. Ленин [3].

---

[1] Все цифры, приводимые ниже, взяты мною из статьи В. И. Ленина „Жизнь учит“, газ. „Правда“ № 15 от 19 янв. 1913 г.

[2] Цифры эти взяты В. И. Лениным из правительственной статистики. Он отмечает, что сюда входят лишь рабочие, подчиненные фабричной инспекции, т.-е. только работающие на фабриках и заводах Рабочие горных промыслов, как, например, ленские рабочие и др., строительные рабочие, железнодорожники и многие другие оставались не учтенными.

[3] Статья „Развитие революционной стачки и уличных демонстраций“, газ. „Соц.-Демократ“ № 30 от 12 (25) января 1923 г.

По призыву партии большевиков [1])—стачки протеста против севастопольских казней, в день открытия 4-й Государственной Думы и т. д.

Всего в 1912 г. бастовало около $1^1/_2$ миллиона рабочих [2]), что составляло более половины всего числа рабочих в России.

«Не все решаются взглянуть правде в лицо и признать, что перед нами революционные массовые стачки, начало революционного под'ема... Ни в одной стране в мире—вне условий революционной общественной обстановки—нельзя было бы поднять сотни тысяч рабочих по нескольку раз в год на политические выступления по самым различным поводам»... пишет дальше В. И. Ленин о стачечном движении 1912 г. [3]).

Этот же апрельский под'ем рабочего движения вызванный ленским расстрелом, создал и большевистскую рабочую газету «Правду». «Звезда» с января месяца вела сборы среди рабочих на популярную рабочую газету. Сборы носили групповой характер. В январе и феврале 1912 г. они были еще совершенно ничтожны, в марте было уже 76 групповых сборов. Апрель сразу дает гигантский под'ем: 227 групповых рабочих сборов. В мае идет уменьшение: 135 групповых сборов, в июне только 34 и т. д.

Таким образом, Ленская стачка является тем отправным моментом, от которого начинается новая эпоха в русском рабочем движении, закончившаяся великой Октябрьской революцией.

«LENA GOLDFIELDS».

Разработка золота по реке Лене и ее притокам, Олекме и Витиму, началась с 1843 года, при чем вначале эта раз-

---

1) Как известно, меньшевики выступили в 1912 г. против революционных стачек, клеймя их стачечным азартом и проч. и „об'ективно явились (этим самым) прислужниками контр-революционной буржуазии", говорит т. Ленин.

2) Эту цифру называет В. И. Ленин в своей статье „Жизнь учит", газ. „Правда" № 15, 1913 г. Цифру эту, как мы видим из его статьи „Стачки в России" (Спутник рабочего. 1914 г., изд. „Прибой"), он взял по Прокоповичу. В статье он пишет: „Очень осторожный писатель г. Прокопович приводит за 1912 год цифру бастовавших 1.248 тыс. в фабрично-заводских предприятиях и сверх, того 215 тыс. в предприятиях, не подчиненных фабрично-заводской инспекции, т. е. 1.463 тыс., почти $1^1/_2$ миллиона".

3) Статья „Развитие революционной стачки и уличных демонстраций".

работка велась отдельными богатыми купцами. Развитие крупно-капиталистических предприятий началось с 60-х годов. В 1861 г. здесь, среди других крупных предприятий, возникло Ленское паевое товарищество. С 1882 г. часть паев этого товарищества перешла в руки Гинцбургов и торгового дома «Мейер и К°», которые образовали «Ленское золотопромышленное товарищество».

Товарищество, в которое влились новые капиталы, начало быстро расти. Оно скупает один за другим золотые прииски местных крупных фирм и купцов и к 1896 году сосредоточивает у себя самые богатые прииски Олекминского округа. В этом же, 1896, году товарищество из паевого превращается в акционерное об-во и начинает распространять свое влияние и на Витимский округ. С 1897 года оно приступает к разработке приисков по реке Бодайбо, где находятся самые богатые золотоносные залежи Ленского края.

С 1901 года, благодаря тому, что товарищество захватило слишком большие районы, дела его пришли в некоторый упадок, и на помощь ему пришел государственный банк. По высочайшему повелению товариществу был открыт кредит в 6.100.000 рублей. При этом было предложено назначить главноуправляющим Ленскими приисками Белозерова. Товарищество условие приняло, и Белозеров явился на прииски в 1902 году.

В дальнейшем персональное сращивание государственного банка с товариществом усилилось. В 1902 году ему был открыт новый кредит в 5.100.000 рублей, при условии введения в состав правления тогда инспектора, а впоследствии директора государственного банка Н. И. Бояновского.

С 1903—1904 г. дела Ленского товарищества стали улучшаться—оно начинает уплачивать долги государственному банку, и к 1909 году весь долг был погашен. В то же время под настойчивым давлением государственного банка, начиная с 1907 года, товарищество ищет частный кредит. Добыча золота на приисках все увеличивалась, обещала большие барыши, и кредит скоро был найден. В Лондоне в 1908 году было образовано общество «Lena goldfields» [1]) для финансирования товарищества.

---

[1]) „Ленские золотые прииски".

С этого времени дела Ленского золотопромышленного товарищества быстро улучшаются. В 1909 году оно приобретает от К° промышленности одноколейную железную дорогу, идущую от Бодайбо в глубь приисков, на 70 верст в районе 2-й дистанции. В 1910 году оно скупает прииска всех наиболее крупных предприятий в крае, в том числе у К° промышленности и Бодайбинской К°, и приобретает в свою собственность Ленско-Витимское пароходство.

Таким образом, к концу 1910 года концентрация золотопромышленного дела в Ленском крае была закончена, и Ленское золотопромышленное товарищество превратилось в монопольного владельца края. В его распоряжении сосредоточилось 423 прииска[1]) с общей поверхностью свыше 38.600 десятин.

«Лена Гольдфильдс», взявшее с 1908 года на себя финансирование Ленского золотопромышленного товарищества, выпустило для получения средств шеры[2]) по 10 р. каждая. Шеры были обменены на акции товарищества, и к 30 июля 1909 года «Лена Гольдфильдс» владело акциями товарищества на 7.695.250 рублей из 11.100.000 рублей всего капитала. А к 1910 в ее руках уже было $71^{1}/_{2}$% всех акций товарищества.

Вследствие этого представитель «Лена Гольдфильдс» на акционерных собраниях Ленского золотопромышленного т-ва владел большинством голосов и мог все вопросы разрешать единолично, включительно до выборов членов правления. «Лена Гольдфильдс» сделалось фактически полным хозяином Ленских приисков.

Однако, как мы увидим ниже, это английское общество было в самой тесной и трогательной связи с царским правительством и пользовалось полной поддержкой русского государственного аппарата для своих спекулятивных операций.

Прежде всего, связь эта выражалась в тесном экономическом и административном сращивании. Так, директор государственного банка Н. И. Бояновский был в то же время членом правления Эльзото[3]) и являлся держателем акций

---

[1]) Из них 54 были арендованы у государственного банка.

[2]) Название бумаг.

[3]) Так называлось сокращенно „Ленское золотопромышленное товарищество".

товарищества на сумму 15.000 рублей [1]). Акции эти, по словам Бояновского, являлись собственностью государственного банка.

Бояновский был не только официальным представителем государственного банка, но и активным работником этой английской группы финансовых хищников. Последнее видно хотя бы из следующего: 28 сентября 1912 года Эльзото устроило общее собрание акционеров и, в связи с вынужденным [2]) уходом Бояновского, собрание приняло постановление, где говорило, что «заслуги Бояновского, преданного делу человека, в течение 10 лет самоотверженно потрудившегося на пользу Ленского товарищества, являются неоцененными» [3]).

Второй крупной правительственной фигурой, которая энергично работала на пользу английского финансового капитала и всех тех, кто грел около него руки, был В. И. Тимирязев, по оставлении поста министра торговли и промышленности перешедший на службу в «Лена Гольдфильдс». Когда шеры сделались излюбленной спекулятивной бумагой русской биржи, в Петербурге для руководства биржевыми операциями был основан Петербургский Комитет «Лена Гольдфильдс», состоявший из В. И. Тимирязева, А. И. Путилова и А. И. Вышнеградского. Тимирязев был левым октябристом и примыкал к к.-д. Резкие нападки к.-д. на Тимирязева и Гинцбурга в Государственной Думе после расстрела рабочих охранка в своем секретном докладе министру внутренних дел об'ясняла так: «С Гинцбургом у к.-д. довольно интимные связи, а Тимирязева они считают своим. Но они решили лучше потерять их, чем лишиться перед выборами сочувствия мелко-буржуазных кругов».

Не только министры действующие и министры в отставке получали барыши от эксплоатации Ленских рабочих; есть основание предполагать, что члены царской фамилии были не менее в них заинтересованы. Так, жандармский ротмистр Трещенков, герой расстрела ленских рабочих, в апреле 1912 года говорил Майшу [4]):

---

[1]) В 1907 году.

[2]) После разоблачений в связи с расстрелом рабочих на Лене.

[3]) Доклад Манухина.

[4]) Старший чиновник особых поручений при иркутском губернаторе.

«Неужели губернатор не знает, что акционерами Ленского товарищества состоят граф Витте, министр Тимашев и даже государыня императрица Мария Федоровна?» [1]) Отсюда понятно то чувство почтения, которым русские министры окружали не только правление Эльзото, но и хороших служак-исполнителей его воли. За неделю до забастовки правление Эльзото устроило обед в честь своего главноуправляющего приисками Белозерова. На этот обед был приглашен тогдашний министр торговли и промышленности Тимашев. Правда, этот последний не смог присутствовать на обеде, но вместо этого он прислал письмо и телеграмму, где извинялся за свое отсутствие и рассыпался в любезностях перед Белозеровым.

Интерес и покровительство, с которым относилось русское правительство к Эльзото, вполне станет понятным, если познакомиться с теми доходами, которые Эльзото давало держателям Ленских бумаг.

Усилившись привлечением английских капиталов, Эльзото в операцию 1909—1910 года подняло добычу золота с 228 до 820 пудов. Чистая прибыль, которую получило Эльзото за операцию 1908—1909 г., равнялась 4.908.852 руб., за операцию 1909—1910 г.—6.812.925 руб., а за операцию 1910—1911 г.—5.273.000 руб. Процент, который давало «Лена Гольдфильдс» держателям его бумаг, был исключительно высокий. Так, в 1910 году был выдан дивиденд в 56%.

Главным источником этих дивидендов являлась неслыханная нищета и эксплоатация ленских рабочих. Но, помимо прямого обогащения за счет своих белых рабов, «Лена Гольдфильдс» увеличивало свои барыши и разными побочными путями,—так, невзирая на дешевизну капиталов в Лондоне (3%), оно взимало за ссуды с Эльзото от 6 до $6^1/_2$%. Затем оно вело на международной и русской бирже спекулятивную игру, благодаря которой стоимость шер возросла с 10 до 40 руб. и доходила порою до 60 рублей. Первоначально шеры имели обращение только в Лондоне и Париже, а с 1910—1911 г.г. они в большом количестве появились на петербургской бирже, сделавшись здесь излюбленными бумагами для спекуляции.

[1]) См. далее в материалах протокол допр. чин. особ. поруч. Майша.

Создание биржевого ажиотажа, игра на повышение и понижение являлись одним из важных источников дохода акционерного общества. Не лишены оснований предположения, что стачка и расстрел рабочих на Лене явились также одним из источников биржевой наживы для «Лена Гольдфильдс». Действительно, во время стачки акции Ленского товарищества упали и ценились по 3.425 руб. Тотчас после расстрела они вскочили в цене до 3.540 руб. Этим самым „пролитая там, в далекой Сибири, кровь рабочих перелилась сюда, в карманы ловких спекулянтов, звонким золотом», писала «Звезда» [1].

АДМИНИСТРАЦИЯ ПРИИСКОВ.

Правление Эльзото находилось в Петербурге, и во время Ленских событий председателем его был М. Э. Мейер, директорами правления: Александр и Альфред Гинцбурги, Бояновский, В. Н. Липин [2] и др.

Всеми приисковыми делами на месте ведало главное управление приисками, которое находилось на Надеждинском прииске [3] —месте расстрела ленских рабочих. Здесь жили главноуправляющий, его помощник, находились контора, камера мирового судьи, народный дом и проч.

Все прииски товарищества в административном отношении делились на три дистанции. 1-ю дистанцию составляли прииски, расположенные по системе реки Ныгды Олекминского округа. Во главе ее стояло Ивановское управление. 3-ю дистанцию составляли прииски, расположенные на мелких речках Олекминского округа. Во главе ее стояло Светлое управление.

Центром промышленных работ являлась 2-я дистанция, расположенная в Витимском горном округе. В состав ее входило наибольшее количество разрабатываемых приисков, при чем самые золотоносные прииски расположены были по реке Бодайбо. Из них главное богатство Эльзото составляли прииски Феодосиевского управления, где управляющим был Самохвалов. Кроме того, в состав 2-й дистанции

---

[1]) Статья „Жертвы больших барышей". „Звезда" от 8 апр. 1912 г.

[2]) Липин — член горного ученого комитета.

[3]) 64 версты от г. Бодайбо.

входили управления: Нижнее, с управляющим Савельевым; Прокопьевское, с управляющим Кобылянским; Андреевское, с управляющим Цинбергом и Иннокентьевское, с управляющим Власовым.

Во главе всей администрации стояли главноуправляющий приисками И. Н. Белозеров и его помощник Теппан.

Наиболее крупной фигурой являлся Белозеров.

Самые умеренные правительственные чиновники отзывались о нем, как о хищнике уголовного пошиба. Так, Манухин пишет [1]): «с требованиями закона, если они для него оказывались неудобными, Белозеров считаться не любил»... Другой, не менее умеренный правительственный чиновник, горный исправник Кржижановский в своем докладе так характеризует Белозерова [2]): «Природный ум, сметка, нахальство, полное отсутствие нравственных качеств,—дитя иркутских подонков, неоднократное выступление в роли альфонса,—вот те отличительные черты, которыми обладал Белозеров».

Он сам характеризовал себя и свою систему следующей излюбленной им поговоркой: «У меня от коня остается грива да хвост, а от вас (т.-е. рабочих) только нос».

Но все указанные качества являлись как раз ценными и для русского правительства того времени и для английского финансового капитала.

Мы видали уже, как трогательно, совместно с министром торговли и прмышленности, чествовало Белозерова Эльзото накануне стачки. Не менее основательно оно выказывало ему признательность и в денежной оплате. Жалованье Белозерова было 60 тысяч рублей в год, кроме того, отдельная тантьема по 100 рублей с пуда намытого золота увеличивала его заработок до 140 тысяч рублей в год. Это в то время, когда средний годовой заработок ленского рабочего равнялся 480 рублей.

На приисках Белозеров был царь и бог. Его приезды встречались с помпой, присущей «высочайшим особам», с триумфальными арками, флагами и прочее.

Соответственно белозеровской системе был подобран и весь административный аппарат. Шпионаж был возведен

---

[1]) Доклад Манухина, см. приложение № 124.

[2]) Фонд. ирк. губ. правления, д. 24, 1912 г. М. Истор.-Рев. Архив.

в целую систему. Доносы, всевозможные способы выслуживания деморализовали в конец служащих. Подлое подхалимство перед начальством, с одной стороны, и площадная брань, обвешивания, обмеры, а иногда и избиения рабочих, с другой стороны—таковы были отличительные черты белозеровской системы управления. Поздороваться с рабочими считалось преступлением, а присесть вместе за стол—это грозило расчетом. Рабочие увольнялись, штрафовались по первому доносу со стороны служащих.

Почти все служащие Эльзото являлись владельцами шер. На их покупку они тратили большие суммы и выигрывали значительные деньги. При чем, по свидетельству местного нотариуса Свириденко [1]), «никто из служащих Эльзото ни разу на шерах не проиграл; частные же лица, обыватели Бодайбо, часто на них теряли».

В Ленском крае до 1 марта 1911 года существовали с'езды золотопромышленников Витимского и Олекминского округов. По закону, бюро совета этих с'ездов должно было содержать почтовое сообщение и почтово-телеграфных чиновников в крае, содержать бодайбинскую тюрьму, стражу, местных мировых судей и горнополицейскую стражу. Оно же обязано было отводить квартиры окружным инженерам, горным исправникам, чинам податной инспекции и содержать их канцелярии в своих районах. Однако, так как монополистом в крае являлось Эльзото, то «с'езды» были лишь внешним прикрытием того, что почти все местные правительственные власти находились на службе непосредственно у товарищества.

С 1 марта 1911 г. и эта ширма была признана излишней—с'езды золотопромышленников упразднены, и все их права и обязанности перешли непосредственно к Эльзото.

Насколько зависимость царских чиновников от товарищества была велика, мы можем видеть хотя бы из того факта, что большинство правительственных чиновников получало добавочное вознаграждение от Эльзото.

Начальник бодайбинского почтово-телеграфного отделения, кроме обычного жалованья, получал от администрации Эльзото «за разные услуги» до 2.000 рублей в год.

---

[1]) См. далее материалы, № 8.

Солдаты и их начальство, присылаемые на охрану Ленских приисков, получали от Эльзото и жалованье, и наградные, и довольствие.

Низшие полицейские чины были в полном подчинении у администрации приисков, так как от нее получали и награды, и приказания, и жалованье.

Полицейские урядники, кроме добавочного вознаграждения, получали от Эльзото 18 рублей на прислугу, 40—60 руб.—на наем письмоводителя, 25 рублей—на канцелярские расходы. Кроме того, они получали значительные суммы на организацию сыскной части. Так, уряднику Тихонову на Феодосиевском управлении было выдано с ноября 1910 года по апрель 1912 года для этой цели 3.100 рублей.

Иркутский губернатор Бантыш в докладе генерал-губернатору от 30 ноября 1911 года [1]) писал: «Эльзото поит, кормит, учит, лечит, казнит и милует тысячи людей. Почти исключительно Эльзото дает деньги и на содержание правительственных чиновников... Стоит только тому или другому правительственному чиновнику перестать поддерживать отношение к Эльзото, и его возьмут измором: отоплением, электричеством и тому подобное».

«Капитал здесь царит безраздельно, экономика и политика об'единены здесь в самой откровенной, самой наглой форме. Все органы политической власти: полиция, суд, военное начальство, школа—находятся на откупу у Ленского товарищества»,—писал об этом же М. С. Ольминский [2]).

И неудивительно поэтому, что для ленских рабочих издавна существовало полное тождество между приисковой администрацией и судебной и полицейской властью на приисках.

ПОЛОЖЕНИЕ РАБОЧИХ.

Рабочие Ленских приисков жили в условиях жестокого экономического произвола и насилия.

Первый же пункт договора, по которому Эльзото нанимало рабочих, гласил, что договор заключается до 10 сен-

---

1) Моск. Истор.-Рев. Арх. Фонд канц. ген.-губ. В дальнейшем мы фонд указывать не будем.

2) М. С. Ольминский—„Ленские дни“, гл. 3 из статьи „Общий очерк эпохи“. Сборник—Из эпохи „Звезды“ и „Правды“.

тября, и уже этим самым рабочий попадал в полную зависимость от приисковой администрации.

Ленский район не был соединен железной дорогой с Сибирской магистралью. Самая ближайшая жел.-дорожная станция — Иркутск — отстояла от города Бодайбо (адм. центра края) на 1.700 верст. В весеннюю и осеннюю распутицу всякое сообщение Ленского края с остальным миром, кроме телеграфного, прерывалось на 2 — 3 месяца. Летние дороги устанавливались лишь с начала июня, при чем водное сообщение с Иркутском продолжалось 130 дней. Зимой же в Иркутск надо было ехать по льду Лены на санях 1.700 верст.

Таким образом рабочий, забравшись на прииски, попадал как бы в ловушку.

По договору Ленское товарищество только по окончании срока найма, т.-е. 10 сентября, обязывалось доставлять рабочих на свой счет до города Киренска, который находился в 1.000 верстах от Иркутска. Если же рабочий сам уходил или его рассчитывала администрация раньше срока, то он должен был выбираться из этого гиблого места за свой счет, а переезд стоил очень дорого (летом не менее 40 рублей) и не всегда был возможен.

В этом крылась одна из главных причин кабалы рабочих. Страх остаться без работы и хлеба в пустыне заставлял со всем мириться, всему подчиняться. Тем более, что вместе с переходом в руки Эльзото монополии в крае, положение рабочих стало окончательно безвыходным. Раньше они могли уйти работать на прииски других товариществ, теперь же они были полными пленниками Эльзото. Администрация делала отметку об увольнении на паспорте рабочего, заносила его в черные списки, и поступить на какой-нибудь отдельный прииск того же Эльзото рабочий уже не мог, и, рассчитанный в любой момент [1]), собственными средствами должен был выбираться из края, где все людные поселки, дороги, пароходное и прочее сообщение на тысячи верст кругом были в полной монопольной собственности его классового врага. Для большинства рабочих такой расчет был равносилен смерти.

---

[1]) Одним из пунктов договора, за который Эльзото могло рассчитать рабочего, значилось просто „леность".

Далее, кроме трудности выбраться с приисков, осень вообще является самым тяжелым временем для подыскания заработка, поэтому заключение нового договора осенью было сильным орудием в руках товарищества для понижения заработной платы. Именно поэтому во время стачки одним из требований рабочих являлось перенесение срока найма на весну.

Следующим пунктом договора, который очень тяжело ложился на рабочих, было право администрации выдавать сполна заработок рабочим лишь один раз в год по окончании работ. Эльзото очень широко толковало это право, и при расплате с рабочими из года в год не выдавало рабочим по окончании операционного года всех заработанных ими денег, а переносило их, как свой долг, на следующую операцию. Общая сумма таких неуплаченных рабочим денег достигала весьма крупных размеров и за последние годы все повышалась. Так, к 1 октября 1906 года товарищество было должно рабочим более 210 тысяч, а к началу операции 1911—12 года—459.037 руб. [1]). Таким образом, в течение ряда лет товарищество незаконно пользовалось за счет рабочих капиталом в несколько сот тысяч рублей, не платя за них никаких процентов.

Далее, договор гласил, что рабочие при найме в Бодайбо должны были итти на прииски по 25 верст в день, получая на продовольствие лишь по 2 фунта сухарей в день. Если рабочего переводили с одного прииска на другой, который отстоял далеко, то он должен был переходить пешком не менее 25 верст в сутки за плату 75 коп. в день. В местах, где нет постоянных жилищ, рабочие обязывались в случае надобности строить себе помещения сами.

Рабочий день по договору определялся с 1 апреля по 1 октября в 11½ часов, а зимою—в 11 часов в сутки. Какова была действительная продолжительность рабочего дня, мы видим из следующего заявления рабочих Феодосиевского прииска сенатору Манухину [2]): «Рабочие должны выходить на работу в 6 часов утра, а их заставляли выходить

---

[1]) По постановлению Иркутского горно-заводского присутствия эта сумма была выдана рабочим в октябре 1911 года, и в дальнейшем задержка денег была запрещена.

[2]) См. материалы, № 4.

в 5 часов и даже раньше, когда производилась раскомандировка. Принуждение состояло в том, что—кто опоздает к 5 часам—того или прогоняли, или засчитывали этот день как прогул, или посылали на худшую работу. При этом ходьба до шахт не засчитывалась. Кончали работу вместо 6 часов вечера в 7 часов. Таким образом, при обеденном перерыве в 2 часа рабочий день удлинялся до 12 часов, вместо 10...»

То, что ходьба не зачислялась в счет рабочего дня, имело большое значение для рабочих, так как жилища их часто отстояли очень далеко от шахт. Так например, рабочий Андреевского прииска Байчук ходил на работу за 10 верст [1]. С ходьбой ему приходилось работать 17 часов в сутки.

Затем кабальным пунктом договора был вопрос о семье. Жен и детей рабочие имели право привозить с собой лишь с разрешения управления приисков и обязаны были по первому требованию управления посылать их на работу. «Отказываться от работы прибывшие с нами члены семьи не в праве», гласил договор.

Пользуясь этим пунктом договора, Эльзото эксплоатировало детей-подростков, заставляя их работать за 50 коп. в день. На основании его же оно принудительно посылало жен рабочих и их девочек-подростков на работы к служащим, которые приставали к ним с гнусными предложениями. Женщина, которая давала отпор негодяю, осыпалась площадной бранью, ее посылали «принудительно» на тяжелые, непосильные для нее работы: носку бревен и пр., а мужа по первому поводу рассчитывали [2]. Поэтому требование отмены принудительного труда женщин и детей было одним из основных требований забастовавших рабочих.

Скупив прииски бывшей К° промышленности и сделавшись монополистом в крае, Эльзото уменьшило заработную плату с 1 руб. 80 коп. до 1 руб. 50 коп. в сухих забоях, с 2 р. 50 к. до 1 р. 90 к. в мокрых забоях и с 1 р. 60 к. до 1 р. 35 к. для чернорабочих.

Из просмотра расчетных книжек и опроса рабочих ревизией Манухина выяснилось, что заработная плата гор-

---

[1] Истор.-Рев. Арх., фонд Ирк. горн. окр., д. 24.

[2] См. материалы, №№ 5, 6.

норабочих колебалась от 35 руб. до 48 руб. в месяц. Во время эвакуации ленских рабочих иркутское переселенческое управление опросило 3.704 рабочих, при этом выяснилось, что меньше 30 руб. зарабатывали в месяц 1,1% всех рабочих, от 30 до 35 рублей—22,8%, от 36 до 40 руб.—35%, от 41 до 45 руб.—25% и от 46 до 50 рублей—9,7% всех рабочих. Более высокий заработок получали только 6,4% рабочих.

Если мы возьмем минимум необходимых продуктов по ценам их в Бодайбо, то увидим, что средний расход для взрослого одинокого рабочего составлял около 450 рублей в год [1]). Иркутский губернатор Бантыш определяет эту цифру несколько ниже,—он пишет [2]): «Итак, при самых осторожных расчетах, ограничившись только крайним, необходимым для поддержания в рабочем работоспособности, сумма его расходов достигает 414 рублей 14 коп. в год на человека». Таким образом, заработной платы даже одному рабочему еле хватало на прожитие.

И, несмотря на колоссальные барыши, мы не имеем ни одной попытки со стороны администрации улучшить заработную плату. Так, в 1910 году, как мы уже говорили, Эльзото получило прибыль в 6.812.925 рублей. Из нее было выдано в дивиденд 4.233.000 рублей, 2.512.000 руб. было отчислено в запасный капитал. После всех ассигнований получился остаток, равный недельному заработку всех рабочих—12.218 рублей. И даже и из этого остатка рабочим не досталось ни гроша,—его обратили на добавочное вознаграждение служащим управления.

Однако из той скудной платы, которую давало Эльзото своим рабочим, оно стремилось урвать сколько могло — отрядные работы подсчитывались неправильно, обмеры и обвесы практиковались в самых широких размерах. Насколько обмеры были велики, показывает следующее. Во время работы ревизии Манухина, как известно, рабочие временно возобновили работу, и так как, очевидно, присутствие ревизии мешало обмеривать, по единогласному

---

[1]) В определении этой суммы взята расходная норма на питание, определенная самим Эльзото, и прибавлена средняя приисковая цена на одежду, стирку белья и т. д.

[2]) Доклад Бантыша ирк. ген.-губернатору от 30 ноября 1911 г.

заявлению рабочих, их заработок значительно повысился. Так, на промывке песков рабочие, зарабатывавшие прежде по 1 руб. 50 коп., вырабатывали теперь по 2 руб. 10 коп. и по 2 руб. 30 коп. в день; то же наблюдалось и на других работах [1]).

Обмерами дело не кончалось. Ту часть заработной платы, которую Эльзото платило рабочим, оно стремилось тотчас же вернуть себе с барышем. Для этой цели частная торговля на приисках почти целиком находилась в руках Эльзото и давала товариществу крупную прибыль. Так, по официальным данным, которые давало товарищество в казну, несомненно преуменьшенным, товарищество получило от торговли в операцию 1909—1910 года 652.150 руб. чистой прибыли. Цены, которые Эльзото ставило на свои товары, были гораздо выше, чем в местных частных лавках. Так, сахар в последних был 23 коп. фунт, у Эльзото в лавках—25 коп., масло у частных торговцев—45 коп., у Эльзото—48 коп., мука у частных торговцев 4 руб., у Эльзото—4 р. 40 к. за пуд. и т. д.

Чтоб удержать монопольные цены, Эльзото изгоняло частных торговцев с приисков, не останавливаясь перед арестом и отобранием документов. Бодайбинский нотариус Свириденко в своем допросе [2]) пишет: «Торговцы товарами в разнос рассказывали мне, что на территорию приисков их не только не пускали, но прямо задерживали, сажали в казачью, а затем высылали, как беспаспортных, по этапу в Бодайбо. Заширотные торговцы Егоров, Акулиничев и Негашев рассказывали мне, что если рабочий зайдет к ним в лавку, то его записывали и при первой возможности увольняли. Дорогу к лавкам заширотных загораживали и старались не пропускать туда рабочих. Бодайбинский торговец Ахмеджанов говорил мне, что нет такой каталажки на приисках, в которой он не побывал бы за свою торговлю в разнос».

О том же пишут 30 частных торговцев Манухину в своем заявлении от 12 июня [3]). Они жалуются, что у них отбирали паспорта, промысловые свидетельства, насильно вывозили с приисков и прочее. Среди многочисленных жа-

---

[1]) Истор.-Рев. Арх., фонд сен. Манухина, д. 31, стр. 219.
[2]) См. материалы, № 8.
[3]) Правда о Ленских событиях. Изд. 1912 г. Приложения.

лоб рабочих мы видим, например, что рабочий Петров был рассчитан с работы за то только, что его жена осмелилась купить у частного торговца четверть фунта табаку [1]).

Чтобы лишить рабочего возможности покупать нужные ему товары на стороне, Эльзото выдавало ему значительную часть заработной платы талонами. Выдача была принудительной, и рабочему приходилось или сбывать талон за бесценок в третьи руки, чтобы получить деньги, или итти в лавку Эльзото набирать на него товаров, при чем сдачи не давалось и надо было забирать на весь талон. Бодайбинский нотариус Свириденко пишет [2]), что талоны при перепродаже в частные руки учитывались на 20% ниже их номинальной стоимости.

Насколько распространена была расплата талонами, видно из того, что в операцию 1910—1911 года промысловое управление выдало рабочим заработной платы: припасами на 1.891.873 рубля, талонами—на 97.965 руб. и наличными деньгами—на 1.960.677 рублей.

Остановимся несколько на продовольствии рабочих. По договору т-во снабжало рабочих необходимыми припасами продовольствия в установленном количестве, при чем стоимость продовольствия оно вычитало потом из заработной платы. И в этом опять был неисчерпаемый источник обид для рабочих и наживы для администрации.

В своем заявлении Манухину рабочие Феодосиевского прииска писали: «Мясо отпускалось плохое. Не то, чтобы мясо было всегда плохого качества, хотя довольно часто получали и испорченное—иссиня-черное мясо, но всегда, и это было обычным явлением,—служащие за ту же цену получали лучшие части, а рабочие—худшие: отрезы, передки внутренности...

Рыба попадала часто гнилая: еще не варишь ее, а мясо отстает от костей. Возьмешь в руки—сразу распадается... Воду рабочие получали очень скверную. Рабочие должны были пользоваться ключом «Дагалдын», у которого были расположены отхожие места, и в который стекают нечистоты, а служащим привозят вполне пригодную воду из Гачинского ключа»...

---

[1]) См. материалы, № 10.

[2]) См. там же, № 8.

Чиновник Майш, приехавший перед ревизией на прииски, телеграфировал иркутскому губернатору: «Им (рабочим) принудительно выдают бычачьи головы с рогами и кожей, отрезанной нижней челюстью, абсолютно для пищи негодные. Такую голову выдают за 7 фунтов. По заявлению рабочих, если кто отказывается ее брать, то не получает ничего. На Феодосиевском таких выброшенных рабочими голов целые кучи. Я приказал зарыть их в землю до приезда комиссии» [1]).

Среди всех этих обирательств и надувательств, в которых протекала жизнь ленского рабочего, следует еще упомянуть незаконный сбор на больницы, который с них собирала администрация. Мужчина-рабочий платил по 2 р. 50 к., а женщина—по 1 р. 50 к. в год. Всего Эльзото собирало в год этого незаконного сбора 20 тысяч.

Условия труда на Ленских приисках во многих случаях являлись прямо каторжными. В большинстве приисков товарищества золотоносный пласт находится в полосе вечной мерзлоты, где нужно оттаивать породу «пожогами»—кострами из угля и дров, которые ставятся у стены забоя. Когда огонь разгорится, то его засыпают углями, и медленное горение продолжается 12—14 часов. Так приготовлялись пласты для забойщиков каждый день.

Благодаря тому, что вентиляция в шахтах совершенно отсутствовала и воздух перед спуском в шахты не испытывался, то постоянные массовые отравления углекислотой сопровождали работу шахтеров. Отравления происходили также оттого, что при взрывах пластов, не поддающихся кайле и лому, Эльзото употребляло скверный динамит. От него образовывалось много газов, которые вызывали тошноту и головокружение у работавших.

Самый спуск в шахты являлся постоянно источником большой опасности для жизни. В полутемные спуски глубиной на 20 и более сажен шли лестницы, почти вертикально поставленные. По ним рабочие спускались с инструментами, при чем вследствие темноты и налипшей на лестнице грязи, рабочие часто срывались и падали вниз, или у них падал инструмент и ранил спускавшихся ниже.

---

[1]) См. материалы, № 58.

Администрация скрывала несчастные случаи, но все же горным надзором было зарегистрировано в 1911 году на общее число 5.442 рабочих 896 несчастных случаев, т.-е. 164 чел. на каждую тысячу.

В шахте рабочему часто приходилось работать под проливным дождем падающих на него струй рудничной воды, в температуре 6—8°. Не спасали ни широкополые кожаные шляпы, ни армяки из кожи. Человек промокал до нитки и затем, по окончании работ, в мокром платье должен был по морозу в 40° итти до своей казармы, так как при шахте сушилок для рабочих не было. По дороге на шахтере все обмерзало, и в казарме он должен быть оттаять прежде чем снять с себя одежду.

Такова была работа забойщика. Добытый песок внутри шахт нагружался на ручные тачки, и 100—150 сажен рабочий-откатчик вез тяжелую деревянную тачку с 7—8 пудами песку по тряской дороге и старым гнилым доскам, при чем $^3/_4$ груза висело у него на руках. Так как техническая сторона дела товариществом не улучшалась, то мускульный труд людей преобладал в процессе работы.

Золото появлялось здесь на свет не только «с природными кровавыми пятнами на одной щеке» [1]), но облитое кровью рабочих в буквальном смысле слова.

В результате этих условий труда люди среднего сложения с трудом могли выносить одну операцию и только исключительно здоровые люди, обладающие большою мускульною силою, могли выдержать 2—3 операции под ряд. По данным промысловой конторы Ленского товарищества в 1911—1912 г. рабочих, работавших первую операцию, было 1.971, вторую—2.329, третью—1.037 и четвертую—879.

Безвозмездно давалось рабочим от управления: помещение, дрова, баня и вода. Какова была вода,—мы уже видели. Баня была немногим лучше. Рабочие Феодосиевского прииска писали [2]) про нее: «Отапливается она неудовлетворительно. Бывали случаи, когда зимою вода замерзала. Вместимость бани на 70 человек. А в два дня, которые даются в месяц на баню, должны вымыться две с поло-

---

[1]) Выражение Маркса.

[2]) См. материалы, № 4.

виной тысячи рабочих. При этом полдня отводится на женщин, и для мужчин остается $1^1/_2$ дня. Таким образом многие лишены возможности пользоваться баней и подолгу вовсе не моются».

Что касается жилищ, в которых Эльзото держало своих рабочих, то иркутский губернатор Бантыш писал о них [1]: «Жилищами рабочих я просто был поражен... Наживая от труда рабочих миллионы, Эльзото не считает своею обязанностью предоставить им даже сколько-нибудь сносные жилища и совершенно игнорирует даже те скромные требования гигиены и санитарии, которые предписаны обязательным постановлением присутствия по горнозаводским делам 12 июня 1908 года»...

Другой правительственный чиновник, старший фабричный инспектор, осматривавший казармы по поручению Манухинской ревизии, пишет [2]: «Из 103 казарм, обслуживающих состав рабочих, занятых на приисках 2-ой дистанции, в удовлетворительном состоянии находятся лишь 15, остальные 88 совершенно непригодны для житья в зимнее время... зимою в них так холодно, что мокрые сапоги примерзают к полу, рабочие вынуждены спать в шапках ввиду того, что изголовья нар приходятся у промерзающих стен... Большинство существующих казарм в таком состоянии, что угрожают не только здоровью, но и жизни рабочих, а потому подлежат уничтожению».

Казармы были переполнены людьми, при чем женатые не отделялись от холостых, для детей мест для спанья не отводилось, дети спали на полках, подвешенных к стене, на полу под нарами. «Мы наблюдали случаи,—пишет тот же фабричный инспектор,—когда ребенок помещался на полу под полкой для мытья посуды у самой плиты».

Нищета, отсутствие культурных развлечений, пьянство, поощряемое администрацией, разврат в казармах, который происходил на глазах у всех, превращали жизнь рабочих в ад, и в этой атмосфере росло молодое поколение на приисках. «Немудрено,—пишет в своем докладе Бантыш [3],—

---

[1]) Доклад Бантыша ген.-губернатору от 30 ноября 1911 г.
[2]) См. материалы, № 2.
[3]) Доклад Бантыша ирк. ген.-губернатору от 30 ноября 1911 года.

что дети быстро грубеют, в них развиваются различные пороки, словом, из них вырабатывается самая хулиганская публика,—«шпана», по местному выражению.

Таким образом, Эльзото в продолжение долгих лет заведомо вычеркивает из жизни целые поколения людей и ни местное начальство, ни правительство до сего времени пальцем не пошевелили для того, чтобы прекратить этот социальный ужас, которому нет имени, нет оправдания...».

Так писал за три месяца до забастовки иркутский губернатор Бантыш,—тот самый Бантыш, который все время стачки вел политику ее срывания, с санкции которого был произведен арест стачечного комитета, по настоянию которого был направлен на прииска с особыми полномочиями жандарм Трещенков—герой Ленского расстрела. И если даже у этого крупнейшего правительственного чиновника невольно вырвался в докладе по начальству крик негодования, то, очевидно, картина жизни рабочих на Лене действительно была потрясающей.

НАЧАЛО СТАЧКИ И ЕЕ ОРГАНИЗАЦИЯ.

Стачки и волнения на приисках в Ленском районе начались с 70-х годов. Мы знаем крупные волнения в 1876 г. 1882 г., 1888 г. и др.

Наиболее продолжительные и упорные забастовки шли с 1900 по 1905 год. В это время было 16 забастовок, при чем некоторые из них принимали угрожающий характер. Администрация вызывала войска, однако вооруженных столкновений не было. Кончались все эти стачки обычно частичным удовлетворением требований рабочих, а затем полиция арестовывала и высылала из края несколько десятков рабочих, которых считала вожаками.

С 1905 г. до 1912 г. в Ленском крае забастовок не было.

Причины, вызвавшие стачку в 1912 году, ясны из предыдущей главы,—это было тяжкое экономическое положение и бесправие, в котором жили ленские рабочие. Как мы видели, со времени захвата Эльзото приисков К° промышленности, эксплоатация рабочих сильно увеличилась, и общее положение их в 1911 году стало буквально невыносимым.

Поводом к началу стачки 1912 г. послужила выдача плохого мяса на Андреевских приисках одному рабочему. Известие об этом было той искрой, которая и произвела взрыв. Рабочие узнали о полученном мясе 28-го февраля, а на утро 29-е февраля Андреевские прииски бастовали. В этот же день к администрации явилось около 60 рабочих и заявили от лица забастовавших ряд жалоб. Они указывали на выдачу плохой провизии, на неправильные подсчеты работы, грубое обращение служащих и т. д. Кроме того, они требовали удаления некоторых служащих и *закрытия винных лавок на время забастовки*[1]).

В ответ на заявления рабочих Теппан и горный исправник Галкин предложили рабочим изложить свои требования письменно и избрать выборных для переговоров.

Между тем забастовавшие андреевцы послали своих гонцов на близлежащие прииски, и забастовка начала быстро распространяться. Так, утром же 29-го февраля забастовал Утесистый прииск, 1-го марта—Васильевский, 2-го—Александровский, 3-го—Феодосиевский, Ивановский, Иосифский прииски, а также мастерские Надеждинского прииска, 4-го—Прокопьевский, Пророко-Ильинский и т. д. К 14 и 16 марта забастовали все дальние прииски, и забастовка на приисках Эльзото сделалась общей. В стачке приняло участие 6.258 рабочих мужчин, не считая женщин и подростков.

Одновременно с возникновением забастовки на каждом отдельном прииске рабочие выбирали своих выборных для переговоров. Из них и составились те рабочие комитеты, которые руководили стачкой на каждом данном прииске.

Документальных сведений, когда были выбраны рабочие комитеты на каждом прииске—нет. Надо предположить, что на Андреевском и Утесистом приисках они были выбраны в первый же день забастовки, так как 1-го марта к администрации поступили от выборных этих приисков первые письменные требования.

В состав рабочего комитета на Андреевском прииске входили: Зелионко, Быков, Романов, Мимоглядов и Нестеренко. Председателем комитета был Зелионко. В комитет рабочих на Александровском прииске входили: Федор Бондарь,

---

[1]) Курсив наш—*В. В*

Мальков, Лебедев и Носов. На Васильевском прииске членами рабочего комитета были: Соболев, Соломин и Герасименко. На Ивановском прииске: Прокудин, Сорокин, Волков, Шкодский, Трофимов, Карпов и др.

Списки приводимых комитетов не полны, так как они основаны на данных прокурорского дознания: обысках и показаниях служащих и полиции [1]).

Кроме приведенных приисков можно еще указать на состав комитета Надеждинских мастерских. В него входили: Вязовой, Баташев, Журавлев и еще трое [2]). О составе остальных комитетов сведений не имеется.

Рабочие комитеты вели сношения с центральным бюро, производили сборы денег на нужды забастовки [3]), принимали жалобы рабочих, составляли заявления и требования от рабочих своего прииска и т. д. Члены же рабочего комитета являлись и наиболее популярными ораторами на собраниях рабочих, которые вели агитацию среди рабочих данного прииска.

Интересно отметить, что внутренней агентуры среди бастовавших рабочих полиции так и не удалось завести. Об этом сообщает и Познанский [4]) в своих донесениях в департамент полиции. Об этом же пишет в своих воспоминаниях и Думпе [5]): «Нужно отметить, что за все время забастовки администрация никак не могла завербовать из рабочих предателя и провокатора, кроме рабочего Бармина или Брамина, но и тот по своей неразвитости ничего существенного не показывал».

Кроме рабочих комитетов, еще более низовой, массовой организацией являлся институт старост. Почти вслед за

---

1) Моск. Ист.-Рев. Арх. Фонд. окр. суда, д. 3, т. 25. 1912 г.

2) Воспоминания Думпе, —председателя центрального стачечного бюро во время забастовки. См. Григорьев и Шапирштейн-Лерс „Ленское 9 января—4 апреля 1912 года". Э. Думпе. „Воспоминание о забастовке 1912 года".

3) Так у Ф. Бондаря (Александровский прииск) при обыске был найден денежный отчет, из которого видно, что на прииске было собрано 110 р. 10 к., при чем из них 63 р. 47 коп. были сданы в кассу центрального бюро. Вообще сборы не были велики. Собирали по 3, 5, 10 коп., смотря по состоянию рабочих. Рабочий Болотов в своих показаниях говорит (См. приложение № 13), что он за все время забастовки уплатил 1 рубль 10 коп.

4) Начальник иркутского жандармского управления.

5) Думпе, стр. 91.

возникновением забастовки, рабочие каждого барака выбрали у себя старосту. Постепенно обязанности старост приобрели везде точно выраженный, одинаковый характер. И центральное стачечное бюро вырабатывало особый устав о правах и обязанностях старосты.

По уставу, староста являлся неограниченным хозяином барака. Он отвечал за все беспорядки в бараке, как-то: драки, пьянство, самовольные отлучки и прочее. Староста следил, чтобы не было шпионажа в бараке, чтоб рабочие не ходили к служащим, следил за стачечной дисциплиной. Так как каждый барак ночью охранялся от налетов полиции и пр., то староста назначал и проверял этих караульных. Он же устраивал сборы денег по приказанию рабочего комитета всего прииска в своем бараке.

Старосте назначалось два помощника. Жаловаться на старосту можно было лишь в совет старост данного прииска, последний же подчинялся рабочему комитету и через него получал все постановления и директивы центрального бюро.

Таким образом, «в результате у нас получилась идеальнейшая организация: сильная и гибкая,—пишет Думпе [1]):— Даже женщины, которые находились в постоянной войне между собой из-за плиты, выбрали старостиху, которая наблюдала и распределяла очереди, что касалось общежития».

Вся эта система организации, которая вела стачку, возникла стихийно, из низов рабочих, а не была привита извне. Так же стихийно возник и стачечный центр—так называемое «центральное бюро».

Центральное бюро помещалось на Надеждинском прииске. Это было обусловлено тем, что на этом прииске помещалась главная контора и администрация. С другой стороны, здесь было несколько политических ссыльных рабочих, последних забастовщики привлекли и использовали в качестве руководителей движения.

О возникновении центрального бюро Думпе пишет [2]): «Все, что делалось, творилось как-то чисто анархически: само собой. Ни на общем собрании, ни на собрании выборных не было официального председателя. По практиче-

---

[1]) Думпе, стр. 84.
[2]) Думпе, стр. 81, 87, 88.

ским соображениям было поручено выборным от Надеждинского прииска поддерживать связь с остальными приисками. Современем таким образом возникло так называемое центральное бюро... возникло чисто стихийно... Я не был никогда выборным... Сами события заставляли меня делать то, что делал я. Против своей воли, и не стремясь к тому я очутился председателем центрального бюро. Стихийно возникла забастовка, стихийно возник и ее руководящий аппарат... Помимо официального центрального бюро существовал, если можно так выразиться, тайный совет. О его существовании знало ограниченное число участников, о его существовании не знали даже выборные... Также об организации гектографирования воззваний и их составлении знали только несколько человек из совета».

Центральное бюро состояло [1]) из Баташева, Попова, Думпе, Зелионко и Гриши (Черепахина—*В. В.*). Тайный совет из Думпе, Гриши, Розенберга и Будевица. Обычно тайный совет обсуждал предварительно все вопросы.

По воспоминаниям Думпе, «забастовкой руководили всецело политические ссыльные... среди нас, руководителей забастовки, каждый имел свою политическую физиономию».

Наиболее популярным оратором среди рабочих и руководителем движения был Павел Баташев. «Он был из тех людей, которые, обладая даром слова, стихийно выбираются массой, как ее выразители», пишет Думпе: «Рабочий-слесарь, средних лет (30 лет—*В. В.*), на приисках появился в 1911 году... себя считал социал-демократом, отличался как хороший массовый оратор»—пишет о нем Думпе.

По воспоминаниям другого активного участника движения, выборного Бавыкина: «Баташев считался у нас как председатель совета выборных... окончательные требования вырабатывались также Баташевым. Думпе был одним из ближайших сотрудников Баташева, как равно Зелионко, Гриша, Попов и др».

О других руководителях забастовки Думпе пишет [2]): «Розенберг (Индрик)—латыш, рабочий по металлу, отбыл 4 года каторги, на прииски прибыл в 1910 году, где был

[1]) См. воспоминания Думпе.

[2]) Воспоминания, стр. 111.

приписан в ссылку, 36 лет, очень начитанный, анархист-индивидуалист. В первые дни забастовки он стал той тайной пружиной, которая двигала забастовку. Не советуясь с ним, мы не делали ни шагу. Но он оставался в тени, когда это касалось массовых собраний. Официально выборным он не был по тем же причинам, как и я» [1])

Черепахин Григорий,—«я не знаю, это ли его настоящая фамилия или нет. Политический ссыльный... замечательно хороший оратор-массовик. Предан душою рабочему делу, каких убеждений,—я не знаю. На приисках он жил нелегально под вышеуказанной фамилией. Рабочие его знали, как «Гришку». Он принимал участие в нашем тайном совете, всегда переписывал для гектографирования воззвания наподобие печатных букв. Официально не был избранным, но участвовал в забастовке во всех делах. Он даже не числился рабочим у Эльзото. Не имел квартиры, а также средств».

«Попов—студент, исключенный за беспорядки (по данным прокурорского дознания был в 1907 г. осужден Якутским окр. судом на 1 год крепости по политическому процессу.—*В. В.*), служил помощником начальника ж.-д. станции. Его мировоззрений и убеждений не знаю... Участвовал отчасти в центральном бюро, во время расстрела был ранен».

«Зелионко—политический ссыльный, партийность не знаю.., наездом участвовал в бюро. Был арестован, после расстрела выслан в Якутск, но по дороге сбежал. Будевицы—Евгений и жена его Лидия Михайловна, латыши, он рабочий—слесарь, непартийные... принимали участие во всех конспиративных делах забастовки. Вот и все ближайшие участники, которые непосредственно работали со мной», пишет Думпе,—«были еще, кроме них, другие, но они не работали постоянно»...

Такова была руководящая группа, которая возглавляла забастовку. Сам Думпе—латыш, политический ссыльный 30 лет, слесарь, работал во время стачки в Надеждинских механических мастерских. В ссылку на поселение он попал за принадлежность в Риге к латышскому социал-демократическому союзу в 1906 году.

---

[1]) Думпе, будучи политическим ссыльным, отказался быть выборным, боясь дать повод полиции приписать стачке политический характер.—*В. В.*

Тактика, которой держалась эта руководящая группа, была: чрезвычайная осторожность и аполитичность. Никакие речи на политические темы на собраниях рабочих ими не допускались. Если оратор все же влезал на бочку и пытался говорить о политике, то его «просто спихивали с бочки без всяких церемоний». Думпе пишет, что он «страдал за свои такие поступки», но иначе поступать не находил возможным...

Такая же умеренность сквозила и в других моментах руководства: Так, все телеграммы рабочих посылались не «Звезде», а одновременно в ряд адресов, начиная с Полетаева (член с.-д. фракции Гос. Думы—большевик) и кончая Милюковым и биржевым комитетом. Об'ясняет это Думпе стремлением сохранить во что бы то ни стало «законный» аполитичный характер забастовки и не дать, таким образом, повода полиции для разгромов.

Однако эти иллюзии чисто-экономической борьбы,—вне политики,—самодержавие, согласно своим традициям, разбило одним взмахом, расстреляв 500 безоружных рабочих.

Руководящий центр забастовавших рабочих оказался также не на высоте положения и при ведении чисто экономической борьбы, как мы увидим ниже, он поддался провокаторским увещаниям Тульчинского и чуть было не сорвал стачку вскоре послее ее возникновения.

ГЛАВНЫЕ МОМЕНТЫ БОРЬБЫ ДО РАССТРЕЛА.

После первых разрозненных требований отдельных приисков, 3 марта по инициативе Надеждинских мастерских и с разрешения полиции было созвано общее собрание всех забастовавших приисков.

На собрании присутствовало 5 тысяч рабочих[1]). Оно продолжалось около трех часов на площади у народного дома на Надеждинском прииске. Рабочие высказали свои пожелания и поручили группе лиц, руководившей собранием [2]), оформить и написать требования от всех забастовавших приисков.

---

[1]) См. воспоминания Думпе.

[2]) Эта группа состояла из 15—20 человек, в том числе Баташев, Попов, Думпе, Гриша и др.

Требования были составлены и на утро 4 марта утверждены на вторичном собрании. Основные их моменты сводились к следующему: 1) 8-часовой рабочий день, 2) прибавка жалованья всем без исключения на 30%, 3) непринудительность женского труда, 4) удаление 26 ненавистных рабочим служащих, 5) предоставление семейным рабочим отдельных от холостых комнат, 6) вежливое обращение: называть на «вы», а не на «ты» и т. д. [1]).

Остальные требования в большинстве сводились к требованию исполнять фабричные законы и постановления того времени.

5 марта получился ответ из Петербуга. Правление Эльзото из всех требований рабочих соглашалось лишь за свой счет осветить середину казарм и не рассчитывать никого из забастовавших, если они встанут на работы 6 марта. Остальные требования отвергались. В этой же телеграмме Эльзото предписывало Теппану прекратить водоотливы,— следовательно начать затопление шахт.

Рабочие решили забастовку продолжать, но не допускать затопления шахт. В этих целях 8 марта центральное стачечное бюро послало телеграмму в 8 адресов [2]), где излагало требования рабочих и заявляло, что распоряжением о прекращении водоотлива администрация «желает скрыть злоупотребления в шахтах и остановить работы на несколько лет». Таким образом водоотливы администрации остановить не удалось, за исключением одной-двух шахт.

7 марта правление Эльзото телеграфировало новые уступки рабочим. Все они сводились к согласию исполнять законы и постановления по охране труда горного департамента, которые существовали в то время. Вот некоторые из этих уступок: «устраивать казармы согласно постановлениям горнозаводского присутствия», «выдавать продовольствие на равных условиях со служащими», «увольняемых рабочих удовлетворить расчетом по закону», «оказывать медицинскую помощь без промедления» и т. д.

---

[1]) Полные требования—см. материалы, № 124.

[2]) Государственной Думе, министру внутренних дел, правлению Эльзото, горному управлению, биржевому комитету, иркутскому губернатору и т. д.

Ни одно из существенных требований не было удовлетворено. Вместе с тем об'явленными уступками Эльзото официально признавало, что до сего времени оно не исполняло даже тех законов по охране труда, которые существовали в то время.

Горный департамент был, очевидно, сконфужен этой борьбой рабочих за проведение в жизнь его обязательных постановлений, тем более, что борьба сделалась известной уже всей России. В результате из горного департамента в Иркутское горнозаводское присутствие пришло приказание произвести расследование на месте.

В ответ на «уступки» Эльзото, собрание выборных, заседавшее 9 марта в Народном доме, решило забастовку продолжать.

13 марта правление Эльзото еще раз подтвердило рабочим, что ни на какую прибавку платы и сокращение рабочего дня правление не согласно, и с этого времени вплоть до приезда Тульчинского (22 марта) переговоров между рабочими и администрацией по существу требований не велось, и стачка продолжалась.

Эти дни затишья центральное бюро употребило на то, чтоб установить тесную связь с приисками [1]). «Все выдвинутые вопросы обсуждались совместно с выборными из других приисков... Общие собрания не устраивались, потому что благодаря институту старост рабочие были и так в курсе событий. Если нужно было о чем-либо информировать массу, то надо было только известить о случившемся первого попавшегося старосту, и в самое короткое время знал о том весь прииск».

К этому же моменту затишья переговоров Думпе относит также выпуск первого гектографированного воззвания «рабочим от рабочих». За все время стачки, по словам Думпе, «было выпущено, кажется, 7 гектографированных воззваний. Характер этих воззваний был строго законный и экономический»,—пишет Думпе.

У нас имеются только 3 воззвания [2])—два из них призывают штрейкбрехеров не итти на работу, а третье от имени «общей дружины» также предупреждает бодайбинских рабочих не наниматься к Эльзото.

[1]) См. воспоминания Думпе, стр. 87, 92.
[2]) См. материалы, № 14.

На-ряду с мирными переговорами Эльзото повело с первого же момента забастовки самое энергичное наступление на рабочих иными путями, стремясь сорвать их стачку [1]).

Полиция по приказанию администрации приисков с первых дней забастовки начала арестовывать гонцов рабочих на другие прииска, стремясь задержать распространение стачки.

Наученные горьким опытом прежних лет, рабочие решили «вызволять» товарищей и при слухах об арестах два раза осмотрели арестное отделение [2]) и один раз поезд. Четвертый раз при осмотре арестного отделения им действительно удалось найти и освободить выборного Иннокентьевского прииска, которого полиция увезла и спрятала в арестном доме на Верненском прииске [3]).

Все эти осмотры и освобождения носили совершенно мирный характер. Рабочие приходили толпой по 500—600 человек и требовали, чтобы их допустили к осмотру. Исправник им разрешал. Они производили осмотр помещения через своих выборных и затем спокойно удалялись.

Первой нападающей стороной являлась полиция, которая производила аресты. Однако тотчас в Петербург и иркутскому губернатору Бантышу полетели телеграммы Теппана, где он обвинял рабочих в буйствах и просил о присылке войск. Петербурское правление, поддерживая Теппана, послало 5 марта телеграмму Бантышу, где просило его выслать войска в Бодайбо «хотя бы за счет товарищества» и удалить с приисков «неблагонадежный элемент».

Одновременно Петербургское правление обратилось с такой же просьбой к Тимашеву [4]) и Макарову.[5])

Бантыш, знавший из донесений исправника Галкина и окружного инженера Александрова о мирном течении забастовки, ответил, что «в посылке нижних чинов необходимости не встречается».

---

[1]) Вопросы о способах борьбы с забастовщиками решались в Петербурге Гинцбургом и Белозеровым. См. об этом приложение № 100.

[2]) На Александровском и Феодосиевском приисках.

[3]) Фамилия выборного—Демидов, освободили его рабочие Верненского прииска, узнавшие об его привозе.

[4]) Тимашев—министр торговли и промышленности.

[5]) Макаров—министр внутренних дел.

Но высшие правительственные круги приняли сторону товарищества, и Тимашев, минуя иркутского губернатора, сам телеграфировал 7 марта командующему иркутским военным округом приказ о посылке войск в Бодайбо, и из Киренска в Бодайбо тотчас была отправлена команда в 75 солдат [1]).

Получив сведения о посылке войск, правление Эльзото предприняло поход на рабочих, который должен был вызвать открытый бунт. Правление рассчитывало усмирить бунт при помощи войск и этим сразу сорвать забастовку. С этой целью оно телеграфировало 9 марта Теппану: передать паспорта забастовщиков исправнику для раздачи их рабочим, передать заработанные рабочими деньги с расчетными книжками мировым судьям для выдачи и одновременно пред'явить у мировых судей иски о выселении рабочих из казарм Эльзото.

Все это было сделано, и к 13 марта поверенный Эльзото Иванов уже возбудил у мирового судьи Хитуна 1.199 исков о выселении рабочих из казарм [2]). Мировой судья 15—16 марта рассмотрел 32 иска и приговорил рабочих к немедленному выселению. В то же время 9 марта совещание заведывающих приисковыми управлениями во главе с Теппаном постановило с 10 марта прекратить рабочим выдачу продовольствия и выдавать его только за наличные деньги.

Выселение рабочих из казарм и прекращение выдачи им продовольствия в тот момент было равносильно об'явлению им смертного приговора. Санное сообщение уже прекращалось. Выехать из района приисков было невозможно еще в течение 2 месяцев. Других жилищ, кроме Эльзото, в крае не было. Следовательно, рабочие выгонялись прямо в тайгу. Так же обстояло и с продовольствием—его было негде получить.

Таким образом, выселение и отказ в продовольствии необходимо должны были вызвать голодный бунт рабочих.

Так же оценивал это и Бантыш, он пишет [3]): «Приисковое управление рядом мер старалось сорвать мирное тече-

---

[1]) До посылки войск из Керенска, в бодайбинской команде было 140 солдат.

[2]) К 9 апреля таких исков было подано уже 1.965 и заготовлено к подаче еще 3.229.

[3]) Доклад Бантыша ген.-губернатору от 5 мая 1912 г. Моск. Ист. Рев. Арх. Фонд сен. Манухина, д. 31, т. 2.

ние забастовки, чтоб подавить ее вооруженной силой. Одна из первых мер: отказ в отпуске пищевого довольствия должникам рабочим...»

Приведение в исполнение указанных мер администрация отложила до прибытия войск. Но весть об них дошла до рабочих и, естественно, вызвала величайшее волнение. 15 марта они обратились с телеграммой в горный департамент, где писали: «Следствие не производится, отказывают в продовольствии, возможно, выдворят из квартир, жилого места вблизи нет...»

Под влиянием волнений среди рабочих исправник Галкин и окружной инженер Александров в свою очередь телеграфировали Бантышу, что «массовое выдворение рабочих до навигации невозможно».

В ответ на это Бантыш категорически предписал полиции к выселениям не прибегать. В своей телеграмме [1]) министру внутренних дел от 25 марта, он так об‘ясняет свое запрещение выселять рабочих: «Вообще теоретически эта мера (выселение) может быть чрезвычайно желательной, в особенности для Эльзото, и при возможности ее выполнения, она оказала бы бесспорно существенное влияние на прекращение забастовки. Но вопрос в том, как ее фактически привести в исполнение, и какими мотивами я должен буду оправдываться в доказательство закономерности и целесообразности моих по этому поводу распоряжений. Я не могу поставить вне закона, согласно требования Ленского товарищества, рабочих, участвующих в мирной забастовке... Навряд ли меня можно упрекнуть в недостатке решительности действий... Но в угоду интересов Ленского золотопромышленного товарищества, я не могу попирать закона... Во-первых, нигде нет квартир, куда рабочие могли бы переехать, ни магазинов, кроме Ленского товарищества, где можно было бы приобрести продукты первой необходимости, не говоря о том, что у должников нет заработанных денег...»

«Обязывать Эльзото кормить забастовщиков за свой счет я не могу, но раз правительством издавна допущено полное порабощение громадного Витимско-Олекминского района Ленским золотопромышленным товариществом

[1]) См. материалы, № 40.

в смысле монополизации всей торгово-промышленной жизни края, то вызвать бунт на почве голода между должниками Эльзото, я тоже не могу...»

19 марта ожидаемые войска, наконец, прибыли, и по настоянию администрации исправник Галкин решил попытаться арестовать 12 человек руководителей стачки на Феодосиевском прииске и выселить 15 рабочих. Взяв себе на помощь войска, он явился на Феодосиевский прииск, однако те рабочие, которым угрожал арест и выселение, скрылись, а исправника встретила двухтысячная толпа рабочих.

Дальнейшие события Думпе описывает следующим образом: «Когда нам на Надеждинский сообщили по телефону, что делается полицией, мы передали это на другие прииски и сами поспешили на место происшествия. Со всех бараков, по всем дорогам и тропам двигался народ по направлению Дагалдинских бараков (бараки, из которых выселяли—*В. В.*)

«Полиция смутилась и особенно не усердствовала Скоро как солдаты, так и полиция были окружены вплотную тесным кольцом рабочих, которое все увеличивалось. . . Видно было, что на это власти не рассчитывали и были захвачены врасплох. Когда скомандовали солдатам сплотиться и вывели их на дорогу, рабочие разделились на две половины, выпустив из своей среды солдат, и все двинулись за ними.

«В конце концов получилась такая картина: солдаты шли скорым маршем впереди, за ними по пятам огромная масса, около трех слишком тысяч рабочих. Все это двигалось по направлению к Надеждинскому прииску. Когда подходили к Народному дому, нам на встречу двигалась такая же масса с Александровского и других приисков.

«Момент был критический,—это учел исправник Галкин, который руководил выселением. Он приложил много усилий: бегал с одной стороны толпы, умоляя рабочих не напирать на солдат, что может случиться несчастье. Он обещал, что никакого выселения рабочих больше не будет»[1]) и т. д.

С трудом после двухчасовых уговоров рабочие разошлись.

---

[1]) Воспоминания Думпе стр. 86.

Бантыш, узнав о происшедшем, еще раз категорически запретил Галкину выселение.

Такая же картина была и при попытке администрации не выдавать продовольствие. 18 марта, накануне прибытия солдат из Киренска, Теппан отказался выдавать припасы рабочим-должникам, а также сделать рабочим к наступающей пасхе выписку. Начались волнения, они были настолько велики, что исправник Галкин и окружной инженер Александров составили даже по этому поводу 21 марта акт, где писали, что, по их личным наблюдениям, невыдача пищевого довольствия так раздражает рабочих, что волнения могут перейти в открытый бунт.

Извещенный о событиях Бантыш телеграммою от 21 марта приказал приисковой полиции обязать администрацию выдавать продукты и в случае ее отказа сделать распоряжение о принудительной выдаче.

Бантыш, как губернатор, отвечавший за спокойствие в губернии, боялся крупных рабочих волнений и своим вмешательством разбил планы Эльзото,—срыв забастовки не удался. Администрация приисков, вынужденная выдавать продовольствие, потребовала, чтобы правительство взяло на свой счет его стоимость и о распоряжениях Бантыша донесло в Петербург.

Министерство внутренних дел, незадолго перед тем одобрившее решение Бантыша не выселять рабочих [1]), тотчас приняло сторону Эльзото, и Золотарев [2]) 23 марта телеграфировал Бантышу, что «законные постановления судебных властей (о выселении) подлежат неуклонному исполнению, а пропитание забастовщиков не может быть возлагаемо на обязанность казны». Кончалась телеграмма требованием принять решительные меры к срыву забастовки. Она гласила: «Поручаю вашему превосходительству дать ротмистру Трещенкову определенные директивы для локализации забастовки...»

Вопрос с продовольствием и выселением рабочих положил начало конфликту между иркутскими губернскими властями и Эльзото. Бантышу было необходимо доказать, что

---

[1]) Телеграмма № 145.

[2]) Золотарев—тов. министра внутренних дел.

Эльзото первое нарушило договор и является юридическим виновником забастовки. Только в таком случае можно было стоимость продовольствия возложить на него. И в этом смысле Бантыш дает указание подведомственным ему чиновникам. 19 апреля Тульчинский пишет секретное письмо Трещенкову [1]), где говорит: «Представляется несомненным, что для правительства чрезвычайно важно установить нарушение Ленским товариществом договоров с рабочими подлежащих горных узаконений и изданных в развитие их обязательных постановлений, так как только при таком установлении, которое должно быть выполнено мною путем сáмого подробного расследования, опросом бывших рабочих Ленского товарищества и составлением в надлежащих случаях актов и протоколов, возможно будет правительству возложить расходы по пищевому довольствию бастовавших и бастующих рабочих на счет Ленского товарищества».

Послав письмо, Тульчинский принялся искать факты нарушения Эльзото обязательных постановлений. Найти их было нетрудно, и 22 апреля он сообщает Бантышу: «Сегодня составленным мною протоколом в присутствии 30 свидетелей рабочих удостоверена на Андреевском, Васильевском и Утесистых приисках массовая принудительная выдача талонов на магазины для получения вместо денег товаров, чем установлено нарушение пункта одиннадцатого договора...»

Еще ранее, 17, 18 и 19 марта, очевидно также под влиянием Бантыша, состоялись заседания Иркутского горнозаводского присутствия. Не замечавшее в течение ряда лет беззаконий Эльзото, присутствие вдруг прозрело и вынесло постановление, что виновником стачки является Эльзото, так как оно первое нарушило договор с рабочими, не выполняя пунктов договора, так же как и постановлений присутствия, а начальник присутствия Оранский даже осмелился телеграфировать 21 марта в Горный департамент просьбу «настоять перед правлением товарищества на увеличении платы рабочим» [2]).

Горный Департамент, как и все высшие правительственные круги, взял в этом «губернском» конфликте тотчас

---

[1]) Григорьев и Шапирштейн. „Ленск. 9 янв.—4 апр. 1912 г.“, прилож. № 44.

[2]) См. материалы, № 73.

сторону Эльзото и телеграфировал Оранскому 22 марта[1]): «Сообщенное вами открытой телеграммой, поддерживающей повышение заработной платы на Ленских приисках, с возложением всей ответственности на товарищество, министерство считает недопустимым, так как это укрепляет упорство рабочих. Требования их, очевидно, неприемлемы и вызывают необходимость решительного отпора, которого горное начальство до сих пор не дало...»

После расстрела рабочих конфликт между губернской администрацией и Эльзото еще усилился, так как каждая из сторон стремилась свалить вину за него друг на друга.

Сторону Бантыша принял также и приехавший в губернию иркутский генерал-губернатор Князев. 2 мая он телеграфировал Манухину целый ряд нарушений законов со стороны Эльзото, указывая, что оно является виновником забастовки. И Белозеров в своем докладе от 5 мая в Петербургское правление Эльзото писал: «Вообще и генерал-губернатор и губернатор ведут себя по отношению Ленского товарищества довольно странно и, повидимому, непременно желают найти его виновным в забастовке рабочих».

ДВЕ ТАКТИКИ СРЫВА ЗАБАСТОВКИ.

Из предыдущего мы видели, что центральные власти во время забастовки стали на сторону Эльзото и являлись послушным орудием последнего. Мы видели также, что несколько иную позицию заняли губернские власти во главе с Князевым, Бантышем и подчиненными им чиновниками (Горнозаводское присутствие, Тульчинский, Майш и др.). Однако было бы грубой ошибкой думать, что Бантыш и губернские власти действовали под влиянием сочувствия к рабочим в их неравной борьбе.

Внутренним мотивом их конфликта с администрацией Эльзото была обыкновенная административная осторожность, боязнь громких событий и волнений. Бантыш с Тульчинским не менее энергично работали по предательству забастовавших рабочих. И в этом смысле отделяло их от

---

[1]) См. материалы, № 74.

Эльзото не разное отношение к рабочим, а разные методы по срыву их стачки.

Белозеров—Макаров были сторонниками решительного срыва стачки при помощи кровопролития, Бантыш—Тульчинский стремились сорвать ее более «культурными способами». Уговоры, ложные обещания, подкуп вождей забастовки[1]), аресты, дезорганизующие движение,—были их методы.

И те и другие приемы одинаково имели целью сорвать стачку и оставить рабочих в старых условиях рабства и нищеты.

10—12 марта Бантыш телеграфировал исправнику Галкину передать дознание о стачечном комитете мировому судье и предложить рабочим от имени губернатора стать на работу.

21 марта Теппан и Иванов послали Бантышу телеграмму, где они жаловались на нерешительность в арестах исправника Галкина. В этот же день Бантыш послал Галкину телеграмму, в которой писал: «Если подтвердятся телеграммы Теппана и Иванова, я предам вас суду за бездействие власти и за упорное неисполнение моих распоряжений... Начальнику Бодайбинского гарнизона сегодня телеграфно штабом будут даны соответствующие инструкции оказания вам содействия, почему вы имеете в точности исполнять требования следователя относительно обысков и арестов...»

Обыски и аресты—это был один из методов борьбы Бантыша против рабочих. Второй способ срыва заключался в замене бастующих штрейкбрехерами. Так, 4 апреля Бантыш телеграфирует Макарову, что по его распоряжению на Феодосиевском прииске под охраной солдат вновь нанятыми рабочими, около 100 человек, начаты работы. «Это,—пишет Бантыш,—послужило началу, правда, нерешительному, возобновления работ некоторых мастерских... Предложил надзору в порядке постепенности всемерно культивировать вышеуказанную меру...»

---

[1]) Тульчинский в вечер своих переговоров с рабочими 24 марта (см. ниже) велел подать для рабочих коней и выборные были развезены по своим приискам на конях администрации.

Третий способ срыва стачки по методу Бантыша заключался в уговорах и обещаниях. Орудием, должным испробовать этот способ, был Тульчинский. В своем докладе Манухину последний писал [1]), что при проезде через Иркутск, он «получил 11—12 марта от Бантыша вполне определенные указания», по которым Тульчинский «обязывался приложить все усилия к тому, чтобы привести к миролюбивому, путем взаимных уступок, соглашению» администрацию приисков и рабочих.

Одновременно с Тульчинским был послан на прииски и жандармский ротмистр Трещенков. Бантыш, видимо, как и Эльзото находил, что исправник Галкин не годится для решительных действий и охотно согласился на предложение Познанского [2]) послать с особыми широкими полномочиями Трещенкова.

Кому принадлежит инициатива посылки Трещенкова, выяснить трудно. Надо полагать, что равно обоим. Мотивы посылки были также одинаковы. Познанский 15 марта телеграфировал директору департамента полиции [3]): «Принимая во внимание неблагоприятные сведения об исправнике Галкине, далеко не гарантирующие в данном случае проявления решительности и настойчивости,—по совместному мной обсуждению вопроса с иркутским губернатором и прокурором судебной палаты, в Бодайбо командирован помощник мой, ротмистр Трещенков, с двумя унтер-офицерами и товарищем прокурора иркутского окружного суда (Преображенским)... я счел необходимым выговорить у губернатора особые полномочия ротмистру Трещенкову для возможно широкого и энергичного воздействия к прекращению забастовки...»

Этим же мотивом—нерешительностью Галкина—об'ясняет и Бантыш назначение им Трещенкова начальником полиции Витимского и Олекминского районов. В телеграмме от 21 марта в департамент полиции он срочно ходатайствует об утверждении этого назначения, при чем об'ясняет его «оценкою способностей и характера местных исправников...»

---

[1]) Докл. Тульчинского сен. Манухину, стр. 36. Григорьев и Шапирштейн. „Ленск. 9 янв.—4 апр. 1912 года". Прилож. № 11.

[2]) Начальник иркутского жандармского управления.

[3]) См. материалы, № 80.

Предписание, которым снабдил Бантыш Трещенкова, гласило, что последний едет по секретному делу, все полицейские чины обязаны оказывать ему полное содействие, а Галкин обязан в случае требования Трещенкова предоставить ему «наличное число чинов полиции и находящихся в его распоряжении воинских чинов». Кончалось предписание следующим заявлением Бантыша: «Лично мною ротмистру Трещенкову предоставляется право по соглашению с окружным инженером Тульчинским принятия той или другой административной меры в зависимости от данного момента в отношении лиц политически неблагонадежных...»

Между прочим, давая широкие полномочия Трещенкову, Бантыш хорошо знал, зачем едет Трещенков. В своем докладе иркутскому генерал-губернатору он писал[1]): «Трещенков ехал с определенной целью сорвать забастовку...»

Однако, видимо он несколько побаивался чрезмерной энергии «ретивого» ротмистра и поэтому в помощь Трещенкову он отправил окружного инженера Тульчинского. Оба «героя» Ленских событий выехали вместе из Иркутска 13 марта и приехали в Бодайбо 22 марта.

Роль Тульчинского во время забастовки была чрезвычайно двойственной и по отношению рабочих предательской. До забастовки, как окружный инженер, который должен был смотреть за исполнением законов об охране труда, он не проявил большого геройства. Наоборот, он смотрел сквозь пальцы на безобразия, которые творило Эльзото.

Но среди полного холопства, которым были проникнуты правительственные чиновники на приисках, он все же являлся некоторым исключением.

Так, в отчете за 1910 год в Горный департамент он осмелился в очень сдержанных выражениях упомянуть о технических недочетах на приисках, о том, что каждый год администрация остается должной рабочим крупную сумму, и что Эльзото незаконно заставляет рабочих работать в праздники. По его же настоянию в 1911 году иркутское горнозаводское присутствие заставило Эльзото уплатить полностью рабочим задолженную заработную плату и обязало впредь ее не задерживать.

---

[1]) Доклад Бантыша ген.-губернатору от 5 мая 1912 года.

Терпеть какую бы то ни было критику своих действий Эльзото не желало и в отместку за этот отчет нажаловалось на Тульчинского в министерство. В результате в высших правительственных кругах Тульчинский пользовался репутацией человека не совсем удобного, но его терпели, так как он давал видимость хотя некоторой независимости горного надзора.

Однако, чтоб умерить его пыл, министр торговли и промышленности сделал ему тогда же строгий выговор, где говорил, что в своем отчете он игнорировал «интересы предприятия, подрывая престиж и дисциплину в дальней тайге».

Таким образом, Тульчинский чуть не испортил себе карьеру. На первом совещании с выборными от рабочих по его приезде на прииски, он по секрету говорил: «что уже себя считал побежденным Белозеровым и компанией. Его от'езд в Петербург был вызван интригами Лензото, на что он должен был дать лично отпор» [1]).

Как он давал отпор Белозерову в Петербурге, видно из письма Гинцбурга к лорду Гарису, где описывается обед в честь Белозерова, данный Эльзото за неделю до стачки. Гинцбург пишет: «Тульчинский в тосте, произнесенном за здоровье Белозерова, пространно указывал на умелый и гуманный образ действий Белозерова по отношению рабочих»... [2])

После этого укрепления в Петербурге своего служебного положения Тульчинский с Трещенковым и явился на прииски.

Рабочие, знавшие, что у Тульчинского был из-за них конфликт с администрацией, думали, что он встанет на их сторону. Поэтому на Васильевскую станцию к его приезду вышла толпа забастовавших рабочих. Тульчинский поздоровался с рабочими и тотчас принялся за свою миссию уговоров. «Печалился, что он встречает рабочих праздными, а не на обычных работах. Просил ради таких великих дней страдания за нас богочеловека (это было за два дня до пасхи—*В. В.*) всесторонне обдумать вопрос и на 4-й день св. пасхи выступить всем на работу» [3]). Вместе с тем он пред-

---

[1]) Воспоминания Думпе, стр. 97.

[2]) Моск. эконом. секция дела правления Л. З. Т. за 1912 г.

[3]) Правда о Ленских событиях, изд. 1912 г., стр. 142, 143.

ложил выборным собраться у него на квартире 24 марта для обсуждения создавшегося положения.

До переговоров с рабочими Тульчинский созвал 23 марта совещание из администрации приисков, полиции и Трещенкова [1]) для обсуждения мер к скорейшей ликвидации забастовки. На совещании Теппан и Савинов отказались от каких-либо дальнейших уступок рабочим. «По вопросу о готовности со стороны Ленского товарищества вести работы, если окружному инженеру Тульчинскому удастся убедить рабочих Ленского товарищества встать на работы на 4-й день св. пасхи,—гласит протокол совещания — представитель Ленского товарищества и. д. главноуправляющего промысла А. Г. Теппан заявил, что Ленское т-во согласно начать производство работ на приисках при условии самого позднего начатия работ, именно 1-го апреля...[2]).

«В случае неудачного мирного окончательного убеждения рабочих стать на работы со стороны окружного инженера К. Н. Тульчинского», решено было созвать второе совещание на другой день пасхи.

24 марта на квартире Тульчинского состоялось его совещание с выборными. На нем присутствовало 60 выборных мужчин и женщин. «Взявши на себя председательство, Тульчинский говорил все время сам, рассказал всю свою биографию, вплоть до того, что жена его живет в Петербурге... заявил, что забастовка произошла оттого, что его не было»... Рассказал, что Иркутское горнозаводское присутствие признало, что договор первоначально был нарушен Эльзото, но просил это сохранить в тайне и «не давать сведения об этом совещании в газету ранее, чем через два года. В заключение просил встать на работу...» [3]).

По воспоминаниям Бавыкина Тульчинский говорил: «Я бы рад для вас, господа, сделать все, что можно, но ви-

---

[1]) На совещании присутствовали: Тульчинский, бывший председателем, окр. инж. Александров, испр. Галкин, Трещенков, начальн. местной команды Лепин, мировой судья Рейн, Теппан и Савинов.

[2]) Григорьев и Шапирштейн. „Ленское 9 января—4 апреля 1912 г.", приложение № 17.

[3]) В кавычках цитируются слова участников совещания. Правда о Ленских событиях, изд. 1913 г. Стр. 153.

дите, вот телеграмма,—что она говорит? Она говорит о не обходимости поддерживать производство, а не нажимать на него... Если вы любите и уважаете меня, то должны встать на работу, иначе меня отсюда уберут...»

Мы не будем приводить выписок из воспоминаний других участников совещания о приемах уговаривания Тульчинского, скажем только, что на некоторых выборных эти уговоры произвели большое впечатление.

Так, Думпе пишет: «Я на своем веку много слышал первоклассных ораторов, но такого впечатления не производил на меня еще никто. Может быть, тут играло роль и то положение, в каком мы в данное время находились. Это влияние его речи я наблюдал и на всех остальных. С его словами, с его доводами можно было и не согласиться, но музыка его речи увлекала, гипнотизировала нас всех» [1]).

Тульчинский в своих уговорах не обещал никаких новых уступок со стороны Эльзото, но он говорил, что если рабочие станут на работу, то он обещается настоять на действительном проведении на приисках всех об'явленных уступок. Последние, как мы писали выше, сводились к согласию со стороны Эльзото исполнять законы и постановления горного департамента. И обещание Тульчинского присмотреть за их проведением сводилось к обещанию исполнять впредь добросовестно свои обязанности по службе.

После переговоров Тульчинский удалился, и выборные тайным голосованием против 13 решили выйти на работу. Какие мотивы ими руководили, видно из воспоминаний Думпе. Он пишет: «Наше положение было из рук вон плохо. С одной стороны Трещенков, Преображенский, солдаты и прочее... с другой стороны—выход на работу только благодаря обещаниям Тульчинского.

«Большинство склонилось за выход на работу, принимая во внимание, что если не будут выполнены наши требования, то мы можем через месяц или больше забастовать снова. Выходя на работы, мы могли убить двух зайцев, во-первых: так как рабочие стали на работу, то Трещенков и другие должны будут удалиться, ибо ничего не останется

---

[1]) Воспоминания Думпе, стр. 97.

усмирять; во-вторых, мы могли проверить, насколько искренни намерения правительства в лице Тульчинского улучшить быт рабочих...» [1]).

13 выборных, которые были против выхода на работу «открыто заявляли, что они не подчинятся большинству. Ими руководил некий Быков. Они ставили вопрос ребром: или исполнять требования сейчас же, или продолжать бастовать» [2]).

Кончилось совещание следующей православной идиллией: «Выборные вышли с ударом колокола к пасхальной заутрене. Тульчинский пошел в церковь и предложил нам пойти. Кто шел в церковь, кто не шел» [3]).

Таким образом, мы видим, что выборные вместе с Думпе испугались ответственности своего положения и охотно пошли на увещания окружного инженера.

Если бы рабочая масса послушалась их, то забастовка была бы сорвана. Но классовое чутье, руководившее забастовавшей 8-тысячной массой, оказалось достаточно сильным и удержало рабочих от ложного шага.

Напрасно Тульчинский и некоторые выборные выбивались из сил, чтобы уговорить рабочих выйти на работу. «Прошу доложить господину министру,—телеграфировал Тульчинский 30 марта горному департаменту,—что последние четыре дня все мои напряженные усилия были направлены убедить рабочих стать на работу».

Такого впечатления, как на панически настроенных выборных, эти уговоры Тульчинского на рабочих не произвели. И тот же Думпе пишет: «Я не могу себе до сих пор об‘яснить, почему его (Тульчинского) речь на массы действовала так слабо, неубедительно».

В результате, на 4-й день пасхи начало работать лишь незначительное меньшинство квалифицированных рабочих в мастерских. Шахтеры на работу не пошли, и центральное бюро для сохранения дисциплины было вынуждено об‘явить, что забастовка продолжается.

Убеждения же со стороны некоторых выборных стать на работу имели своим последствием то, что среди рабо-

---

[1]) Воспоминания Думпе, стр. 98.

[2]) Там же.

[3]) Правда о Ленских событиях, стр. 153.

чих начали ходить слухи о том, будто выборные подкуплены приисковой администрацией. Администрация всячески поддерживала этот слух, чтобы дезорганизовать стачку. В своих показаниях на допросе Павел Баташев пишет: «Инженер Бук распространял слух, что выборные получили с Ленского товарищества сорок тысяч рублей и теперь не смеют разговаривать с товариществом, а скоро уедут, а вас, рабочих, будут выдворять с приисков с конвоем...»

Тульчинский, отчаявшийся в своих приемах, 29 марта вывесил ультимативное об'явление, где предлагал рабочим приступить к работе 30 марта. В случае их невыхода он сообщил, что под охраной войск начнуть работать штрейкбрехеры. В то же время 2 апреля он телеграфировал Бантышу: «Обходил совместно с Трещенковым казармы Андреевского и Прокопьевского (управлений). Замечается постепенный внутренний разлад среди бастующих. Арестование некоторых, оказывающих вредное влияние, представляется желательным». И в добавление к этой телеграмме 3 апреля он телеграфирует Бантышу [1]): «Полагал бы необходимым устранение возможных в будущем осложнений немедленную высылку сюда сотни казаков». Такова была деятельность Тульчинского на забастовавших приисках до расстрела рабочих.

Несколько другой тактики держался приехавший одновременно с ним на прииска жандармский ротмистр Трещенков. Будучи в большей служебной зависимости от департамента полиции, чем от Бантыша, он в своем поведении всецело отражал настроения Петербургских правительственных кругов. Поэтому он явился как бы на службу к администрации приисков и к ее услугам. У Теппана он с первых же дней прибытия даже столовался.

Его отношение к рабочим с момента его появления на приисках было чрезвычайно наглым и вызывающим. Баташев об этом писал: «Приехал Трещенков с полномочиями начальника полиции. Наши выборные пытались переговорить с ротмистром о наших нуждах, последний затопал ногами и с площадной бранью их выгнал...» [2]).

---

[1]) Григорьев и Шапирштейн „Ленск. 9 янв.—4 апр. 1912 г.“, приложение № 28.

[2]) См. телеграмму Баташева о расстреле рабочих, посланную им Полетаеву. Правда о Ленских событиях, изд. 1913 г.

Очевидно, при от‘езде из Иркутска Трещенков получил определенные указания от Познанского сорвать стачку кровопусканием. Для придания этому вида «законности» в помощь ему был командирован, тоже с соответственными инструкциями, товарищ прокурора иркутского окружного суда Преображенский. В телеграмме, посланной вслед Трещенкову, Познанский телеграфировал, чтобы до прибытия Преображенского, он «никаких активных мер не принимал»

Разговоры о расстреле в связи с прибытием Трещенкова открыто велись на приисках. Теппан в присутствии исправника Галкина говорил, что «для такого мирового дела (Эльзото) можно бы перестрелять человек 20—30...» [1]) А в больнице, видимо, по приказанию администрации, готовили к приезду Трещенкова перевязочные средства. Рейн (местный мировой судья) пишет в своих показаниях: «20 марта, в бытность мою и г. Хитуна [2]) на Надеждинском прииске, он, шутя, сказал: а у нас доктора вчера уже перевязочные средства заготовляли» [3]).

Тотчас по приезде, Трещенков 25 марта телеграфировал Познанскому: «Настоятельно нахожу необходимым арестовать агитаторов, стачечный комитет, бастующих ссыльных, кои мною выяснены в числе семнадцати человек, хотя бы для этого пришлось прибегнуть к оружию... Есть основание предполагать, что с арестом забастовка будет сорвана...»

Но ретивость администрации приисков и Трещенкова была опять умерена иркутским губернатором. 28 марта он телеграфировал Трещенкову: «Аресты по постановлению судьи отложите окончания переговоров Тульчинского. Указываю вашей обязанности лежит охранение порядка, предупреждение беспорядков, не вмешивайтесь договорные несогласия рабочих Эльзото...»

Тогда Эльзото решает действовать помимо Бантыша,— оно обращается с просьбой об аресте непосредственно в Петербург. Золотарев 30 марта телеграфирует Макарову: «Из полученных от иркутского губернатора и начальника жандармского управления сведений видно, что

---

[1]) См. материалы, № 27.

[2]) Местный мировой судья.

[3]) См. материалы № 27.

забастовкой руководит стачечный комитет, немедленная ликвидация которого, по мнению ротмистра Трещенкова, сорвет забастовку. Губернатор, видимо, опасается этой меры, оттягивает ее... Предполагаю поручить начальнику управления непосредственно дать ротмистру Трещенкову директивы ликвидации стачечного комитета».

Макаров на завтра же послал согласие на эту меру. Не дожидаясь этого согласия, Золотарев через департамент полиции 30-го же марта послал телеграмму Познанскому, на посылку которой спрашивал у Макарова разрешения. Он предписывал Познанскому арестовать непосредственно через Трещенкова стачечный комитет.

Познанского не было в Иркутске, и арест стачечного комитета задержался еще на два дня, возможно, что не без влияния Бантыша. 2 апреля Познанский пересылает телеграмму директора департамента с предписанием об аресте Трещенкову, при чем добавляет: «Телеграмма эта должна быть известна только вам, на нее нигде не ссылайтесь». И в тот же день Бантыш посылает также телеграмму Трещенкову, где разрешает произвести арест стачечного комитета, если эта мера «будет содействовать мирному улажению конфликта».

Между тем Эльзото продолжало одновременно свои попытки вызвать открытое выступление рабочих, чтоб дать повод для расстрела.

Так, 2 апреля на Александровском прииске рабочими был установлен привоз из амбара в кухню для выдачи рабочим около 26 пудов гнилого мяса. Это взволновало рабочих, и 3 апреля к казачьей собралось до 1000 чел. рабочих, требующих составления акта о гнилом мясе [1]. «Тут откуда-то явился Трещенков и с криками: «Расходитесь, сволочи!» бросился на рабочих. Он был один, и рабочие его не испугались... Несколько голосов крикнули: «Сам сволочь!»—и после того вся толпа закричала «тю», т.-е. затютюкала».

«В своей бессильной злобе он бросился к телефону и вызвал с Надеждинского Народного дома солдат. Там по

---

[1]) Далее все взятое в кавычки является выпиской из воспоминаний Думпе, стр. 101—102.

приезде Трещенкова были устроены казармы, чтобы солдаты были под рукой, когда придет возможность «погреть руки»..

«Выборные Александровского прииска смекнули, в чем дело, и в виду того, что рабочие были возмущены наглостью Трещенкова и не слушались, бросились также к телефону, вызвали нас. Я с Баташевым бросились самой близкой и прямой дорогой на Александровский, где успели еще вовремя. Так как Баташев был самый популярный человек для толпы, то его сразу послушались. Он крикнул, чтобы немедленно рабочие очистили площадь и уходили в бараки.. Когда последние рабочие покинули площадь, со стороны железной дороги выходили солдаты...»

Волнения по поводу мяса кончились 3 апреля уговорами Тульчинского, который ходил по баракам и обещал создать комиссию для осмотра провизии. При этом Тульчинский, памятуя о посланной им Бантышу телеграмме с предложением арестовать выборных, побоялся итти один и ходил в сопровождении Трещенкова и целого наряда стражников. Рабочие, среди которых, видимо, уже ходили слухи о предательстве Тульчинского, встречали его сухо и даже позволяли, по его словам, грубости, несмотря на то доверие, которым он якобы пользовался у них раньше [1]).

Между тем слухи о готовящемся аресте стачечного комитета уже носились среди рабочих. Чтобы выручить своих товарищей из беды, каждый из них поодиночке писал заявление, где говорилось, что податель прошения сам «прекратил работу» вследствие нарушения договора Эльзото и что «среди рабочих подстрекателей не было».

И вот, в ночь на 4 апреля был произведен арест стачечного комитета рабочих. Руководили арестом мировой судья Хитун, товарищ прокурора Преображенский и Трещенков. Были арестованы: Мимоглядов Е. Я., Соболев А. А., Думпе Э. Ю., Розенберг И. С., Соломин И. С., Соломин Т. М., Герасименко А. Е., Будевиц И. И., Марцинковский Р. И. Журавов-Иванов Д. В., Вязовов В. В., из них четыре первых—политические ссыльно-поселенцы [2]).

---

[1]) См. доклад Тульчинского сенатору Манухину. Григорьев и Шапирштейн. „Ленск. 9 янв.—4 апр. 1912 г." Приложение № 11, стр. 54.

[2]) О подробностях ареста см. приложения №№ 27, 28.

РАССТРЕЛ.

Известие об аресте выборных подняло на ноги все прииски. Везде, куда дошли слухи об арестах, состоялись собрания рабочих, на которых они выражали свое негодование. Кроме того, тут же обсуждался вопрос о недостаточности пайка семейным рабочим и необходимости потребовать выдачи всех заработанных денег.

Около 5 часов утра рабочие Андреевского, Васильевского и Утесистого приисков толпою больше 1.000 человек уже пришли к квартире Тульчинского и потребовали освобождения выборных. По словам Тульчинского [1], они выговаривали ему, что будто бы он «способствовал аресту своими указаниями их выборных, так как эти выборные были у меня».

Тульчинский обещал послать губернатору телеграмму с просьбой освободить выборных. Опять уговаривал рабочих стать на работу и с трудом в течение часа убедил их разойтись пока по домам, пообещав им дать ответ в 2 часа дня на Надеждинском прииске. Обещанную телеграмму Тульчинский, действительно, послал Бантышу. В ней он писал, что, если арестованные не будут освобождены, то, в виду малого количества солдат, положение будет «угрожающим».

Возвращаясь от Тульчинского, рабочие решили пойти в этот же день на Надеждинский прииск и подать Преображенскому личные заявления от каждого рабочего с требованием освободить выборных.

А Тульчинский поехал на Надеждинский прииск. В это время, около 9 часов утра, почти все Александровские рабочие пошли к конторе на Липаевский прииск, чтобы просить начальника 2-й дистанции Савинова об освобождении выборных, об увеличении пайка семейным и о выдаче заработанных денег. По дороге они встретили Тульчинского. Очевидно, и среди этих рабочих уже распространилась весть о двойственной роли Тульчинского. По его словам: «Рабочие эти остановили меня и, держась в отношении меня вызывающе, требовали немедленного освобождения арестованных...» [2]) Тульчинский отделался от них уговорами

---

[1]) Доклад Тульчинского сен. Манухину, Григорьев и Шапирштейн. „Ленск. 9 янв.—4 апр. 1912 г.“, приложение № 11, стр. 58.

[2]) Доклад Тульчинского сен. Ман., стр. 60.

и поехал дальше на Надеждинский прииск, а они пошли дальше на Липаевский прииск. Здесь Савинов обещал им увеличить паек и выдать заработанные деньги; тогда они вернулись домой.

На Феодосиевском прииске в восьмом часу утра собралась толпа рабочих до 2.000 близ конторы, обсуждая положение. Трещенков выставил против нее имевшуюся команду на расстоянии 1.000 шагов и вызвал по телефону из Бодайбо на Надеждинский прииск штабс-капитана Лепина с солдатами. Последние сопровождали в Бодайбо арестованных ночью выборных и не успели вернуться.

На помощь к Трещенкову приехали вызванные им Преображенский и Хитун. По их предложению служащим, живущим на прииске, было приказано выехать с него вместе с семьями, что и было исполнено. Но еще до приезда остальных солдат на прииск приехал с Надеждинского прииска вызванный рабочими Тульчинский.

По просьбе Тульчинского солдаты были временно убраны в помещение, а Тульчинский подошел к рабочим. «На мое приветствие и обнажение при этом головы от фуражки,—пишет Тульчинский [1]),—рабочие ответили молчанием, а затем начали говорить некоторые из рабочих, обвиняя меня в том, что я выдал следователю выборных и указал, кого нужно арестовать...» Толпа требовала освобождения выборных и немедленного полного расчета.

Уговорами и обещаниями Тульчинский успокоил рабочих, и они разошлись. Таким образом, расстрел здесь Трещенкову не удался.

Между тем, рабочие Андреевского прииска решили итти на Надеждинский прииск и подать каждый лично записку Преображенскому с требованием освободить арестованных и заявлением, что подстрекателей к забастовке среди рабочих не было, и каждый из них бастовал по собственному желанию. Но андреевцы не пошли одни, по дороге к ним присоединились рабочие Васильевских приисков, потом Пророко-Ильинских и, наконец, рабочие Александровского прииска. Всего образовалась толпа рабочих численностью до 3.000 человек.

---

[1]) Доклад Тульчинского сен. Манухину.

Перед выходом с Александровского прииска рабочие-выборные об'ясняли толпе необходимость шествия тем, что, если заявление подадут выборные, то их арестуют. Поэтому те рабочие, которые хотят просить об увеличении пайка и об освобождении арестованных, должны были это сделать «всем народом». При этом зачитывался текст заявлений на имя Преображенского и Тульчинского.

Дорога, по которой двинулись на Надеждинский прииск, шла между глубокими сугробами, и шествие растянулось на 200 саж., так как шли не более как по 5—6 человек в ряд. Ко времени подхода их к Надеждинскому прииску, туда уже приехала команда под начальством штабс-капитана Лепина, вызванная Трещенковым из Бодайбо. Вместе с той командой, которая была у Санжеренко в Народном доме, образовался отряд из 92 солдат. Командовал этим отрядом Лепин.

К моменту появления рабочих на дороге и после совещания между Трещенковым, Хитуном и Преображенским, команду вывели из Народнаго дома и поставили поперек тракта, по которому должны были двигаться рабочие. После расстановки команды ротмистр Трещенков, Тульчинский, Преображенский, Хитун, Лепин и Санжаренко стали с правой стороны команды.

Когда передние ряды шествия были на расстоянии 150 сажен и их еще отделяла от солдат река Аканак [1]), Терещенков послал к ним стражника Китова, чтоб он передал им приказание свернуть на нижнюю дорогу. Вслед за Китовым к толпе побежал и Тульчинский, боясь, что стражника толпа не послушает.

Когда передние ряды окружили Тульчинского, а часть рабочих, усевшись на штабеля лежащего леса, начала закуривать папироски, раздался первый залп в рабочих. Толпа полегла. После первого залпа она соскочила и бросилась врассыпную. Но ей тотчас пришлось лечь снова, так как солдаты открыли по рабочим непрерывный огонь.

По показанию стражников, Трещенков, прежде, чем приказать Лепину открыть стрельбу, подошел посоветоваться

---

[1]) Занесенная в то время около 2 сажен снегом, с крутыми берегами и с узким через нее мостом. Во время расстрела никто из рабочих не успел вступить на этот мостик.

к Преображенскому. «Это обстоятельство указывает на то, что, очевидно, стрельба была санкционирована» (Преображенским)—телеграфировал чиновник Майш губернатору [1]).

«А шт.-капитан Санжеренко,—по словам Преображенского [2]),—обходя сзади солдат, грозил пристрелить того, кто будет плохо целить».

По официальным данным [3]), от стрельбы пострадало 372 человека. Из них умерло 170, а остальные 202 получили тяжелые раны. Цифра умерших здесь взята из метрической записи местного священника, к которым присоединено 7 магометан. Цифра раненых взята из сообщения администрации приисков. На вопрос Майша: «верна ли метрическая запись?»—местный священник ответил, что он отпевал согласно поданному ему полицией списку, хоронили же в братских могилах, и он не считал».

В летописи, которую вел священник Благовещенской церкви, записано: «На месте (после расстрела) оказалось 199 чел., раненых было около 350, из которых в первые три дня скончалось около 100 человек» [4]).

В беседе с Тульчинским Трещенков сообщал ему доверительно сведения о числе убитых и раненых, согласно донесениям урядников. В общем итоге: убитых 205, раненых 230» [5]).

Между прочим, «Терещенков хвастался, что он находился в строю 9 января при растреле рабочих, и что тогда несколько сот убитых не было показано. На это последнее обстоятельство», по словам Рейна, «он ссылался, когда при следствии о 4 апреле получились сведения о превышении числа погребенных над числом отпетых по списку, сообщенному полицией священнику» [6]).

Что цифра, исходящая из официальных данных, была уменьшена, косвенно подтверждает и то, что Преображенский и Трещенков приняли самые энергичные меры, чтоб не допустить к вырытию и осмотру трупов. Тотчас после

---

[1]) См. материалы, № 60.
[2]) См. № 27.
[3]) См. доклад Манухина.
[4]) Правда о Лен. событиях, изд. 1924 г., стр. 152.
[5]) См. материалы, № 57.
[6]) Т о ж е, № 27.

расстрела иркутская прокуратура по инициативе Преображенского и Трещенкова возбудило дело «о скопище рабочих, учинивших на Надеждинском прииске Ленского золотопромышленного товарищества нападение на войско» [1]).

В связи с этим были осмотрены раненые рабочие, и оказалось, что из 200 раненых 117 были ранены в лежачем положении, 69 получили раны сзади и только 14 человек— спереди. Мировой судья Рейн, которому было поручено произвести следствие на месте, вынес постановление и об осмотре трупов. Но Преображенский и Трещенков категорически воспротивились этому. Напрасно Рейн уверял их [2]), «что на основании осмотра раненых выходит, что на войска нападали задом», и осмотр трупов или дела не изменит, или, наоборот, «может реабилитировать честь команды».

Преображенского поддержал прокурор иркутской судебной палаты Нимандер, и осмотр трупов не был произведен.

Наиболее достоверным числом убитых и раненых надо считать цифру, указанную Баташевым в телеграмме от 6 апреля члену Гос. Думы депутату Полетаеву. Он телеграфировал, что убитых было 270 и раненых 250. Ссылка на 500 человек пострадавших имеется и в ряде позднейших заявлений рабочих.

Положение раненых рабочих было страшно тяжкое. Полиция не допускала к ним родных и товарищей, а сваливала их на сани и развозила в больницы до 12 часов ночи.

Больница на Феодосиевском прииске, которая обслуживала и Надеждинские прииски, была построена лишь на 53 койки, поэтому рабочих развозили за несколько десятков верст в разные больницы без предварительной перевязки. В больницах их вповалку бросали на пол, где они лежали и на другой день без всякого присмотра.

Священник, вызванный для причащения умирающих, так описывает то, что творилось в больницах: «Войдя в пер-

---

[1]) 19 января 1913 г. м-р юстиции Щегловитов телеграфировал по поводу этого дела, прокурору иркутск. судебной палаты: «Ввиду очевидной безнадежности дополнительных следствий по делам о забастовочном к-те среди ленских рабочих и действий толпы этих рабочих, благоволите изыскать способ направления обоих дел к прекращению их».

[2]) См. материалы, № 60.

вую палату, я увидел поразительную картину: кругом на полу и на кроватях лежали в беспорядочном виде груды раненых рабочих. Пол покрыт кровью, кое-где видны клочки сена, служившие постелью раненым, перевязки, сделанные, вероятно, с вечера, потерявшие свой вид до неузнаемости, у некоторых были заменены собственной материей из одежды... Ползая на коленях по лужам крови с усилием... окончив исповедь, приступил к приобщению, употребив до 150 частиц...» [1]).

Поведение Трещенкова после расстрела в отношении рабочих отличалось чрезвычайной наглостью. Он раз'езжал по казармам, ругал рабочих площадной бранью, угрожал им, что «если они через два дня не выйдут на работу, то он приедет с солдатами и будет расстреливать их в казармах, не щадя ни женщин, ни детей» [2]).

В губернию он послал, как и Преображенский с Теппаном, лживые телеграммы, где писал что рабочие шли громить войска, вооруженные кольями и кирпичами. В качестве вещественных доказательств «нападения на войско», он велел стражникам подобрать палки и жерди, лежавшие по дороге следования рабочих.

Всего было подобрано 12 жердей, 9 обломков кирпичей, 2 полена, 14 палок—частью гнилых, обломков сгнившей ветки и т. п. [3]).

Вот с этими «вещественными» доказательствами и думала выступить иркутская прокуратура, обвинявшая рабочих в «нападении на войска».

Департамент полиции остался доволен расстрелом. Приехавший 23 мая вместе с ген.-губернатором на прииски из центра жандармский ротмистр передал Трещенкову, что «департамент полиции его действиями очень доволен, благодарит и просит ничем не смущаться» [4]).

Довольно осталось и Эльзото. Вскоре после приезда ревизии Манухина в газетах появилось сообщение, что

[1]) Правда о Ленских событиях. Изд. 1913 г.

[2]) Показание А. П. Ельшина, служащего на Пророко-Ильинском прииске.

[3]) См. доклад Манухина.

[4]) См. материалы, № 65.

в делопроизводстве Белозерова обнаружена была выдача Трещенкову 2.400 рублей единовременно и по 15 рублей суточных с 4 апреля.

На запрос департамента полиции, правда ли это, начальник иркутского жандармского управления Васильев (сменивший Познанского) принужден был ответить, что «надняx губернатор говорил мне лично, будто бы действительно компрометирующие ротмистра Трещенкова записи найдены в книгах Белозерова».

Что у Трещенкова появились после расстрела большие деньги, свидетельствует также и то, что за два месяца,—апрель, май,—он одних личных переводов (жене и т. п.) сделал на сумму 795 рублей [1]).

На крови рабочих нажились и некоторые из расстреливавших их солдат. В результате мародерства трупов убитых рабочих, а вероятно и получения «награды» от Эльзото, в ближайшие дни после расстрела солдаты сдавали для перевода домой по 100 и по 400 рублей [2]).

Любопытно остановиться также и на поведении Бантыша после расстрела. 4 апреля, после ночных арестов, он телеграфировал Трещенкову: «По из'ятии стачечного комитета учтите появившийся раскол между бастующими, впечатление, вызванное этой мерой, и при благоприятных результатах арестуйте немедленно всех остальных, подлежащих заключению под стражу по требованию следственных властей».

После расстрела, 7 апреля, он опять телеграфирует: «Вне зависимости от оценки ваших действий в печальном событии 4 апреля, казалось бы, настроением совершившегося надо воспользоваться и арестовать, согласно ранее преподанных вам указаний, всех лиц, подлежащих уголовной ответственности, конечно, по результатам следствия. Не ставлю вам этого на вид, но спрашиваю мотивы, послужившие вам к отсрочке моих указаний».

Под влиянием требований на этот раз уже Бантыша, Трещенков арестовал еще 10 рабочих. Всего были арестованы следующие 20 человек: Мимоглядов Ефим (39 лет), Самойлов Тимофей (27 лет), Журавов-Иванов (25 лет), Вязо-

---

1) См. материалы, № 90.

2) Там же № 91.

вой Вениамин (29 лет), Корнеев-Иванов (31 года), Беспальченко Афанасий (34 лет), Подзахотников Петр (27 лет), Романов Иван (27 лет), Зборенко Степан (33 лет), Нестеренко Владимир (23 лет), Быков Александр (29 лет), Герасименко Андрей (27 лет), Попов Иннокентий (30 лет), Будевиц Иоган (35 лет), Марцинковский Роман (43 лет), Баташев Павел (30 лет), Соболев Александр (26 лет), Думпе Эдуард (30 лет), Розенберг Индрик (36 лет), Зелионко Ромуальд (32 лет).

Среди арестованных было шестеро политических ссыльных, а остальные рабочие привлекались впервые.

Не менее двусмысленно, чем поведение Бантыша, было и поведение Тульчинского. Когда началась стрельба, Тульчинский был среди рабочих и лежал вместе с ними, но ранен он не был.

Надо полагать, что Трещенков умышленно приказал стрелять в тот момент, когда Тульчинский был в толпе рабочих,—заигрывание Тульчинского с рабочими вызвало у Трещенкова бешенство, так же, как и сдерживающая политика Бантыша и Князева.

В чиновничьей вражде, которая шла между тремя этими лицами и Эльзото, Трещенков, как я уже писала выше, был всецело на стороне последнего. Трещенков этого и не скрывал. Так, Рейн пишет в своих показаниях, что обедал как-то вместе с Трещенковым у Теппана, и «на вопрос хозяйки, что из себя представляет генерал-губернатор Князев, Трещенков позволил себе произнести циничное выражение, которое я считаю неудобным повторять на бумаге» [1]).

В день осмотра места расстрела Рейном, последний попросил Тульчинского стать на место, где он был во время стрельбы. Когда Тульчинский туда пошел, Трещенков «с улыбкой» обратился к Майшу и спросил: «Не вызвать ли для полной картины и команду и расставить ее, как было 4 апреля? На этот раз мы уже наверно не промахнемся! Санжаренко меня тоже об этом спрашивал» [2]).

В этом же разговоре Трещенков говорил, что «единственно чего не может простить себе,—это что не арестовал

---

[1]) См. материалы; № 27.

[2]) См. Т о ж е. № 60.

Тульчинского, так как он форменный провокатор в мундире, который своими разговорами развратил рабочих» [1]).

Однако, несмотря на эту «ведомственную» вражду, Тульчинский умудрился тотчас после расстрела послать в Горный департамент две прямо противоположные по содержанию телеграммы. В одной он писал, что толпа была враждебно настроена и вооружена камнями и кирпичами, а в другой, что толпа шла мирно и ничего у нее в руках не было. Такое противоречие Тульчинский об'яснял тем, что первую телеграмму он послал по настойчивому требованию Трещенкова. Но тогда остается удивляться его уступчивости перед Трещенковым, так как от него он был совершенно независим в служебном отношении.

Тульчинский говорит, что «он был охвачен чувством панического страха перед возможною местью рабочих [2]). И чувство это было настолько сильно, что заставило его провести ночь на 5 апреля под охраною воинской команды в Народном доме» [3]).

Однако своим невольным пребыванием под пулями Тульчинский реабилитировал себя в глазах рабочих и феодосиевцы, не зная об его последних телеграммах, подали ему 7 апреля заявление, где просили у него прощения и говорили, что нахождение его во время расстрела в толпе убедило их в его непричастности к арестованию их выборных.

КОНЕЦ ЛЕНСКОЙ ТРАГЕДИИ.

Не менее нагло, чем местные власти, держало себя после расстрела царское правительство.

В ответ на запросы в Государственной Думе 11 апреля по поводу Ленских событий Макаров с беззастенчивым цинизмом рассказывал, что расстрел произошел потому, что толпа рабочих, подстрекаемая агитаторами, напала на войска. Он так лгал, что договорился то того, что толпа якобы силой удержала Тульчинского в своих рядах и после первого залпа бросилась на солдат с криками «ура»... Далее, желая напугать к.-д. и октябристов, он заявил, что во главе стачечного комитета ленских рабочих стоял

---

[1]) Там же.

[2]) Курсив мой—*В. В.*

[3]) См. доклад Манухина.

бывший член Государственной Думы с.-д. Баташев, приговоренный ранее к каторге на 4 года [1]). И кончил свою речь заявлением о расстреле, что «так было и так будет впредь».

Вполне понятно, что 3-июньская Дума с бутафорскими выступлениями Некрасова и Уварова не вызывала у правительства ни малейшего беспокойства. Оно отлично понимало, что все эти рабочелюбивые, проникнутые лицемерным негодованием речи заправил думы являются лишь предвыборным кривляньям перед мелкой и средней буржуазией. 3-я Дума доживала последние месяцы своего законного срока существования, и им надо было подумать о наступающих выборах в 4-ю Государственную Думу.

Однако и правительству и всем его агентам на местах скоро пришлось трусливо прикусить язык и резко изменить фронт своего поведения. Неожиданно для них в ответ на стоны умирающих ленских рабочих раздалось могучее эхо негодования по всей пролетарской России.

Первым поднялся петербургский пролетариат, и политическим центром этого движения явилась «Звезда»,—первая и единственная большевистская газета, выходившая тогда легально после годов реакции.

8 апреля «Звезда» вышла в траурной кайме. «На Ленских приисках убито 270, ранено 250»—были ее первые строки. Передовица газеты начиналась так: «В мрачную историю русского рабочего движения, богатую невероятными образцами самого бессмысленного, изощренного насилия и беззакония, властной безответственной рукой вписана новая кровавая страница. Во славу капитала, для поддержания престижа власти расстреляли мирную толпу рабочих ленских золотых приисков... Трудно сдержать крик негодования перед грудой «невинно-убиенных» и искалеченных русских рабочих, вся вина которых в том, что они мирными, законными путями добивались сносного человеческого существования...»

В ответ на это известие уже 9 апреля в Петербурге начинаются по заводам и фабрикам однодневные стачки протеста. Движение развивается с необычайной силой и своего апогея достигает к 18 апреля, когда в однодневной

---

[1]) На самом деле Павел Баташев никогда в Ленинграде и не бывал.

стачке протеста даже по уменьшенным официальным данным принимало участие 53.534 рабочих [1]). Насколько эта цифра преуменьшена, видно из того, что «Звезда», тесно связанная с фабриками, писала тогда же, что 18 апреля в Петербурге бастовало свыше 100.000 рабочих.

По тем же официальным данным, в стачке протеста по поводу Ленских событий с 14 по 19 апреля включительно принимало участие в Петербурге 99.200 рабочих. В эту явно преуменьшенную цифру не входят рабочие, бастовавшие до 14 апреля и с 20 апреля.

Начинались и протекали стачки так: рабочие на общем собрании выносили резолюции протеста по поводу Ленского расстрела. Затем об'являлась однодневная забастовка, и с пением похоронного марша толпа рабочих выходила за ворота. Иногда этот выход превращался в демонстрацию, выкидывали красные знамена и с пением шли несколько кварталов, пока не появлялась полиция. Так было 17—18 апреля на заводах за Московской заставой, такие демонстрации устроили портные и печатники 17 апреля, такие же демонстрации пытался устроить многотысячный Путиловский завод, фабрика «Скороход» и многие другие. 15 апреля на Невском была демонстрация учащихся и рабочих, которая продолжалась с 12 до 3 часов дня. Полиция рассеивала демонстрантов, они собирались вновь и т. д. Всего было арестовано за эту демонстрацию 132 человека.

Не менее грандиозный характер носило и движение в провинции. Бастовали все промышленные центры: Москва и Рига, Киев и Екатеринослав, Одесса и Харьков, Баку, Николаев и многие другие. Насколько стачки протеста имели массовый характер, видно из того, что в Киеве за два только дня—10 и 11 апреля—бастовало до 5.000 рабочих, в Риге 18 апреля—21.000 рабочих, в Варшаве 18 апреля—11.000 рабочих и т. д. [2]).

Десятки и сотни резолюций летели с фабрик и заводов, от различных организаций с протестом против Ленского расстрела в редакцию «Звезды» и с.-д. фракцию Государственной Думы

[1]) См. материалы, № 129.

[2]) Все цифры взяты мною по тем же официальным данным, конечно, явно преуменьшенным.

Правительство почувствовало, что оно затеяло опасную игру на Ленских приисках. И чтобы несколько успокоить общественное мнение «по высочайшему повелению» было об‘явлено о посылке на Ленские прииски комиссии во главе с сенатором Манухиным для расследования событий, связанных с расстрелом, и положения рабочих [1]).

Между тем на приисках продолжалась картина неслыханного произвола. Администрация вела свою наступательную политику. Под давлением Теппана совещание местного горного надзора, полиции, администрации приисков и др. [2]) 22 апреля постановило, что «все бастующие рабочие в обоих округах... подлежат эвакуации с открытием навигации».

А «друг рабочих» Тульчинский раз‘яснил Теппану [3]), что пищевое довольствие администрация обязана выдавать только тем рабочим, которые за товариществом совершенно не имеют заработка. «Те же рабочие, которые при расчете получили не менее 18 рублей на одинокого и 30 рублей на семейного, должны довольствоваться за свой счет, получая продовольствие за наличные деньги». До открытия навигации оставалось $1\frac{1}{2}$ месяца, и ясно, что этот минимум, определенный Тульчинским, угрожал рабочим голодовкой.

Однако Бантыш, осведомленный о событиях в центре, тотчас прекратил эти попытки. 18 апреля он телеграфировал Трещенкову: «немедленно прекратите всякий расчет рабочих», и потребовал продолжать отпуск пищевых продуктов «по отношению всех рабочих без исключения». А 25 апреля он сообщил Тульчинскому: «Никаких мер по эвакуации рабочих с открытием навигации без моих особых распоряжений предлагаю ни под каким видом не принимать».

К этому моменту и Петербургскому правлению Эльзото под давлением событий пришлось несколько изменить свое поведение. 23 апреля оно испуганно телеграфировало Теппану: «Повторяем нашу настоятельную просьбу беспре-

---

1) Комиссия выехала 19 мая из Петербурга и на прииски приехала 14 июня.

2) На совещании присутствовали: Тульчинский, Александров, Преображенский, Рейн, Хитун, Трещенков, Лепин, Галкин, Теппан и др.

3) Григорьев и Шапирштейн. „Ленск. 9 янв.—4 апреля 1912 г.“, приложение № 42.

кословно подчиняться всем распоряжениям Тульчинского. Все ваши действия строго согласовать с его указаниями, сообщать нам для сведения об отданных им распоряжениях и вашем исполнении».

Вместе с тем правительство принимает попрежнему все меры, чтобы сорвать стачку. Горный департамент шлет 5 мая телеграмму непосредственно Тульчинскому, где пишет, что «было бы весьма желательно, чтобы вы постарались убедить рабочих стать на работу». Мотивом для уговоров департамент выставил то, что только при нормальных условиях работы комиссия Манухина сможет провести ревизию.

Тульчинский энергично принялся за исполнение поручения. С 7 мая по 11 включительно он вел усиленные уговоры среди рабочих. И уже по собственной инициативе пригрозил рабочим принудительной эвакуацией [1]). В ответ на уговоры рабочие выставили 12 пунктов условий. В числе пунктов стояли: прибавка заработной платы и выпуск арестованных товарищей. Ни правительство, ни Эльзото на эти условия не пошли.

В это время на прииски 21 мая явился иркутский генерал-губернатор Князев, который в свою очередь принялся за уговоры рабочих. «У начальника края большое желание поставить (рабочих) на работу, он по приезде послал телеграмму министру, что рабочие, очевидно, станут», телеграфировал Майш Бантышу [2]).

Но уговоры оставались без результата. В этот момент Белозеров, приехавший на прииски 18 мая, об'явил рабочим о согласии Эльзото повысить расценки, всего на 200.000 рублей. Однако распределение прибавок он сделал так, что они падали лишь на высшие категории рабочих. Вместе с тем он выставил ультимативный срок выхода на работы 24 мая.

23 мая по поводу этих прибавок под председательством Князева состоялось заседание. На нем Белозеров откровенно заявил, что для Эльзото все бастующие рабочие нежелательны. Однако ультимативный срок выхода на работы был отложен до 28 мая.

---

[1]) См. об этом телеграмму Пешкова. Приложение № 94.

[2]) См. материалы, № 68.

Рабочие, обсудив расценки, на работы выйти отказались. Напрасны были и уговоры приехавших из центра адвокатов: Керенского, Патушинского, Тюшевского, Кобякова и Никитина. Единственно чего удалось добиться адвокатам,—это того, что рабочие выбрали трех представителей для переговоров с Белозеровым о ряде спорных вопросов в расценке и старом договоре[1]).

Тогда Князев решил воздействовать на рабочих угрозой. 30 мая он вывесил об'явление, где писал, что, так как рабочие не приняли уступок Эльзота, то им предлагается получить расчет и в 7-дневный срок выехать за счет Эльзото до Усть-Кута. В противном случае он угрожал их вывезти этапным порядком.

Угроза Князева удалить с приисков всех рабочих—свидетелей расстрела до приезда ревизии Манухина, слишком скандализировала правительство, и Манухин распорядился это распоряжение отменить.

Между тем администрация приисков деятельно готовилась к ревизии Манухина. 19 мая Майш[2]) телеграфировал Бантышу: «Картина обычной приисковой жизни изменилась во многом не только наружной уборкой... Места около казарм усыпаны галькой, даже берега реки убраны от льда и мусора. Феодосиевская больница вся вновь выкрашена, включительно до коек, на полах новые линолеумовые настилки и т. д.».

Ревизия Манухина приехала на прииски 4 июня. Тотчас были развешены об'явления, где Манухин призывал рабочих стать на работу и этим облегчить ему расследование. Альфред Гинцбург по поводу этого призыва писал: «Манухин в разговоре со мною говорил, что убеждение его рабочих встать на работу, хотя бы временно, было с его стороны главным тактическим шагом. Что он не заблуждается относительно дальнейших намерений буйного эле-

---

[1]) Совещание с Белозеровым действительно состоялось 31 мая и 1 июня. Оно ни к чему не пришло. Белозеров, как это видно из приложения № 109, держался на нем очень нагло.

[2]) Майш был послан Бантышем вскоре после расстрела специально следить за тем, чтоб администрация приисков не скрыла ремонтами и другими проделками старую картину беззакония. Майш приехал на прииски 26 апреля и оставался там все время.

мента, но он надеется, что большинство рабочих, раз встав на работу, не поддадутся дальнейшей агитации» [1]).

Рабочие не послушались призыва Манухина и на работу стать отказались. Только уговоры адвокатов в лице Керенского и К° помогли этой сенаторской провокации.

Рабочий Ив. Кудряшев в своих воспоминаниях пишет [2]): «Батюшка Александр Федорович (Керенский) около нас, феодосиевцев, три дня бился на собраниях, пока своим слезливым голосом не убедил большинство выйти на работу».

В своих заявлениях о выходе на работу рабочие писали, что «они, не отказываясь от своих требований, встают на работу временно, по таксе, предложенной управлением Эльзото, не подписывая договора до рассмотрения спорных вопросов...»

С 10 июня работы на приисках шли полностью, и Князев удовлетворенно телеграфировал Макарову: «Дело сдвинуто с мертвой точки...» Ревизия Манухина вела опросы и следствие. А администрация временно припрятывала свои проделки. Так, на Светлом прииске рабочие обнаружили в шахте припрятанное во время ревизии тухлое мясо, около 500 пудов [3]).

В то же время комиссия Манухина занялась выработкой нового договора. На заседаниях по поводу этого от рабочих присутствовали выборные: Шабалов С. В., Носов Е. Г., Пинаев И. Д., Трифонов И. И., Горшечников С. К., Петухов А. Г., Подзахотников П. И. и Головщин А. С.

26 июня новый договор был готов и передан на обсуждение рабочим. На собрании рабочих Феодосиевского прииска, бывшем 27 июня, рабочие нашли, что новый договор лучше старого, но существенных изменений в нем нет. «Администрация на приисках, как и крепкий Белозеровский режим, не изменились даже в присутствии ревизии. Сенаторская ревизия до сих пор не восстановила правды и не привлекла виновных в 4 апреля, а наши выборные невинно сидят

---

[1]) Письмо Гинцбурга в правление от 14 июня. Арх. кул. и быта. Дела Эльвото 1912 г.

[2]) „Ленский расстрел"—изд. Основа.

[3]) См. материалы, № 112.

в тюрьме». Поэтому рабочие отказывались подписать новый договор и требовали своего вывоза из Ленского края. За эту резолюцию голосовало 1.998 рабочих против 7. И в ближайшие дни к ней присоединились все остальные прииски.

28 июня, к величайшему удивлению Манухина, Эльзото и адвокатов, рабочие всех приисков дружно и организованно вновь прекратили работу.

Эвакуация рабочих с приисков началась 4 июля и закончилась 5 августа [1]). За это время 8.909 рабочих с женами и детьми покинули добровольно Ленский край. «Последняя партия рабочих ушла сегодня из Бодайбо. Все бастовавшие за исключением полсотни ушли»,—телеграфировал заместитель Теппана в правление Эльзото 6 августа.

Как отнеслась администрация к уезжавшим рабочим, видно из телеграммы Бантыша Макарову от 1 июля [2]). «Сегодня отправляю первый эшелон бывших рабочих Эльзото... Должен констатировать действительно отвратительное отношение промыслового управления к насущнейшим нуждам рабочих... возврат удержанных за провиант денег с 21 марта по 4 апреля производится на чрезвычайно невыгодных для рабочих условиях... женам раненых прекратили выдачу провианта... выборным отказывают в провианте... обсчитывают рабочих на каждом шагу... приходится наблюдать совершенно бессердечное к рабочим отношение, бесчисленные мелкие придирки, крайне плохо организованный, совершенно беспорядочный расчет вообще. Характер действий Эльзото, видимо, сводится к желанию во что бы то ни стало сорвать мирную эвакуацию рабочих»...

Однако на этот раз усилия Эльзото были напрасны. Напрасны были и усилия губернских чиновников вызвать у рабочих «верноподданические чувства».

Перед от'ездом на собрании первой уезжавшей партии рабочим было предложено вынести благодарность Манухину за ревизию и просить его «повергнуть к стопам монарха верноподданические чувства». Молчаливо была проголосована эта резолюция и единогласно отклонена. Еще раз эту резолюцию попробовали предложить рабочим от

[1]) Эльзото за свой счет отправляло лишь до ст. Жигалово. Эвакуация со ст. Жигалово закончилась лишь к 30 августа.

[2]) См. материалы, № 52.

имени Майша на другом собрании рабочих 6 июля, но и здесь ее отвергли единогласным голосованием.

Рабочие уехали. Своей второй стачкой и уездом с приисков они произвели невиданную в мире демонстрацию, которая была тем удивительней, что в условиях самодержавного режима уезжающих рабочих ничего не ждало впереди, кроме безработицы и преследований полиции.

Между прочим, комиссия адвокатов во главе с Керенским по просьбе рабочих возбудила против Эльзото в Петербурге 3.852 иска на общую сумму 400.000 рублей. В этих исках рабочие требовали с Эльзото уплаты зарплаты со дня забастовки по срок контракта. Мотивировался иск тем, что договор первым нарушило Эльзото.

20 марта 1913 года группа ленских рабочих обратилась с открытым письмом в «Правде» к адвокатам. Рабочие спрашивали у них: «Как обстоят дела с нашими доверенностями и исками? Рассейте подозрения... и докажите, что вы не только в горячую минуту пообещали нам свою помощь». Но адвокаты не торопились. Они вели переговоры с правлением Эльзото ровно 2 года и только в марте 1914 года передали иски на рассмотрение... одному из петербурских мировых судей. О дальнейшей судьбе этих исков ничего неизвестно; надо полагать, что с началом мировой войны они были окончательно похоронены.

Лена сделалась известной всему миру. Под влиянием мирового скандала, который произвел Ленский расстрел, и разоблачений той роли, которую играло в нем правительство, Бояновский и Липин ушли из состава правления. А в сентябре 1912 года все правление было заменено новыми лицами.

В октябре были освобождены от занимаемых должностей Белозеров и Теппан. Управляющим приисками был назначен А. А. Перрэ, который приехал на прииски в средине февраля 1913 года. До его приезда приисками управлял совет в составе следующих лиц: Гавриловича, Черных, Сави   Цинберга.

Между прочим, расход Эльзото, вызванный стачкой, по докладу правления общему собранию акционеров 30 сентября 1913 года, равнялся 1.283.278 руб. 72 коп.

Из главных действующих лиц на своем месте остался лишь Тульчинский, который продолжал работать на приисках в качестве окружного инженера в ближайшие годы. Его предательская роль по отношению бастовавших рабочих примирила с ним и правительство и Эльзото. И так как она не была известна широким кругам, то он даже был окружен ореолом чуть не мученика.

Никто из виновников расстрела не пострадал, и лишь губернатор Бантыш получил понижение по службе за свои нелады с Эльзото. Он был переведен губернатором в Якутск.

Судьба ротмистра Трещенкова была такова. Как известно, комиссия Манухина покинула прииски 5 июля. После себя она оставила огромный следственный материал в несколько десятков дел, составила новый договор, который рабочие не приняли, и возбудила уголовное преследование против Трещенкова по обвинению «в преступном бездействии и превышении власти».

От обязанностей начальника полиции освободил Трещенкова приехавший на прииски Князев 21 мая. На его место был поставлен другой жандарм Юринский. «С большим трудом удалось удалить с приисков Трещенкова; он плакал, прося оставить его на приисках, так как боится, что его убьют», телеграфировал Майш Бантышу 26 мая [1]).

Познанский, начальник иркутского губернского жандармского управления, в конце апреля был заменен Васильевым. Последний и взял на себя по приказу департамента полиции охрану Трещенкова.

Уже 6 апреля Трещенков телеграфировал Познанскому, что он получил сведения о готовящемся на него покушении. 15 апреля начальник московского охранного отделения телеграфировал в Иркутск, что в студенческой среде поговаривают об убийстве Трещенкова. 22 апреля Трещенков опять телеграфировал в Иркутск, что ссыльные поговаривают об убийстве его, и вместе с тем слезно просил перевести его в Россию. 2 июня департамент полиции телеграфирует в Иркутск, что из Парижа специально для убийства Трещенкова направляется бежавший из Сибири террорист... и т. д.

---

[1]) См. материалы, № 67.

Были ли это просто кошмары «кровавого» ротмистра и охранки или об убийстве его действительно поговаривали, но во всяком случае департамент полиции окружил своего ротмистра большой заботливостью и охраной. Из Бодайбо в Иркутск он уехал вместе с Васильевым (начальник иркутского жандармского управления), охраняемый целой сворой жандармов и шпиков. Чтобы законспирировать его от‘езд, Васильев послал открытую телеграмму в Иркутск, где писал, что Трещенков выедет 25. В этой же телеграмме шифром он прибавлял: «Открытый текст написан умышленно для наведения на ложный след. Трещенков выезжает со мной 4...»

В дальнейшем жандармы с большими предосторожностями переправили Трещенкова в Петербург. Васильев при от‘езде телеграфировал в томское жандармское управление: «Сегодня экспрессом первый Иркутск Москва выезжает ротмистр Трещенков под фамилией Кашин. Возможно покушение в пути следования. Сообщите дальше».

В Петербурге Трещенков жил нелегально под фамилией Николай Викторович Кашин и был прикомандирован к жандармскому управлению. Жалованье он получал прежнее и, кроме него, добавочное вознаграждение на семью. Насколько велико было одно добавочное вознаграждение, видно из того, что за год он получил его 2.005 руб. 50 коп.

С 1 июня 1913 года его лишили этого добавочного вознаграждения за ссору в пьяном виде с князем Нижерадзе.

Дело о нем по указаниям свыше затягивали елико возможно. Оно было иркутским судебным следователем окончено лишь 6 марта 1914 года и направлено прокурору иркутской судебной палаты. Здесь оно пролежало еще 6 месяцев, и только в сентябре 1914 года его передали на рассмотрение министра внутренних дел, который не нашел в деятельности Трещенкова ничего преступного, и оно было прекращено по высочайшему распоряжению. Трещенков поступил в действующую армию и по одной версии был убит 15 мая 1915 года в бою с австрийцами [1]). По другой версии, он был расстрелян в Иркутске в 1920 году [2]).

---

1) „Былое“ за 1922 г. Статья Левина.

2) А. М. Майский „Петроградская Правда“ № 83, 1923 г.

Отличительной чертой всего ленского движения является необычайный героизм, проявленный всей 7-тысячной массой ленских рабочих. Принадлежащие по своему культурному уровню к самым темным и бедным слоям русского пролетариата, ленские рабочие вписали своей стачкой золотую страницу в историю русского рабочего движения.

Мы видели, как дружно и неоднократно они тысячами подымались на защиту своих выборных. В сотнях допросов, снятых с них полицией и Манухиным, они не сказали ни одного слова, которое могло бы повредить их организации и борьбе. Ни одного провокатора не могла найти среди них полиция.

В борьбе со своим классовым врагом они не только проявили чудеса солидарности, но изменили совершенно даже свой быт, который десятилетиями прививало им самодержавие. Как известно, спаивание шахтера служило всегда одним из лучших средств его порабощения. Поэтому водка и пьянство были в самых широких размерах поощряемы на приисках. До 1904 года даже часть заработной платы выдавалась обязательно водкой. На этой почве на приисках шли постоянная поножевщина, уголовные преступления и разврат. И на первом же своем общем собрании забастовщики постановили, что ни один из рабочих не имеет права пить водку. Решено было собрать всю наличную водку и уничтожить.

Думпе пишет: «Я был очевидцем такой сцены. На Ново-Александровском прииске у барака стоит группа рабочих, вооруженных четвертями. По очереди они подходят к снеговой куче и выливают содержимое, т.-е. водку, прямо в снег. Это делалось охотно, со смехом, шутками и прибаутками. Воодушевление, самоотвержение среди рабочих было такое, что не могу найти достаточно ярких слов, чтобы это выразить, я никогда не подозревал, что эта темная, друг против друга озверелая масса на это может быть способна...» [1])

«По единогласному удостоверению всех допрошенных свидетелей,—пишет правительственный чиновник Манухин[1]),

[1]) Воспоминания Думпе, стр. 80.

«пьянство, сильно развитое среди приискового населения до забастовки, со времени прекращения работ совершенно не наблюдалось... За 4 месяца забастовки в среде рабочего населения, доходившего до 7.000 лиц, не произошло ни одного повреждения промыслового оборудования, не было похищено или попорчено ни одного, даже малоценного имущества и не наблюдалось ни одного случая нападения или насилия в отношении кого-либо» [1]).

В борьбе, которая длилась 4 месяца, которая не имела правильного партийного руководства, которая сопровождалась неслыханной провокацией со стороны всех, с кем приходилось сталкиваться забастовщикам, ленские рабочие проявили исключительную классовую стойкость и дисциплину.

Ленская забастовка была не просьбой, а борьбой, причем борьбой экономической. Здесь не было веры ни в попа, ни в урядника, ни в царя. Рабочий класс уже пережил 1905 год, и уроки его не прошли даром для ленских рабочих. Даже к своим выборным они не относились, как к фетишу и во-время одернули их, когда те поддались на уговоры Тульчинского.

Кончилась Ленская забастовка с внешней стороны неудачно. Рабочие покинули прииски, уехав на голод и безработицу. Но упорная борьба, которую они вели 4 месяца, и их организованный демонстративный уход с приисков вызвали огромный энтузиазм и веру в свои силы у всего русского пролетариата. Поэтому в общеполитическом масштабе Ленская стачка явилась первым завоеванием и первой победой русских рабочих после годов реакции.

Вера Владимирова.

---

[1]) Добавление к докладу Манухина, оглашенное им на заседаниях совета министров 17, 24 и 31 января 1913 года.

ЛЕНСКИЕ СОБЫТИЯ 1·9·1·2 г.

ОТ РЕДАКЦИИ.

О событиях 1912 г. на Ленских золотопромышленных приисках было опубликовано в разное время значительное количество документов. (Сборники «Правда о Ленских событиях», издание 1913 г., «Ленское 9 января—4 апреля 1912 г.» и др.). Всеми этими публикациями, однако, не исчерпывается еще тот богатый документальный материал, который хранится в наших архивах.

В настоящем издании публикуются документы по преимуществу еще не появлявшиеся в печати. Документы же, значащиеся под №№ 1, 25, 43, 44, 48, 71 и 109, напечатанные ранее в сборнике «Правда о Ленских событиях», изд. 1913 г., введены нами для цельности изображения хода событий на Ленских приисках. Выдержки из доклада сенатора Манухина (глава о стачке и расстреле Ленских рабочих) были напечатаны прежде в № 2—3 «Красная Летопись» за 1922 г.

Большинство документов, вошедших в сборник, хранится в Московском Архиве Революции и Внешней Политики XIX и XX в. в.

Материалы подготовлены к печати Верой Владимировой, ею же составлен библиографический указатель литературы, прилагаемый к сборнику.

Редакция

I.
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РАБОЧИХ ЛЕНСКИХ ПРИИСКОВ НАКАНУНЕ ЗАБАСТОВКИ.

№ 1.
ДОГОВОР НАЙМА РАБОЧИХ „ЛЕНСКОГО ЗОЛОТОПРОМЫШЛЕННОГО ТОВАРИЩЕСТВА" 1911—1912 г. [1]).

(Форма).

Тысяча девятьсот . . . . года . . . дня, мы, нижеподписавшиеся, разного звания рабочие люди, заключили настоящий договор с управлением промыслами акционерного общества «Ленское золотопромышленное товарищество» в нижеследующем:

1) Мы, рабочие, нанялись на промыслы означенного товарищества, находящиеся в Витимском и Олекминском горных округах, сроком со дня назначения и выхода каждого из нас на работу впредь по десятое сентября тысяча девятьсот . . . года.

2) В течение этого срока мы обязуемся исполнять точно, добросовестно и аккуратно всякого рода горные, цеховые и домашние работы на приисках и резиденциях Ленского товарищества, а также в его поисковых и разведочных партиях, куда бы нас ни назначило промысловое управление, ни в каком случае не позволяя себе отказываться от порученной каждому из нас работы или переменять ее самовольно на другую, и повинуясь беспрекословно указаниям служащих, руководящих работами.

3) Если бы кто из нас был нанят для выполнения какойлибо специальной работы, требующей знания какого-нибудь мастерства или искусства, то об этом должна быть сделана отметка при подписании таким лицом настоящего договора,

[1]) Историко-революц. архив (Москва), фонд чрезвыч. следств. комиссии сенатора Манухина, дело 33, 1912 года.

в противном случае нанятый обязуется исполнить всякую общую работу, какая ему будет поручена, но и нанявшихся по какой-либо специальности управление в праве ставить на общие работы, если окажется, что специальность эта таким лицам недостаточно хорошо известна.

4) При поступлении в работу мы обязуемся представить управлению свои законные виды на жительство, которые, до получения нами окончательного расчета, должны храниться при делах управления, принимающего на себя затребование из подлежащих мест новых видов по окончании срока старым.

5) Если мы будем наняты на резиденции в г. Бодайбо, то, следуя на прииски, должны проходить не менее двадцати пяти верст в сутки, при чем получаем от управления одно только суточное довольствие—по два с половиною фунта ржаных сухарей на человека, без всякого другого вознаграждения. При переводе с одного прииска на другой, от чего уклоняться мы не в праве, мы должны совершать переход в свободное от работ время, не получая за это особой платы, если расстояние не превышает пяти верст; при переводе же на прииск, отстоящий на более значительное расстояние, мы должны проходить не менее двадцати пяти верст в сутки и получаем в пути плату по 75 коп. в сутки без пищевого довольствия.

6) На работающихся приисках управление дает нам безвозмездно: помещение, дрова, баню один раз в неделю и воду, которая подвозится нам лишь в том случае, если источник ее отстоит от нашего жилья далее ста сажен, в противном случае мы должны приносить ее себе сами. Во время же командировки для работ в такие места, где нет постоянных жилых помещений, мы должны, в случае надобности, строить себе сами временные приспособления для жилья.

7) В случае болезни, признанной приисковым врачом, каждый из нас имеет право на безвозмездное лечение и содержание в приисковой больнице, где не работающий по болезни обязан оставаться все время, пока не будет выписан врачом, но платы за это время не полагается. Во избежание занесения заразных болезней, управление может во всякое время подвергать нас медицинскому осмотру, уклоняться от которого ни мы, ни члены нашего семейства не в праве.

8) Рабочий день должен заключать в себе: с 1-го апреля по 1-е октября одиннадцать с половиною рабочих часов, а с 1-го октября по 1-е апреля—одиннадцать часов; обеденный перерыв, назначаемый по усмотрению управления, в число этих часов не входит. При работах на две смены назначение нас в денную или ночную смены зависит вполне от управления; число рабочих часов ночной смены не должно превышать десяти. В случае надобности управление может назначить три восьмичасовых смены, и тогда мы обязуемся работать без перерыва для отдыха всю смену, т.-е. восемь часов. Работающие при золото-промывальной машине, именно: галечники, люковщики, мазилки, плотники и промывальщики, обязаны оставаться при с'емке золота и после обеденного и вечернего звонков или свистков до окончания с'емки.

9) В зимнее время, т.-е. в период с 1-го октября по 1-е апреля, нам полагаются отдыхи, указанные в законе; в летнее же время, с 1-го апреля по 1-е октября, отдыхи даются нам по усмотрению управления два раза в месяц,—общий или артелями. Расписание как зимних, так и летних отдыхов об'является нам управлением, и мы обязуемся ему подчиняться, ни в каком случае не позволяя себе устраивать отдыхи самовольно. Не-христиане могут, с разрешения управления, отдыхать в свои праздники, но не иначе, как под условием отработать соответственное количество дней в отдыхи христиан. В экстренных случаях как-то: при пожаре, наводнении и других стихийных бедствиях, а также на приисках, не всегда обеспеченных водою для промывки песков, и вообще при всех обстоятельствах, не терпящих отлагательства, мы должны выходить на работы во всякое время, хотя бы это был день отдыха или неурочный час суток. В таких случаях отдыхи даются нам по миновании надобности в экстренных работах.

10) При поступлении в работу мы получаем от управления расчетные книжки, которые должны содержаться нами бережно, в чистоте и храниться от утери и порчи. В расчетные книжки записываются все произведенные нам выдачи и наложенные на нас денежные взыскания, а также весь заработок наш, а равно и выданный нам управлением инструмент, по его стоимости, за сохранность которого мы, рабочие, ответственны. Не менее одного раза в месяц, по указанию управле-

ния, мы обязаны представлять наши расчетные книжки в приисковую контору для проверки и записей. В случае каких-либо недоразумений мы должны обращаться в контору за раз'яснением не позже, как в течение следующего за записью месяца. При расчетах главным документом служит расчетная книжка; в случае потери ее расчет производится на основании записей в конторских книгах.

Каждый из нас ответствует за хозяйское имущество, ему вверенное. Получаемое нами для работ имущество записывается в расчетную книжку, без чего никто не имеет права получать или брать хотя бы временно какое-либо хозяйское имущество. Если имущество будет выдано не на отдельных лиц, а на артель, то оно вносится в книжку старосты артели или артельную, и за утрату его ответствуют все члены артели за круговою порукою. В случае утраты или порчи какого-либо имущества, записанного нам в книжку, с виноватого удерживается из заработка стоимость этого имущества.

11) Управление производит нам один раз в месяц в назначенный им же день, в счет нашего заработка, сообразуясь с последним, отпуск необходимых нам товаров и припасов по ценам, утвержденным окружным инженером, а также выдачу деньгами в размере по усмотрению приискового управления. Тем же из нас, которые окажутся должны управлению, последнее может, безусловно, отказать в каком бы то ни было отпуске или выдаче. Полная доплата деньгами всей следующей нам по расчету суммы должна производиться не ранее как по окончании срока этого договора.

12) На прииски мы должны, нанявшись в работу, являться одни, семьи свои можем приводить не иначе, как получив на то письменное разрешение управления и, в последнем случае, пришедших с нами женщин и подростков обязуемся, по требованию управления, посылать в работу, отказываться от которой прибывшие с нами члены семьи не в праве, в противном случае подлежат удалению с приисков. В случае несогласия со стороны мужа (отца или брата) на удаление семьи с прииска по предложению управления, управление в праве рассчитать рабочего, как нарушившего контракт. Женщины, назначенные в прислуги, получают по 30 коп. в сутки и готовое содержание, или же по 60 коп. в сутки без содержания, от того лица, у которого будут находиться в услужении; на-

значенные же на поверхностные горные работы женщины получают по $^{2}/_{3}$ платы по таксе для рабочих мужчин. Кроме исполнения платных работ, женщины обязаны безвозмездно мыть полы в помещениях, где живут, и вообще заботиться о содержании этих помещений в надлежащей чистоте и порядке. Подростки получают за горные работы от пятидесяти до семидесяти пяти копеек в день. Женщины и подростки, будучи назначены в работу, получают те же книжки и подчиняются тем же правилам, что и остальные рабочие.

13) В летнее время, с 15-го мая по 15-е августа, управление отпускает нам безвозмездно квас в том количестве, какое найдет нужным, но не более $^{1}/_{4}$ ведра на каждого человека; с женщин же, не задолженных в работы, производится за квас в указанное время вычет по два рубля в месяц, относимый на счет их мужей.

14) Никто из нас не в праве давать у себя приют праздношатающимся и вообще принимать без разрешения управления кого-либо из посторонних, не работающих на приисках Ленского товарищества, а в особенности оставлять у себя таких лиц на ночь.

15) Каждое особое распоряжение управления, касающееся нас, рабочих, должно быть об'явлено нам во время раскомандировок по работам и вывешено при конторе, после чего никто не в праве отговариваться незнанием распоряжения, исполнение которого становится для нас обязательным.

16) Управление имеет право налагать на нас денежные взыскания в размере, обусловленном законом, т.-е. каждый раз не свыше пяти рублей, по следующим поводам: а) за неисправную работу, б) за прогулы и в) за ослушание, грубость, пьянство и вообще за всякое нарушение порядка.

17) Никто из нас за все время нахождения своего на промыслах по настоящему договору не в праве заниматься какими бы то ни было делами по золотому промыслу, и если у кого из нас найдено будет золото, то оно конфискуется в пользу Ленского товарищества. Находимые же во время работ самородки золота или так называемое под'емное золото нашедший обязан немедленно опускать в особую, выдаваемую для этой цели кружку, или, за неимением ее, сдать смотрителю работ для передачи в контору, которая уплачивает: за самородки до трех фунтов по цене, установленной управлением

для под'емного золота, но не ниже двух рублей за золотник; если же самородок окажется тяжелее трех фунтов, то за три фунта уплачивается по установленной цене, а за остальное количество золота по одному рублю за золотник. Хранить у себя золото не в кружках или не заявленное смотрителю нам строго воспрещается и, если таковое золото у кого-либо из нас будет найдено, то отбирается, как утаенное, а виновный преследуется по закону.

18) Управлению предоставляется удерживать с каждого из нас по два рубля 50 коп., а с жен наших по одному рублю 50 коп., впредь за всю операцию на содержание больницы для бесприютных приисковых рабочих.

19) До окончания срока настоящего договора никто из нас требовать себе расчета, без особо уважительных причин, указанных в ст. 44 прил. к ст. 661 уст. гор., не имеет права. Управление же может уволить нас во всякое время по одной из следующих причин: а) за неспособность к работе; б) за неявку на работу более трех дней сряду без уважительных причин; в) за леность; г) за дерзость или дурное поведение; д) в случае обнаружения у кого-нибудь из нас заразительной болезни; е) за сборища толпами, угрожающие порядку и спокойствию и ж) за всякое вообще нарушение с нашей стороны в чем-либо настоящего договора.

20) Перед окончанием срока договора всякого рода претензии по расчетам должны быть заявлены нами не позже как до двадцатого числа августа. После этого срока никакие жалобы к рассмотрению управлением не принимаются. Всякого рода выдачи в расчет по книжкам как припасов и товаров, так и денег безусловно прекращаются с 1-го по 10-е сентября.

21) По окончании срока настоящего договора управление дает нам бесплатный проезд на пароходе от г. Бодайбо до жилого места, которое будет указано горнозаводским присутствием; такой же проезд полагается и рассчитанным в навигационное время по болезни или другим уважительным причинам до окончания срока договора.

22) За исполнение работ, перечисленных ниже, мы должны получать плату на всем нашем собственном содержании и довольствии по таксе, при сем прилагаемой.

23) Договор этот обе стороны, рабочие и промысловое управление, обязуемся соблюдать в точности.

№ 2.

ОТЧЕТ ЧЛЕНУ ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВЕТА СЕНАТОРУ С. С. МАНУХИНУ СТАРШЕГО ФАБРИЧНОГО ИНСПЕКТОРА КИЕВСКОЙ ГУБ. д. ст. с. И. Н. ГОРБУНОВА [1]).

ОБСТАНОВКА ТРУДА НА ПРИИСКАХ ЛЕНЗОТО.

При суждении об обстановке труда на приисках Ленского товарищества необходимо иметь в виду: 1) географическое положение этих приисков с его особенностями, 2) особенности производства горных работ вообще и 3) высокую ценность добываемого продукта—золота.

Прииски расположены в восточно-сибирской тайге в бассейнах притоков Лены—Витима и Олекмы, и занимают громадное пространство—около 40 тыс. кв. верст восточной части Иркутской губернии и западной (части) Якутской области.

Дикость природы, пустынность края, безлюдье, отдаленность от населенных мест и культурных пунктов, как и суровость климата этого обиженного судьбою края, общеизвестны; я останавливаюсь на кратком перечне его особенностей лишь для того, чтобы показать, как мало привлекательного заключает в себе перспектива прожить в этом крае даже самое короткое время.

Работы по добыванию золота могут быть разделены на две главные группы: 1) работы подземные, шахтовые и 2) работы на поверхности земли. К этому можно прибавить промежуточную группу—открытые горные работы «разрезами» в местах, где золотоносные пески расположены не глубоко над поверхностью земли.

Работы на поверхности земли: проведение канав, водостоков, устройство плотин, оплоток, возка песков и крепежных материалов, промывка песков, плотничные и кузнечные работы в механических мастерских, при электрических станциях, паровых котлах, насосах, тюрбинах, и т. п.—не представляют каких-либо особенностей в смысле их организации или характера и способов производства—все делается в общепринятом порядке, но тем не менее на всех работах лежит печать какой-то недоделанности, незаконченности, примитив-

[1]) Историко-революц. архив. (Москва). Фонд Ч. С. К., д. 4, т. 4. Приводится лишь первая половина отчета, как наиболее интересная.

ности. Все делается кое-как, начерно,—видно, что все работы рассчитаны на кратковременность, что вот-вот они станут ненужными и их необходимо будет бросить.

Общая картина приисков поражает своей растрепанностью, хаотичностью и производит удручающее впечатление.

Неровная каменистая поверхность изборождена насыпями (отвалами), выемками и канавами, по которым стремительно несутся грязно-желтые воды промывных аппаратов, да кое-где торчит, высоко поднимаясь над поверхностью земли и дополняя картину, безобразнейшего вида махина—это вертикальный деревянный во́рот с конным приводом, служащий для под'ема из шахт баде́й, наполненных золотоносным песком, и для спуска в шахты крепежных материалов. Трудно представить себе что-либо безобразнее этой махины. Торможение в обеспечение от быстрого падения груза производится посредством заостренного бревна, укрепленного к водилу, и нажимания его конца ломом вручную. Такое устройство заключает в себе явную и несомненную опасность не только для работающих при приводе, но и для находящихся внизу шахты у зумфы, где нагружается или разгружается бадья.

Вид приисковых поселков с их жалкими, разрушающимися казармами, подпертыми кое-где деревянными укосинами, с разбитыми стеклами, прогнувшимися крышами вполне гармонирует со всем остальным. Лишь постройки, где живет приисковая администрация, не носят этого характера запущенности и разрушения, но и эти постройки относятся к разряду легких, временных, лишены всяких украшений и даже обшивки.

Таковы формы, в которых нашел себе выражение труд работающих на поверхности земли.

В мою задачу не входит описание подземных работ во всех подробностях, и я коснусь этого вопроса постольку, поскольку он имеет отношение к положению рабочего класса.

На большинстве приисков, принадлежащих Ленскому золотопромышленному товариществу, золотоносный слой расположен на значительной глубине от 7 до 20 саж. и, следовательно, по условиям климата находится на глубине «вечной мерзлоты». Это обстоятельство приводит к необходимости принятия мер к оттаиванию пород в целях облегчения труда по производству выработок. Это достигается путем зажигания

в забоях и штреках костров. Отсюда—дым и угар, действию которых подвергаются спустившиеся в шахты рабочие.

Другим серьезным обстоятельством, усугубляющим неблагоприятность условий труда при подземных работах, является обилие грунтовых вод, проникающих в шахты из окружающих шахты напластований. В этом отношении забои разделяются на две группы: сухие и мокрые.

Понятие сухости употребляется здесь в весьма условном и ограниченном смысле. Если вода скопляется лишь внизу, струится по отводным канавам или нижней поверхности штрека или шахты, и для защиты от нее достаточно высоких непромокаемых сапог,—забой называют сухим. Если же вода льется и сверху, и с боков, когда для защиты от нее необходим полный непромокаемый костюм, начиная со шляпы и кончая сапогами,—забой называют мокрым. Указанная классификация мало устойчива и определенна, почему и вызывает ожесточенные споры между рабочими и приисковой администрацией. Дело в том, что таксировка труда поставлена в зависимость от этой классификации.

Для мокрых забоев расценка труда выше.

Работы по креплению шахт и трудны в том смысле, что требуют большего напряжения сил, и опасны потому, что приходится иметь дело с тяжеловесными брусьями и крепями, и весьма неприятны вследствие того, что холодная в большинстве случаев грязная вода попадает и за воротник и в рукава. Уж не потому ли шахтовых плотников называют «мазилками», что они во время работ покрыты слоями жидкой грязи и всегда вымазаны, загрязнены?

Самый спуск в шахты и выход из них весьма неприятен. По неплотно обшитым стенкам шахты или штольни обыкновенно струится вода. Спуск производится по подвесным лестницам, вроде тех приставных лестниц, которыми пользуются для влезания на крышу, чердаки или сараи. Спускаться по этим лестницам приходится, перебирая руками те ступеньки, на которых только что опирались ваши грязные ноги. Лестницы эти расположены по винтовой поверхности, подвешены почти вертикально, и при переходе с одной на другую вы подвергаетесь серьезной опасности, если не уцепились крепко за вбитую в стену скобу. Рабочие спускаются обыкновенно нагруженные инструментами. Случайное падение такого инстру-

мента, как кайло, топор или лопата, которыми оперируют шахтовые рабочие, угрожает, разумеется, несомненной опасностью рабочему, находящемуся на нижней площадке.

Таким образом, обстановка труда при подземных работах заключает в себе сочетания весьма многообразных и крайне неблагоприятных условий для сохранения жизни и здоровья рабочих.

Отрицательные стороны обстановки труда при подземных работах сводятся: 1) к сравнительно низкой температуре, в среднем около +4° Цельсия, 2) к мокроте и сырости воздуха, 3) зараженности его парами газов, образующимися при динамитных работах, и окисью углерода, образующейся при сгорании костров в целях оттаивания мерзлоты, 4) к опасностям травматических повреждений от тяжелых условий работы.

Отрицательное значение всех этих факторов достигает своего максимума в зимнее время.

К устранению или даже ослаблению вредного действия этих факторов со стороны администрации не сделано ровно ничего. Полное отсутствие приспособлений для искусственного вентилирования шахт, скудость освещения, отвратительное содержание лестниц и всего шахтового устройства путей, по которым движется тачка, с их прогнившими и провалившимися досками, делают работы в шахтах и штреках сугубо вредными и прямо опасными для рабочих.

ЖИЛИЩНЫЙ ВОПРОС НА ПРИИСКАХ ЛЕНСКОГО ЗОЛОТОПРОМЫШЛЕННОГО ТОВАРИЩЕСТВА.

При обзоре данных о размещении рабочих по жилым помещениям, имеющимся в распоряжении товарищества, в настоящее время прежде всего обращает на себя внимание следующий факт:

Из 103 казарм, обслуживающих состав рабочих, занятых на приисках II дистанции, в удовлетворительном состоянии находятся лишь 15, остальные 88 совершенно не пригодны для житья в зимнее время. Лишь немногие из них путем надлежащего и капитального ремонта могут быть приведены в состояние пригодности для упомянутой цели. Остальные подлежали бы совершенному уничтожению или перестройке с добавкой свежего строительного материала в количестве не менее 75%.

Чтобы понять это обстоятельство и выяснить его возникновение и развитие, необходимо иметь в виду следующее:

Все постройки относятся к типу легких бараков, выстроенных от 10 до 20 лет тому назад из $3^1/_2$—4-вершкового леса, без фундаментов. Три, четыре нижних венца утоплены в землю, при чем, разумеется, на глубину около аршина вынута земля, и по ней на лагах проложены однорядные полы из горбылей, или же постройки возведены на деревянных столбах [1]). Потолки везде однорядные, плохо сбитые и вместо надлежащей смазки засыпаны сухой землей. Окна и двери ординарные. Крыши в большинстве случаев железные. Сеней не принято устраивать, и потому входные двери открываются непосредственно в данное помещение.

Рублены стены по большей части «в лапу» без остатков или «в обло», но как!—При неровности подбора леса и его мелкости плотность припазовки становилась невозможной, первым последствием чего явилось выползание конопатки у всех пересечений.

Описанным характером стройки, вызванной употреблением несоответственного строительного материала и недоброкачественной работой, и об'ясняется то обстоятельство, что, независимо от времени постройки зданий, все они на производивших осмотр членов состава ревизии сенатора С. С. Манухина производили одно общее, прямо удручающее впечатление. Стены светятся насквозь, стекла в рамах полопались, с потолков сыплется земля, и в защиту от нее из кусков миткаля и ситца устроены находчивостью рабочих висячие вторые потолки.

Полы в крупных щелях, куда могут свободно проваливаться мелкие предметы, вроде ножа или вилки и т. п.

В видах ли лучшего освещения и других, но во всех постройках слишком много прорезов для окон и внутренних дверей. Это чрезвычайно ослабило и без того слабые, но тяжело погруженные стены. При неравномерности осадки стен, от неправильного распределения груза в стенах образуются выпучины; выпадают целые простенки.

[1]) Получающееся при этом подпольное пространство не защищено устройством насыпных завалин. (*Прим. подлинника.*)

Мне, вместе с другими членами ревизии, пришлось видеть случай выпадения нескольких бревен из простенка и наблюдать случаи прогиба верхних венцов бревен между точками опор, которыми являлись оконные и дверные косяки. Верхние венцы приняли вид волнообразной линии.

Указанные особенности относятся вообще ко всему составу построек, использованных в качестве жилых помещений.

Все они не удовлетворяют самым основным требованиям строительного искусства в отношении обеспечения населяющим их людям элементарнейших гигиенических условий.

Зимою в них так холодно, что мокрые сапоги примерзают к полу, рабочие вынуждены спать в шапках в виду того, что изголовья нар приходятся у промерзающих стен. Любопытен истинно «таежный» способ защиты стен от продувания их ветром. Зимою на стены снаружи набрасывается снег, его сбрызгивают водою, и получается ледяная кора, защищающая внутреннее помещение от холодного ветра.

Новые постройки, обитаемые не больше 2 — 3 лет, в указанном смысле ничуть не лучше старых. В них, по словам рабочих, так же холодно, дует со всех сторон — и сверху, и снизу, и с боков, но тем не менее в них душно и сыро и туманно вследствие условий пользования ими, о чем рассказано будет ниже.

Обращаясь далее к рассмотрению данных имеющегося в моем распоряжении материала: ведомости обмера и осмотра помещений для рабочих Ленского золотопромышленного товарищества по Феодосиевскому, Нижнему, Прокопьевскому, Андреевскому и Иннокентьевскому управлению II дистанции в июле месяце 1912 года, составленной помощником окружного инженера Д. Писаревым, видим, что:

1) из 15 жилых помещений, находящихся в удовлетворительном состоянии, 10 относятся к размеру самых малых с населением от 7 до 20 человек, считая в том числе детей. В них помещаются кучера и конюхи с их семействами. В том же числе находится маленькая казарма для сторожей и одно помещение для столярной мастерской, для столяра и его семейства;

2) остальные пять построек относятся к разряду более или менее крупных казарм, в которых помещаются холостые

и семейные рабочие с детьми. Все эти казармы недавней постройки: одна — 1908 г., три — 1911 г. и последние — 1912 г.;

3) понятие удовлетворительности в этих случаях следует понимать в самом узком ограниченном смысле. Это значит, что при полной наличности всего состава общих, указанных выше постоянных недостатков (плохая припазовка, ординарность полов, потолков, окон, дверей и т. п.) в них недавно был произведен ремонт крыш, рам, дверей, сбиты потолки и полы; стены вновь проконопачены.

Состояние остальных 88 казарм, в которых размещено не менее 5 тыс. человек, считая в том числе женщин и детей, сжато, но деловито отмечено помощником окружного инженера Д. Писаревым: а) совершенно негодно по своей ветхости и б) совершенно не отвечает требованиям обязательных постановлений Горнозаводского присутствия. Для приведения в должное состояние необходим капитальный ремонт: оконопатка стен, зимние рамы, устройство сеней, сушилок для одежды, перегородки для семейных, перестилка полов и потолков и проч.

Весьма характерно это: «и прочее».

Ясно, что техник по профессии обобщил в этой формуле бесчисленный ряд дефектов, требующих вмешательства ремонта. Кто лично в натуре видел эти казармы, для того ясно, что путем ремонта, хотя бы и капитальнейшего, делу помочь нельзя. Необходимо всю эту ветошь сломать, использовать часть строительных материалов в количестве не свыше 25% и построить казармы вновь.

Дело в том, что огромное большинство этих построек первоначально имело иное назначение: служило, напр., паровичными отделениями, промывалками и т. п., или находилось в других местах и перенесено на новые работающие прииски. Все они, стало быть, весьма древнего происхождения и при неоднократных переделках и переносках строительный материал, подвергаясь перерезке, сортировке, постепенно мельчал. Добавлялся неизбежно и свежий, почему ни одна из построек не однородна по составу материала и представляет кое-как собранный и сколоченный строительный хлам. Стоимость всех построек давным-давно амортизована и ценность их в настоящее время равна нулю.

ЖИЗНЬ В КАЗАРМАХ ЛЕНСКОГО ЗОЛОТОПРОМЫШЛЕННОГО ТОВАРИЩЕСТВА.

Руководствуясь данными приложенных при сем чертежей [1]) типических форм казарм для размещения рабочих, нетрудно составить себе довольно ясное представление о формах жизни рабочих в помещениях этого рода.

Для иллюстрации избран лучший тип казарм с наиболее просторным размещением рабочих.

Чертежи относятся к казармам Андреевского прииска, бывшей Компании промышленности. На них изображена лишь половина казармы. Другая половина в точности соответствует первой. Казармы довольно ветхи, но по самому их типу видно, что первоначально задуманный план был подчинен довольно целесообразным соображениям и, до известной степени, отвечал своему назначению. Как видно из чертежа, каждая половина казармы делилась широким и просторным коридором на два равные по емкости помещения, в которых рабочие размещались на нарах дву- и одно-спальных, как это показано на чертеже. Высота казарм 5 арш., площ. 455,00 кв. арш., считая с коридором. При 5 арш. высоте это составит 84 куб. саж. Судя по размещению нар, в отделении 1-м помещается 28 человек, в отделении 2-м—11 и в 3-м—26 человек. Всего в трех отделениях 65 взрослых. Полагая на каждое семейное гнездо от 1 до 2 детей, получим население казарм из 65 взрослых и 19 детей, всего 84 человека. Отсюда видно, что население казарм в настоящее время перешло пределы насыщенности, установленные Иркутским горным управлением (полторы куб. саж. воздуха на человека).

По плану же видно, что при устройстве казарм имелась в виду совершенно иная их эксплоатация.

Коридор вовсе не назначался для размещения в нем людей.

При устройстве некоторых несложных приспособлений, часть его могла бы служить сушильней для мокрой одежды рабочих, а другая — сенями и передней для размещения верхней одежды.

Так, по всей вероятности, и было раньше до перехода приисков во владение товарищества Лензото.

[1]) Чертежи, приложенные к подлиннику, нами не воспроизводятся. *Ред.*

Нынешняя форма эксплоатации здания видна на чертежах, плане и разрезах.

В отделениях, отмеченных в чертежах № 3 и № 1, в гнездах а) и б) спят за занавесками по 2 взрослых и по 1 и 2 детей; двое на особых полках, подвешенных к стенам, и третий в люльке. В промежутке между нарами на полу двое и один взрослый на ординарной наре, что против двуспальной.

Из чертежей же видно, что в казарме не имеется ни одного свободного простенка. Это значит, что умывальника подвесить негде [1]), негде разместить и одежды. Вот она и складывается в сундуки под нары да размещается на полках, пересекающих пространство казармы крестообразно по направлению к очагу — плите, размещенной в середине казармы.

Вода с мокрой одежды ручьями стекает на пол, а оттуда в подполье через щели в полу.

На очаге стряпают, согревают воду в чайниках, а пространством над плитою пользуются в качестве сушильни. На полках наставлены намокшие валенки, повешены штаны, куртки, словом весь гардероб рабочего. Зимою испарения наполняют все помещения, как это бывает в банях. Настойчивостью горного надзора в настоящее время достигнуто, что в большинстве казарм имеются над плитами вытяжные колпаки. Но и тут скаредность общества нашла себе выражение в том, что вытяжная труба из-под кожуха выходит только на чердак и не соединена с дымовой трубой очага. Тяга поэтому весьма слаба, но зато расход на топливо меньше.

При казармах вовсе не имеется помещений вроде чуланов и кладовок. Некоторые рабочие на наружных поперечных стенках устроили подвесные ящики и держат в них провизию, но приисковое начальство почему-то против того. К приезду сенатора Манухина большинство из них было убрано.

В борьбе с клопами, жарой от постоянно накаливаемой плиты и другими казарменными неприятностями рабочие на летнее время стараются выселиться из казарм в особые «балагашки»,—постройки вроде сарайчиков для склада дров. Выселяются на чердаки и др. места, какие только оказывалось можно занять безнаказанно.

[1]) Во время осмотра казарм членами ревизии все умывальники оказались вне казарм на улице. (*Прим. подлинника.*)

Там же, на Андреевском прииске существует казарма для семейных рабочих, устройство которой показано на чертеже № 4.

Особенность ее состоит в том, что внутреннее ее пространство разделено перегородками, не доходящими до потолка, на особые комнатки («каморки») для каждой семьи. Отопление «номера» — центральное в том смысле, что все комнатки отапливаются одним общим для всех очагом, почему, думать надо, и перегородки не доведены до потолка.

Казармы подобного типа и составляют мечту семейных рабочих. Но, вообще говоря, к вопросу о совершенном отделении холостых от семейных рабочие относятся весьма условно. Слишком много выгод связывают обе стороны при совместной жизни. Дело в том, что жены рабочих ведут обыкновенно хозяйство холостых, готовят для них пищу, стирают белье, иногда и обшивают, получая за это с человека — «сынка», как их тут зовут, по 3 рубля в месяц. Таких «сынков» на попечении хозяйки бывает от 3 до 9 человек. «Сынки» эти на ночлеге избирают место поближе к «хозяйке». На одиночной наре против семейной и помещается обыкновенно «сынок».

Представьте себе картину жизни в номере в морозный день, имея в виду, что горняк употребляет ежедневно не менее $^1/_2$ бутылки водки, а в праздник значительно больше. Чего только тут не бывает: разгул, карты, орлянка, побоища, разврат... все бывает. Бедные дети, куда им укрыться от этого срама?

На чертежах, как и сказано раньше, изображены типы лучших казарм, где рабочие расположены сравнительно свободно. Типов казарм очень много, но все же коренное их отличие сведется к большей или меньшей тесноте помещения. Стоит прибавить к числу тех нар, какие указаны на чертежах, несколько новых — и получите казарму произвольной тесноты.

Товарищество быстро расширяет дело, а затруднения с разрешением жилищного вопроса для прибывающих рабочих разрешает очень просто. В существующие казармы оно вносит новое количество нар, населяет рабочими коридоры, обращает под жилые помещения старые прогнившие промывалки, паровичные и т. п.

Таким-то вот образом жилища рабочих на приисках товарищества и оказались в описанном состоянии, по которому:

1) В строительном отношении они совершенно не удовлетворяют требованиям, вытекающим из условий пользования ими в существующих суровых климатических условиях.

2) При казармах нигде не устроено специальных помещений, назначенных для сушки мокрого платья. Для этой цели пользуются теми же помещениями, в которых живут и спят люди.

Необходимость устройства специальных, целесообразно для сей именно цели назначенных помещений вытекает из того обстоятельства, что мокрость одежды неизбежно вызывается техническими условиями производства горных работ и является не случайным обстоятельством, но постоянным следствием самого участия в горных работах.

3) При выходе из шахт или вовсе не имеется теплушек, или они таких размеров, что способны удовлетворить лишь нужды служащих: инженеров, надворных, становых и смотрителей. А между тем рабочим в мокрой одежде при морозах приходится проходить до казарм пространство по $1\frac{1}{2}$ — 2 и даже 5 верст.

4) Рабочему после грязных работ негде привести себя в порядок и почиститься. Те подвесные рукомойники, которые видели члены сенаторской ревизии, этой цели совершенно не удовлетворяют, да, как я имел случай показать раньше, и для них в казармах не нашлось места.

5) Большинство казарм переполнено людьми. Детям же вовсе не отведено мест для спанья. Мы наблюдали случай, когда ребенок помещался на полу под полкой для мытья посуды у самой плиты.

Вообще спанье на полу при описанном выше строительном несовершенстве казарм представляется делом весьма и весьма опасным для здоровья, а между тем к этому вынуждено не малое количество рабочих или их детей.

Положение детей в казармах поистине ужасно...

Существующие казармы в большинстве в таком состоянии, что угрожают не только здоровью, но и жизни рабочих, а потому подлежат уничтожению. Стоимость их амортизована.

Горному надзору надлежало бы принять меры к постепенному закрытию казарм, руководствуясь степенью их ветхости и пригодности. При сопротивлении со стороны товарищества—обратиться к содействию суда.

В этом, и единственно в этом, по моему мнению, должны состоять меры, направленные к улучшению положения жилищного вопроса в будущем...

№ 3.

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА РАБОЧИХ СЕНАТОРУ МАНУХИНУ О ПРИЧИНАХ ЗАБАСТОВКИ [1].

Е. в.-пр. члену Государственного Совета сенатору Манухину

рабочих Александро-Невского прииска

Докладная записка.

Позвольте доложить вашему высокопревосходительству о причинах, вынудивших нас оставить работу у Ленского золотопромышленного товарищества в полном сознании, что мы имеем право на это, в виду неоднократного нарушения товариществом договора с нами. Нарушения эти выразились в следующем:

I. Товарищество должно было согласно договора доставлять нам доброкачественные продукты, которых в тайге помимо приисковой лавки достать почти нельзя, особенно при условии задержки товариществом денег; провизия нам доставлялась недоброкачественная: мясо часто доставлялось несвежее, синевато-черное, обрезки, с нарывами; часто рабочие на это указывали служащим, выдающим мясо, но те говорили: «Не хочешь, — не бери и уходи без мяса» и книжки обратно выбрасывались, при этом заставляли брать в очередь коровьи головы с вынутыми языками, были случаи, что в мясе выдавали половые члены, что удостоверено протоколом полицейского урядника. Хлеб нам давался из непросеянной муки с различными примесями (мочалом, щепками, соломой и другими посторонними предметами), капуста давалась в малом количестве, фунта 2 — 3 на неделю, и бывало, что капуста совсем не выдавалась недели по 3 — 4, при чем в первую очередь давалась служащим, а потом уже нам, конечно, выборки. Обо всем этом не раз говорили мы на артельной кухне, где выдают продовольствие. Картошка была у нас тоже в редкость,

[1]) Истор.-рев. арх., Фонд. сен. Манухина, д. 14. На подлинном надпись: „Подана выборными 12/V - 1912 г.“.

при чем порченая и мерзлая. Рыбу выдавали невозможную, которая сырая была похожа на вареную. Посты мы не соблюдали за недостатком постных продуктов, эти продукты выдавались нам по продовольственной книжке. По выписке из амбаров на расчетную книжку давалась мука, масло, чай, табак, спички, бумага и другие предметы, как сапоги, рукавицы и вообще вещи первой необходимости по утвержденной окружным инженером таксе. При отпуске продуктов из магазина вес давался не чистый, а с мешком, так что мы получали меньше веса, а в счет ставилось полностью. Масло было плохое, пестрое, с плохим запахом. Кроме амбаров, имеются у нас магазины. В них продаются те же продукты, кроме того, мануфактура, галантерея, бакалея и другие товары в большом выборе. Из магазинов продажа по вольным ценам. Из амбаров нам выдавали неохотно, часто говорилось, что в амбаре такого товара нет, и посылали покупать в магазин, по более дорогой цене; например, в амбаре сапоги 11 р. 75 к. 14-вершковые, а в магазине 12 р. 50 к., табак 45 коп. за $^{1}/_{4}$ ф., а в магазине 49 коп. и т. д. Для покупки из магазина приходилось брать талоны, которые записывались в расчетную книжку. По талонам, следовательно, приходилось не только принудительно брать те же предметы, которые имеются в амбарах, за более дорогую цену, но, кроме того, приходилось покупать то, что было не нужно, потому что сдачи деньгами совсем не выдавали, иногда сдавали талоны на остаток. Вследствие всего этого наш заработок уменьшался. Цены на товары в частных лавках дешевле, но покупать в них мы не можем, так как не выдают денег. Кроме того, управление мешало нам в покупке товаров у посторонних торговцев, выселяя ходячих торговцев с приисков и не позволяя ходить к лавочникам.

II. Заработная плата, как всегда, удерживалась, деньгами выдавалось мало, и когда нужно было получить их на уплату долгов и покупку необходимого, то нам выдавали талоны, которые нам приходилось продавать с уступкой. Уплата талонами является нарушением закона и договора; при посылке денег родным контора денег в руки не выдавала, а переводила сама, при чем не точно тогда, когда выдавали квитанцию, а с большим опозданием даже при телеграфных отправлениях.

Кроме того, наш заработок вследствие неправильного подсчета отрядных работ при невыработке урока писался меньше поденного или уравнивался с хорошей выработкой, следовательно, плохая выработка ставилась в вину рабочему и за его счет уравнивалась в другие дни. За подкатку тоже не подсчитывалось, хотя подкатка часто превышала 40 сажен. При подсчете служащие могут лишь вычислять по прямой линии, всякие углы и углубления в подсчетах идут приблизительно. В шахтах подсчеты ведутся на глазомер, рулетки прикладывали до огнива (потолочной крепи), а огниво само от 4 до 6 вершков. Кроме того, бывают навалы, за откатку которых не подсчитывали.

III. При работе в мокрых забоях снабжались плохими кожаными шароварами и кожанами и не всегда; шляп тоже не выдавалось; сапоги должны были тоже выдаваться, но их не выдавали, обещали подсчитать 18 коп. в день, но этого не сделали.

IV. При работах не исполнялись правила для работ в шахтах. Освещение было слабое,—на спуск в шахту было 2 лампочки на 17—18 саж.; а часто и совсем не было, приходилось спускаться в темноте, лестницы не глухие, а стремянки, упасть с которых было легко, инструмента в бадьях не спускали, приходилось спускаться с инструментом в руках с опасностью ранить себя или товарища. Провода электрические ничем не защищены, то и дело можно получить удар. В штольнях тоже плохое освещение, выката сломаны и пробиты часто тачками, когда штольни наполнены дымом от взрыва динамита. В штольнях канавы не закрыты, часто туда падают. Динамит плохой, от которого головные боли и тошнота, от пожогов часто бывает угар; заливают их перед самым приходом на работу, от этого иногда приходилось вытаскивать угоревших. Вентиляция отсутствует, около зумпфов ставятся жаровни (хмары), где кладут угли, а иногда дрова, которые дымятся и едят глаза. В некоторых шахтах, где нет соединения с другой шахтой, делались нагнетальные ветромоторы, но они действовали слабо. После пожогов никакой особой вентиляции не делалось. В шахтах лесоспуск есть лишь на двух шахтах, да и то без предохранительной сетки, так что бывают несчастные случаи.

V. При шахтах нет раздевалки, так что в зимнее время при мокрых работах рабочие в мокрой одежде идут 1—1½ вер.

при 40°, а часто и свыше, мороза, при чем вся одежда обледеневает так, что приходится часа полтора самому оттаивать в казарме. В шахте нет кипяченой воды, приходится пить почвенную воду.

VI. Помещения не соответствовали обязательным постановлениям, нет разделения казарм на холостых и семейных, не было сушилен, приходилось сушить над плитами для пищи. Плиты находятся посреди казарм; стены промерзают; пол щелистый, дует; потолок ординарный, земля сыплется; сырость; холод, когда не топится плита; рамы ординарные; стекла поломанные. В жилое помещение вход прямо с улицы без сеней, кладовые при казармах хотя и есть, но так малы, что хватают на 10—15 человек, тогда как в казармах живет по 30—40 человек взрослых; вентиляция устроена в виде сквозных дыр в стенах, закрываются эти дыры тряпками, которые зимой замерзают. Сушилок в казармах нет. Прачечная хотя и есть, но в нее приходится ходить на другой конец стана, да и мест в ней мало. Отхожие места были без дверей и запора, разделения на мужские и женские не было. Кузница от работ находится далеко. Баня для рабочих плохая, отстоящая от казарм около 2 верст.

VII. По закону и договору мы должны были пользоваться бесплатной медицинской помощью, но таковой часто не получали, так как не хватало коек, лекарств, врачей было мало, больных часто выписывали до выздоровления по недостатку мест, пищевое довольствие было очень скудное, центральная больница отстоит от казарм в 2½ версты.

VIII. Администрация злоупотребляла своим правом требовать женщин на работу, отрывая их от детей, хозяйства и заставляя их работать, несмотря на состояние их здоровья. Женщины часто жаловались на грубое обращение служащих и гнусные приставания.

IX. Рабочие штрафовались по придирке служащих, при чем штрафы записывались льготными днями.

X. Подростков заставляли работать по 10 и 12 час. и ночью наравне со взрослыми, а платили по уменьшенной плате.

XI. По правилам внутреннего распорядка работа должна была производиться 10 час. в день, но, благодаря требованию администрации, приходилось выходить на раскомандировку за час до свистка, так что мы находились уже в шахте или на

работе во время первого свистка, между тем как по закону время спуска в шахты считается рабочим временем; при неявке на раскомандировку, т. е. позднее 5 час. утра или дня, к работе рабочие не допускались, день писался льготным и заменялся праздничным днем с лишением полуторного вознаграждения. В праздники рабочие вызывались на работу принудительно без всякого их спроса подачей свистка. За невыход на работу в праздники бывали переводы из шахты на поторжную работу, лишали рабочего его половинки или же посылали по разным укладкам. Сверхурочные работы (вечеровки) назначались без спроса рабочих, часто продолжались 2—3 часа в день, при чем иногда не оплачивались.

XII. Администрация относилась крайне грубо к рабочим, ругань была самая отборная, были случаи драки, нигде нельзя было найти управы. Все вышеописанные обстоятельства доказывают нарушения Ленским золотопромышленным товариществом договора, мы вынуждены оставить работу по вине управления, часть же была рассчитана приисковой администрацией без всякой вины с их стороны, как-то: вахтовые механики, а также горняки и остальные рабочие в дальней тайге, поэтому мы полагаем, что приисковая администрация должна будет уплатить всем рабочим по 41 и 45 ст. прил. к ст. 661 устава горн., не доводя дело до суда, в чем и просим ваше высокопревосходительство оказать нам содействие при миролюбивом разрешении этого вопроса. Особенно тяжело отразилось прекращение работ на тех рабочих, которые должны по своим семейным и личным обстоятельствам выехать в настоящее время с приисков: прожив все и не имея заработка, они не могут даже выехать в настоящее время с приисков. В дальнейшем изложении мы просим ваше высокопревосходительство о свои нуждах, часть которых может быть удовлетворена при благосклонном содействии вашего высокопревосходительства. Мы живем здесь отрезанные от всего мира, особенно за время с осени по весну, в это время мы находимся в полной зависимости от приисковой администрации, управление имеет все средства держать нас в полном своем подчинении и полной кабале. Хотя мы работаем по срочному найму и, казалось бы, обеспечены постоянным заработком до срока и защищены законом от притеснения, но это совершенно не верно. Во-первых, наш договор заключен с тем

условием, что мы обязуемся выходить на всякую работу без возражения, этим правом товарищество пользуется широко. При малейшем нерасположении нас переводят с одной работы на другую, при чем плотников, слесарей и других специалистов переводят на другую работу с меньшим вознаграждением, горняков ставят на починку дорог, проведение канав и т. д., не считаясь с зимой, с теми обстоятельствами, что зимой у горняка нет теплой одежды для верховой работы. Кроме того, нас рассчитывают за каждую мелочь по ст. 105 уст. о промышленности, и мы зимой остаемся без работы и без денег в тайге, далеко от всякого жилья. Опасение попасть в немилость к какому-либо становому, старшему или нарядчику, лишает нас всякой возможности оказывать сопротивление в пределах законной защиты своих прав. Принудительный труд женщин и подростков об'ясняется также ужасом остаться без гроша денег с семьей в тайге зимой. Что мы и жены наши переживаем благодаря этому принудительному труду—ваше высокопревосходительство можете узнать из частных расспросов женщин. Нам некуда было итти жаловаться,—всякий наш шаг известен администрации, и всякая жалоба может повести к наказаниям в том или другом виде. Безмолвно должны мы молчать при всех нарушениях закона, не находя нигде защиты. Мы питались отвратително, и на все замечания нам отвечали угрозами расчета. Каковы наши помещения, ваше высокопревосходительство, увидите при личном осмотре, хотя по осмотру летом нельзя судить о положении наших жилищ зимой, в холод, достигающий от 40 до 50°,—только смертность наших детей говорит о тяжелых условиях нашей жизни. Работа в шахтах в мерзлоте, при плохом освещении, в мокрых местах губительно действует на наше здоровье. Вот почему мы и выставили 8-часовой рабочий день, как наше требование, наравне с остальными требованиями, заявленными нами приисковой администрации. Последняя обещала исполнить ряд требований, но у нас нет уверенности, что эти требования будут исполнены. Гарантия в их исполнении может быть во внесении их в договор, с одной стороны, и в создании учреждения для надзора за исполнением их, с другой стороны, в лице рабочих комиссий или помощников окружных инженеров, близких к рабочему населению. Гарантией исполнения договора мы считаем также удлинение срока договора до 1-го мая 1913 г.,

что является необходимым особенно теперь, когда до 1-го сентября 1912 года остается менее трех месяцев; если бы наше соглашение произошло в марте, то был возможен срок договора 1-е сентября; в настоящее же время срок договора по 1-е мая 1913 года является одним из главных требований и желаний рабочих. Наравне со сроком необходимо удовлетворение в увеличении заработка путем увеличения расценок. За последнее время, несмотря на вздорожание продуктов, заработки наши уменьшались. Надежда наша на под'ем золота тоже упала, так как администрация употребляет все силы лишить нас возможности поднимать золото, уменьшая освещение в забоях и запрещая рассматривать породу. Поэтому вопрос об увеличении заработка для нас является не вопросом нашего упорства, а вопросом жизненной необходимости.

В предложенных расценках администрация ставит нас в невозможность нормальной выработки, создавая опять почву для произвола и столкновения. Нельзя требовать от рабочих выработки 4 аршин, как неприменимой, так как такая выработка может быть при исключительных условиях и исключительном напряжении, что признает и сама администрация, назначив за 4 аршина повышенное вознаграждение, а то, что требует особого поощрения, не может быть поставлено как обычный урок. Рабочие, конечно, будут увеличивать свою выработку до 5 и более аршин, но они будут гарантированы, что не будут оштрафованы за выработку среднего количества, т.-е. 3 арш., а для этого надо 4 арш. заменить 3 аршинами, обеспечив рабочим поденную плату при выработке меньшего количества в трудно-поддающихся грунтах (мерзлота, скалистые напластования и т. д.). Необходимо также включить проход из казарм на шахты в рабочее время или же оплачивать его особо в два конца, что является необходимым в виду отдаления шахт от казарм. Таковы наши пожелания в связи с предстоящим заключением договора. В договоре нужно, чтобы было точно указано число рабочих часов 8 и 6 для мокрых забоев и 10 часов для остальных работ. Вместе с тем мы просим исхлопотать в законодательном порядке нам общий 8-часовой рабочий день в виду суровости климата и тяжести работ в шахтах и 6-часовой рабочий день при сильном притоке воды и государственное страхование на случай инвалидности и смерти. Желательно также определить условия

работы подростков и женщин, уничтожив принудительный труд последних путем введения в договор условия, чтобы пришедшие с рабочими женщины не были обязаны итти на работу по требованию управления, а могли бы итти на работу только по собственному желанию, при чем необходимость отнести к обязанностям женщин уборку и чистку жилищных помещений за исключением побелки и штукатурки, которые требуют некоторых знаний и должны оплачиваться согласно расценки. Необходимо также выяснить вопрос о сверхурочных работах, которые должны оплачиваться особо, хотя бы по табели, и установить необязательность работы в двунадесятые и другие праздничные дни, работы в каковые дни должны быть предоставлены взаимному соглашению сторон и оплачиваться полуторной платой. Если последнее из этих наших желаний не будет проведено в договор, то мы покорнейше просим ваше высокопревосходительство исхлопотать нам в законодательном порядке как необязательность работы в праздничные дни, так и сокращение рабочего дня в предпраздничные дни, чем пользуются рабочие в других предприятиях, например, на железных дорогах и у нас на Надеждинском прииске в механическом отделении. Необходимо также выяснить вопрос о непромокаемых сапогах, кожанах, шароварах и шляпах, так как при отсутствии в достаточном количестве этих предметов нам приходится часто болеть, а многие из нас получают ревматизм, лишающий совершенно трудоспособности. Необходимо в договоре отметить, что за устройство временных помещений в командировках, приисковых партиях полагается плата по расценке. Необходимо также в договоре добавить, что вычет за порчу инструментов и другого имущества производится лишь в том случае, если таковая порча произошла по грубой неосторожности рабочего, так как инструменты большей частью ломаются в силу естественного изнашивания. Необходимо также в договоре, по нашему мнению, отметить, что рабочему, за которым числится долг, Ленское товарищество в праве отказать в «выдаче» за исключением предметов первой необходимости, так как товарищество всегда ставит рабочих в такое положение, что рабочие покупать у посторонних торговцев не могут из страха быть уволенными. В договоре нужно отметить, что квас отпускается как рабочим, так и женам их бесплатно, так как положенной одной

четверти ведра недостаточно для семейного, и доставляется товариществом рабочим на место работ. Нужно рабочим, чтобы за время болезни от всяких причин Ленское товарищество оплачивало труд хотя бы в половинном размере. Затем, существенным для нас вопросом является освещение, которое необходимо, по нашему мнению, выдавать на каждого человека, таким же существенным вопросом является вопрос о бане, которую необходимо в виду ее тесноты расширить и устроить в ней вешалки, а лучше ящики для платья и белья, так как в настоящее время, при тесноте в бане, белье и платье всех моющихся сваливается в кучи на полу, отчего бывают потери и кражи. В виду отдаленности конторы мы не имеем возможности получать свои письма, поэтому желательно, чтобы таковые доставлялись нам в помещения.

Остальные наши нужды были высказаны в заявлении, поданном нами г. Теппану. При чем прилагаем часть этих пожеланий. Управление Ленского товарищества обещало исполнить другую часть, мы просим рассмотреть и удовлетворить. Все эти пожелания мы подробно раз'ясним в Комиссии для выработки соглашения по поводу договора и расценок, каковую комиссию мы покорнейше просим ваше высокопревосходительство созвать.

Рабочие Александровского прииска

№ 4.

ПРОТОКОЛ ОСМОТРА ФЕОДОСИЕВСКОГО ПРИИСКА [1].

Прииск Надеждинский Ленского золотопромышленного товарищества. 1912 года, июня 9 дня. Я, член Государственного Совета, сенатор, тайный советник Манухин, по высочайшему повелению производящий расследование о забастовке на Ленских промыслах, в присутствии состоящих в моем распоряжении: действительного статского советника Носовича, коллежского советника Коренева и титулярного советника Кишинского, расспрашивал прибывших выборных от горнорабочих Феодосиевского прииска в количестве семи человек

[1]) Истор.-рев. архив. Фонд сенат. Манухина, д. 15. Кроме Феодосиевского прииска, комиссия опрашивала и составила аналогичные протоколы со слов выборных следующих приисков: Александровского, Пророко-Ильинского, Андреевского, Иннокентьевского и Ивановского. Протоколы эти по содержанию очень сходны с протоколом, нами публикуемым. *Ред.*

и двух выборных от рабочих механической мастерской Феодосиевского управления, которые об'явили следующее:

Забастовка на приисках Ленского золотопромышленного товарищества возникла вследствие тех различного рода притеснений, которые промысловое управление, в лице своих служащих, чинило рабочим,—так:

Продовольствие.

Мясо отпускалось плохое. Не то чтобы мясо было всегда плохого качества, хотя довольно часто получали и испорченное, иссиня-черное мясо, но всегда, и это было обычным явлением, служащие за ту же цену получали лучшие части, а рабочие—худшие: отрезы, передки, внутренности; доставались часто рабочим такие части, которые не были пригодны к употреблению в пищу и приходилось их выбрасывать. Вообще надо заметить, что скот неумело бьют—пока животное не умрет, оно много теряет крови, отчего мясо из него получается более низкого качества, чем могло бы быть при умелом убое. Вместе с обыкновенным мясом часто попадалась конина, при чем конину не держали в магазине исключительно для магометан, которых на приисках большое количество, а выдавали всем без разбора. Так, магометане помимо конины получали и обыкновенное мясо и, наоборот, другие рабочие помимо мяса получали и конину. При этом плохое мясо принуждали брать насильственно. «Если не хочешь брать», говорили в магазинах, «то мы тебя в книжки запишем». Помимо того, что мясо выдавали плохого качества, нас еще и обвешивали. Жаловаться же на плохое мясо и на обвес было нельзя. Жалобщика или рассчитывали или переводили на худшие прииска в дальнюю тайгу. Низшие служащие на наши заявления не обращали внимания, обычно говоря: «Это дело не наше».

Хлеб давали из непросеянной муки, попадались в нем веревки, солома и даже конский кал, при чем служащим по той же самой цене, что и рабочим, хлеб отпускался из просеянной муки. Должны, однако, заметить, что после забастовки хлеб стали выдавать лучшего качества.

Капусту также отпускали не на равных условиях служащим и рабочим, и не в достаточном количестве—не более 10 фунтов в месяц на человека, а в текущем году капусты

не могли получить в течение трех месяцев; служащим же отказа не было.

Картофель также выдавали не более 20 ф. в месяц на рабочего, чего нельзя признать достаточным.

Лук выдавался только весною и в малом количестве.

Рыба попадалась часто гнилая, еще не варишь ее, а мясо отстает от костей, возьмешь в руки—сразу распадается. Рыбу (максун и нельму) Ленское товарищество обязано ставить круглый год, а между тем часто отказывает в выдаче рыбы, при чем если и отпускает, то или порченую или худшие части,—«пупок» отдает служащим, а рабочим—голову и хвост. Жаловаться же, повторяем, не смели, так как хорошо знали, что того, кто осмелится жаловаться, рассчитают. В отношении пищи к рабочим применялась излюбленная в здешних местах поговорка: «Прииекатель не свинья—все с'ест». (Для примера можно указать, что в августе месяце 1911 года четверо рабочих, получивших тухлую рыбу, жаловались на это управляющему Самохвалову, но за это были уволены.)

Приготовление кваса плохо обставлено. В нем постоянно попадались волосы, разный сор; часто, если не хватало кипяченой воды, разбавляли его сырой, так что «касторки не надо принимать». Воду при этом берут из «электрической канавы», куда идут все отбросы и спускают нечистоты. У этой же канавы расположен конный двор, с которого стекает в канаву вся грязь.

Вообще рабочие воду получают очень скверную.

Рабочие должны пользоваться ключом «Загалдын», у которого были расположены отхожие места (теперь их оттуда убрали), и в который стекают нечистоты, а служащим привозят вполне пригодную воду из Гачинского ключа. Раньше и рабочим возили воду, а теперь приходится брать самим и притом из загрязненного ключа «Загалдын». В шахты воду не подвозят, и работающие в шахтах пьют поземную воду, весьма вредную для здоровья, в силу особенностей местной почвы.

Помещения.

Казармы не соответствуют количеству размещенных в них людей. Коридоров нет. Вентиляция отсутствует. В особенности последнее обстоятельство ощутительно, когда во время варки пищи подымается большой чад, а при сушке мокрой

одежды и белья над плитой стоит в казарме пар. При этом грязь, стекающая с просушиваемых предметов, попадает в приготовляемую на плите пищу. Пол весь в щелях, из которых постоянно дует, с потолка сыплется земля, стены также плохи, холод зимой сквозь них свободно проникает, так что в помещениях «зима настоящая». Дети часто простуживаются в таких помещениях и много их от этого помирает. Так, например, в номерах 6-м и 7-м механической мастерской настолько ветхи стены, что зимой вода замерзает, а сзади этих номеров расположена конюшня, нечистоты с которой протекают мимо казарм, распространяя зловоние. В номере 2-м отсутствуют вторые рамы, так что часто зимой бывает снег на полу. В номерах 1, 2, 3 и 4 Феодосиевского прииска окна находятся у самой земли, и нечистоты, идущие с отхожих мест, расположенных немного выше перечисленных казарм, протекают мимо окон и заражают воздух. Теперь производилась очистка отхожих мест—«ватеров»; вычистили также и помойные ямы, распространявшие зловоние. В номере 5-м на Надеждинском прииске рабочие сами отводят нечистоты.

Что же касается разделения семейных от холостых, то желательно, чтобы в общих казармах были сделаны перегородки для семейных и отвели бы им побольше места с тем, чтобы холостой не помещался в самом отделении для семейного. Совершенное же отделение их в особые казармы невыгодно как для семейных, так и для холостых. С одной стороны, холостому необходимы женские услуги—сварить пищу, выстирать белье и т. п., с другой же—женщины, получая за разные услуги особую плату, прибавляют ее к заработку своих мужей, что в соединении и дает возможность существовать семье. Однако в ограждение интересов нравственности и благопристойности, необходимо отделение семейных в особые комнаты.

К улучшению помещений Ленское товарищество не принимает никаких мер. Новых казарм почти не строит. За год на Феодосиевском прииске была построена одна новая казарма, да и то для новых рабочих, а теснота в старых казармах остается все та же. При этом новые казармы не лучше старых; одно в них улучшение—это сушилки, которые в виду большой скученности в казармах занимаются рабочими для жилья.

Сушилки при казармах отсутствуют, а если где и устроены, то в них живут рабочие.

Прачечных мало и притом они малого размера и плохо оборудованы, в них нет даже котлов для кипячения воды и корыт. Женщины сами приносят железные банки, корыта и другие приспособления для мытья белья.

Баня одна, расположена она от некоторых казарм версты на две, так что многим далеко ходить. Отапливается она неудовлетворительно. Бывали случаи, когда зимою вода замерзала. Вместимость бани на 70 человек, а в два дня, которые даются в месяц на баню, должны вымыться две с половиною тысячи человек, при чем полдня отводится для женщин, для мужчин же остается полтора дня. Таким образом многие лишены возможности пользоваться баней и подолгу вовсе не моются.

Освещение не полагается. Казармы освещаются на счет рабочих, даже коридоры не освещены. Перемены теперь в этом отношении нет никакой. Как раньше не освещали казарм, так и теперь не освещают.

Медицинская помощь.

Что касается медицинской помощи, то и она поставлена неудовлетворительно. Больница одна, маленькая, вмещает она не более 40 человек. Часто за недостатком помещения выписывали невыздоровевших. При больнице состоит один врач, один фельдшер и одна акушерка на 3½ тысячи человек, живущих на прииске. Увечные получали помощь несвоевременно, лошадей для поездки в больницу не отпускали. Вообще отбивали охоту обращаться за помощью в больницу тем, что засчитывали это время за прогул, а кроме того, часто просто не признавали больным и в больницу не принимали. Механических рабочих, в случае заболевания, с Надеждинского посылают в больницу на Липаевский прииск, отстоящий на расстоянии 6 верст, лошадей не выдают. Так, был случай прошедшей зимой, когда заболели двое детей одного рабочего механической мастерской. Мать была также больна и не имела возможности отвести детей в больницу; просила лошадей— не отпустили. Отец также обращался с просьбой дать лошадей, но ему отвечали, что сам может отправить детей. Пришлось в сильный мороз отпустить детей одних. По дороге они чуть

не замерзли, и если бы проезжавший заведующий депо на Александровском прииске Гадер не подобрал их, то дети погибли бы.

Работы.

Рабочие должны выходить на работу в 6 часов утра, а заставляли выходить в 5 часов и даже раньше, когда и производилась раскомандировка. Принуждение состояло в том, что, кто опоздает к 5 часам, того или прогоняли, или засчитывали этот день как прогул, или посылали на худшую работу, При этом ходьба до шахт не засчитывалась. Кончали работу вместо 6 час. вечера в 7 часов. Таким образом, при обеденном перерыве в 2 часа, рабочий день удлинялся до 12 час. вместо 10.

Денной урок установлен в 4 кубических аршина, что выработать трудно, даже невозможно. В механической мастерской задавали непосильные уроки. Если какой-нибудь рабочий почему бы то ни было не нравился, то ему задавался такой урок, исполнить который не было никакой возможности, а в то же время за неисполнение такого урока отсылали мастерового на черные работы. Для примера можно указать на случай с кузнецом Пантелеймоном Фидаевым, писцом Герасимом Семлуковым и плотником Виноградовым.

Отрядные работы производятся не по соглашению, а принудительно. Закажут сработать в 50 поденщин то, что можно лишь сделать в 100 поденщин, а за несвоевременное исполнение высчитывают.

Табели работ не ведется, вследствие чего рабочему при расчете невозможно доказать неподсчитанную работу. В особенности часто не подсчитывают вечеровок. Мы на это обращали внимание служащих, но они не признавали недочетов, а если и признавали, то говорили, что «это ничего, подсчитаем в будущем месяце», когда же напоминали, то тогда уже положительно отказывали, говоря: «Ты, может быть, и за прошлый год вспомнишь». А иногда просто подкупали отдельных из заявителей «протестующих».

Зимние праздники не соблюдались—принуждали выходить на работу; кто отказывался, того переводили на верховые работы, а при повторении выдавали расчет.

При работе в мокрых забоях не подсчитывают за сапоги. В шахтах не дают достаточного освещения, работают в тем-

ноте. В пользовании взрывчатыми веществами происходят задержки, приходится долго ждать пальщиков. Когда заявляли об этом, то служащие обычно отвечали: «А нам какое дело, если не можете дождаться, то хоть кулаками работайте». Таким образом при задельных работах много времени идет непроизводительно, а время отдыха сокращается. Некоторые необходимые инструменты заставляют приобретать на свой счет.

Вообще условия труда постепенно ухудшались. За последние два года управление сбавляло заработную плату, на мелочах стало обсчитывать, заработок сильно понизился, и многие рабочие за недостатком заработка добровольно покидали прииски. Так, прошедшей зимой около 500 человек ушло в Читу пешком, почти без денег, за 2.000 верст.

Женщин назначали для исполнения домашних работ служащим по выбору последних, несмотря на отказ женщин, отлично знавших, что их ждут оскорбительные для женской чести предложения. Отказываться же нельзя было, так как мужья получали выговоры, а то и расчеты. Был такой случай, когда рабочий Сорокин (живет на Успенском прииске) обратился с жалобой к мировому судье на грубое насильственное приставание одного из служащих к его жене на маевке, но в принятии этой жалобы мировой судья отказал. Маевки эти (своего рода пикник) устраиваются во время встречи прибывающего из С.-Петербурга главноуправляющего Белозерова. Для прислуживания наряжаются женщины, опять-таки не по по желанию, а по особому выбору. Вечером, при возвращении с маевки, женщинам не позволяют итти дорогой, а приказывают итти кустами, мужчины же их ловят: «Вы будете серны, а мы охотники»—говорили они.

Подростков, по местному «малолеток», заставляли чрезмерно работать, а кроме того, вышедших из этого возраста продолжали считать «малолетком», чтобы не платить, как взрослому рабочему.

Амбары и магазины.

Продукты мы получаем из амбаров и магазинов следующим образом. Амбар бывает открыт раз в месяц, при чем выписка производится 2—3 дня, о чем вывешивалось об'явление. Перед амбаром стоит обыкновенно большая очередь, и

нужно было приходить заранее, чтобы что-нибудь получить. Тот, кто опаздывал, должен был уже брать из магазина, где все на 2—3% дороже.

В вольных магазинах забирать товар боимся, так как за такими рабочими следили, забирали в казачью и вносили в «черную книгу» и уже на будущую операцию не принимали. Покупать же в вольных магазинах несравненно лучше: во-первых, некоторые товары дешевле, во-вторых,—имеется возможность выбора, а в третьих,—закупленный товар торговцы привозили к казармам, из амбара же приходится все тащить на себе.

Способы расплаты.

При ежемесячных расчетах денег нам на руки не выдавали. Просишь денег—не дают. Выдают только часть—не более 10 рублей, а на остальные выдавали талоны. В магазине сдачи с талона не давали, приходилось брать товара на весь талон тогда, когда товар был и не нужен.

Кому до крайности нужны были деньги, тот вынужден был продавать свой талон другому рабочему, хотя таких желающих купить талон было мало. Частные лица не занимались скупкою талонов у рабочих, производилась эта операция лишь с якутами, которые деньгами ничего не получают.

Для перевода домой денег на руки не выдавали. Контора сама переводила и притом с большим опозданием, иной раз больше месяца. Даже при телеграфных переводах денег контора чинила большие задержки.

Обращение служащих.

Обращение с нами служащих вообще очень грубое, с отборною площадною бранью. Такое обращение поддерживается самим управлением, о чем свидетельствуют сами служащие. Всем нам известна излюбленная поговорка Белозерова: «У меня от коня остается грива да хвост, а от вас (т.-е. рабочих)—только нос». Должны отметить, что служащие очень ревностно относятся к возложенным на них обязанностям, принимают непосредственное и деятельное участие в обмерах, обвесах и обсчетах рабочих. Это об'ясняется тем, что почти все они имеют акции Ленского товарищества и, таким образом, заинтересованы в прибылях предприятия.

Жалобы.

Что же касается до заявления и жалоб на те нарушения и притеснения, которые допускали по отношению к рабочим служащие, то они не достигали цели. Управление их не принимало во внимание, а лишь отмечало жалобщика и затем или переводило на «Кулебрянник», отстоящий за 200 верст, причем за время перехода не платило (это называлось ссылкой на Дальний Восток) или просто рассчитывало. Главноуправляющий и управляющие не обращали никакого внимания на нужды рабочих; обращаться же за защитою к окружному инженеру было совершенно невозможно. Итти к нему далеко— прогуляешь два дня, да, кроме того, такого жалобщика отметят, а затем рассчитают. По почте жалоб также нельзя было посылать, так как письменные заявления идут через контору управления. Окружный инженер приезжал на прииск очень редко—в этом году за восемь месяцев не был ни разу; вообще же Тульчинский посещает прииск 4—5 раз в год. Да эти посещения не имели для рабочих никакого значения. Администрация знала о приезде окружного инженера дня за два,— все, что следовало, подправляла, опасные забои замаскировывала. При обходах за окружным инженером ходили служащие и кто-нибудь из администрации, которые и записывали всякого жалобщика. Этим путем управление достигло того, что жалоб почти не было, так как никто не решался лишиться своего заработка.

С. Манухин. В. Носович. Корнев. К. Кишинский

№ 5.

ОБОЗРЕНИЕ АЛЕКСАНДРОВСКОГО ПРИИСКА [1]).

Июня 11-го дня 1912 года. Член Государственного Совета, сенатор, тайный советник Манухин, в присутствии состоящих в его распоряжении действительного статского советника Носовича, статского советника Елачича, коллежского советника Коренева, действительного статского советника Горбунова, статского советника Митинского, доктора медицины Червенцева и титулярного советника Кишинского, обозревал Александровский прииск Нижнего управления Ленского золотопромышленного товарищества.

[1]) Истор.-рев. архив. Фонд сен. Манухина, д. 16.

Осмотр начался с помещения продовольственной кухни, которое состоит из двух частей—первой, где производится разнимание мяса на части, и второй,—для склада и отпуска провианта рабочим. Вторую часть помещения следует признать тесной, не могущей вместить в себе лиц, являющихся за провиантом. Лица эти вынуждены, становясь в очередь, часами дожидаться отпуска продовольствия. При продовольственной кухне состоит один заведующий и два помощника, получающие жалованье от Ленского товарищества и живущие при помещении. Помещение содержится неопрятно, а в особенности прилавки. Осмотрены и испробованы: 1) хлеб, который оказался удовлетворительного качества, но по выпечке сыроват и вследствие сего тяжел; 2) мясо—хорошее; 3) капуста была обнаружена в двух бочках, в одной из них капуста была на дне, по цвету и запаху вполне удовлетворительная, на вкус горклая; во второй—полной, по снятии заплесневелого верхнего слоя, оказалась мороженой, но на цвет и запах удовлетворительной, при чем заведующий заявил, что верхний слой всегда выбрасывается и выдаче не подлежит. Рабочие, напротив, утверждали противное. По пути следования по казармам горнорабочим Андреем Васильевым Павленковым (расчетная книжка № 4191) пред'явлена была в котелке порция издающей сильное зловоние капусты, приобретенной им вчера в магазине. По внешнему виду она походила на тот верхний слой, который по удостоверению заведующего не отпускался рабочим; 4) крупа гречневая—по виду хороша и чиста, хотя и с слабым запахом затхлости: ее следует признать годной к употреблению; 5) крупа ячневая—сорная и плохо отсортированная; 6) рыба—хорошая; кладовая, где хранится рыба, мала и содержится грязно.

...Позади продовольственной кухни и квасоварни и далее, между берегом р. Бодайбо и казармами рабочих, расположен ряд отхожих мест новой стройки и срубы помойных ям. Ретирады подняты на стойках, под которыми поставлены открытые кадки. Воздух около них, равно как и у самых жилых помещений, заражен зловонием, исходящим из ретирад и помойных ям.

...В «Витимах» отмечается отсутствие кладовых, так что ящички с провизией стоят прямо на крыльце. По устройству и тесноте эти казармы напоминают ранее осмотренные поме-

щения, с той лишь разницей, что в них отсутствуют помещения для сушилок. Здания эти ветхи, стены и потолок имеют много щелей, оконные рамы не плотно входят в свои гнезда. Кроме того, при отсутствии двойных рам и стекол во многих из них, как и во всех остальных казармах, зимой в номерах должно быть очень холодно. При обходе один из семейных рабочих с малолетними детьми заявил, что он за всю зиму не мог добиться застекления находящейся в его отделении оконной рамы, вследствие чего зимой на полу у него был снег. После этих казарм была осмотрена расположенная на противоположной стороне улицы, через электрическую канаву, казарма, по устройству своему не отличающаяся от описанных. Около этой казармы обратили на себя внимание открытый сруб, заменяющий собою помойную яму, из которого нечистоты, распространяя зловоние, стекали прямо в электрическую канаву, и два отхожих места, висящих над канавой, при чем устройство последних, благодаря отсутствию одной доски в рундуке таково, что может провалиться в канаву не только ребенок, но и взрослый.

Затем был осмотрен приисковый амбар, который открывается для выдачи раз в месяц на 2—3 дня. При нем находится 3 весовщика и 2 служащих, отпускающих в день до 350 выписок. Такса на хранимые в амбаре продукты и припасы не вывешена. Лари с мукой не имеют покрышки, бочки с маслом также открыты. Рядом с бочками находятся ящики с остатками жира и масла. По об'яснению служащего, эти остатки предназначены для смазки машин; рабочие же об'яснили, что эти снятые с боков внутренности бочки остатки отпускаются рабочим...

№ 6.
ЖАЛОБА ЖЕНЩИН, ЖЕН ЛЕНСКИХ РАБОЧИХ, ПОЛУЧЕННЫХ ТУЛЬЧИНСКИМ 24 МАРТА [1]).

Мы, женщины, находящиеся на приисках Ленского золот. т-ва, согласились обжаловать все те причины, которые представляют неудобства жизни. Порешив выбрать из себя представительниц, мы посылаем их к правительственному ревизору г. Тульчинскому, наделенному широкими полномочиями, пред которым и просим выяснить нашу жалобу.

[1]) Истор.-рев. архив. Фонд сен. Манухина; д. 53/22, ч. 2.

Жалоба.

1) Мало того, что Ленское т-во обсчитывает, обвешивает, обмеривает и делает всякие несправедливости по отношению к нашим детям, мужьям, отцам, ему, т.-е. Ленскому т-ву, понадобился наш труд в всевозможных формах и видах: нам приходится выполнять всякие работы включительно с тасканием тяжестей, а также и мужские работы.

2) Работать приходится более 12 часов, а также и ночные работы. Помимо нашего труда от нас еще требуют и наше тело.

3) Когда мы не поддаемся, то нам не проводят рабочее время, выдворяют из казармы, штрафуют, мужьям нашим заявляют, чтобы они внушили нам слушаться; чтобы «проучили» и, если нас мужья и не проучивали, то их наказывали всевозможными лишениями.

4) Насильственным путем они заставляли нас выполнять работы, не считаясь с нашими заявлениями о болезнях.

5) Выгоняли на работы плетьми, отрывая от грудных детей.

6) Грубое обращение, переходящее всякие границы нравственности. Об упомянутом имеем документы за подписью женщин.

С подлинным верно:

Окружн. инженер Витимского горного округа *К. Тульчинский.*

№ 7.

ЗАЯВЛЕНИЕ СОБРАНИЯ ЖЕНЩИН, ЖЕН ЛЕНСКИХ РАБОЧИХ, ОТ 20-го МАРТА [1]).

От 20/III 1912 г. Собрание женщин постановило заслушать жалобы женщин, выбрать из себя представительниц, которые могли бы заявить жалобу окружному инженеру г. Тульчинскому.

Жалобы.

Мало того, что наших мужьев обижают, обсчитывают, обмеривают, обвешивают, им еще нужно наше тело, а если мы

[1]) Истор.- рев. архив. Фонд прокурора ирк. судебн. палаты д. 3/24. Особенности подлинника сохранены.

отбиваемся от них, то нас выдворяют с квартиры, штрафуют мужьев и вновь назначают на тяжелые работы, а если мы все же помимо труда не даем производить над нами насилия, тогда они нам не проводят рабочего времени, а мужьям делают внушения, чтобы они проучили своих жен, а если мужья не проучивают, то это отзывается неблагоприятно на наших мужьях, так что иногда приходится получать через это побои, не разузнавши дела, и при том же нам приходится выполнять мужские работы.

1) Жалоба Татьяны Сорокиной. Я была назначена на работу для увеселительного развлечения г. Белозерова, в маевку; один служащий Соломон Гаврилович хотел сделать со мной гнусное насилие, но я, Сорокина, сопротивилась и грубо ответила, за что муж был на другой день потребован становым в раскомандировочную, и безо всякого расследования был дан расчет немедленно.

2) Жалоба Вассы Косолаповой: была назначена для вязанья венков на маевку, а меня угнали в горы и таскали елки по горам и ямам целый день не евши, а вечером не велели итти по дороге, а велели итти по кустам и горам в ночное время безо всякой защиты.

3) Я, Косолапова, сколько время работаю в одном магазине Л. т-ва два дня в неделю, как известно обходному, и то не проводят дни, а когда станешь сверяться, то тебя же матерят и сволочат.

4) Во время летних работ наряжают на укладку дров, а между дровами заставляют таскать горбыли и балки непосильно для женского труда, а когда скажешь, что не под силу, тогда служащий грозит к расчету мужа и гонит вон с работы.

5) Жалоба Матрены Потехиной. Я работала с машиной шитья подсчет 1 р. 20 коп., а мне провели по 80 коп. и потерялся один день; я стала спрашивать у обходного, а он меня обругал матерно, дурой, бестолковой.

6) Жалоба Евдокии Мамаевой, в том, что, будучи больной женщиной, меня обходный назначил в прислуги. Я, Мамаева, отказалась, тогда моего мужа на другой день назначили к расчету, и эти угрозы повторялись три раза, потом обходный назначил после того на работу; я, Мамаева сказала, что я страдаю женскими болезнями, тогда он меня обозвал нелегальным словом.

7) Жалоба Анастасии Защеринской. Меня обходный назначил мыть у холостых, один из служащих позволил себе выражаться, что нужно сказать обходному, чтобы он не посылал нам такую гордую женщину, которая не позволяет до себя дотронуться и не хочет понять на счет проституции, а потом обходный нарядил меня, но у нас белили помещения, и попало мне в глаз известки, когда нам полагаются от Компании мужики, которые должны белить номера, и много женщин падает и калечится, а обходные насильно заставляют с ругательством белить без платы.

8) Жалоба Аксиньи Колчиной. Нарядили меня на лесной двор убирать щепу, а между щепы заставили таскать горбыли, которые были мне не под силу; я изволила 15 дней вытаскать, тогда я обратилась к Ивану Варфоломеевичу, что мне очень трудно, тогда он ответил: мужиков не хватает тебе, так вот я тебя запрягу под гальку, будешь ты у меня возить.

9) Жалоба Александры Брюхановой. Я имею «сынков», обходный спросил, где работают «сынки», я сказала; не знаю, он меня назвал сволочью и обругал матерно.

10) Жалоба Евгении Сапожниковой. 19-го числа марта был у нас в номере исправник и урядник, спросили: где мужики ваши, повелительно и грубо, я сказала, что не знаю, тогда урядник закричал: «Что не сказываешь, сволочь, скрываешь». Я, Сапожникова, хвораю с испуга третий день.

11) Жалоба Марии Юровой. Я помещалась с семейством в сушилке двенадцатого номера, не имея угла. Когда освободились углы, я стала просить обходного, нельзя ли перейти в семейный угол, а он мне сказал: «Что с тебя толку?—если бы ты была помоложе, то получила бы и угол, а так и здесь в сушилке хорошо».

12) Жалоба Евдокии Поповской. Обходный назначил в собранье и об'яснил, что жалованье полуторное, когда коснулось месячного подсчета, не только не проведено полуторное жалованье, так и двух дней не проведено. Я, Поповская,—спросила обходного, почему не проведены дни, а он сказал, что я не при чем, иди в контору и сверься, а в конторе сказали, что, как нам передает обходный, мы так и пишем.

13) Евдокия Яковлева заявляет, что она была назначена на укладку дров обходным Барминым, и он не провел 4 дня и я их не могла найти—так и пропало.

14) Жалоба Александры Ожгибецевой. 4-го октября был у меня болен муж; я попросила у станового лошадь отвести мужа в больницу, а он сказал: «Ты его за . . . . так и тащи на себе», и лошади не дал; а потом был такой случай: нас работало шесть женщин в собранье, приехал становой и сказал: «Ожгибецева, иди карауль коня», время было 7 часов вечера, тех женщин, которые работали со мной становой отпустил домой, а меня продержал до 8 часов вечера одну и сказал: «Верно, ты замолила бога, что я сегодня не имею времени, а то я тебя бы не отпустил домой на всю ночь».

15) Анастасия Мызникова заявляет на обходного: он требовал, чтобы я была аккуратна на счет лохани; по случаю нездоровья, я никак не могла подняться, тогда обходный меня стал ругать разными словами и только стоит за тех, которые для его свиней сухари сушат, а у меня средств не хватает, чтобы сушить сухари, за то на меня и напал обходный.

16) Жалоба Екатерины Лыткиной. Обходный заехал и говорит: «Что за сволочь не выносит и не подтирает лохань, вот я поставлю тебе 3 рубля штрафу, будешь тогда аккуратней». А что касается неописанных жалоб, очень много есть, в чем и просим вас ваше превосходительство внушить нашей администрации, чтобы они не обращались зверски с нами женщинами и просим мы женщины сократить часов рабочего дня не одиннадцать часов, как оно бывает иногда, а восьмичасовой рабочий день и просим мы все женщины добавки жалованья двадцать процентов и отстранить от непосильных работ.

№ 8.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА БОДАЙБИНСКОГО НОТАРИУСА СВИРИДЕНКО [1]).

Гор. Бодайбо, 1912 года, июня 6-го дня. Я, состоящий в распоряжении члена Государственного Совета, сенатора, по высочайшему повелению производящего расследование о забастовке на Ленских промыслах, коллежский советник Коренев, с соблюдением 443 ст. уст. угол. суд., спрашивал нижепоименованного при чем он показал:

Яков Анисимович Свириденко, бодайбинский нотариус, в каковой должности состою уже 7 л. В течение первых двух—

[1]) Ист.-рев. арх. Фонд сен. Манухина; д. № 46/4, т. 2.

трех лет часть нотариальной практики по делам Ленского товарищества была у меня, затем, когда управлению стало известно, что я отрицательно отношусь к деятельности Лензото, что я не одобряю их совершенно односторонних договоров с подрядчиками, по которым товарищество налагает на подрядчиков обязанности, но на себя никаких обязательств вовсе не берет я был лишен совершенно нотариальной практики от товарищества, которая целиком перешла к мировому судье Хитуну, получающему от нее не менее 6.000 рублей дохода в год, сверх жалования. В городе я пользуюсь общим доверием, и рабочие, приходящие с приисков ко мне по разным делам, верят мне и часто сообщают мне о своих нуждах и жалуются на различные притеснения со стороны Лензото, часто прося советов и указаний. Из этих жалоб и рассказов рабочих я знаю, что недовольство их управлением появилось уже давно. Рабочие жаловались очень часто на обмеры при выработке, что значительно уменьшало их заработки, на обсчеты в заработной плате, на выдачу талонов взамен денег, на то, что при перепродаже талонов, которые были не нужны рабочим, когда они не нуждались в товаре из магазинов, талоны эти учитывались на 20% ниже номинальной стоимости, на обвес при отпуске товаров из магазинов и продуктов из амбаров, на недоброкачественность продуктов, на тесноту помещения в казармах и общее помещение семейных и холостых, на случаи изнасилования женщин и даже детей служащими Лензото, главным образом, тогда, когда женщины и девочки назначались в качестве прислуги и для временных работ в квартиры служащих.

Недовольство рабочих, как я замечал, начало особенно обостряться с момента понижения товариществом заработной платы после перехода дела Компании промышленности в руки Лензото. Торговцы товарами в разнос рассказывали мне, что на территорию приисков их не только не пускали, но прямо задерживали, сажали в казачью, а затем высылали, как беспаспортных, по этапу в гор. Бодайбо. Заширотные торговцы Егоров, Акулиничев и Негашев рассказывали мне, что, если рабочий зайдет к ним в лавку, то его записывали и при первой возможности его увольняли. Дорогу к лавкам заширотных загораживали и старались не пропускать туда рабочих. Бодайбинский торговец Ахмеджанов говорил мне, что нет такой каталажки на приисках, в которой он не побывал бы за свою тор-

говлю в разнос. В договорах с подрядчиками я лично видел прямо обусловленное удержание с подрядной цены ¾% в возмещение расходов самого Лензото на содержание попечительства. Раньше, говорят, это удержание было еще выше и предназначалось, кроме попечительства, на содержание больниц и устройство приискового тракта. Обыкновенный средний рабочий на наружных работах, при тех условиях, которые существуют у Лензото, может проработать только несколько лет, после чего утрачивает трудоспособность, и его увольняют. В мокрых же забоях рабочий не может служить более двух—трех лет — заболевает сильнейшим ревматизмом и его увольняют. Обыкновенно эти уволенные рабочие обращаются в «копачей»—хищников, которых преследуют всеми мерами.

Все эти условия, по моему мнению, систематически подготовляли забастовку, которая и разразилась с такою силой. Однако, ни я, ни другие, не ждали ее, она разразилась для нас совершенно неожиданно, так как трудно было себе представить, чтобы эти закабаленные и порабощенные Лензото люди могли так решительно восстать на защиту своих прав. Я также знаю хорошо, что рабочие у всех подрядчиков товарищества получали значительно бо́льшую заработную плату, чем у самого товарищества, что, конечно, не могло располагать рабочих в пользу товарищества. Почти все служащие Лензото, а также мировой судья Хитун (лично или через жену — не знаю) не говоря уже о таких, как Теппан, Цимберг и др., являются владельцами шер, покупка которых производится при посредстве онкольного счета на суммы в три — четыре раза большие, чем суммы платежей, через разные банки, в том числе, как я знаю, через банк Вавельберга в Варшаве. Деньги переводятся по телеграфу в банк с поручением приобрести то или другое количество шер. В прошлом году один из служащих Лензото — материальный, фамилии которого я сейчас не помню, но обязуюсь по справке сообщить, совершил у меня в конторе доверенность на имя одного лица, живущего в Петербурге, специально для приобретения для него шер. На шеры среди служащих Лензото тратятся громадные суммы и выигрывают значительные деньги. Характерно, что, насколько я знаю, никто из служащих Лензото ни разу на шерах не проиграл, частные же лица—обыватели Бодайбо—часто на них теряли.

Телеграмма на мое имя от члена Государственной Думы Милюкова об'ясняется следующим: ко мне явились десять рабочих 5-го апреля и сказали мне, что они послали телеграмму в Государственную Думы и просили ответить на мое имя. Затем, действительно, Милюков телеграфировал мне два раза в ответ на телеграмму рабочих. Сам я никаких телеграмм никому не посылал, кроме телеграммы в Иркутск одному моему знакомому с просьбой справиться в консультации присяжных поверенных о том, приедет ли сюда кто-либо из поверенных. Это я сделал по просьбе рабочих. Когда о телеграмме Милюкова мне стало известно, ротмистр Трещенков сделал у меня обыск, на основ. 29 ст. пол. об охране, при чем перерыл у меня в конторе все дела и книги, но телеграммы Милюкова у меня найдены не были, так как я раньше еще передал их исправнику Галкину. Ничего интересного для Трещенкова у меня найдено не было, но один из жандармов из комнаты моего сына, в которой никого тогда не было, принес напечатанный на машинке второй экземпляр телеграммы, посланной рабочими на имя прокурора судебной палаты и генерал-губернатора с жалобой на Трещенкова. Я почти уверен, что этого экземпляра у меня не было, и откуда он появился, я не знаю. Указанная телеграмма рабочих прокурору палаты и генерал-губернатору была составлена, действительно, мною по просьбе рабочих и в составлении и посылке ее я ничего предсудительного ни для себя, ни для рабочих не видел и факта составления ее мною я не отрицал и не отрицаю.

Подписи: Нотариус *Яков Анисимович Свириденко.*
Коллежский советник *В. Коренев.*

№ 9.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА ЧАСТНОГО ТОРГОВЦА В БОДАЙБО ТОЛОКОНСКОГО [1]).

Прииск Надеждинский, 1912 года, июня 10-го дня. Я, состоящий в распоряжении члена Государственного Совета, сенатора, по высочайшему повелению производящего расследование о забастовке на Ленских промыслах титулярный советник К. Кишинский, с соблюдением ст. 443 уст. угол. суд., опрашивал нижепоименованного, при чем он показал:

[1]) Истор.-рев. архив. Фонд Ч. с. к.. д. 9, ч. I.

Израиль Шлеймович Толоконский, мещанин города Колывани, Томской губернии, 43 лет, вероисповедания иудейского, не судился. В 1907 году я приобрел место по правой стороне речки Бодайбо, смежное с Андреевским прииском, находившимся в арендном пользовании товарищества служащих Компании промышленности. Здесь я оборудовал магазин разных товаров, бакалейных, жировых, мануфактурных и других, а через два года занялся приисковым делом, устроив на своем участке шахты. Первые годы я не испытывал никаких притеснений. Торговля шла свободно, рабочие с приисков покупали у меня товары, а с того времени, когда Андреевский прииск перешел к Ленскому золотопромышленному товариществу и последнее стало постепенно проводить свой строгий режим, торговать стало труднее. За рабочими стали следить, чтобы они не ходили в мой магазин, и хотя не устраивали на моей границе будок с досмотрщиками, но в магазин мой приходили часто стражники и служащие под видом покупки и следили за рабочими, находившимися в моем магазине. Увольнялись ли эти рабочие или нет, я не знаю. Рабочие оттого охотно идут покупать в мой магазин, что, во-первых, у меня имеются те товары, которых нет в магазинах Ленского товарищества, а во-вторых, товары у меня дешевле. Так, сахар я продавал по 23 коп. фунт, а Лензото по 25 коп., масло — по 45 коп., а Лензото — по 48 коп., крупчатку, несмотря на то, что я ее приобретаю из вторых — третьих рук — по 4 рубля и по 4 руб. 20 коп., а Ленское товарищество, приобретая из первых рук, обладая собственными средствами доставки — по 4 руб. 40 коп. за пуд. Следует добавить, что у меня покупают не только рабочие, но и служащие второго разряда, как-то: нарядчики. Мне известно, что рабочие Андреевского прииска насильственно получали талоны вместо наличных денег и ко мне часто рабочие обращались с просьбой обменять талоны на наличные деньги, но я не соглашался, так как талоны мне невыгодно было брать, пришлось бы обменивать на товары в магазинах Лензото, которые дороже, чем я сам продаю. Торговцам в разнос торговля строго запрещается и их прямо выгоняют...

Израиль Толоконский.

Титулярный советник *К. Кишинский.*

№ 10.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА РАБОЧЕГО ПЕТРОВА [1].

Надеждинский прииск, 1912 года, июня 16-го дня. Я, состоящий в распоряжении члена Государственного Совета, сенатора, по высочайшему повелению производящего расследование о забастовке на Ленских промыслах, титулярный советник К. Кишинский, с соблюдением ст. 443 уст. угол. суд. опрашивал нижепоименованного, при чем он показал:

Федор Васильев Петров, мещанин города Канска, Енисейской губернии, 41 года, православный, неграмотный.

В настоящее время я состою горнорабочим на Александровском прииске Ленского золотопромышленного товарищества. Нанялся я по общему контракту в мае месяце 1911 года. Двумя годами раньше, а именно: в марте месяце 1909 года я был уже нанят горнорабочим на тот же прииск, но в августе месяце я был рассчитан и вот по какому случаю. В июле месяце того же 1909 года я послал свою жену к заширотному торговцу Негашеву купить четверть фунта табаку 3-го сорта, которого не было даже в магазине товарищества. На дороге у самого плетня, отделяющего землю Негашева, из кустов вышел стражник вместе со служащим, спросил, кто она, откуда и зачем идет. Она ответила на вопросы, сказав, что идет купить табаку. Служащий записал и сказал: «Можешь итти теперь». Некоторое время никто ничего мне об этом не говорил, как 20-го августа мне об'явили расчет. Не зная за собой никакой вины, не получая никаких замечаний, я отправился в контору узнать, почему меня рассчитывают. Когда я спросил: «За что мне расчет?», служащий мне ответил: «Спроси у жены», не понимая в чем дело, я спросил: «Почему у жены?», а служащий заметил: «Пусть не ходит к Негашеву». Итак, несмотря на все мои просьбы, а я обращался и к Савинову, и к Белозерову, мне выдали расчет, и я вынужден был покинуть прииск из-за того только, что жена моя на 13 копеек купила табаку не в магазине Ленского товарищества, а у заширотного торговца. *Петров.*

Титулярный советник *К. Кишинский.*

[1]) Истор.-рев. архив. Фонд Ч. с. к., д. № 9, ч. I.

№ 11.

ОТНОШЕНИЕ ГОРНОГО ДЕПАРТАМЕНТА К ЛЕНЗОТО ПО ПОВОДУ НАРУШЕНИЙ ЗАКОНОВ И ОБЯЗАТЕЛЬНЫХ ПОСТАНОВЛЕНИЙ НА ПРОМЫСЛАХ ЛЕНСКОГО ТОВАРИЩЕСТВА ОТ 16-го АПРЕЛЯ [1]).

МИНИСТЕРСТВО
ТОРГОВЛИ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

Горный Департамент
Отделение Касс горного ведомства.

Стол I.

16 апреля 1912 года.

№ 1289.

В правление Ленского золотопромышленного товарищества.

Из имеющейся в распоряжении горного департамента переписки по поводу забастовки на промыслах Ленского золотопромышленного товарищества, как-то: требований рабочих уступок, об'явленных рабочим со стороны названного товарищества, пожеланий присутствия по горнозаводским делам при Иркутском горном управлении и пр., усматривается, что на Ленских промыслах можно предполагать наличность нижеследующих нарушений закона и изданных в развитие его постановлений:

1) продовольствие рабочим выдается недоброкачественное, притом худшего качества, чем то, которое по одинаковой с первым цене, выдается служащим (§ 30 обязательного постановления присутствия по горнозаводским делам при Иркутском горном управлении);

2) квартиры для рабочих неудовлетворительны в гигиеническом отношении, тесны, с недостаточным количеством воздуха, плохо освещаются (§§ 4 и мн. другие обязат. постан.);

3) принуждение рабочих к исполнению таких обязанностей, на которые они не нанимались (п. 2, ст. 9, прил. к ст. 661 уст. гор. по прод. 1906 г.);

4) чрезмерная продолжительность рабочего времени при работах в мокрых забоях, вахтах и пр.; неснабжение рабочих,

[1]) Истор.-рев. архив. Фонд горн. департ., д. 39.

работающих в мокрых забоях, непромокаемой одеждой и обувью (§ 55 обяз. пост.);

5) недостаточность праздничного отдыха; принуждение к работе в предназначенные для отдыха праздничные дни, с выдачей за работу эту той же платы, что и за работу в будние дни (ст. 28 прил. к ст. 661 уст. горн. по прод. 1906 г.; ст. 156—8 уст. пром. по прод. 1906 г.);

6) уплата заработка талонами, а не деньгами, как требуется законом (ст. 46 прил. к ст. 661 уст. горн. по прод. 1906 г. и ст. ст. 99 и 155 уст. пром.);

7) промедление в предоставлении рабочим медицинской помощи;

8) принуждение к труду и тех женщин, кои не заключали договора о найме на работу с Ленским товариществом; притеснение их приисковыми управлениями в случае отказа от необязательной для них работы (прим. к ст. 2 прил. к ст. 661 уст. горн. по прод. 1906 г.);

9) грубое обращение с рабочими;

10) неправильный расчет с уволенными рабочими (ст. ст. 31, 34, 37 и 43 прил. к ст. 661 уст. горн. по прод. 1906 г.);

11) непредставление всем рабочим возможности мыться в банях раз в неделю вследствие несоответствия размера бань числу рабочих (§ 26 обяз. пост.);

12) увольнение рабочих за привлечение ими служащих к судебной ответственности (ст. 42 прил. к ст. 661 уст. горн.);

13) размещение в общих казармах семейных рабочих вместе с бессемейными (§ 17 обяз. пост.);

14) невыдача рабочим, получившим окончательный расчет, на руки расчетных книжек (ст. 24 прил. к ст. 661 уст. горн. по прод. 1906 г.);

15) неисправная выдача пособий увечным рабочим за дни болезни (ст. ст. 5 и 6 прил. к ст. 156—19 уст. пром. по прод. 1906 г.);

16) помещение рабочих в казармах, значительно отдаленных от места работы без зачета времени ходьбы в рабочее время;

17) отсутствие на некоторых приисках особых сушилен для платья и обуви (§ 23 обяз. пост.).

В виду изложенного горный департамент, по приказанию его высокопревосходительства господина министра торговли

и промышленности, последовавшему 16-го сего апреля, просит правление Ленского золотопромышленного товарищества сообщить, какие, из числа приведенных выше, нарушения действительно наблюдались на промыслах Ленского товарищества, и представить подробные об'яснения по каждому из таких нарушений.

Подписал: исп. об. директора *А. Иванов.*

Скрепил: начальник отделения *Н. Зайцевский.*

Верно: за столоначальника (подпись).

II.

СТАЧКА И РАССТРЕЛ ЛЕНСКИХ РАБОЧИХ.

№ 12.

СВЕДЕНИЯ О КОЛИЧЕСТВЕ БАСТОВАВШИХ РАБОЧИХ НА ЛЕНСКИХ ПРИИСКАХ [1].

Сведения о количестве рабочих на приисках I, II и III дистанций Ленского золотопромышленного товарищества по данным произведенной 23-го июня 1912 года по распоряжению иркутского губернатора чинами полиции переписи.

Дистанции.	Рабочих мужского пола.						Женщин.			Детей.	
	Всего.	Из них принимавших участие в забастовке.	Не бастовавших.	Вновь нанятых.	Нанятых по контракту.	Нанятых без контракта.	Всего.	Работающих.	Не работающих.	Всего.	Из них работающих подростков.
I	1055	1055 *)	—	—	629 *)	426 *)	339	—	339 *)	461 *)	—
II	5740	3903	452	1385	5450	290	2082	374	1708	2516	43
III	300	300 *)	—	—	—	—	89 *)	—	89 *)	129 *)	—
Итого	7095	5258	452	1385	6079	716	2510	374	2136	3106	43

*) Цифры эти сообщены по телефону горным исправником Соболевым.

Титулярный советник *К. Кишинский.*

[1]) Истор.-рев. архив. Фонд Ч. с. к., д. 4, т. 4.

№ 13.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА СТАРОСТЫ РАБОЧИХ БОЛОТОВА А. Г. [1]).

Болотов, Андрей Григорьев, 28 лет, правосл., кр. Тобольской губ., Тюкалинского уезда, Отраченской волости, живу на Александровском прииске, не судился.

В марте с. г., точно указать время не могу, но это было до праздника пасхи, у нас на Александровском прииске решено было рабочими выбрать по «номерам» старост. Решение это вызвано было тем, как я понимал, что на приисках в ночное время стала появляться в казармах полиция, и начались аресты выборных; это пугало рабочих, а особенно их семьи. На обязанности старост лежало: наблюдение за порядком в «номере», надзор за правильным несением ночными караульными из числа рабочих своих обязанностей, сбор денег для выборных и на общие расходы рабочих (посылка телеграмм, написание прошений), наблюдение, чтобы никто из рабочих «номера» не ходил без особой надобности к служащим и в казачью. Каждую ночь «номер» охранялся снаружи очередным караульным, назначенным старостой; этот караульный должен смотреть за появлением полицейских и предупреждать рабочих номера о появлении полиции и тем предупреждать напрасную тревогу. Для об'яснений с сенатором были избраны выборные, и на их содержание собрали по 50 коп. с рабочего. Ранее собиралось по 3, 5, 10, 15, 20 коп. с рабочего, смотря по его состоятельности (это происходило во время забастовки), на составление прошений к начальству, посылку телеграмм (не знаю, куда эти телеграммы посылались). Я, например, уплатил всего сборов 1 руб. 10 коп., а другие рабочие уплатили и того меньше. Наблюдение за тем, чтобы рабочие самовольно не отлучались из «номеров», установлено было с целью, во-первых, прекращения слухов о том, что делается в казармах, ибо мы считали, что могут распространяться разные неправильные сведения о наших требованиях, нашей жизни и т. д., во-вторых, не допустить случаев оскорбления рабочими тех служащих, против которых те или другие рабочие имели недовольство; часто приходилось слышать, что такому-то служащему надо было бы так-то отомстить, и вот в этих случаях,

[1]) Истор.-рев. архив. Фонд Ч. с. к., д. 31, т. 2.

помимо уговоров, что делать так не годится, что это худо будет для всех рабочих, не позволялось таким рабочим отлучаться из «номеров». Я пробыл старостой 1 месяц, в № 8, а потом по моей же просьбе, вследствие болезни, меня освободили от обязанностей старосты.

Показание мне прочитано. *Болотов.*

Товарищ прокурора *Кадышевский.*

№ 14.

ВОЗЗВАНИЯ СТАЧЕЧНОГО КОМИТЕТА ЛЕНСКИХ РАБОЧИХ [1]).

Копия телеграммы ротмистра Трещенкова на имя иркутского губернатора, копию — начальнику иркутского губернского жандармского управления.

На № 57, полученный прииск Надеждинский 12-го апреля, 9 час. 30 мин. утра. Доношу: всего было выпущено три воззвания.

Текст первого:

«Бодайбинцам рабочим от рабочих. Товарищи рабочие! В тот момент, когда ваши же товарищи, живя в душных казармах Ленского товарищества и голодные, борятся за право, за улучшение своей жизни, Ленское товарищество нанимает нас на работы. Мы, рабочие, живущие теперь в Бодайбо, неоднократно терпели от Ленского товарищества и, когда-то вышвырнутые товариществом, не пойдем наниматься,— это наш долг, долг честных рабочих. Пусть Ленское товарищество знает, что сознательные рабочие не хотят помогать Ленскому товариществу угнетать рабочих. Когда-то Ленское товарищество звало нас мерзавцами, негодяями. Теперь же оно ищет защиты мерзавцев, негодяев, привлекая к себе на работу. Мы знаем, что Лензото сегодня наймет нас для работы, а как только вышли на работу, то опять начнется понукание, приказ—работай, работай, работай, не разгибая спины, защищай интересы Лензото. Пусть Лензото заставляет работать своих холопов, чтобы они охраняли интересы богатого мужика, мы же не пойдем на работы и крикнем: не пойдем, не пойдем. Да здравствует забастовка! Да здравствует победа рабочих!».

[1]) Истор.-рев. архив. Фонд м. вн. д. ирк. губернатора, 3/30.

Текст второго:

«Рабочим от рабочих. Товарищи рабочие! Неужели вы будете дальше продолжать работы? Неужели наша забастовка разом не есть ваша забастовка? Ведь вам известно, как Ленэото нас унижало на каждом шагу. Оно нас кормило дохлятиной с примесью конского навоза. Ругали нас и надругались над нашими женами и дочерьми. Нас обидами поносили, побои и так далее. Невозможно все это перечислить, что мы перетерпели до забастовки и не надо считать. Из нас каждый знает и сам припомнит это, кому жилось худо. Потому что даже те ничтожные законы, которые Лензото должно было исполнять, оно не исполняло. И теперь всеми правдами и неправдами оно хочет восстановить старый бывший порядок, но этого больше не будет, и, может быть, Тульчинский с пеной на губах кричит, что он сторонник рабочих, а мы ему не верим. Знаем, что он меняет свою шкуру по сезону. Не смущает нас также собачья морда жандармского ротмистра. Пусть он лает сколько угодно, но только жаль его бесполезных усилий. И можем ли мы обратить наше внимание на брехню полицейской собаки? У нас более важные дела. Мы должны настаивать, чтобы исполнили законный расчет и требования. Товарищи, вы вышли на работу, но что же вас ждет? Ждет то же, что нас, те же издевательства, насилия и прочее. И что же вас ждет в будущем со стороны товарищей, работающих и борющихся за лучшее будущее? Да здравствует забастовка! Долой предателей дела рабочих!».

Подпись: *Союз горнорабочих.*

Текст третьего:

«Воззвание. Общая дружина строго предупреждает рабочих в городе Бодайбо без согласия дружины не наниматься к ленцам. Прежде надо дождаться правильного результата найма, а не вредить делу. Дружиной за это каждый будет наказан». Отобраны следующие денежные отчеты. Рукописный, в трех экземплярах: отчет от второго марта по первое апреля. Приход: поступило от Александровского прииска 110 рублей 10 копеек. Расход: сдано в общую кассу 63 р. 47 к., выдано рабочему Зиминцу 10 руб., поездка к Тульчинскому— 10 руб., разные расходы — 8 руб. 53 коп. Итого — 92 р. 6 к. Остается наличными деньгами 18 руб. 4 коп. Гектографированный отчет от десятого марта по двадцатое: приход: осталось

172 руб. 30 коп., поступило от Ивановских 27 руб., от Пророко-Ильинских 15 руб. Итого 214 руб. 30 коп. Расход: посылка—100 руб., две телеграммы—12 руб. 85 коп., поездки—4 р. 40 к. Итого 116 руб. 25 коп. Наличными деньгами в кассе остается 98 руб. 5 коп.

Документы, изобличающие деятельность комитета: 1) Два тождественных по содержанию образчика заявления рабочих на имя товарища прокурора, что среди них главарей и подстрекателей к прекращению работ не было. 2) Пачка заготовленных заявлений, даже не разрезанных, от имени рабочих о том же. 3) Лист для собрания претензий и жалоб рабочих. 4) Постановление о прекращении работ и пункты требований. 5) Образчики избирательных бюллетеней, подписанные выборными старостами рабочих. 6) Черновик вырабатывавшихся требований и перечень собранных претензий. 7) Записная книжка, озаглавленная: «рабочего комитета», в коей имеется запись: «Приход: поступило от комитета рабочих 4-го марта 4 руб. 95 коп. и 16-го марта 6 руб. 60 коп.». 8) Черновые заметки о ходе забастовки и наблюдение за движением ее, на коих имеется следующая приписка: «хотя остановили работу, но действуют слабо, за другого прячутся, все боятся расчета». 9) Образчик заявления на имя товарища прокурора, адресованный члену комитета Герасименко для заготовки таковых от имени рабочих. 10) Листы с заранее отобранными подписями рабочих об избрании депутата с пропущенным местом для вписывания фамилии. 11) Письмо ссыльно-поселенца Украинцева, арестованного исправником Соболевым на прииске Верном, на имя главного агитатора, члена комитета, успевшего до ареста скрыться, тульского мещанина Николая Павлова Баташева, в коем обращает на себя внимание [следующее]: «жаль, что теперь у них будет материал для обвинения ссыльных, и я, как будто в подтверждение попал. Пусть судят, как хотят». Далее в письме изложена просьба, снять все копии постановлений, касающихся забастовки, и прислать ему. «Отчет вам сдаст товарищ Карпов, все, что я мог, сделал, быть может, я сорвусь. Желаю успеха и жалею, что не придется с вами закончить начатое дело. К освобождению меня вы не пытайтесь». 12) Письмо следующего содержания: «Товарищи Александровского прииска, просим вас приходить всей командой на прииск Пророко-Ильинский на обсуждение

всей командой весьма важного дела, а именно: потому что сегодня ночью у нас на Андреевском и Васильевском приисках арестовано четыре человека. То этот вопрос нужно вырешить. Подпись: Мы—товарищи Андреевского и Васильевского прииска». 13) Письмо следующего содержания: «Товарищи александровцы, мы, товарищи, собрались всей командой к казачьей протестовать за арест товарищей, но так как урядника нашего нет, то собрались к раскомандировочной и стали требовать выдачи заработных денег, завтра обещались выдать расчетные книжки. Товарищи Пророко-Ильинские». Подпись: Еникеев. 14) Сообщение следующего содержания феодосийским представителем рабочих. «Ц. Б. Надеждинский, восьмого марта 1912 года. Об'являем всем рабочим, что телеграммы от 8-го марта 1912 года отосланы». Далее следует перечисление адресатов, кому посланы телеграммы. Подпись: 48. 13. Надеждинский. 8-го марта 1912 года. № 395, прииск Надеждинский, 13-го апреля, 9 часов 20 минут вечера.

Ротмистр *Трещенков.*

ПЕРЕПИСКА ПО ПОВОДУ АРЕСТА СТАЧЕЧНОГО КОМИТЕТА.

№ 15.

ТЕЛЕГРАММА ИРК. ГУБЕРН. БАНТЫША РОТМИСТРУ ТРЕЩЕНКОВУ ОТ 28-го МАРТА [1]).

Отношении ссыльных, не имеющих права жительства, возбудите преследование по ст. ст. 242 и 238 устава ссыльных соглашению Преображенским. Отношении рабочих ссыльных, вашему мнению подозрительных, опасных, согласно ст. 239 устава ссыльных, телеграфируйте мне распоряжение. Аресты постановлению судьи отложите окончания переговоров Тульчинского. Случае успешности переговоров, обсудите Тульчинским, Преображенским и судьей, не послужат ли аресты поводом нового прекращения работ. Войдите соглашение Преображенским необходимости ареста всего комитета, не достаточно ли арестовать более видных руководителей комитета? Случае арестования действуйте без шума, случае же неуспешности переговоров Тульчинского телеграфируйте дальнейших ваших предположениях. Соберите сведения 129 ст., обсудите

[1]) Истор.-рев. архив. Фонд м. вн. д. ирк. губ., д. 3/30.

Преображенским состав и достаточность данных следствия; утвердительном случае телеграфируйте прокурору необходимости следствия, противном же случае начните переписку охране. Аресту подлежат только лица, привлеченные уголовной ответственности. Указываю: вашей обязанности лежит охранение порядка, предупреждение беспорядков; не вмешивайтесь договорные несогласия рабочих Лензото, улаживание которых подлежит горному надзору. Разрешение договорных отношений пользу той или другой стороны не входит вашу обязанность; случае нарушения мирного хода забастовки подавляйте всеми мерами до воинской силы включительно беспорядки и насилия. Поставьте известность моих распоряжениях Тульчинского и Преображенского. Телеграфируйте ежедневно, хотя кратко, положении дела. Высылаю телеграфно государственный банк пятьсот сыскного кредита, каковой можете расходовать, и. телеграф. № 15.

Губернатор *Бантыш.*

№ 16.

ТЕЛЕГРАММА ТОВ. МИН. ЗОЛОТАРЕВА МИНИСТРУ ВН. ДЕЛ МАКАРОВУ ОТ 30-го МАРТА [1]).

Ялта, министру внутренних дел. Шифр.

Из полученных от иркутского губернатора и начальника жандармского управления сведений видно, что забастовкою руководит, как предполагалось и ранее, стачечный комитет, немедленная ликвидация которого, по мнению ротмистра Трещенкова, сорвет забастовку. Губернатор, видимо, опасался этой меры, оттягивает ее до результатов переговоров окружного инженера с рабочими, которые до сих пор были в общем безрезультатны. Предполагаю поручить начальнику управления непосредственно дать ротмистру Трещенкову директивы для ликвидации стачечного комитета. № 168.

Товарищ министра *Золотарев.*

№ 17.

ТЕЛЕГРАММА МИН. ВН. ДЕЛ МАКАРОВА ТОВ. МИН. ЗОЛОТАРЕВУ ОТ 31-го МАРТА [2]).

Из Ялты от министра внутренних дел сенатора Макарова, на имя товарища министра Золотарева.

[1]) Истор.-рев. архив. Фонд. д-та полиции, д. 23, ч. 2, т. I.

[2]) Там же.

При указанных вами условиях разделяю соображения ваши о необходимости ликвидации стачечного комитета. № 806.

№ 18.

ТЕЛЕГРАММА ДИР. ДЕП. ПОЛ. БЕЛЕЦКОГО НАЧАЛЬНИКУ ИРК. ГУБ. ЖАНД. УПРАВЛЕНИЯ ОТ 30-го МАРТА [1]).

Иркутск. Начальнику губернского жандармского управления. Шифр.

Предложите непосредственно ротмистру Трещенкову немедленно ликвидировать стачечный комитет, и если не будет данных для дознания или следствия—возбудить охранную переписку. № 167.

И. д. директора *Белецкий.*

№ 19.

ТЕЛЕГРАММА ДИРЕКТОРА ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦИИ НАЧАЛЬНИКУ ИРК. ЖАНД. УПРАВЛЕНИЯ ОТ 4-го АПРЕЛЯ [2]).

Правление Лензото получило депешу главнокомандующего, который удостоверяет, что почти все рабочие согласны приступить работам, но для ускорения необходимо удалить зачинщиков, которые угрожают рабочим. Телеграфируйте, произведена ли согласно депеши моей 30-го марта, № 167, ликвидация стачечного комитета, если нет, то почему не исполнено это требование; если произведена—сообщите список. № 175.

Белецкий.

№ 20.

ТЕЛЕГРАММА ПОЛКОВНИКА ПОЗНАНСКОГО ДИРЕКТОРУ ДЕПАРТ. ПОЛИЦИИ БЕЛЕЦКОМУ ОТ 6-го АПРЕЛЯ [3]).

На № 175. Ротмистром Трещенковым арестованы ссыльно-поселенцы Думпе, Розенберг, мещ. Бедевиц, крестьяне Марчинковский, Журавов-Иванов, Вязовов, Мимоглядов, Соболев, Соломин, Герасименко. Трещенков мной запрошен подробных званиях именах арестованных. Получении ответа донесу дополнительно всеми имеющимися сведениями. №1537.

Познанский.

[1]) [2]) [3]) Истор.-рев. архив. Фонд д-та полиции, д. 23. ч. 2, т. I.

№ 21.

ТЕЛЕГРАММА НАЧАЛЬНИКА ИРК. ГУБ. ЖАНД. УПРАВЛЕНИЯ ЖАНД. РОТМИСТРУ ТРЕЩЕНКОВУ ОТ 2-го АПРЕЛЯ [1]).

Директор департамента полиции телеграфирует мне: предложите непосредственно ротмистру Трещенкову немедленно ликвидировать стачечный комитет; если не будет данных для дознания или следствия, возбудите охранную переписку. Сообщаю об этом для исполнения. Телеграмма эта должна быть известна только вам, на нее нигде не ссылайтесь при своих действиях. № 1436.

Познанский.

№ 22.

ТЕЛЕГРАММА ИНЖ. ТУЛЬЧИНСКОГО ИРКУТСКОМУ ГУБЕРНАТОРУ ОТ 2-го АПРЕЛЯ [2]).

Иркутск. Иркутскому губернатору. Из Бодайбо. № 238.

Сегодня работало механических 43, водяных канавах 110. Обходил совместно Трещенковым казармы Андреевского, Прокопьевского; замечается постепенный внутренний разлад среди бастующих; арестование некоторых, оказывающих вредное влияние, представляется желательным, подробный отчет начатом мною расследовании представлю начале мая. 2 апреля 10 вечера. № 336.

Тульчинский.

№ 23.

ПИСЬМО МИН. ТОРГ. И ПРОМ. ТИМАШЕВА ТОВ. МИН. ВН. ДЕЛ ЗОЛОТАРЕВУ ОТ 2-го АПРЕЛЯ [3]).

(Секретно, срочно).

Министр торговли и промышленности, свидетельствуя совершенное почтение его превосходительству Игнатию Михайловичу, имеет честь сообщить, что правление Ленского золотопромышленного товарищества 1-го сего апреля получило от исп. д. главноуправляющего промыслами телеграмму следующего содержания: «1-го апреля на приисках производились только необходимые верховые работы. Почти все рабочие

[1]) Истор.-рев. архив. Фонд сен. Манухина; д. 58/31, т. I.
[2]) Истор.-рев. архив. Фонд ирк. губ. правл.; д. 3, т. 6.
[3]) Истор.-рев. архив. Фонд горн. деп.; д. 39.

готовы немедленно приступить к работам; необходимо для ускорения выхода удалить из среды рабочих зачинщиков, угрожающих рабочим». № 1130.

Тимашев.

№ 24.

СПИСОК ЧЛЕНОВ СТАЧЕЧНОГО КОМИТЕТА БОДАЙБИНСКОЙ ЗАБАСТОВКИ, АРЕСТОВАННЫХ В НОЧЬ НА 4-е АПРЕЛЯ 1912 г. [1]).

№№ по порядку.	ФАМИЛИИ, ИМЕНА, ОТЧЕСТВА И ЗВАНИЯ.	ОТМЕТКА.
1	Мимоглядов, Ефим Яковлев, ссыльно-поселенец Даурской волости, Ачинского уезда, Енисейской губ., 39 лет, столяр.	В 1900 г. Херсонским окружным судом признан виновным по 1525 ст. ул. о нак. и приговорен к ссылке на поселение.
2	Соболев, Александр Алексеев, ссыльно-поселенец Бирюльской вол., Верхоленского у., Иркутской губ., 26 лет, плотник.	В 1908 г. Виленским военно-окружн. суд. за распространение революционной литературы среди солдат приговорен к поселению.
3	Думпе, Эдуард Юрьев, ссыльно-поселенец Петропавловской вол., Киренского уезда, 30 лет, слесарь, окончил Рижское городское училище.	Времен. воен.-окруж. судом в Риге, за принадлежность к латышскому соц.-дем. союзу приговорен в 1908 г. к поселению. Разыскивается циркул. департамента полиции 1910 г. № 126029/100 ст. 18378.
4	Розенберг, Индрик Самойлов, 36 лет, сс.-поселенец Нюрбинской вол., Вилюйского округа, Якутской обл., окончил 3 класса Рижского горного уч.	В 1906 г. вр. военным судом на ст. Хилок, Забайкальской ж. д., признан виновным по 126 ст. уг. ул. и приговорен к 4 годам каторги.
5	Соломин, Тимофей Михайлов, 27 лет, крестьянин Почемской вол., Яранского уезда, Вятской губ., окончил 3-классное училище, плотник.	
6	Герасименко, Андрей Емельянов, казак Гильмядовской вол., Золотоношскаго уез., Полтавской губ., 27 лет, столяр.	

[1]) Истор.-рев. архив. Фонд м. вн. д. ирк. губернатора, 3/30.

№№ по порядку.	ФАМИЛИИ, ИМЕНА, ОТЧЕСТВА И ЗВАНИЯ.	ОТМЕТКА.
7	Будевиц, Иоганн Александров, 35 лет, мещанин гор. Риги, слесарь, учился в ремесленном училище в Риге.	
8	Марчинковский, Роман Иванов, 43 л., мещанин г. Озурков, Калишской губ., слесарь, неграмотный.	
9	Журавов-Иванов, Дмитрий Владимиров, 25 л., крестьянин Уярской вол., Канского у., Енисейской г., токарь, окончил начальное училище.	
10	Вязовов, Вельямин Васильев, 29 лет, крестьянин Выездновской вол., Арзамасского уезда, Нижегородской губ., слесарь, окончил 2 класса заводской школы.	

Ротмистр (подпись).

№ 25.

ТЕЛЕГРАММА РАБОЧИХ ИЗ БОДАЙБО НАЧАЛЬНИКУ ИРКУТСКОГО ГОРНОГО УПРАВЛЕНИЯ ОТ 5-го АПРЕЛЯ, № 398 [1]).

В ночь 4-е апреля были произведены аресты бывших выборных рабочих, ведущих переговоры и выбранных предложению исправника и окружного инженера. Вот, в виду этого, что кто заявляет или передает заявления от всех, их арестовывают, мы, рабочие, пошли заявлениями на Надеждинский прииск товарищу прокурора, где, не доходя места пребывания прокурора, были остановлены окружным инженером Тульчинским, вручили заявление и просили доложить прокурору от рабочих о заявлении. Это время раздались выстрелы со стороны стоявших войск расстояние сто пятьдесят сажен без всяких предупреждений начальствую-

[1]) Истор.-рев. архив. Фонд м. вн. д. ирк. губернатора, 3/30.

щих войсками. При первом выстреле все положились на землю, окружным инженером, которого спасли от смерти только трупы рабочих. Вместе ним лежал стражник, которого ранили. Не обращая внимания, что рабочие лежали земле и во время перерыва ползли обратно, они продолжали стрелять беспрерывно. Поднято трупов до ста пятидесяти, ранено до двухсот пятидесяти. Всякие попытки пред'явить иск Ленэото нашей стороны полиция вырывает корнем, арестовывает лиц, знающих юриспруденцию, для составления искового посылаем прошение. Не выдают расчета, мы находимся беспомощном положении, взываем воплями жен и детей, убитых и раненых нашей защите. Разрешите отдать последний долг убитым нашим товарищам, похоронить нам.

Бывшие рабочие Лензото второй дистанции.

№ 26.

ЗАЯВЛЕНИЕ РАБОЧИХ АНДРЕЕВСКОГО, УТЕСИСТОГО, ВАСИЛЬЕВСКОГО И ИННОКЕНТЬЕВСКОГО ПРИИСКОВ СЕНАТ. МАНУХИНУ [1]).

Его высокопревосходительству господину иркутскому генерал-губернатору и его превосходительству господину сенатору Манухину рабочих Андреевского, Утесистого, Васильевского и Иннокентьевского приисков

З а я в л е н и е.

Толчком к прекращению работ на Андреевском прииске Л. з. т-ва послужила выдача негодного мяса; мясо почти с начала операции выдавалось никуда негодное; управление об'ясняет это тем, что подрядчик привез такое, и им по необходимости пришлось взять, так как в таком большом количестве лучшего взять было негде, но это частные слухи, а выборным от рабочих и об'явлением от 29-го февраля (копия об'явления прилагается на обороте) мясо признавалось первым сортом, а жалобы рабочих неосновательными. 26-го февраля одному рабочему, Завалину, между прочим негодным мясом, дали лошадиный детородный член с яйцами; при виде этого мяса у многих появилась рвота. Это окончательно вывело рабочих из терпения, так как ко всему этому примешалось еще подозрение, что конское мясо могло попасть сюда только в виде

[1]) Истор.-рев. архив. Фонд. сен. Манухина; д. 58/31, т. I.

падали; сами по себе здесь лошади очень дороги. Молва благодаря скученности распространилась по номерам, и уже 28-го февраля, вечером, рабочими всех номеров Андреевского прииска решено было на работу не итти, а с утра попросить г. исправника и г. окружного инженера. Часа в 2—3 29-го февраля приехали г. исправник, исполняющий должность главноуправляющего промыслами г. Теппан, г. Савинов и заведующий прииском г. Цинберг. Прошение рабочих было уже составлено. Администрация с г. исправником пошли в новую продовольственную кухню и велели рабочим принести заявление. Рабочие собрались итти, но в это время явилось несколько человек рабочих Утесистого прииска, которые до обеда работали 29-го февраля, но с обеда, узнавши, что андреевцы не работают, тоже не вышли. Прибывшие рабочие просили андреевцев прошение пока не нести, а обождать, они тоже напишут, и потом совместно подать. Андреевцы согласились и поэтому прошение 29-го февраля не передали. На второй день приехали только г. исправник и г. Цинберг, которым прошение и вручили (копия прошения прилагается). Рабочие к исправнику пришли все сразу и говорили все, тогда г. исправник сказал: со всеми вами говорить невозможно, а выберите из своей среды несколько человек, они пусть и об'ясняют. Вот тогда-то были выбраны делегаты. Г. исправник, ознакомившись с прошением, предложил им итти на работу. А как же мясо и те нарушения, что проставлены в прошении? спросили рабочие. Мясо, говорит, ведь, не все конское, а часть эта по недосмотру как-нибудь попала, а конский член, вероятно, ради шутки кто-нибудь подбросил, а относительно остальных пунктов ничего не сказал. Насчет недостаточного освещения в шахтах заведующий приисками г. Цинберг сказал, что свечей выдается в достаточном количестве, так что, говорит, я часто вижу, как у рабочих, идущих с работы, свечи торчат из карманов, но я махнул рукой, бог с ними, пусть несут. Когда г. исправнику опять начали указывать на злоупотребления, чинимые здесь, он рассердился и закричал: я сюда приехал не сказки про белого бычка рассказывать! Так рабочие и ушли, только заявили, что будут ожидать окружного инженера. Г. Тульчинского не было, заместителем оставался г. Александров, который находился на Верном прииске; приехал Александров на 4-й день, то-есть 3-го марта. Рабочие

ему такое же прошение вручили, только с указанием статей нарушений, и просили о рассмотрении. Г. Александров обещал, два дня он появлялся здесь в конторе Андреевского прииска, покричал на г. Цинберга, почему за сапоги в мокрых забоях не платили или хозяйских не давали; г. Цинберг сказал, что он не знал, что не платили. Рабочим о неправильных подсчетах сказал, что это единичные случаи, и уехал на Надеждинский прииск, так как там тоже рабочие бросили работать и больше на Андреевском мы его не видали. На Надеждинском прииске г. Александров потребовал к себе выборных со всех станов. Для поездки выборным управление выдало бесплатные проездные билеты и давало лошадей. Переговоры продолжались до 7-го марта, при чем выборные просили расследований нарушений. Г. Александров указывал на чрезмерность требований, хотя на Андреевском, Утесистом, Васильевском и Иннокентьевском приисках, как видно из прошения, ничего незаконного не требовали, и вообще требований не было. Наконец, 7-го марта было вывешено об'явление за подписью г. Александрова, в котором, перечисливши 10 пунктов, которые по закону должны были исполняться, но не исполнялись, и, старательно обошедши все нарушения, за которые по суду рабочие могли бы требовать вознаграждения, назвавши их незаконными и чрезмерными, г. Александров заявил, что всякие переговоры считает оконченными. Затем 8-го марта выпущено второе об'явление, что все невышедшие на работу 8-го марта считаются рассчитанными. Рабочие не вышли после об'явления 8-го марта. Рабочие Андреевского, Утесистого, Васильевского и Иннокентьевского приисков примкнули к требованию остальных приисков. 23-го марта из С.-Петербурга приехал г. Тульчинский и уже 24-го пригласил выборных от рабочих, которым сообщил все данные за и против забастовки (хотя забастовки в буквальном смысле нет и не было). Он сказал, что Л. з. т-во не может прибавить заработную плату, так как ему невыгодно, лучше совсем на неопределенное время приостановить работы, что почти все прииски работают в убыток, и только Феодосиевский прииск их оправдывает, что управлению даже на 2 золотника не выгодно работать, так как большие суммы идут на водоотливы и т. п. Предлагал итти на работу по новой наемке, так как мы все рассчитаны. Вывесил несколько обязательных постановлений

относительно квартир, одежды в мокрых забоях и даже обещал ходатайствовать о 8-часовом рабочем дне в мокрых забоях (хотя по закону он и так должен быть), ездил по всем приискам, уговаривая всех рабочих, и на словах признал почти все нарушения, советовал работать и судиться. Рабочие не согласились, заявив: на работе так прижмут, что и прошение назад возьмешь. Вновь наниматься соглашались, если управление прибавит заработную плату и уплатит за 2 месяца. Управление отказалось, и рабочие отказались, заявив: будем судиться, подавать иск за нарушение и расчет по срок найма. Г-н Тульчинский прекратил переговоры 30-го марта, а 1-го апреля мы перешли в ведение полиции, начальником которой назначен с 1-го апреля жандармский ротмистр Трещенков.

До 3-го апреля все обстояло благополучно, если не считать того, что мировой судья, он же и следователь, г. Хитун присудил 9 семейств к немедленному выдворению из квартир, даже не давши срока для обжалования. К счастию, г. исправник отказался это исполнить, как незаконное, да и выселять-то некуда, так как самое ближайшее жилое место г. Бодайбо, которое находится в 60 верстах (выселять хотели с Феодосиевского прииска). Наконец, в ночь на 4-е апреля начали арестовывать выборных и об'явили их главарями и подстрекателями. 4-го апреля, утром, рабочие Андреевского, Утесистого и Васильевского прииска пошли к г. Тульчинскому и просили его ходатайствовать об освобождении арестованных, заявив, что никаких главарей и подстрекателей у нас нет и не было. Г. Тульчинский обещал дать ответ в 3 часа дня. Рабочие, пришедши домой, каждый от себя написали заявления (а у нескольких были уже написаны раньше) и одно общее. Общее на имя г. Тульчинского, а от каждого—на имя товарища прокурора, и понесли их на Надеждинский прииск, где товарищ прокурора находится, так как послать с ними несколько человек,—их опять сочтут подстрекателями и арестуют. По дороге к ним примкнули рабочие Пророко-Ильинского и Александровского приисков, с подобного же рода заявлениями. Не доходя до дороги, поворачиваемой на Надеждинский прииск, раздался сборный сигнал, как об'ясняют рабочие, солдаты в подтверждение этого начали выбегать из караульного помещения народного дома и становится в строй.

Лишь только рабочие достигли дороги на Надеждинский прииск, к ним подбежал г. Тульчинский со стражником со словами: «Остановитесь. Куда идете?» Рабочие остановились; один из рабочих вынул из кармана общее заявление: «Вот это вам, а идем мы к товарищу прокурора с заявлением», которое тоже показал. Г. Тульчинский сказал: «Ну и прекрасно, но только уговорите толпу, чтобы она дальше не шла, а то могут стрелять; если хотите соединиться с феодосиевскими рабочими, то идите кругом по дамбе, а около караульного помещения не ходите, а мы туда приедем с тов. прокурора». Когда остановились около г. Тульчинского, то некоторые стояли, а некоторые стали закуривать. Задние лезли на табора леса и тоже, умостившись и повытаскав кисеты, стали закуривать. Один рабочий влез на табор и только хотел передать слова г. Тульчинского задним, которые не слышали его. В это время раздался залп, заглушая все. Толпа в это время упала на землю. Солдаты продолжали стрелять по лежачим, некоторые поднимались и, согнувшись, перебегали назад к Александровскому; солдаты, пользуясь этим, стреляли по двигающимся. Чтобы избежать больших жертв раздались крики: «Не бегите, лежите смирно». Солдаты, расстреляв первые обоймы и заложив вторые, продолжали стрелять, не обращая внимания на махавшего фуражкой и платком Тульчинского, становившегося на колени и называющего по имени и отчеству ротмистра и кричавшего: «Что вы делаете? прекратите стрельбу!» во время перерыва вкладывания обойм. После расстрела вторых обойм, заложили третьи; г. Тульчинскому каким-то чудом удалось выбраться из трупов убитых вне сферы огня; только тогда солдаты прекратили стрельбу. Некоторые рабочие начали поднимать убитых и раненых, некоторые пошли обратно к Александровскому прииску. Тогда на тех, что подбирали, раздался окрик: «Уходите, сами подберем, а то и в вас будем стрелять». Рабочие ушли, положив тех, кого подняли. От того, что тогда не позволили рабочим подобрать раненых, многие умерли от потери крови. По приходе на ближайший Александровский прииск, рабочие немедленно попросили тов. прокурора для осмотра места побоища,—не приехал. Через несколько дней перед похоронами опять приглашали осмотреть убитых и умерших от ран, так как у многих были раны в спину, бок, затылок и ноги, у некоторых по 3

и 4 раны сразу,—тоже не изволили приехать. Во время стрельбы за цепью солдат стояли ротмистр Трещенков, мировой судья Хитун и тов. прокурора Преображенский. Никакого оружия и инструмента у рабочих с собой не было. Не доходя Надеждинского прииска, рабочие встретили г. Савинова, с которым все поздоровались. Во все время нерабочее рабочие вели себя тихо и мирно, ни одного оскорбления не только полиции или войск, но даже служащих, удаления которых в начале забастовки требовали, не было. За что свыше 400 человек убили и ранили—не знаем???

№ 27.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА БОДАЙБИНСКОГО МИРОВОГО СУДЬИ РЕЙНА [1]).

На Надеждинском прииске 1912 года июля 16-го дня, я, состоящий в распоряжении члена Государственного Совета, сенатора, по высочайшему повелению производящего расследование о забастовке на Ленских приисках, коллежский советник В. А. Корнев, опрашивал нижепоименованного, при чем он показал:

Михаил Федорович Рейн — стат. сов., в должности мирового судьи 1 уч. Олекм. зол.-пром. района, имеющий камеру в гор. Бодайбо, 49 лет, православный.

В исправление должности я вступил 26-го августа 1911 г. По причине многочисленности принятых мною неоконченных дел, я мог отлучаться из г. Бодайбо в тайгу лишь в случаях, не терпевших отлагательства, а потому с особенностями здешней приисковой жизни и условиями работ не имел еще возможности познакомиться в мере, достаточной для определенного суждения о них. Вначале я со стороны служащих Лен. зол. т-ва встречал предупредительность, даже чрезмерную, но с течением времени для меня становилось все более ясным, что заправилы Лензото Белозеров и Теппан, а за ними другие, ниже стоящие, считают себя вне закона; выражение «мы, ленцы» приходится слышать постоянно и притом произносимым с интонацией, говорящей как бы об особо белой кости служащих Лензото.

[1]) Истор.-рев. архив. Фонд; д. 46/4, т. 2.

Еще в минувшем году я начал замечать понижение предупредительности служащих Лензото по отношению ко мне, и приходилось слышать и о причине того, что я не делаю разницы между ними и прочими судящимися; со времени же передачи мне 18-го апреля следствия о событии 4-го апреля, я натолкнулся на явное неуважение ко мне, как судье.

В мае месяце я письменно поручил полиц. уряднику Тихонову заявить от моего имени главной конторе Лензото, что мне необходимо иметь особую комнату для допросов по следствию о событии 4-го апреля, при чем указал на неудобство допросов в посетительской, и что в школе, как мне сообщил накануне учитель, имеются свободные комнаты; урядник донес мне, что ни в школе, ни где-либо, кроме посетительской, свободных комнат нет (переписка приобщена к следствию).

За период забастовки я выезжал в приисковый район до 4-го апреля 5 раз; в первый—на 6-й неделе великого поста, когда у мирового судьи 2-го участка уже были пред'явлены иски о выселении из казарм некоторых рабочих; я пытался войти в соглашение по вопросу о сроке на выселение на случай возбуждения у меня таких же дел; но мнения наши были несогласуемы. Во второй раз я выезжал на Надеждинский прииск, по вызову мирового судьи Хитуна, для переговоров о порядке совместных ночных обысков у намеченных к задержанию членов «стачечного комитета» и задержании последних; это было 20-го марта, т.-е. на следующий день после призыва исправником Галкиным войсковой части для содействия гражданской власти и безуспешной попытки его же, по должности судебного пристава, выселения рабочих, о которых уже состоялись судебные решения. Затем 23-го марта я был на Утесистом прииске в совещании под председательством инженера Тульчинского, при участии, в числе прочих, вновь назначенного начальника всей полиции, ротмистра Трещенкова. Я высказался в заседании о невозможности, по исключительным условиям времени, оперировать исполнительными листами, выданными на выселение рабочих, повидимому, наиболее ненавистных Лензото, как угрозою, так как таковыми будут созданы условия особо тяжкой наказуемости. В этом заседании ис. об. главноуправляющего Теппан пояснил, что Лензото не особенно заинтересовано разработкою всех дей-

ствующих приисков, для Лензото важна пока разработка Феодосиевского прииска, и в подтверждение того привел цифровые данные: Феодосиевский прииск дал в 1911 году 5.800.000 руб., прибыли, а все предприятие Лензото дало 5.300.000 руб., следовательно, ½ миллиона пошло на покрытие убытков от разработки остальных приисков. 28-го марта я был на Надеждинском прииске по вызову г. Хитуна, в виду нахождения там тов. прокурора Преображенского, прибывшего из г. Иркутска 25-го марта, и необходимости окончательного разрешения вопроса о времени обысков и арестов. Тут мне было заявлено г. Хитуном, что с обысками и арестами приходится обождать, в виду того, что Тульчинский не теряет еще надежды на мирное ликвидирование забастовки, что он получил накануне указания на возможность сего. Тульчинский находился на Феодосиевском прииске, вернувшись откуда, он при мне, сообщая о результатах своего собеседования с рабочими, высказался: «Настроение таково, что, мне кажется, если бы Лензото прибавило хоть 5%, рабочие крикнули ура и стали бы на работу». Тут же Тульчинский заявил, что с разрешения (обращался он преимущественно к товарищу прокурора), он сказал рабочим, что обвиняемые по 1358 ст. улож. о наказ. не будут арестованы до суда, что может быть допущено поручительство. С тем я уехал; мне было предложено быть ежечасно готовым к выезду из Бодайбо для производства вышеуказанных следственных действий. Припоминаю, что в заседании 23-го марта, Тульчинский, в виду назначения Теппаном 1-го апреля предельным сроком приема рабочих-забастовщиков, об'явил, что к среде 28-го марта он, Тульчинский, окончит собеседования с рабочими, а затем приступит к осмотру шахт, начиная с прииска Феодосиевского, без какового осмотра рабочие ни в каком случае не станут на работы.

3-го апреля, около 6 часов вечера, по телефону г. Хитун передал мне: «Выезжайте немедленно экстренным». В 8 часов тронулся поезд, в котором отправились еще шт.-кап. Лепин [1]) и 25 солдат его команды. В 11 были мы на Надеждинском. В посетительской были: ротмистр Трещенков и исправ-

[1]) Начальник бодайбинской команды, командовавший солдатами во время расстрела рабочих 4-го апреля.

ник Галкин, туда же немедленно прибыли: тов. прокурора Преображенский и судья Хитун. Я не мог не выразить г. Преображенскому мнения о безрезультатности предпринимаемых обысков. Преображенский, согласившись с этим, добавил: «Нам нужно, главным образом, арестовать членов стачечного комитета». Мне было передано требование о допросе 10 лиц, привлеченных по 3 ч. 125 ст. угол. улож., при чем г. Хитун сказал: «Арестует нам их Николай Викторович». Тут же ротмистр Трещенков вынул из портфеля 2 постановления за его подписью. Одно из них я бегло прочитал, там было написано: «В виду того, что такие-то обвиняются в том-то и подлежат приводу к мировому судье, постановил: таких-то арестовать в бодайбинской тюрьме» (таков был смысл постановления). Трещенков был в каком-то приподнятом настроении, походка его была теперь нервная; было сильно заметно, что вопрос об аресте его чрезвычайно волнует; обычно, в серьезных случаях спокойный исправник Галкин даже сказал ротмистру: «Что вы волнуетесь?» Г. Хитун сказал мне, что важнее всего арестовать Зелионко. Ротмистр Трещенков убедил меня, что все распоряжения для беспрепятственного и быстрого обыска им сделаны. А по пути в Надеждинский я виделся на стан. Васильевской с тамошним урядником Мальковым, который на мой вопрос об'яснил, что для остановки нашего поезда (с Надеждинского) будет поставлен у полотна дороги сигнальщик с фонарем. Железнодорожная линия проходит недалеко от казарм Андреевского прииска и параллельна линии их. Стали мы под'езжать к верховым (считая по течению реки Бодайбо), нами овладело беспокойство, так как шум поезда может разбудить обитателей казарм. Наконец, поезд, по сигналу фонарем с полотна, был остановлен. Мы оказались против низовой казармы. Зашли в вагон: урядник Мальков и надворный; последний на вопрос, где Зелионко, об'яснил, что перешел в бывшую пекарню, т.-е. самую верхнюю (по течению) казарму, где помещается и Мимоглядов. Решено было пойти туда. Передвижение наше толпою мимо казарм всполошило собак, они подняли сильный лай. Требование исправника Галкина об оцеплении солдатами низовых, пройденных нами казарм, не было выполнено начальником команды шт.-кап. Лепиным, заявившем, что дробить команду он не может. Дошли мы до бывшей пекарни, — там все спали. Надворный со све-

чею разыскивал Зелионко, но тщетно. Был разбужен Мимоглядов; на столе у него оказалось большое количество прошений рабочих на имя тов. прокурора, совершенно однородных по содержанию, указывающему на участие просителя в забастовке вследствие нарушения Лен. зол. т-вом договора найма и на отсутствие в среде их зачинщиков. По окончании обыска исправником было приказано Мимоглядову одеться, последний в спокойной форме протестовал против задержания, указывая на то, что они все выбраны по распоряжению исправника и окружного инженера Александрова для избежания необходимости беседы начальства с толпою. Я не мог вмешиваться в распоряжения исправника, так как арест производился по постановлению и с ведома прокурорского надзора. Тем временем у следующей (внизу) казармы собралась толпа высыпавших из нее рабочих; они желали говорить со мною. Сначала заговорили шумно, а когда я об'явил, что не буду говорить со всеми, они смолкли, и уже отдельные лица, стали взволнованными голосами об'яснять: «Зачем вы приходите к нам ночью, да еще с солдатами, нарушаете наш покой, когда мы мирно бастуем, никого не трогаем; пошлите нам повестки, но днем, а не ночью, — мы придем». На эти вполне резонные заявления я мог только ответить, что мы исполняем лишь требования подлежащих властей. Говорили, что в этой именно казарме помещался подлежавший задержанию Быков — помощник председателя Зелионко. Решено было вниз не ходить, а отправиться на прииск Нововасильевский, в предположении, что там рабочие еще спят, и тем более, что близился рассвет. Там были произведены обыски у трех рабочих; как я слышал потом от исправника Галкина, разделившего со мною труд обыска, у одного из этих трех была доверенность, кажется, от рабочих той же казармы. Тут обитатели уже все поднялись, стали чай варить; некоторые были возбуждены, спрашивали довольно грубо о причинах задержания трех товарищей, один из рабочих закричал: «Ну, все, и бабы, и ребята, — выходите, всех забирайте, коли их забираете!» Со стороны Надеждинского подходил поезд с арестованными там членами стачечного комитета. Мы поторопились к поезду. Рабочие стали собираться и тоже тронулись группами за нами. Доставленные с Надеждинского шесть арестованных были пересажены в наш поезд. Со стороны Андреев-

ского прииска начали показываться приближающиеся рабочие. Исправник был у линии, я со шт.-кап. Лепиным сидел в вагоне. Лепин был как бы возмущен чем-то; он не раз сказал: «Без кровопускания тут не обойдется». Это выражение приходилось слышать от него и раньше в частной беседе после 19-го марта, при чем Лепин осуждал мягкость исправника Галкина при этом первом призыве войска для содействия гражданской власти. Когда мы тронулись в направлении к городу Бодайбо, и стали чаще появляться и в большем числе андреевцы, шт.-кап. Лепин, продолжавший волноваться, сказал: «Если они только будут пытаться остановить поезд, я буду стрелять». Весь письменный материал, задержанный у арестованных, без детального осмотра его на месте, был отослан мировому судье 2-го участка в опечатанном виде с надписями на оболочках пакетов лиц, производивших обыск и подвергнутых обыску.

18-го апреля в г. Бодайбо прибыли экстренным поездом г.г. Преображенский и Хитун, привезшие мне следственное производство по делу о событии 4-го апреля, составлявшее об'емистый том, подлежавшее передаче мне для дальнейшего его ведения, согласно предложения прокурора палаты. Они поставили меня в известность, что мотивом передачи следствия послужила необходимость допроса г. Хитуна в качестве свидетеля по сему делу, как очевидца события. Телеграмма прокурора палаты к делу приложена не была. В первый мой приезд на прииск Надеждинский для производства сего следствия, я почувствовал сильное стремление г.г. Преображенского, Хитуна и Трещенкова воздействовать на меня, вправить, так сказать, меня в рамки следствия, созданные первым его томом; мне было указываемо на полный состав преступления, предусмотренного 123 ст. угол. улож., на необходимость, для выхода из затруднительного положения, привлечения возможно большего числа обвиняемых, даже было указываемо на необходимость привлечения обвиняемыми раненых, как, несомненно, находившихся в скопище. Напоминание об этом же мне пришлось слышать от г.г. Хитуна и Преображенского в последующие приезды; но тут уже я, в виду собранных мною путем допроса достоверных свидетелей — очевидцев доказательств, разрушавших состав преступления, предусмотренного 123 ст. угол. улож., мог дать им ответ, что их взгляд расхо-

дится с моим. Ротмистр Трещенков в начале мая в посетительской, в присутствии инженера Мочалова, заявил мне, что получил телеграфный запрос департамента полиции: арестованы ли раненые? Телеграммы он мне не показал.

Очень я был стеснен в посетительской: свидетели в прихожей находились под наблюдением жандармского унтер-офицера, а по приходе в мою комнату они часто наталкивались на г. Трещенкова, ставшего для рабочих, да и для посторонней публики страшилищем после 4-го апреля; имелись сведения, что он раз'езжал по казармам, ругал рабочих площадно, грозил расстрелом в случае каких-либо насилий с их стороны. При первых двух осмотрах раненых в больницах Трещенков счел нужным присутствовать, из опасения, как он говорил, что осмотры могли бы вызвать возбуждение толпы. Мне пришлось наблюдать сильную перемену в лицах раненых при появлении Трещенкова, и поэтому при приезде его в третий раз я попросил тов. прокурора Преображенского уговорить Трещенкова уехать, обещая иначе удалить его своею властью. И Трещенков уехал. Когда я высказал свое подозрение тов. прокурора Преображенскому по поводу осведомленности Трещенкова о содержании показаний некоторых свидетелей, тов. прокурора Преображенский ответил мне, что он от Трещенкова ничего не скрывает. По допросе мною нескольких нижних чинов команды, мне тов. прокурора Преображенский сделал как бы замечание, что я проверяю действия воинской части, и добавил: «Нам известно, что в обществе вы высказываете мнение, что стрелять не было нужно; вы знаете, Трещенков может записать вас в департаменте полиции, напортить вам». Ответ мой г. Преображенский, вероятно, не забыл. Однажды г. Преображенский заявил мне: «Сегодня нам доставят 2 свидетелей, которые установят буйное настроение толпы... и это мы должны доказать». Свидетели были допрошены, заявили мне, что приехали на лошадях Лензото. Фамилий их теперь вспомнить не могу, но в следственном производстве укажу. Один из этих свидетелей удостоверил, что толпа не была нигде останавливаема. — 3-го мая за обедом у г. Хитуна ротмистр Трещенков сообщил нам, будто бы в Ленском золот. т-ве имеют участие вдовствующая императрица, великие князья, Витте и др., заявил, что «нужно держать ухо востро». Были тогда г. Преображенский, г-жа Хитун

и моя жена. Не раз Трещенков говорил, что он участвовал в усмирении 8 забастовок, между прочим, служа еще в полку, находился в строю 9-го января при разгоне скопища, предводимого Гапоном на дворцовой площади, говорил, что тогда несколько сот убитых не было показано. Это последнее обстоятельство он указывал, когда по следствию о событии 4-го апреля получились сведения о превышении числа погребенных над числом отпетых по списку, сообщенному полицией священнику. Вскоре после приезда ротмистра Трещенкова в г. Бодайбо стала известна фраза, сказанная им лесопромышленнику Бутылкину: «Теперь я приехал или забастовку усмирить, или кости свои сложить». Во время проживания своего на Надеждинском прииске г. Трещенков совершенно сблизился с ис. об. главноупр. Теппаном; там он столовался постоянно; если почему-либо он не был к обеду, — его звали по телефону. Два раза я был у г. Теппана за обедом и убедился, насколько Трещенков фамильярен. Обедали еще тогда неизвестная мне по фамилии приисковая дама и шт.-кап. Санжеренко. На вопрос хозяйки, что из себя представляет ген.-губ. Князев, Трещенков позволил себе произнести циничное выражение, которое я считаю неудобным повторять на бумаге. В другой раз там же Трещенков за обедом раз'яснял, что есть сенатское решение, допускающее стрельбу и по мирной толпе. Взгляд г. Теппана на лучший способ расправы с забастовщиками определился фразою, произнесенною им, как мне передавал исправник Галкин, в посетительской в присутствии нескольких лиц, в числе коих был и окружный инженер Александров: «Для такого мирового дела можно бы перестрелять человек 20 — 30». Однажды на мой вопрос, для чего именно пред'явлены иски о выселении, г. Теппан пояснил, что это сделано по совету консультации присяж. поверенных, дабы, при промедлении администрации выселением рабочих, иметь основание к иску к казне об убытках.

20-го марта, в бытность мою на Надеждинском у г. Хитуна, он, шутя, сказал: «А у нас доктора вчера уже перевязочные средства заготовляли». Такой же слух был после 4-го апреля. В целях проверки его, я обратился к врачу Савинову с вопросом, правда ли это? Савинов удивился и сказал, что слух пошел оттого, что он при каждом сборище рабочих

говорил служителям по поводу перевязочных средств. Шт.-кап. Санжеренко, рассказывая мне в частной беседе о действиях команды 4-го апреля, говорил: «Ну что, это пустяки! Я участвовал в усмирении бунтов в Лодзи и в Варшаве, где бомбы в войска бросали; да если мы бы 4-го апреля стреляли по толпе продольно, — было бы миллион убитых». 18-го апреля, при передаче мне следствия в г. Бодайбо, г. Преображенский, между прочим, сказал, что шт.-кап. Санжеренко, обходя сзади солдат, грозил пристрелить того, кто будет плохо целить.

М. Рейн.

Коллежский советник *Коренев.*

№ 28.

ЗАЯВЛЕНИЕ ГРУППЫ АРЕСТОВАННЫХ ПО ДЕЛУ О ЛЕНСКОЙ СТАЧКЕ [1]).

Е. в. пр. сенатору г. Манухину.

Содержащихся под стражей в киренском тюремном замке рабочих Ленского золотопромышленного товарищества Дмитрия Журавова-Иванова, Вениамина Вязовова, Иогана Будевиц, Тимофея Соломина, Эдуарда Думпе, Александра Соболева, Индрика Розенберга, Ефима Мимоглядова, Андрея Герасименко [2]).

З а я в л е н и е.

Ваше высокопревосходительство, решив выяснить вам свое заявление, мы сочли долгом познакомить вас с действительным ходом всех событий, происшедших на приисках Ленского золотопромышленного т-ва, по день 4-го апреля, т. е. до дня нашего ареста и заключения под стражу.

28-го февраля на прииске Андреевском при выдаче с продовольственной кухни продуктов рабочим, одному из них, между прочим, было выдано мало того, что плохое мясо, но

[1]) Истор.-рев. архив. Фонд сен. Манухина, д. № 14.

[2]) На подлинном подпись: „Подано 1-го июня 1912 года в киренском тюремном замке д. ст. сов. Носович“.

среди этого мяса оказался конский член. Рабочий, получивший такой продукт, решил все полученное мясо в тот же день снести в местную казачью для составления там протокола. Протокол в казачьей составить отказались, а вместо его, во избежание лишнего шума и скандала, предложили рабочему все полученное мясо снести на кухню для обмена на лучшее; рабочий так и решил сделать, но кухня оказалась уже запертой, так как было поздно. Ему пришлось взять мясо обратно к себе в номер, где он жил. Слух о полученном мясе и о том, что в казачьей отказались составить протокол, быстро разнесся по всему номеру, а затем и в других номерах. Жалобы рабочих на то, что им выдается очень часто недоброкачественное мясо и др. продукты и даже конское мясо, подтвердились фактом, при том в самом грубом виде, что и было установлено экспертизой.

Рабочие решили на завтра, т. е. 29-го февраля, с утра на работу не выходить, пока администрация не поручится им за выдачу доброкачественных продуктов; вместе с тем рабочими было решено обратиться к управляющему прииском инженеру Цимбергу с просьбой об устранении также кухонного старосты от занимаемой им должности, находя его виновником в упущениях и недобросовестном исполнении своих обязанностей. Утром же 29-го февраля рабочие известили об этом инженера Цинберга. Выслушав заявление рабочих, инженер Цинберг им сказал, что продукты рабочим выдаются и без того хорошие; кроме того, заметив, что рабочие не имеют права просить вообще об устранении кого-либо из служащих Ленского т-ва, предложил рабочим приняться за работу и не итти наперекор хозяевам. Аналогичное же этому предложение последовало и от исполняющего обязанности главноуправляющего приисками инженера Теппан, который приехал к рабочим почти тотчас же после посещения рабочих инженером Цинбергом. Теппан, между прочим, тут же сказал рабочим: «Куда же нам девать плохое мясо? С'ешьте плохое, а потом получите получше, а если сейчас же не приступите к работам, то всех поголовно и немедленно уволю».

Вскоре после этого рабочих посетил горный исправник Галкин; он также предложил рабочим приступить к работам и вместе с тем избрать от себя выборных для переговоров с администрацией.

Но так как такие случаи повторялись уже и раньше, а все просьбы и переговоры рабочих оставались только одними пустыми обещаниями, то рабочие, наученные этим опытом, хотя выборных от себя и выбрали, но к работам решили не приступать до тех пор, пока не уладится дело. На такое решение рабочих последовала из Петербурга от главного управления Ленского т-ва телеграмма, в которой говорилось, чтобы уволить всех рабочих.

Слух об увольнении всех рабочих и вообще об осложнениях у рабочих Андреевского прииска с администрацией постепенно разнесся и по другим приискам, где рабочие в отношении всего находились в одинаковых условиях с рабочими Андреевского прииска. Поэтому и они решили пред'явить свои законные требования к Ленскому т-ву, основываясь на условии договора с Ленским т-вом, нарушенного со стороны т-ва по следующим пунктам: недоброкачественность с'естных продуктов и недостаточное их количество, расплата талонами вместо денег, неудовлетворительная медицинская помощь, выплата меньше поденного жалованья, неправильные подсчеты и т. д. Между прочим, нарушение договора подтвердил впоследствии даже окружный инженер Александров, временно исполнявший обязанности окружного инженера Витимского горного округа, вместо отсутствовавшего инженера Тульчинского. Александров в самом положительном смысле высказался бывшим у него выборным от рабочих, что раз Ленское т-во решило рассчитать рабочих, то оно одним этим уже нарушило контракт.

Таким образом, все рабочие решили не приступать к работам.

3-го марта по этому случаю в народном доме на Надеждинском прииске состоялось собрание рабочих некоторых станов для обсуждения вопроса о нарушении договора. В виду явного нарушения контракта и несоблюдения вообще многих пунктов договора о найме Ленским т-вом, собрание всех рабочих решило пред'явить т-ву свои требования; они сводятся к следующему: 1) повышение заработной платы на 30%; 2) введение 8-часового рабочего дня для рабочих в шахтах и на вахтах (на некоторых вахтах 8-часовой рабочий день уже был введен); 3) доброкачественные продукты, как-то: хлеб, мясо, картофель и капуста, последние в достаточном количестве (ка-

пуста и картофель рабочим выдавались в недостаточном количестве, как-то: капусты семейному давалось — 10 ф. в месяц, холостому — 5 ф., летом же как то, так и другое можно было получить только в очень редких случаях, между прочим, капуста необходима, как продукт противодействующий от цынги, которая свирепствует в тайге, в особенности летом); 4) увольнение некоторых служащих; 5) расчет, т.-е. увольнение рабочих не иначе, как с согласия обеих сторон,—как со стороны администрации, так и со стороны рабочих; 6) улучшение медицинской помощи; 7) улучшение квартир; 8) непринужденность женского труда; 9) вежливое обращение служащих к рабочим; 10) выдача кожанов и сапог в мокрых шахтах; 11) правильный подсчет заработка; 12) отрядная работа по соглашению; 13) выдача жалованья полностью деньгами, а не купонами; 14) наем по профессии, с упоминанием ее в расчетной книжке; 15) праздничный регулярный отдых; 16) вывеска на видных местах ведомости ежедневно, с отметкой проработанных дней, а в конце месяца — ведомость заработка за полный месяц; 17) освещение квартир за счет дела и несколько других мелких требований.

Из всех вышеупомянутых требований большая половина склоняется к неисполнению и явному нарушению контракта со стороны Ленского т-ва, о чем свидетельствует письменное обязательство т-ва, хотя бы в той же расчетной книжке, выдаваемой каждому рабочему.

Одновременно с пред'явленными т-ву требованиями упомянутым собранием 3-го марта было вынесено также обязательное постановление для каждого рабочего о сохранении порядка и строгом исполнении своих обязанностей во время прекращения работ, где нарушение этих обязанностей могло бы причинить ущерб промыслам.

При неисполнении Ленским т-вом всех требований рабочих, последние вырешили просить увольнения их согласно гласящего на то закона, т.-е. сполна рассчитать всех рабочих по срок найма, как сказано в законе, раз этот договор нарушен и при том самим же Ленским т-вом.

Находящаяся на месте приисковая администрация обратилась по этому поводу в Петербургское главное правление, сообщив все требования, выставленные рабочими.

Вместо рассмотрения этих требований по существу, Петербургское правление признало, что требования эти вызваны якобы (агитацией) и поэтому сочло нужным отказать в требованиях рабочих. Приисковая же администрация, с своей стороны, об'явила копию телеграммы из Петербурга, в которой говорится: «Так как Петербургское правление требования рабочих находит одни невыполнимыми, а другие неосновательными, а потому и незаконными, правление предлагает приступить к работам немедленно, в противном случае всех поголовно рассчитать, а прииска будут закрыты, и шахты затоплены».

Ожидая в этой угрозе скрытия злоупотреблений в шахтах со стороны Ленского т-ва, рабочими немедленно были посланы телеграммы: иркутскому генерал-губернатору, в горный департамент, в иркутское горно-заводское присутствие и в главное правление Ленского т-ва в Петербург, с ходатайством о распоряжении сделать всестороннее и тщательное расследование о действительном положении дел на приисках. Из горного департамента был получен ответ, что «все будет расследовано»; но вплоть до 4-го апреля, т.-е. до дня нашего ареста, никакого расследования не производилось. 5-го или 6-го марта было вывешено об'явление за подписью окружного инженера Александрова, которым рабочие извещались, что Ленское т-во признало нужным удовлетворить некоторые требования рабочих, а именно по следующим 10 пунктам: 1) мясо из кухни будет выдаваться на равных условиях со служащими (т.-е. доброкачественное); 2) хлеб будет из просеянной муки; картофель и капуста будут выдаваться доброкачественными и в достаточном количестве; 3) вахтовые слесаря будут подчиняться только механической администрации; 4) за забастовку никто не пострадает; 5) будет вменено в обязанность служащих вежливое обращение с рабочими; 6) будет вывешиваться табель о проработанных днях, в шахтах будут выдаваться ярлыки; 7) женщины на работу насильственно назначаться не будут, кроме исключительных случаев; 8) расчет будет производиться по закону; 9) коридоры жилых помещений будут освещаться за счет дела; 10) медицинская помощь будет оказываться по первому требованию больного.

«Так как бо̀льшая половина требований выполняется Ленским т-вом, то с своей стороны,—говорит дальше Але-

ксандров,—предлагаю рабочим приступить к работам, считаю дело улаженным и «забастовку» оконченной».

Одновременно с этим об'явлением, в тот же день были вывешены об'явления исполняющего обязанности главного управляющего инженера Теппан и горного исправника Галкина. В первом говорилось, что, если рабочие не примут этих условий и не выйдут на работы, то рабочие будут рассчитаны все поголовно, и от всяких переговоров в дальнейшем с рабочими он, Теппан, отказывается положительно. Во втором говорилось, что если кто насильственно не будет допущен к работам, то те будут преследоваться законом, а потому тем угрожает крепость и тюрьма.

Рабочими такие об'явления были приняты как издевательства и насмешки, потому что все те требования, которые удовлетворяло Ленское т-во, помещены в контракте, а потому об'являлись и раньше обязательными для управления, а нарушение и невыполнение этих 10 пунктов ведет к полному нарушению контракта; между прочим, не удовлетворены такие требования, как например: отрядные работы по соглашению, расчет деньгами, а не талонами и др. Этим об'явлением Ленское т-во само подтвердило нарушение договора.

После этого последовало опять новое об'явление, которым правление т-ва извещало рабочих, что все рабочие будут поголовно рассчитываться с 8-го марта, а 10-го марта все деньги для расчета с рабочими будут переданы горному исправнику. В сущности этот расчет для рабочих являлся незаконным и неосновательным, так как, во-первых, расчет был подсчитан не по срок найма, а только за проработанное время, во-вторых, все, начиная с пищевого довольства и кончая квартирами,— все на приисках принадлежит Ленскому т-ву, и при том же как раз в это время была распутица, и выехать с приисков не было возможности, то рабочие решили все дело повести судебным порядком.

Несмотря на это, некоторые рабочие числа 13-го марта получили повестки от местного мирового судьи, которыми приглашались в камеру его на Надеждинском прииске в качестве обвиняемых по иску к ним Ленского т-ва о выселении из казарм и приисков Ленского т-ва. Считаем своим долгом упомянуть здесь, как велся суд, но прежде о самом мировом судье Хитуне: г. Хитун сам или его жена состояли или состоят

акционерами Ленского т-ва. После вопроса к подсудимому, признает ли он себя виновным в обвинении, дает слово присяжному поверенному по иску Ленского т-ва г. Иванову (бывшему мировому судье г. Бодайбо). Последний в заранее приготовленной речи, конечно, скоро и легко опровергает короткое «нет», произнесенное подсудимым, и просит обвинения, заканчивая свою речь словами, «что, если бы рабочим плохо жилось у Ленского т-ва, то рабочие не носили бы лакированных сапог», и судья, очевидно, убежденный речью защитника, выносит подсудимому такой приговор, что он, мировой судья, в этом деле находит виновным рабочего, а потому постановляет: немедленно выселить из казарм и приисков рабочего и взыскать с последнего 3 рубля штрафа в пользу Ленского т-ва за судебные и за ведение дела издержки, предоставляя обвиняемому право обжалования такого постановления в порядке апелляционном, т.-е. в месячный срок.

18-го марта, в виду отказа рабочих освободить квартиры, полиция и солдаты во главе с горным исправником Галкиным приступили к насильственному выселению осужденных. Рабочие протестовали. На заявление исправнику о высылке их лучше всех одновременно партиями, чем выгонять по одному или по несколько человек, исправник отложил подобное выселение. К этому же времени от иркутского губернатора последовала телеграмма местной полиции о совершенном прекращении насильственных мер выселения.

18-го числа марта Ленское т-во прекратило выдачу некоторым из рабочих пищевого довольствия.

Но несмотря на это, рабочие вели себя тихо и спокойно, администрация и рабочие не надеялись притти к соглашению, да администрация, как видно из всего, и не хотела итти на соглашения. Все внимание правления было обращено, главным образом, на электрические станции, так как прекращение работ на станциях грозило большим разорением для приисков, потому что вода из шахт выкачивается электрическими насосами, и, в случае прекращения электрической энергии, шахты погибли бы, ибо оказались бы затопленными. Но рабочие сами старались следить за исполнением таких обязанностей, т.-е. чтобы нигде не получилось ущерба промыслам, а потому и опасения на этот счет со стороны т-ва были совершенно неосновательными.

22-го марта на прииски приехали жандармский ротмистр Трещенков и товарищ прокурора Преображенский. На завтра же было вывешено об'явление, что ротмистр Трещенков назначен начальником местной приисковой полиции. Одновременно было и другое об'явление, в котором говорилось, что, если рабочие будут препятствовать исполнению и приступлению к работам, то им, Трещенковым, будет применена воинская сила. Такие угрозы были совершенно неосновательными, потому что рабочие именно сами избегали всего, что могло бы вызвать подобные меры.

23-го марта приехал г. Тульчинский. На Васильевском прииске его встретили рабочие Андреевского прииска, которым он обещал, с своей стороны, по возможности дело уладить, как только переговорит с администрацией.

Переговоры г. Тульчинского с администрацией происходили с 23-го на 24-е марта в канцелярии его на Успенском прииске, а 24-го марта господин Тульчинский официально известил рабочих, чтобы выборные от них в этот же день, т.-е. 24-го марта, в 4 часа дня, прибыли к нему на Успенский прииск для об'яснения и переговоров о ходе дела.

Совещание длилось с 4 часов дня до 11 час. ночи. Всего выборных от рабочих было около 60 человек, в том числе пять представительниц от женщин, которые наравне с мужчинами сделали также свои заявления отдельные, а именно: уничтожение принудительного женского труда, устройство прачечных, вежливое обращение со стороны служащих и другие.

Считаем долгом здесь подробнее остановиться на этом вопросе. Женский труд на приисках, нельзя сказать, чтобы применялся в большом виде, как это делается на некоторых фабриках; женского профессионального труда на приисках совсем не существует, женщины на приисках исполняют только исключительно им присвоенные обычаем обязанности, как-то: стирка белья, мытье полов, приготовление обедов и др., но благодаря распущенности нравов и сознаваемой безнаказаности приисковых служащих, последние под женским трудом привыкли видеть на приисках совершенно другое... Мало того, что женщин, вместо мытья полов и приготовления обедов, назначали насильственным образом на тяжелые приисковые работы, а именно: таскать гальку, драть мох для загрузки канав и т. д., где труд женщин оплачивался дешевле, чем труд мужчин, от женщин требовали и скотского удовлетво-

рения; назначались не те женщины, которые действительно нуждались и хотели работать, а те, которые покрасивей и помоложе. И горе тому семейству, мать которого не принимала гнусных предложений,—муж ее назначался на самые худые работы, а то по просту увольнялся без всякого повода и об'яснений с его стороны. Факты и подробности женского труда представлены в канцелярию окружного инженера г. Тульчинского.

На 3 день пасхи инженер Тульчинский был сам на приисках, где вновь говорил, но уже не с выборными, а со всеми рабочими.

Рабочие на всех приисках настаивали на удовлетворении своих законных требований, иначе просили расчета, согласно контракта, нарушенного Ленским т-вом.

Второе совещание рабочих у Тульчинского состоялось тоже на Успенском прииске: здесь вновь были подтверждены выборными свои заявления. Это собрание почти ничем не кончилось, г. Тульчинский на нем заявил (это было 3-го марта) выборным, что его полномочия кончились вследствие полученной из Петербурга телеграммы, и он не может больше быть посредником между рабочими и администрацией Ленского золотопромышленного товарищества.

3-го апреля, днем, на Александровском прииске было установлено о привозе из амбара в кухню для выдачи рабочим около 26 пудов недоброкачественного мяса. Рабочими тотчас же был приглашен на прииск г. Тульчинский, который совместно с урядником Каблуковым и составил об этом протокол. Так как протокол составлялся в казачьей, то туда также были приглашены и свидетели-рабочие, собралось несколько человек и любопытных. В это время неожиданно появился ротмистр Трещенков с солдатами и, не разобравши, в чем дело, начал кричать. «Разойдитесь! Арестую! Перестреляю!» и ругался площадными словами. Все посторонние, конечно, разошлись, остались одни свидетели.

После этого события, вероятно, и была подана телеграмма генерал-губернатору, что рабочие якобы собираются толпами и держат себя вызывающе, что и вызывает его, ротмистра Трещенкова, произвести аресты.

В ночь с 3-го на 4-е апреля ротмистр Трещенков вместе с товарищем прокурора Преображенским, мировым судьей

Хитуном, полицией и солдатами—на прииске Надеждинском, а исправник Галкин с бодайбинским судьей—на прииске Андреевском и Васильевском произвели обыск, арестовали нас, 10 человек рабочих, якобы главарей и членов стачечного комитета, которого на самом деле у рабочих не существовало.

Арестованные, мы в ту же ночь под усиленным конвоем были препровождены в бодайбинскую тюрьму. 6-го апреля нам был прочитан протокол обвинения по 3 п. 125 ст. улож. о наказаниях, а также был снят допрос мировым судьей гор. Бодайбо. Из протокола выяснилось, что почти все свидетели по нашему обвинению—бывшие акционеры Ленского т-ва, продавшие свои акции во время осложнений на приисках.

В ночь с 8-го на 9-е апреля нас всех, 10 человек, препроводили в гор. Киренск, где и находимся в данное время под стражей.

Рабочий Марчинковский по телеграмме судебному следователю Хитуну был освобожден из киренской тюрьмы 9 мая.

Основываясь на вышеизложенном, представленном нами вашему высокопревосходительству заявлении, и, считая себя невиновными в приписываемом нам обвинении, просим вас освободить нас из-под ареста, в крайнем случае ослабить меру пресечения, если дело по обвинению нас в приписываемом преступлении найдете необходимым, передать судебной власти.

Дмитрий Журавов-Иванов, Эдуард Думпе, Ефим Мимоглядов, Индрик Розенберг, Тимофей Соломин, Александр Соболев, Вениамин Вязовов, Андрей Герасименко, Иоган Будовиц.

28-го мая 1912 года. Киренский тюремный замок.

№ 29.

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ПОКАЗАНИЙ РАНЕНЫХ РАБОЧИХ [1]).

а) Показания Ф. И. Ланшина.

... В то время, как толпа рабочих подходила к повороту дороги, из народного дома выбежали солдаты и построились в линию от полотна жел. дороги до народного дома. Во время разговора рабочих, подошедших первыми к Тульчинскому, я, шедший еще, услышал рожок—и вслед за ним раздался залп, после которого все рабочие легли на снег и поползли

[1]) Истор.-рев. архив. Фонд Ч. С. К., д. 12.

спасаться за штабели дров; никто не бросился вперед. После первого залпа уже по ползущим рабочим дали второй и третий залп. Я был ранен в середине стрельбы, когда я, так же как и другие, полз за штабель. Пуля попала мне в поясницу у позвоночного столба и вышла в левом боку....

б) Показания П. А. Орлова.

... 4-го апреля утром на Пророко-Ильинский прииск пришла толпа рабочих с Андреевского, Васильевского и Утесистого приисков и условились с рабочими Пророко-Ильинского прииска пойти на Надеждинский прииск к товарищу прокурора с заявлениями, что между рабочими подстрекателей нет, а забастовали они все сами. Такие заявления рабочие хотели подать оттого, что служащие приискового управления говорили, что забастовка продолжается от подстрекательств выборных. Кроме того, семейные рабочие хотели просить Теппана, чтобы им выдавали больше припасов. Пошли рабочие всех перечисленных приисков на Надеждинский в четвертом часу дня. По дороге к ним присоединились рабочие с Александровского прииска и, таким образом, собралась толпа приблизительно в 2.500 человек.

Подходя к народному дому, часть толпы шла по дороге, другая же,—меньшая, по полотну железной дороги. На повороте дороги, по которой шла толпа, к ней подбежал инженер Тульчинский и стал разговаривать с передними рабочими. Что́ он говорил, я не слышал, так как я шел дальше, а потом сел на изгородь у дороги. В то время, как часть рабочих разговаривала с Тульчинским, другая часть тут же расселась, кто на штабели дров, кто прямо на снег, а кто и на изгородь,— и стали закуривать. В то же время я услышал сигнальный рожок, как я узнал впоследствии, означавший сбор, и тогда из народного дома выбежали солдаты и построились в линию поперек дороги, ведущей к народному дому, приблизительно саженях в 150 от рабочих. Через несколько минут после этого, без всякого предупреждения, раздался залп, после которого рабочие полегли на землю и поползли спасаться, кто за штабели, кто в какое-нибудь закрытое место. Ни один не бросился вперед к солдатам. После первого залпа Тульчинский махал фуражкой и кричал, чтобы прекратили стрельбу, но тем не менее стрельба продолжалась, но уже не залпами, а пачками,

отчего слышалась трескотня выстрелов... Я, после первого залпа, соскочил с изгороди и пополз под изгородь. В это время я и был ранен, при чем пуля попала мне в левую холку и вышла в левой части поясницы. Выходная рана очень длинная и широкая и до сих пор мне ее бинтуют...

в) Показание В. В. Сысоева.

... Так как выборные от рабочих стали арестовываться, и никто из рабочих не хотел делать от лица рабочих заявления, то все рабочие решили 4-го апреля пойти на Надеждинский прииск и подать просьбы товарищу прокурора об увеличении выдаваемого содержания и об освобождении арестованных товарищей, выбранных нами с разрешения начальства. Всех рабочих пошло несколько тысяч, растянувшихся на большое расстояние. Я шел в средине толпы на расстоянии саженей 100 от первых рядов. Никто из рабочих ничем не был вооружен, шли все мирно, никаких намерений, кроме подачи просьб, у рабочих не было. Никто из рабочих и не предполагал, что возможно столкновение. Я нигде ни от кого не слышал, что солдаты будут стрелять. Ожидать последнего не было оснований, так как забастовка была без всяких насилий, протекала мирно. Толпа рабочих остановилась тогда, когда заиграл сигнальный рожок. Я в это время был на нижней дороге против штабелей. Я видел, как солдаты выбегали из народного дома после сигнала. Мне передавали, что впереди рабочих был инженер Тульчинский, но сам его из-за народа не видел. Вскоре после сигнального рожка последовал ружейный залп, после которого часть рабочих упала, а часть побежала обратно. Вперед бежать было некуда. Криков «ура» не слыхал. После залпа последовали частые выстрелы. Сколько времени они продолжались, определить не могу. Когда я стоял наискось дороги, лицом к первым рядам и наклонился, чтобы лечь на землю, в это время я почувствовал боль в правом боку под рукой и упал. Оказалось, что я ранен пулей, прошедшей сквозь меня и вышедшей в верхней части левой половины спины. Направление пули, видимо, было снизу вверх. После этого до прекращения стрельбы я лежал. Из посторонних лиц я около места происшествия никого не видел. Пораненный я был доставлен до Александровской больницы...

г) Показание З. Е. Меренкова.

... 4-го апреля мы собирались все итти на Надеждинский прииск подавать прошения товарищу прокурора, чтобы увеличили выдачу по кухне бастовавшим,—для семейных паек был мал,—и чтобы не забирали наших выборных, а то сказали нам избрать выборных, а потом стали их забирать. Подать прошения товарищу прокурора мы надумали сами, тогда же 4-го утром их и написали, а кто и не успел написать, так пошли без прошений. К нам присоединились Андреевские и Пророко-Ильинские. Шло много народа. Я шел по дороге, в середине, примерно, толпы, сигналов на рожке не слыхал и Тульчинского не видал. По дороге вдруг посыпались выстрелы. Кругом меня, которые полегли, которые поползли назад. Я тоже лег, а потом только приподнялся и хотел забежать за штабели, как меня ранило пулей в спину. Пуля попала под правую лопатку, а вышла у правой ключицы...

д) Показание В. А. Маслова.

... Я был ранен 4-го апреля. Мы ходили подавать прошения товарищу прокурора. Такое прошение было и у меня, но я его потерял. Я не могу сказать, когда и кто научил нас подавать такие прошения и пойти на Надеждинский прииск. Я неграмотный. В прошениях наших мы просили увеличить паек семейным и заявляли, что никто нас не подговаривал прекращать работу, а забастовали мы только потому, что нас «сжали»: «Пикнуть не стало возможности, жалованья меньше стало, обращались с нами по-собачьи». Припоминаю я, что о подаче прошения товарищу прокурора у нас говорили еще за неделю до 4-го апреля: по словам рабочих, товарищ прокурора приказал нам выяснить, почему мы бастуем, и кто нас подговаривает не работать. Писались прошения и накануне 4-го апреля. Кто написал прошение для меня, не знаю,—кто-то из рабочих.

Утром 4-го апреля мы собрались у себя у раскомандировочной и просили управляющего приисском Кобылянского выйти к нам, но его не оказалось. Вышел к нам становой нашего прииска Григорий Степанович Соловьев. Мы просили увеличить паек семейным и выдать нам заработанные деньги; он говорил по телефону с главной конторой и ответил нам, что

сделать то, что мы просим, не может, так как есть старше его. В ночь на 4-е апреля у нас арестов не было. Наших двенадцать человек забрали дня за два до этого. Забрали наших выборных, хотя мы выбрали их по приказанию начальства, которое отказывалось об'ясняться с толпой. После обеда к нам на прииски пришли все рабочие Андреевского прииска; сколько их было,—не могу сказать. Мы присоединились к ним в числе около 600 человек и вместе пошли на Александровский прииск, который также пошел с нами. Шли мы, как видите теперь,— с голыми руками. Я шел в середине толпы. Когда я подошел к Надеждинской станции железной дороги, народ остановился; никакого рожка или трубы я не слышал. Я вдруг услышал выстрелы; люди передо мною стали валиться, я лечь не успел и был ранен в грудь, пуля вышла из лопатки. Будучи ранен, я упал и пролежал, пока меня не отвезли в больницу на Нижний стан, где пролежал 20 дней. Теперь у меня болит грудь. Я кашляю. Работать не могу. Прошение было у меня в руках и мною потеряно.

е) Показание В. Н. Сенникова.

... Поступил я рабочим к Ленскому товариществу 26-го января этого года на Пророко-Ильинский прииск. До начала забастовки рабочие выражали большое неудовольствие на плохую пищу, на неправильный подсчет работ, на расплату талонами и грубое обращение служащих. У нас на Пророко-Ильинском, утром 3-го марта, рабочие вышли на работу, но в 9-м часу утра мы узнали, что шахта № 7 бросила работу, после чего и сами вышли из шахты, а когда собрались вместе, то, обсудив наше угнетенное положение, решили более не выходить на работу до тех пор, пока наши нужды не удовлетворят. Никто нас к забастовке не подстрекал, а забастовали мы самостоятельно, каждый из нас не хотел выходить на работу. Часов в 12 того же 3-го марта становой стал обходить номера и приглашал выбрать несколько человек для переговоров с администрацией, что мы и сделали, но где и что говорили наши четыре выборных,—я не знаю. Только администрация не хотела исполнить наши требования, а мы без этого отказывались стать на работу. Таким образом, все шло мирно и тихо, только не выходили на работу, на необходимые работы даже выходили, и водоотливы у нас все время действовали, наобо-

рот, администрация нам грозила, что прекратит водоотливы и затопит шахты, а рабочие этого не желали. Утром 4-го апреля мы узнали, что многих выборных арестовали в эту ночь, и мы боялись, что и наших выборных арестуют, к тому же многие рабочие волновались потому, что семейным выдавали припасов столько же, сколько и холостому, вследствие этого ощущался недостаток в пище. Эти два обстоятельства и побудили нас отправиться утром 4-го апреля к Тульчинскому и товарищу прокурора с просьбой прибавить отпуск припасов семейным и с заявлением, что никто нас не подстрекает к продолжению забастовки, и что никаких руководителей у нас нет, что и было написано в наших заявлениях на имя товарища прокурора. Решили же мы итти всем вместе, а не посылать выборных, потому, что знали, что выборных могут арестовать, а всех не арестуют. Около 3-х часов дня к нам подошли андреевские и васильевские и когда узнали, что мы согласны все итти на Надеждинский прииск жаловаться и просить освобождения выборных, то соединились с нами и все пошли.

По дороге к нам присоединились александровские. Шли мы спокойно, ни у кого не было ни кольев, ни камней, ни даже палок. У большинства рабочих в руках были заявления. Когда подошли к повороту дороги на Надеждинский прииск, мы услышали сигнал и увидели выстраивающихся солдат. После сигнала передние остановились, а задние, не слышавшие сигнала, продолжали напирать. Никто нас не предупреждал, чтобы мы не ходили, и что войска будут стрелять. Когда после сигнала остановились, Тульчинский подбежал к толпе и стал что-то говорить; я был саженях в 25-ти от передних рядов и не слышал, что говорил Тульчинский. Передние его окружили, и вслед за сим послышался залп, толпа упала, и некоторые побежали за штабели. Тот, кто упал, не поднимался до самого окончания стрельбы, и после первого залпа никто не бросался вперед. Были такие, которые бежали, но бежали они в бок, чтобы укрыться, или назад, спасаясь от выстрелов. После первого залпа я упал и пополз в штабеля, при чем сразу не заметил, что я ранен, а отбежавши сажен 50, почувствовал на руке рану. В какой момент я ее получил, сказать не могу, так как от испуга первое время ничего не чувствовал. Рану я получил в правую руку, в кисть под суставом, в переднюю поверхность руки. В больницу отправился

сам, где мне и сделали перевязку. Как подбирали раненых, я не видал.

ж) Показание Д. А. Белоногова [1]).

... В июне прошлого года я поступил к Ленскому товариществу на работы на Васильевский прииск горнорабочим. В месяц я зарабатывал 36—60 рублей. Забастовка возникла вследствие общего недовольства рабочих. Припасы с'естные отпускались такого качества: мясо было синее, иногда испорченное, рыба—тухлая, хлеб из непросеянной муки. 4-го апреля все рабочие пошли на Надеждинский прииск к товарищу прокурора с заявлениями о том, что забастовка возникла и протекает по общему согласию рабочих, а не вследствие подстрекательства отдельных лиц, как об этом ходили слухи. Об этом были написаны у каждого прошения. Выборные наши передали нам, что товарищ прокурора им сказал, что заявление каждый рабочий должен подавать сам за себя. Вследствие этого мы и пошли. Никто не предполагал из рабочих, что будут стрелять. Я находился в толпе сажени на две позади от первых рядов рабочих. Я солдат заметил в то время, когда они выстраивались. Я видел, как инженер Тульчинский подходил к рабочим и как он стоял впереди. Во время разговора г. Тульчинского с рабочими начались выстрелы. Сигнальный рожок перед выстрелами я слышал. После первого залпа часть рабочих упала на землю, а часть побежали обратно. Никто из них вперед не бежал, «ура» не кричал. После первого залпа вскоре последовали вновь выстрелы. В это время я был ранен в лежачем положении на спине головой к солдатам. Пуля попала в правое бедро и засела где-то внутри. После этого я не помню, что происходило вокруг меня. Товарищи потом унесли меня на Александровский прииск... Показание прочитано, добавить к нему ничего не надо. Вследствие болезненного состояния Белоногов подписать протокола не мог.

Товарищ прокурора *Колесников.*

---

[1]) Остальные 198 показаний раненых рабочих, которые имеются в этом же деле, аналогичны приведенным. Необходимо отметить, что большинство рабочих было ранено в спину, очевидно, когда они уже ползли за штабеля, многие из допрошенных имеют по 2—3 раны. *Ред.*

№ 30.

СПИСОК РАБОЧИХ РАНЕНЫХ ВО ВРЕМЯ РАССТРЕЛА 4-го АПРЕЛЯ 1912 г. [1]).

1. Кащук Трофим.
2. Абрамов Александр.
3. Бакалов Семен.
4. Баулин Кузьма.
5. Винокуров Алексей.
6. Демаков Иван.
7. Дедюлин Осип.
8. Загубаев Иван.
9. Кара Батретдин.
10. Кощеев Павел.
11. Широков Николай.
12. Авилов Сергей.
13. Баранов Евстафий.
14. Борисов Василий.
15. Галочкин Иван.
16. Денисов Карп.
17. Ерофеев Иван.
18. Золотарев Николай.
19. Кайдалов Потапий.
20. Касенков Спиридон.
21. Головных Алексей.
22. Анисимов Никандр.
23. Баронцев Арсентий.
24. Бородулин Симеон.
25. Гусаров Дмитрий.
26. Дмитриев Никита.
27. Заверткин Яков.
28. Косолапов Фрол.
29. Камчатов Петр.
30. Кучин Гавриил.
31. Капелюшев Никита.
32. Махнев Тимофей.
33. Махов Алексей.
34. Саляхетдинов Дзералтинов.
35. Селезнов Иван.
36. Червяков Петр.
37. Ярославцев Иван.
38. Безденежных Осип.
39. Лапшин (Манухов) Федор.
40. Ракислов Михаил.
41. Шимгов Франц.
42. Агалаков Иван.
43. Забродкин Ефим.
44. Ковтун Валентий.
45. Мясников Семен.
46. Маланкин Василий.
47. Роженцов Егор.
48. Тейб-Гюль-Бала-оглы.
49. Узбек-Юсуп-Ахметов.
50. Шорников Иван.
51. Копылов Михаил.
52. Столяров Иван.
53. Ворожцев Федор.
54. Егошин Александр.
55. Касьянов Михаил.
56. Манцеров Тимофей.
57. Саньков Семен.
58. Васильев Федор.
59. Зуев Михаил.
60. Миронов Яков.
61. Орлов Петр.
62. Тарачев Михаил.
63. Абдулганиев Мингелай.
64. Мерзляков Тимофей.
65. Бусыгин Миней.
66. Клюжев Семен.
67. Муленко Григорий.
68. Ремизов Андрей.
69. Сенцов Киприан.
70. Тепляшин Павел.
71. Чикмарев Павел.
72. Богатырев Максим.
73. Дербенев Николай.
74. Мухутдинов Зиятдин.
75. Семин Василий.
76. Юматов Андрей.
77. Дронов Владимир.
78. Корсаков Алексей.
79. Кузьмин Александр.

[1]) Истор.-рев. архив. Фонд Ч.С.К. сен. Манухина, д. 19. Список раненых, приводимый здесь, был составлен комиссией по определению степени потери трудоспособности ранеными рабочими. *Ред.*

80. Моторин Дмитрий.
81. Рявкин Григорий.
82. Сметанин Потап.
83. Туманцев Иван.
84. Хомяков Василий.
85. Власов Яков.
86. Лесников Поликарп.
87. Верхотуров Дмитрий.
88. Куканов Николай.
89. Мухин Александр.
90. Попов Григорий.
91. Соколов Дмитрий.
92. Давыдченко Федор.
93. Кузьмин Сергей.
94. Мясоедов Леонтий.
95. Перевощиков Никита.
96. Фомин Ермолай.
97. Астафьев Иван.
98. Поляшев Михаил.
99. Капелющов Филипп.
100. Лапин Иван.
101. Мезенцев Степан.
102. Русских Киприан.
103. Слугин Павел.
104. Тюлькин Петр.
105. Юргин Никифор.
106. Бляблин Иван.
107. Королев Александр.
108. Пырьев Алексей.
109. Тюшняков Иван.
110. Русинов Сергей.
111. Зырянов Иосиф.
112. Казанцев Петр.
113. Лучинин Сергей.
114. Межов Иван.
115. Развозжаев Николай.
116. Синицын Михаил.
117. Утенков Михаил.
118. Черепанов Иван.
119. Домнин Григорий.
120. Ступишин Александр.
121. Басалай Григорий.
122. Еньков Семен.
123. Клус Парфен.
124. Меренков Захар.
125. Сизых Тихон.
126. Ухалов Василий.
127. Жданов Иван.
128. Кузнецов Петр.
129. Маслов Василий.
130. Соловьев Петр.
131. Сысоев Василий.
132. Блошенков Иван.
133. Троегубов Илья.
134. Бардин Василий.
135. Герасимов Федор.
136. Ярославцев Диомид.
137. Моисеев Федор.
138. Худорожнов Борис.
139. Ожиганов Семен.
140. Абакумов Михаил.
141. Баринов Осип.
142. Гейда Василий.
143. Кутузов Алексей.
144. Сенников Федот.
145. Глазин Леонтий.
146. Сенников Василий.
147. Меньшиков Капитон.
148. Нечушкин Яков.
149. Достовалов Осип.
150. Попов Илья.
151. Чихрадзе Егор.
152. Шариков Архип.
153. Балаев Семен.
154. Емельянов Николай.
155. Шепелин Тимофей.
156. Паменков Иван.
157. Ильясов Мухаметша.
158. Радимов Иван.
159. Евенько Иван.
160. Памфилов Афанасий.
161. Астафьев Ефим.
162. Бурнашев Александр.
163. Гудков Василий.
164. Кокоулин Иван.
165. Нелаев Степан.
166. Ковенкин Василий.
167. Скурихин Василий.
168. Белоногов Дмитрий.
169. Палтусов Савелий.
170. Кирилов Михаил.
171. Пономарев Степан.
172. Гуселетов Евстафий.
173. Вовняк Роман.
174. Галиев Незаметдинов.
175. Киверин Степан.

176. Щенников Семен.
177. Сметанин Павел.
178. Михайлов Иван.
179. Семенов Тимофей.
180. Рахимов Шамсутдин.
181. Шеметов Василий.
182. Абдулсаликов Зойнитулла.
183. Бутов Илларион.
184. Дербенев Феоктист.
185. Мехонцов Матвей.
186. Безбородов Григорий.
187. Пантелеев Сергей.
188. Катунцев Михаил.
189. Банный Филипп.
190. Горячкин Григорий.
191. Морозов Иван.
192. Сабиров (Анисьин) Шейхилислян.
193. Ребешкин Николай.
194. Перевалов Василий.
195. Дмитриев Иван.
196. Семенов Иван.

№ 31.

СПИСОК РАБОЧИХ УБИТЫХ И УМЕРШИХ ОТ РАН [1]).

1. Якубов Хайрулла.
2. Ибрагимов Мухометша.
3. Валиханов Сулейман.
4. Хасянов Измаил.
5. Сайдагиев Бик.
6. Гайнетдинов Калимулла.
7. Фейсханов Ибрагим.
8. Боровинский Михаил.
9. Букин Емельян.
10. Булынкин Филофей.
11. Брылев Иван.
12. Винокуров Евдоким.
13. Владимиров Иван.
14. Горшенков Михаил.
15. Корюхов Иннокентий.
16. Кузнецов Степан.
17. Константинов Семен.
18. Казаков Степан.
19. Кислицин Егор.
20. Кожин (он же Кутьин) Семен.
21. Крутов (он же Кириллов) Николай.
22. Макаров Карп.
23. Малыгин Илларион.
24. Макаров Алексей.
25. Морозов Василий.
26. Никитин Николай.
27. Новоселов Василий.
28. Наумов Семен.
29. Наумов Михаил.
30. Николаев-Зюзин Василий.
31. Ожигов Терентий.
32. Овцын Алексей.
33. Плевинский Иосиф.
34. Пищулин Захарий.
35. Сисюлин Андрей.
36. Солдаткин Евфимий.
37. Соловьев Иосиф.
38. Сарычев Анатолий.
39. Сесюлин Михаил.
40. Сидоров Илья.
41. Тишков Прокопий.
42. Уханов Петр.
43. Федяев Филипп.
44. Шиповаленко Иосиф.
45. Швецов Филипп.
46. Юдин Ефрем.
47. Яковлев Василий.
48. Лялин Иван.
49. Бармоткин.
50. Жучков Яков.
51. Лопавенко Яков.
52. Балабин Алексей.
53. Бошкарев Тихон.

[1]) Истор.-рев. архив. Фонд Ч.С.К. сен. Манухина, д. 18. Список взят из церковных записей о похороненных русским и магометанским духовенством убитых и умерших от ран после расстрела 4-го апреля. Список этот по словам священника не полный. *Ред.*

54. Букин Андрей 2-й.
55. Ермаков Дмитрий.
56. Захаров Трофим.
57. Зычанов Иван.
58. Зяблов Егор.
59. Казанцев Федор.
60. Козлов Василий.
61. Кононов Федор.
62. Катюшин Николай.
63. Каякин Михаил.
64. Кислицын Николай.
65. Конев Григорий.
66. Коробков Павел.
67. Кузнецов Артемий.
68. Лазарев Михаил.
69. Маркин Алексей.
70. Мухин Иван.
71. Наумов Федор.
72. Нелаев Северьян
73. Овечкин Александр,
74. Попов Калина.
75. Рябцов Иуда.
76. Свиньин Яков.
77. Селезнев Иван.
78. Секисов Василий.
79. Супряков Григорий.
80. Серых Петр.
81. Тонайтис Александр.
82. Тюменцев Семен.
83. Ухалов Елисей.
84. Чердынцев Максим.
85. Чащин Григорий.
86. Шажин Гавриил.
87. Шерстобитов Петр.
88. Швак Степан.
89. Щаулов Иван.
90. Этков Сергей.
91. Алексеев Павел.
92. Андреев Василий.
93. Антипов Василий.
94. Безгодов Степан.
95. Безденежных Дмитрий.
96. Берсенев Давид.
97. Байков Петр.
98. Борисов Степан.
99. Бошков Дмитрий.
100. Бородулин Алексей.
101. Васильев Владимир.
102. Варлашкин Филипп.
103. Воробьев Иосиф.
104. Вохмянин Дмитрий.
105. Герасимов Алексей.
106. Гранин Илья.
107. Гусев Иван.
108. Демаков Дмитрий.
109. Демаков Поликарп.
110. Дербенев Филипп.
111. Доброжеляк Алексей.
112. Дыба Андрей.
113. Ермаков Наркис.
114. Заборцев Герасим.
115. Зайцев Егор.
116. Зайцев Иван.
117. Земсков Алексей.
118. Зотов Иван.
119. Иванов Иосиф.
120. Казаков Капитон.
121. Карасев Константин.
122. Карнаухов Алексей
123. Качаев Василий.
124. Корелин Иван.
125. Королев Степан.
126. Коротаев Фаддей.
127. Климин Степан.
128. Ленских Семен.
129. Ложечников Николай.
130. Лопаткин Гордей.
131. Матвеев Степан.
132. Мелкозеров Сергей.
133. Мочалов Григорий.
134. Непомнящий Егор.
135. Никитин Кирилл.
136. Панов Василий.
137. Попов Прокопий.
138. Рыжков Григорий.
139. Салмин Михаил.
140. Свиньин Андрей.
141. Сивый Максим.
142. Сизиков Сергей.
143. Скосырский Иван.
144. Соболев Епифан.
145. Сологуб Стефан.
146. Сафронов Иван.
147. Толенков Никита.
148. Толстов Федор.
149. Трукманин Нестор.

150. Трунов Кузьма.
151. Урусов (Русаков) Петр.
152. Усков Илья.
153. Устюжанин Степан.
154. Филипчук Григорий.
155. Фоломеев Андрей.
156. Хохлов Дмитрий.
157. Хохлов Степан.
158. Ценнщев Илья.
159. Чабан Филипп.
160. Черемисиков Иван.
161. Чернин Андрей.
162. Шатов Андрей.
163. Яскуловский Гилярий.
164. Укладов Иван.
165. Чанцев Василий.
166. Брюханов Игнатий.
167. Зыгрянов Иван.
168. Черновский Иосиф.
169. Гладковский Иван 1-й.
170. Ларькин Тимофей.

№ 32.

ТЕЛЕГРАММА РАБОЧЕГО ЛЕБЕДЕВА ИРКУТСКОМУ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРУ ОТ 14-го АПРЕЛЯ [1]).

Предварительное следствие действиях Лензото расстреле производится лицами, причастными расстрелу. Негативы с'емок картины после расстрела у фотографов отобраны. Ротмистр Трещенков является казармы угрозами принуждает работе. Ходатайствуем поручении следствия другому лицу, сохранении негативов, ограничении ротмистра.

Раненый рабочий *Михаил Лебедев.*

№ 33.

ТЕЛЕГРАММА БЕЛЕЦКОГО ИРКУТСКОМУ ГУБЕРНАТОРУ.

В виду полученной из Бодайбо жалобы раненого рабочего Лебедева на отобрание администрацией от фотографов негативов с'емок картины расстрела рабочих, министр приказал, чтобы снимки не уничтожались, а оставались на хранении в полицейском учреждении на случай надобности их для следствия. № 199.

И. д. директора *Белецкий.*

14-го апреля 1912 года.

---

[1]) Истор.-рев. архив. Фонд д-та полиции, д. 23, ч. 2, т. 2.

III.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ ПЕРЕПИСКА, ОТНОСЯЩАЯСЯ К ЛЕНСКОМУ РАССТРЕЛУ.

а) Переписка иркутского губернатора Бантыша.

№ 34.

ТЕЛЕГРАММА ГУБЕРНАТОРА БАНТЫША В ДЕПАРТАМЕНТ ПОЛИЦИИ ОТ 14-го МАРТА [1]).

На № 128. Я уже телеграфировал департаменту, что Бодайбо имеется 140 человек военной команды и из Киренска командировано еще 75 человек, — это все, что можно было взять. Следующий пункт стоянки войск, Иркутск—1.800 верст. Отсюда войска придут не раньше третьего месяца. Я также телеграфировал, что все возможные при данных местных условиях меры недопущения беспорядков приняты. По имеющимся сведениям, забастовка продолжает протекать мирно, переговоры рабочих управлением возобновились, пред'явленные первоначально требования уменьшены. Управление срочно сносится Петербургом. Мною посланы следующие телеграммы: «Петербург Эльзото, Белозерову. Не отрицая чрезмерных преувеличений и полнейшего произвола в большинстве требований рабочих, нельзя не согласиться с закономерностью некоторых претензий, каковые будут рассмотрены горнозаводским присутствием. Если вы найдете нужными какие-либо соглашения на почве договорных отношений для скорейшей ликвидации, не полагали бы вы полезным для дела держать меня в курсе существа их? Прошу распоряжения вашему заместителю по вопросу отпуска пищевых продуктов, прекращение коих по местным условиям не-

[1]) Истор.-рев. архив. Фонд горн. департ., д. 42.

минуемо вызовет беспорядки». «Бодайбо, витимскому исправнику. Дознание стачечном комитете немедленно передайте мировому судье. Вторично предлагаю ежедневно до прекращения забастовки телеграфировать положении дел. Сегодня выезжает Тульчинский. Предложите рабочим моего имени немедленно стать на работу, при чем я гарантирую им немедленное рассмотрение горнозаводском присутствии возбужденных ими вопросов по освещении их Тульчинским». Не знаю, с какими еще заявлениями обратится к департаменту Ленское товарищество, но я категорически утверждаю, что в забастовке прежде всего и более всего виновато само Ленское золотопромышленное товарищество, поэтому скорейшее прекращение забастовки зависит исключительно от их доброй воли.

Губернатор *Бантыш.*

№ 35.

ТЕЛЕГРАММА ГУБЕРН. БАНТЫША ИСПРАВНИКУ ГАЛКИНУ ОТ 15-го МАРТА [1]).

Хитун и Александров производят расследование, следовало бы и вам начать действия. № 2350.

Губернатор *Бантыш.*

№ 36.

ТЕЛЕГРАММА ГУБЕРН. БАНТЫША ИСПРАВНИКУ ГАЛКИНУ ОТ 15-го МАРТА [2]).

Правление Ленского товарищества из Петербурга телеграфирует: «Ответ № 2325. Не взирая на удовлетворение большинства требований внутреннего распорядка, забастовка не прекратилась, а потому Ленское товарищество прекратило работы и на основании 42 статьи правил, в виду нарушения рабочими договоров, предложило получить расчет, а так как рабочие от получения расчета отказались, то виды на жительство препровождены исправнику, следуемая рабочим плата по расчетным книжкам внесена в депозит мирового судьи, и вместе с тем у того же судьи пред'явлены иски о выселении рабочих для освобождения места вновь нанимаемым, вслед-

[1]) Истор.-рев. архив. Фонд ирк. суд. палаты, д, 3/27.
[2]) Истор.-рев. архив. Фонд. ирк. губ. правл., д. 3, т. 6.

ствие сего Ленское товарищество имеет честь ходатайствовать пред вашим превосходительством об оказании содействия к выдворению с промыслов рабочих, не состоящих с товариществом ни в каких договорных отношениях, при чем товарищество согласно статьи 37 правил найма рабочих обязуется выдать вещевое довольствие до Киренска за вычетом того количества продуктов, которое товарищество вынуждено было выдавать вследствие отсутствия защиты со стороны полиции. Не взирая на изложенное, но признавая затруднительное положение местных властей, товарищество из'являет согласие отпускать на прокормление бывших рабочих продукты по требованиям исправников, с тем, чтобы казна возместила товариществу стоимость продуктов, как уже насильно взятых, так и тех, которые будут отпущены вновь сверх норм, указанных статьей № 37». По соглашению с окружным инженером Александровым телеграфируйте срочно подробное мотивированное заключение. № 2355.

Губернатор *Бантыш.*

№ 37.

ТЕЛЕГРАММА КАРЗАКОВА К ЭЛЬЗОТО ОТ 18-го МАРТА [1]).

Горнозаводское присутствие в сегодняшнем заседании признало, что забастовка вызвана тем, что Лензото первое нарушает контракт рабочими [2]). Нарушение оно усмотрело из жалобы рабочих на плохое мясо, грубое обращение, неподачу немедленно медицинской помощи, назначение специальных рабочих на простые работы, плохие жилища. Подтверждение жалобы оно усмотрело в вашей телеграмме—уступке рабочим по этим пунктам. Если не уладите миром, то заключение Лензото—его обязанность уплатить рабочим до срока найма и везти в Киренск. Протоколы еще не подписаны, сообщается утверждение генерал-губернатору. На прииски предполагает телеграфировать, только совет обеим сторонам сделать уступки.

Карзаков.

[1]) Истор.-рев. архив. Фонд. ирк. ген.-губ., д. 76, т. 1.

[2]) Протокол горнозаводского присутствия был полностью неоднократно опубликовываем. В докладе Манухина приведена его наиболее интересная часть. *Ред.*

№ 38.

ТЕЛЕГРАММА ПОВЕРЕННОГО ЛЕНЗОТО ИВАНОВА ИРК. ГУБЕРНАТОРУ ОТ 21-го МАРТА [1]).

Исправник Галкин продолжает бездействовать, несмотря прибытие киренской команды, обнаружил полную растерянность, непозволительную слабость, совершенное непонимание данного момента, ведет забастовщиками-делегатами бесполезные переговоры, часто остающиеся тайной для управления. Никаких активных мер подавлению забастовки не принимает, не приводит исполнение решений мирового судьи выселении казарм приисков вреднейших агитаторов-забастовщиков, обвиняемых 1358 п. 3 статье уложения о наказаниях, не арестует. давая им тем полную возможность продолжать насильничать. Такое бездействие и слабость власти все более и более вселяет темную массу бастующих уверенность правоте, законности их действий, дает им надежду удовлетворение их незаконных требований. Необходимо немедленно выселить по исполнительным листам, ибо казармы нужны помещения вновь нанятых рабочих экстренных работ, малейшая приостановка которых ведет гибели всей операции, грозит непоправимыми убытками. Прошу предписать исправнику Галкину приступить исполнению его прямых обязанностей.

Поверенный Ленского товарищества присяжный
поверенный *Иванов* [2]).

№ 39.

ТЕЛЕГРАММА ИСПРАВ. ГАЛКИНА ИРКУТСКОМУ ГУБЕРНАТОРУ ОТ 3-го АПРЕЛЯ [3]).

На номер первый и четвертый докладываю: переданная номере первом телеграмма Теппана составляет преувеличенные извращенные факты. Телеграммы же Иванова содержат незаслуженное мною оскорбление; а фразы: «ведет забастовщиками-делегатами бесполезные переговоры, часто остающиеся тайной для управления», есть чистый вымысел, так как я делегатами переговоров никаких не вел, хотя начале заба-

[1]) Истор.-рев. архив, Фонд ирк. губ. правл., д. 3, т. 6.

[2]) По поводу этой телеграммы Бантыш потребовал об'яснения от исправника Галкина, чем и была вызвана телеграмма Галкина, которую мы печатаем ниже. *Рсд.*

[3]) Истор.-рев. архив. Фонд ирк. губ. правл., д. 3, т. 6.

стовки и разговаривал рабочими, но присутствии представителей Лензото. Ходатайствую пред вашим превосходительством поручить Трещенкову или Преображенскому произвести телеграммам Теппана, Иванова дознание выяснения, заслуживают ли мои действия того порицания, какое распространяет Лензото лице поверенного своего Иванова, и того, насколько я виноват неприменении требованных от меня управлением репрессий против рабочих, не допускавших беспорядков. Освобождения казарм для вновь нанятых 200 рабочих возможно было достигнуть не путем выселения судом, а переводом в другие казармы, что уже частью по моему предложению и сделано. Управлением заготовляются и пред'являются судье иски выселении всех вообще рабочих. Подробное мотивированное об'яснение на №№ 1 и 4 представлю вашему превосходительству почтой по окончании забастовки.

Исправник *Галкин.*

№ 40.

ТЕЛЕГРАММА ГУБЕРНАТОРА БАНТЫША М-РУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ОТ 25-го МАРТА [1]).

17-го марта мною была послана в Бодайбо исправнику телеграмма следующего содержания: «Предоставляю вам по соглашению с окружным инженером Александровым моим именем решить вопрос о необходимости отсрочить массовое выселение рабочих сообразно положению. Во всяком случае, Ленское товарищество обязано обеспечить доставку выселяемых до Киренска за свой счет, независимо от выдачи харчевых». 19-го марта, в виду согласия управления Лензото вывезти рабочих до Киренска, исправник, по настоянию поверенного Лензото Иванова, представившего исполнительные листы о немедленном выселении из казарм и приисков 15 рабочих, с частью воинской команды приступил к принудительному выселению этих рабочих на Надеждинском прииске. Разыскиваемых рабочих в казармах не оказалось, не оказалось также рабочих, подлежащих аресту по требованию следователя [2]), мешавших работе поденщиков, между тем исправником было замечено, что из всех окружающих приисков

[1]) Истор.-рев. архив. Фонд горн. департ., д. 42.

[2]) Следователь хотел арестовать 12 человек. *Ред.*

рабочие стекаются толпами к главной конторе. Не имея возможности в разных местах остановить массовое выступление рабочих, он с бывшими при нем офицером и солдатами остановил двухтысячную толпу; в это же время другая толпа в тысячу человек была остановлена вышедшими на дорогу киренскими солдатами. Оказалось, что рабочие направлялись просить главноуправляющего Теппана отсрочить выселение до расследования окружным инженером их претензии, в противном случае просить выдачи расчета по десятое сентября. Главноуправляющий Теппан от прибытия к рабочим для переговоров отказался. Рабочие трех рудников просили разрешения соединиться, в чем им было отказано, и после предложения исправником послать Теппану письменное заявление разошлись, испросив разрешение исправника в присутствии полиции собраться по одному человеку от казарм для обсуждения вопроса о составлении заявления Теппану. После чего исправник не решился, во избежание осложнений, кровопролития и за отказом начальника воинской части дробить команду, настаивать на аресте. Учтя обстановку положения, мною сделаны следующие распоряжения: 1) Предписано исправнику отсрочить выселение рабочих до навигации. 2) Неукоснительно исполнять требования следователя по обыскам и арестам. 3) По моему настоянию штабом даны соответствующие указания начальнику бодайбинской команды не отказывать в содействии исправнику мотивам нежелательности дробления части. Окружный инженер Александров, очевидно, не получивший еще моей телеграммы, доносит: «Вследствие тревожного настроения всех рабочих прекращением выдачи пищи должникам, опасаюсь резкого проявления озлобления; не получив просимых срочной телеграммой указаний, я, в виду наступления пасхи, сделал своей властью распоряжение выдавать пищевое довольствие в течение семи дней и должникам; Лензото подчинилось, оставив за собой право искать убытки казны; прошу утвердить мое распоряжение. Вопрос о продовольствии рабочих необходимо решить категорически для облегчения дальнейших действий. Тульчинский прибыл сдачи округа выезжаю в Верный. Ожидаю донесений Тульчинского. № 5».

Губернатор *Бантыш.*

№ 41.

ТЕЛЕГРАММА ГУБЕРН. БАНТЫША М-РУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ОТ 25-го МАРТА [1]).

На номер 157 за министра внутренних дел товарища министра Золотарева—доношу: «Заявление Теппана известно мне и прокурору; нами своевременно были сделаны соответствующие распоряжения. Именно потому, что Лензото нарушило свои обязательства по отношению к рабочим, вытекающие из договорных отношений, требования закона и обязательных постановлений горнозаводского присутствия,—забастовка и возникла. Вот почему, принимая во внимание совершенно исключительные местные условия торговли, найма рабочих, отсутствие населенных мест, спроса и предложения рабочих рук и других, создалось такое почти безвыходное положение при исключении возможности достижения миролюбивого соглашения. В продолжение почти месяца неоднократно докладывал о сем министерству, но тем не менее не только категорических, но вообще никаких указаний до сих пор не получал, если не считать телеграммы за подписью директора Харламова, за № 145: «Ваше решение не выселять рабочих до навигации министр одобряет». № 157 за подписью за министра внутренних дел товарища министра Золотарева, видимо противоречит предыдущей; кроме того, на № 153, за подписью за министра внутренних дел товарища министра Золотарева, я, несмотря на просьбу дать указания, таковых не получил. С ротмистром Трещенковым, по соглашению с начальником жандармского управления, сделаны необходимые предварительные сношения. По получении ожидаемых мною сведений от инженера Тульчинского, ротмистра Трещенкова, прокурором — от командированного товарища, я смогу дать ротмистру Трещенкову определенные директивы, каковые тогда лишь и допущены локализации забастовки согласно телеграммы № 157. Что же касается не только прекращения со стороны забастовщиков всякого рода незакономерных выступлений, горно-полицейскому надзору даны мною весьма определенные инструкции по недопущению малейших беспорядков под угрозою предания суду исправника за бездействие власти. По имеющимся до сих пор сведениям, по всем нарушениям порядка рабочие привлекаются к ответственности. В своих

[1]) Истор.-рев. архив. Фонд д-та полиции, д. 23, ч. 2, т. I.

распоряжениях я учитываю нарушения со стороны обеих заинтересованных сторон, но должен соразмерять свои действия сообразно с обстоятельствами положения. За девятилетнюю службу предводителя дворянства в Донецком бассейне я имел возможность ознакомиться с рабочим вопросом и видел близко не одну забастовку в 1905/6 годах. Навряд ли меня можно упрекнуть в недостатке решительности действий, но я привык в критические моменты не стесняться в средствах, когда лишь твердо сознаю их необходимость и целесообразность. Но в угоду интересов Ленского золотопромышленного товарищества я не могу попирать закона; пока не вижу оснований тех рабочих, виновных лишь в нарушении договорных отношений, высылать в административном порядке. Самое выселение рабочих по приговорам мировых судей нельзя приноравливать к такому же действию в других населенных местах. Во-первых, нигде нет квартир, куда рабочие могли бы переехать, ни магазинов, кроме Ленского товарищества, где можно было бы приобрести продукты первой необходимости, не говоря о том, что у должников нет заработанных денег. Сосредоточение рассчитанных рабочих в Бодайбо неминуемо грозит беспорядками в особенности в праздники. Рабочие на приисках живут в общих казармах. По выполнению приговора, означенного в исполнительном листе, то-есть по выселении их из казармы и даже до границ приисков, исполнительная власть полиции прекращается, и пока она составит акт о выселении первой семьи и обратится к выселению других, то-есть пока она кончит с пятнадцатой семьей,—первая уже вновь может поселиться на своих местах, ибо казармы заколотить нельзя и ставить в каждой семье караул для воспрепятствования насильственного возвращения в казармы тоже нельзя. Затем надо себе представить насильственное выдворение из округа семей рабочих с их вещами, при наличности военно-полицейской охраны. При чем от Бодайбо надо вести лошадей при полном бездорожьи триста верст до Витима по совершенно безлюдной тайге, где абсолютно нельзя достать ни фуража лошадям, ни пищевых продуктов людям. Принимая даже во внимание полное содействие со стороны промыслового управления, это физически неисполнимо; ведь, надо к выселяемым прибавить соответственный конвой, благодаря чему уменьшится военно-полицейская охрана на приисках и

в городе Бодайбо, в складе коего охраняется водка и спирт, вывезенный из приисков. Вообще теоретически эта мера может быть чрезвычайно желательной, в особенности для Ленэото, и при возможности ее выполнения оказала бы бесспорно существенное влияние на прекращение забастовки, но вопрос в том, как ее фактически привести в исполнение, и какими мотивами я должен буду оправдываться в доказательство закономерности и целесообразности моих по этому поводу распоряжений. Я не могу поставить вне закона, согласно требования Ленского товарищества, рабочих, участвующих в мирной забастовке, повторяю, по причинам, изложенным в № 8. Я не могу в Витимско-Олекминском районе применять к рабочим, выселяемым по исполнительным листам мировых судей из казарм и приисков, каких-либо правил приложения первого к статье первой устава о предупреждении и пресечении преступлений. Обязывать Лензото кормить забастовщиков за свой счет я не могу, но раз правительством издавна допущено полное порабощение громадного Витимско-Олекминского района Ленским золотопромышленным товариществом в смысле монополизации всей торгово-промышленной жизни края, то вызывать бунт на почве голода между должниками Лензото я тоже не могу. Надо видеть на месте, своими глазами убедиться в специфических условиях жизни данного района, принять во внимание все совершенно исключительные условия, надо думать нигде больше в мире не существующие, чтобы ориентироваться в этом конфликте, представляющем собою сочетание, следствие продолжительности действий самых сложных и притом совершенно анормальных социальных, экономических, бытовых и других факторов. Вступив в управление губернией, я летом прошлого года на месте лично изучал это положение, я почти предвидел эту забастовку, говорил об этом с главноуправляющим Белозеровым и в этом смысле представил генерал-губернатору подробный доклад, сохраняющийся у меня в копии. В достаточной мере сознавая местное и государственное значение достигнуть справедливого улажения конфликта для обеих сторон, обостряет во мне необходимость полнейшей об'ективности суждений. Прошу распоряжения вашего высокопревосходительства дать мне возможность с вновь приехавшими в Бодайбо лицами горного, полицейского, прокурорского

надзора проверить действия настоящих вещей и тем иметь возможность упротребить все усилия к скорейшему нормальному прекращению забастовки, тем более, что первые четыре дня пасхи, вне зависимости от продолжения забастовки, работы производиться все равно не будут. В случае отсутствия министра внутренних дел сенатора Макарова и несогласия с приведенными соображениями товарища министра Золотарева, я ходатайствую о докладе этой телеграммы председателю совета министров. № 9.

Губернатор *Бантыш.*

№ 42.

ТЕЛЕГРАММА ГУБЕРН. БАНТЫША РОТМИСТРУ ТРЕЩЕНКОВУ ОТ 4-го АПРЕЛЯ [1]).

По из'ятии стачечного комитета учтите появившийся раскол между бастующими, впечатление, вызванное этой мерой; при благоприятных результатах арестуйте немедленно всех остальных, подлежащих заключению под стражу по требованию следственных властей. Об исполнении донести. В отношении исполнительных листов выселения, в случае надежды на мирное улажение конфликта, уговорите моим именем Лензото отказаться от этой меры совсем. В случае, если бы оказалось необходимым провести ее, телеграфируйте, сколько семей подлежит выселению, и как вы думаете провести выселение. Что вы сделаете после выдворения их до границы прииска? Как вы поступите по отношению ссыльных? Ожидаю срочно донесений. Конец телеграммы Саладилова, подтвержденный мною вам № 20, по отношению отпуска продуктов и мер выселения, имеет лишь значение угрожающего характера для скорейшей локализации забастовки и потому ни под каким видом не дает вам оснований приступать к этим мерам до получения моих распоряжений в ответ на ожидаемое донесение на № 20 и эту телеграмму. В отношении этих мер вы впредь имеете неуклонно руководствоваться до вышеуказанных мной распоряжений номером 4, о чем об'явите обоим окружным инженерам: Тульчинскому и Александрову. Донесении вашем ожидаю подробной мотивировки по соглашению Преображенским, окружными инженерами, физической

[1]) Истор.-рев. архив. Фонд ирк. суд. пал., д. 3/27.

возможности исполнения этих мер и их последствий сообразно местным условиям. В зависимости от дальнейшего течения забастовки предлагаю вам, не стесняясь расходами, ежедневно подробно освещать мне телеграфно общее настроение, не упуская деталей, для совершенно об'ективных заключений, руководящих вам указаний и дальнейших моих, в случае необходимости, переговоров с Саладиловым. Примите к сведению: сейчас получена телеграмма следующего содержания: «Просим вашего распоряжения. Продовольствие семейным для жен, детей не выдается с 10-го марта, об'явлен расчет, не выдают до сих пор. Следствие производится без участия рабочих, как свидетелей, и не на месте работ, полицейские власти насилуют на работу, вызывающие поступки полиции волнуют нас. Рабочие Лензото». По поводу чего обращаю ваше внимание на № 15, адресованный вам, и еще раз подтверждаю № 4, адресованный Галкину. № 25.

Губернатор *Бантыш.*

№ 43.

ТЕЛЕГРАММА ГУБЕРН. БАНТЫША МИНИСТРУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ОТ 4-го АПРЕЛЯ [1]).

Учтя последние события в Бодайбо, распорядился начать срочные, не терпящие отлагательства работы на Феодосиевском прииске вновь нанятыми рабочими, около 100 человек, под охраной воинских сил; это послужило к началу, правда, нерешительному, возобновления работ в некоторых мастерских. Поползновений снятия рабочих в Феодосиевском прииске не было. Предложил горному надзору в порядке постепенности, не разбрасываясь, всемерно культивировать вышеуказанную меру. Ныне можно констатировать первое появление признаков разложения забастовочного движения. В этих видах мною 2-го апреля была послана телеграмма ротмистру Трещенкову произвести аресты стачечного комитета, если по местным условиям мера эта будет содействовать мирному улажению конфликта, поставив его в известность, что уполномоченный Лензото Саладилов проектировал некоторые второстепенные уступки, не касающиеся основных требований: увеличения заработной платы и оплаты забастовочных дней. Получением

[1]) Истор.-рев. архив. Фонд горн. департ., д. 42.

согласия правления Петербург, Саладилов пошлет Бодайбо телеграмму о сделанных уступках и к найму рабочих на новых условиях в течение трех дней. 3-го апреля Саладилов телеграфировал промысловому управлению о последних уступках Лензото. Таким образом, я решил использовать совпадение раскола между рабочими с последними уступками, сделанными Лензото; в распоряжении своем об аресте стачечного комитета, по соглашению с прокурором палаты, предоставил ротмистру Трещенкову, по соглашению товарищем прокурора Преображенским, избрать наиболее удобный момент ареста в зависимости от более для них ясного учета окружающей обстановки, т.-е. предпослать ли арест об'явлению уступок, или наоборот. Сегодня получил телеграмму ротмистра Трещенкова, что арест произведен ночью. Судя по позднейшей телеграмме окружного инженера Тульчинского, есть угрожающие указания: рабочие требуют освобождения арестованных, в противном случае намерены итти всем скопищем Бодайбо освобождения арестованных. Телеграфировал Трещенкову, в случае благоприятного исхода ареста стачечного комитета и впечатления, произведенного им, немедленно арестовать всех остальных рабочих, подлежащих заключению под стражу в следственном порядке. По получении точных сведений о последствиях буду телеграфировать. № 26.

Губернатор *Бантыш.*

№ 44.

ВЫДЕРЖКА ИЗ ТЕЛЕГРАММЫ ГУБЕРН. БАНТЫША М-РУ ВНУТР. ДЕЛ ОТ 5-го АПРЕЛЯ [1]).

Срочно. Два адреса: Петербург, министру внутренних дел, копия иркутскому генерал-губернатору Князеву, «Гранд-Отель».

... К сожалению, неоднократные требования директора департамента полиции Белецкого, непосредственно адресованные начальнику губернского жандармского управления, которыми предлагается непосредственно ротмистру Трещенкову немедленно ликвидировать стачечный комитет, переданные помимо меня Познанским Трещенкову, сорвали мою напряженную работу для мирного улажения конфликта и повели к бой-

[1]) Истор.-рев. архив. Фонд д-та пол., д. 23, ч. 2, т. 1.

не, долженствующей служить частным экономическим выгодам Эльзото. Введение какого-либо из видов исключительных положений, суммируя общую постановку дела в Бодайбо и в виду особых условий физической неприменимости преимуществ, предоставляемых исключительным положением, в данное время я нахожу бесцельным и вредным. Введение исключительного положения считаю возможным по открытии навигации, когда буду в состоянии лично прибыть в Бодайбо с войсками и действительно использовать прерогативы исключительного положения. Если вчерашняя стрельба послужит отрезвляющим образом на настроение рабочих и не вызовет никаких дальнейших эксцессов, я полагал бы необходимым мой срочный приезд в Петербург для выяснения существа дела и получения инструкции в отношении моих дальнейших распоряжений, каковые необходимо вырешить до открытия навигации. Во всяком случае я принужден просить распоряжения вашего высокопревосходительства предложить департаменту полиции прекратить какое бы то ни было вмешательство в мои распоряжения в отношении дальнейшей локализации забастовки, ибо в противном случае я буду лишен физической и моральной возможности ясного понимания последствий, вызываемых моими распоряжениями. Прошу подтвердить полковнику Познанскому и ротмистру Трещенкову о безусловном и непосредственном подчинении последнего губернатору и неукоснительном исполнении моих требований и распоряжений, вне какого бы то ни было вмешательства помимо меня, под моей личной ответственностью. В случае отсутствия министра внутренних дел сенатора Макарова, я настаиваю о докладе этой моей телеграммы председателю совета министров. О последующем прошу уведомить. № 30.

Губернатор *Бантыш.*

№ 45.

ТЕЛЕГРАММА ГУБЕРН. БАНТЫША РОТМИСТРУ ТРЕЩЕНКОВУ ОТ 6-го АПРЕЛЯ [1]).

Я уже телеграфировал вам о необходимости подробного телеграфного освещения не только общего настроения, но и текущих событий, сим это подтверждаю. Между тем, вы не

[1]) Истор.-рев. архив. Фонд ирк. губ. упр., д. 3, т. 6

потрудились подробно изложить мне, когда была получена всеми адресатами телеграмма Саладилова о последних уступках Лензото, что ими было сделано, и когда начался, в чем выразился и когда окончился трехдневный срок на заключение новых договоров, указанный в этой телеграмме. Прошу вас не сообщать мне о сделанных вами соответственных распоряжениях по поводу моих указаний, а телеграфировать существо сделанных вами распоряжений. В дополнение к № 15, адресованному по вашему имени 28-го марта, подтверждаю вам вашу обязанность не смешивать понятий политической и экономической забастовки. Целесообразность и закономерность мер, коими может быть оправдываема срывка политической забастовки 317 [1]), ни в коем случае и ни при каких условиях не может быть применима при экономической забастовке; таким образом, никакие заявления главноуправляющего, чем бы и кому бы они ни грозили в смысле экономических последствий, проявления мирной забастовки ни под каким видом не могут лечь в основу ваших суждений в законе ясно указанных обязанностей по предупреждению и пресечению преступлений. Предоставьте посредничество во всех видах между рабочими и Лензото тем, на кого указывает закон, т.-е. окружными инженерам Тульчинскому и Александрову. Я пред'являю к вам категорическое требование о соблюдении в этом отношении безусловного нейтралитета на основании: 1) прямых указаний закона, 2) моей ответственности в случае возникновения новых беспорядков на нервной почве озлобления рабочих, при допустимости таких условий весьма понятной, 3) имея в виду несомненный запрос в Государственную Думу по этому поводу. Я хочу верить, что тяжкая ответственность, лежащая на мне за все ваши действия, подскажет вам необходимость безусловно следовать моим указаниям вне зависимости чьего бы то ни было влияния, чем вы с своей стороны дадите мне уверенность ясного представления не только целесообразности моих распоряжений, но и логического течения последствий их. № 35.

Губернатор *Бантыш.*

[1]) Не расшифрованное слово. *(Прим. ред.).*

№ 46.

ТЕЛЕГРАММА ГУБЕРН. БАНТЫША ИНЖЕНЕРУ ТУЛЬЧИНСКОМУ ОТ 7-го АПРЕЛЯ [1]).

Прошу вас по соглашению с Александровым, представителем Лензото и Трещенковым обсудить вопрос об эвакуации рабочих, получающих расчет. Необходимо принять в соображение недопустимость оставления их на приисках продолжением отпуска продуктов. Оставить их в Бодайбо или предоставить бродить по тайге также нежелательно, почему мне представляется необходимым, основываясь на полицейских мерах, практикуемых местными исправниками, водворить этапом по месту жительства. Не предрешая заранее этого вопроса, прошу мне телеграфировать заключение совещания. № 42.

Губернатор *Бантыш.*

№ 47.

ТЕЛЕГРАММА ГУБЕРН. БАНТЫША РОТМИСТРУ ТРЕЩЕНКОВУ ОТ 7-го АПРЕЛЯ [2]).

Сообщите точно, когда, сколько пред'явлено исполнительных листов к выселению. Телеграфируйте текст приговора мировых судей на выдержку по одному из исполнительных листов. Сообщите ваши соображения по соглашению Преображенским относительно возможности, сообразуясь впечатлением последних событий, общим настроением, исполнения начала моего № 25, от 4-го апреля, подтвержденного 5-го апреля, № 31. Вне зависимости от оценки ваших действий печальном событии 5-го апреля, казалось бы, настроением свершившегося надо воспользоваться и арестовать, согласно ранее преподанных вам указаний, всех лиц, подлежащих уголовной ответственности, конечно, по результатам следствия. Не ставлю вам этого на вид, но спрашиваю мотивы, послужившие вам к отсрочке моих указаний. Не предрешая и теперь этого вопроса, по подробному выяснению с Преображенским телеграфируйте, ожидая моих распоряжений. № 43.

Губернатор *Бантыш.*

[1]) Истор.-рев. архив. Фонд ирк. суд. пал., д. 3/27.
[2]) Там же.

№ 48.

ТЕЛЕГРАММА ГУБЕРН. БАНТЫША МИНИСТРУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ОТ 12-го АПРЕЛЯ

Шестнадцать арестованных членов стачечного комитета, пять ссыльно-поселенцев; подробности сообщены полковником Познанским департаменту полиции; последние аресты прошли спокойно. Последним сведениям рассчитано рабочих 291, заключено договоров новых условиях 128, в работах находятся, не считая поденных, 202, поденных 197. До получения этих сведений ответ мою телеграмму, получил телеграмму Тульчинского следующего содержания: «Совещание сего числа при участии моем, Александрова, Трещенкова и Теппана вопросам, изложенным телеграммах №№ 42, 53, пришло заключению: 1) выдворять рабочих приискового района ранее открытия навигации не представляется никакой возможности, в виду полного прекращения сообщения Витиму и далее; 2) необходимо рабочих Лензото оставить приисках до открытия навигации, так как помещений для них Бодайбо нет; 3) необходимо продолжать выдавать пищевое довольствие как имеющим заработок за конторой, так не имеющим, с тем, чтобы долг последних за пищевое довольствие был взыскан впоследствии судебном или административном порядке, как казенная недоимка, при чем Лензото категорически отказывается расход пищевому довольствию бывших его рабочих принять свой счет, равно также искать эти долги рабочих судебном порядке; 4) для успешности эвакуации рабочих из приискового района будущим открытием навигации, необходима тому времени присылка достаточного количества войск; 5) выдворение этапным порядком потребует значительного числа конвоя, какового распоряжении горной полиции не имеется; 6) для недопущения рассчитанных рабочих Бодайбо средств и оснований не имеется, относительно же поддержания порядка Бодайбо начальником полиции приняты надлежащие меры». Поводу сего мною послано ротмистру Трещенкову следующее распоряжение: «Отношении продовольствия рабочих всех без исключения подтверждаю № 4, адресованный мною Галкину. Вопрос о возмещении этих расходов будет выяснен судом. Недопущению рассчитанных рабочих Бодайбо, если количество их примет повальный характер, придется прекратить при-

нудительными мерами и по отношению рабочих, и по отношению промыслового управления. Предлагаю вам не допускать числа рассчитываемых свыше 200 человек, полагаю деньги задержанного моим распоряжением расчета рабочих сдавать депозит окружного инженера, обсудите Преображенским, Тульчинским подробно эту меру. Телеграфируйте текст воззвания, котором вы упоминаете № 334, сумму денег отчета забастовочного комитета перечислите и телеграфируйте текст серьезных документов, изобличающих деятельность комитета. № 57». Мой № 4 на имя исправника Галкина от 21 марта был следующего содержания: «Телеграмма ваша № 1750 и сегодняшняя ваша телеграмма относительно возбуждения рабочих поводу выдворения казарм и ваш совет по соглашению окружным судом разрешить отсрочку дает мне основание предполагать, что вы или не получили моих телеграмм № 2504, от 17 марта, и № 2553, от 20 марта, или же вы действительно растерялись и перестали себе давать отчет в своих действиях. Возлагая на вас ответственность за беспорядки, могущие произойти благодаря неисполнению моих распоряжений, предлагаю вам впредь беспрекословно и незамедлительно исполнять мои распоряжения. Начальнику бодайбинского гарнизона сегодня телеграфно штабом будут даны соответствующие инструкции оказания вам содействия, почему вы имеете в точности исполнять требования следователя относительно обысков и арестов, производимых по его указанию следственном порядке. Предупреждаю вас, что имеющиеся в вашем распоряжении военно-полицейские силы более чем достаточны для охранения общественного порядка вверенного вам района. Если подтвердятся телеграммы Теппана и Иванова, я предам вас суду за бездействие власти и за упорное неисполнение моих распоряжений. По приезде Тульчинского потрудитесь познакомить его с моими телеграммами, передайте окружному инженеру Александрову, что вопрос об уплате казною издержек Лензото по отпуску пищевых продуктов должникам будет выяснен министерством. До прекращения же забастовки или выдворения рабочих с приисков моему распоряжению, я сим обязываю Ленское товарищество продолжать отпуск пищевого довольствия должникам и рабочим вообще на прежних основаниях, при чем возлагаю ответственность на

управление Лензото могущие возникнуть на этой почве беспорядки. Наблюдение за сим возлагаю на личную ответственность господ окружных инженеров. В случае Лензото тем не менее отказалось бы исполнить мое распоряжение, предписываю вам наблюсти за отпуском пищевых продуктов в принудительном порядке, наблюдая, однако, за тем, чтобы он не превышал нормального, и велся бы точный счет отпущенных в принудительном порядке продуктов. Потрудитесь каждый раз срочно доносить немедленно о получении соответственных №№ телеграмм и последовательном исполнении моих распоряжений. Деньги сыскные расходы и телеграммы высылаю». Киренский исправник доносит: «Сегодня в 9 утра рабочие пристаней Громовой, Глотова, Кушнарева прекратили работы на два дня, магазины закрыты, чем высказывается сочувствие событиям 4 апреля; беспорядков нет». Докладываю: на приисках Лензото спокойно. № 58.

Губернатор *Бантыш.*

№ 49.

ТЕЛЕГРАММА ГУБЕРН. БАНТЫША РОТМИСТРУ ТРЕЩЕНКОВУ ОТ 19-го АПРЕЛЯ [1]).

Из телеграммы Тульчинского № 383 я усматриваю, что вы участвовали в заседании по вопросам, возбужденным мною телеграммах моих №№ 42 и 53. Казалось бы, что при этом условии телеграмма моя № 57 давала вам при внимательном отношении к вашим обязанностям вполне определенные указания. Из вашего № 422 усматриваю, однако, что вопрос о положении рассчитанных рабочих недостаточно ясен для вас и господ окружных инженеров. Поэтому предлагаю вам передать Тульчинскому и Александрову и самому принять к исполнению следующее мое распоряжение: Совершенно прекратить до моих особых распоряжений какой бы то ни было расчет рабочим. Рассчитанных уже рабочих оставить жить казармах Лензото, оставляя за ними право согласно № 4, адресованному на имя Галкина, получать провиант или за наличные деньги, или в кредит из магазинов Ленского товарищества, при чем я об'являю вам, что мне нет никакого дела

[1]) Истор.-рев. архив. Фонд ирк. губ. правл., д. 3, т. 6.

до взглядов и заявлений по этому вопросу промыслового управления; подтверждаю, что в случае надобности, я обязываю вас и окружных инженеров отпускать провиант принудительном порядке, согласно № 4, адресованного на имя исправника Галкина. Тем же рабочим, которые все же будут требовать расчета, об'явите от моего имени, что расчет прекращен согласно моего приказания, причитающиеся им деньги должны быть сдаваемы в депозиты окружных инженеров. Надеюсь, что на этот раз я достаточно ясно выражаю свои требования, исполнение коих потрудитесь немедленно донести, и в случае бы, тем не менее, в чем бы то ни было встретилось затруднение, немедленно мне телеграфировать по соглашению с окружным инженером. Представьте ваши об'яснения, каким образом мог Галкин, помимо вас, делать распоряжения главной конторе о прекращении довольствия. Сообщите, какие это дало последствия, и что вами и окружными инженерами сделано в отмену этих распоряжений. № 74.

Губернатор *Бантыш.*

№ 50.

ТЕЛЕГРАММА МИН. ВН. ДЕЛ МАКАРОВА ИРК. ГУБЕРНАТОРУ БАНТЫШУ ОТ 20-го АПРЕЛЯ [1]).

Признаю ваше выступление в газете «Русское Слово» не вызывавшимся необходимостью по занимаемому вами служебному положению. Предлагаю вашему превосходительству впредь до раз'яснения дела установленным порядком воздерживаться от помещения в печати сообщений о прискорбных Ленских событиях, так как подобные сообщения, касающиеся подробностей, не устанавливая общей картины, вносят лишь совершенно напрасные волнения в общество. № 213.

Министр внутренних дел *Макаров.*

№ 51.

ТЕЛЕГРАММА ИРК. ГУБЕРНАТОРА БАНТЫША МИНИСТРУ ВНУТР. ДЕЛ МАКАРОВУ.

На приисках спокойно. Новых сведений по изменению цифр вновь поступающих на работу забастовщиков пока не имею, полагаю, за незначительностью их. Поводу № 213 обязы-

[1]) Истор.-рев. архив. Фонд ирк. губ. правл., д. 3, т. 10.

ваюсь доложить: Корреспонденциях «Русского Слова» директор-распорядитель Эльзото барон Гинцбург подчеркивает солидарность действий губернской администрации с своим представителем Иркутске Саладиловым, повлекшую к прискорбным Ленским событиям, вызванную якобы признанием губернской администрацией нарушения контракта не товариществом, а рабочими, чего в действительности не было и быть не могло. Полагая, что в качестве старшего агента об'единенного правительства я ни при каких условиях в действиях своих не мог руководиться какими бы то ни было давлениями, тем паче влиянием темных аферистов в типе барона Гинцбурга и К°, я почитал долгом службы в определенных выражениях положить предел кривотолкам, порочащим служебное достоинство власти, долженствующее, по моим убеждениям, стоять выше подобных подозрений. Я также полагал до сих пор, что долг совести и присяги не возбраняет мне защищать свое имя и честь от клеветнических наветов еврейских дельцов. Поводу печальных Ленских событий причинам весьма естественным высказывались все: и чиновники разных рангов, и общественные деятели, вот почему я, не останавливаясь, по привычной служебной дисциплине, на мотивах, побудивших ваше высокопревосходительство положить свой телеграфный запрет на меня, принимаю ваше приказание к исполнению, ибо я не помещал в печати сообщений о прискорбных Ленских событиях, касающихся его подробностей и не устанавливающих общей картины, а потому вносящих лишь совершенно напрасные волнения в обществе. В своем опровержении я руководился лишь одним желанием своевременно отграничить в глазах общественного мнения действия губернатора от происков биржевых хищников, воспользовавшихся печатью, чтобы именем высочайше вверенной мне власти покрыть свои операции, висящие на грани уголовной наказуемости. Не лишним считаю добавить, что корреспонденты разных газет неоднократно просили меня дать освещение Ленских событий, и что я категорически отказывался исполнить их желание. Предполагая, однако, что господа эти используют уже одно свое посещение для передачи публике версий, якобы от меня слышанных, я распорядился не допускать их вовсе ко мне, игнорируя нарекания, раздававшиеся по этому поводу в местной печати. № 81.

Губернатор *Бантыш.*

№ 52.

ТЕЛЕГРАММА ИРК. ГУБЕРНАТОРА БАНТЫША МИНИСТРУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ МАКАРОВУ ОТ 3-го ИЮЛЯ. [1])

Сегодня отправляю из Бодайбо в Иркутск первый эшелон бывших рабочих Лензото, уезжающих, ибо по их словам «душа не позволяет помириться с ленцами после всех перенесенных обид». Многие служили десятки и более лет. Должен констатировать действительно отвратительное отношение промыслового управления к насущнейшим нуждам рабочих: 1) Семейные наняты как холостые; несмотря принудительность женского труда, паек выдается на одного. 2) Возврат удержанных за провиант с 21-го марта по 4-е апреля денег производится чрезвычайно невыгодных рабочих условиях. 3) Кожаная одежда, инструмент, лично принадлежащий рабочим, принимаются не по таксе и то с громадными придирками. 4) Женам раненых прекратили выдачу провианта. 5) Выборным отказывают провианте, несмотря личное обещание Гинцбурга сенатору Манухину, Белозерова—мне. 6) Больничных дней не засчитывают. 7) Обсчитывают рабочих, преднамеренно или нет, на каждом шагу. 8) Добиться исправления якобы ошибок почти невозможно, и так дальше, без конца. После неимоверно длительной борьбы, бесконечных препирательств, упорных моей стороны настояний, включительно до угроз принятия исключительных мер, удалось, наконец, добиться сносных условий расчета. С большими усилиями преодолев эти затруднения, приходится наблюдать теперь стороны промыслового управления и его служащих полное игнорирование прав рабочих, совершенно бессердечное к ним отношение, бесчисленные мелочные придирки, крайне плохо организованный, совершенно беспорядочный расчет вообще. Характер действий Лензото, видимо, сводится к желанию во что бы то ни стало сорвать мирную эвакуацию рабочих. Постоянными личными об'ездами мне до сих пор удавалось при неимоверном напряжении сил поддерживать порядок, прекращать вспышки естественного неудовольствия, поддерживать мирное течение жизни на приисках. Тем не менее непримиримая политика Лензото может вызвать волнения, за последствия которых я не отвечаю. Исчерпав личными переговорами возможность улажения конфликта

[1]) Истор.-рев. архив. Фонд сен. Манухина, д. 51/20.

Гинцбургом, прошу ваше высокопревосходительство по сношении с министром торговли и промышленности рекомендовать Эльзото более уступчивое и благожелательное отношение к своим рабочим, в противном случае я вынужден буду обратить свои распоряжения по вопросу об эвакуации рабочих к Лензото к исполнению в порядке принудительном, ответственность за что падает всецело на здешних заправил дела Беловерова и Гинцбурга. Жду указаний.

Губернатор *Бантыш.*

№ 53.

ТЕЛЕГРАММА МИНИСТРА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ МАКАРОВА ГУБЕРНАТОРУ БАНТЫШУ ОТ 4-го ИЮЛЯ [1].

Если содержание вашей телеграммы [2]) неизвестно ревизующему сенатору, пред'явите ее немедленно тайному советнику Манухину, которого вместе с сим прошу сообщить по ней заключение. Телеграфируйте мне, в чем будут состоять предположенные вашим превосходительством распоряжения по вопросу об эвакуации рабочих в порядке принудительном. Предлагаю воздержаться от этих распоряжений до получения от меня соответствующих указаний и телеграфировать мне шифром, так как последнее, вне этого порядка, предоставление ваше по телеграфу, в виду возможности огласки содержащихся в этом представлении сведений, признаю совершенно неудобным. № 773.

Министр внутренних дел *Макаров.*

№ 54.

ТЕЛЕГРАММА СЕНАТОРА МАНУХИНА МИНИСТРУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ОТ 6-го ИЮЛЯ [3]).

Телеграмма на имя вашего высокопревосходительства мне известна не была. Не касаясь ныне сложного вопроса: условия труда рабочих промыслах Лензото, и оценивая телеграмму губернатора исключительно точки зрения начавшегося вывоза с приисков рабочих, не желающих заключить новый договор, считаю долгом дополнение моим телеграммам сообщить:

[1]) Истор.-рев. архив. Фонд сен. Манухина, д. 51/20.
[2]) Очевидно, имелась в виду телеграмма от 3-го июля. *Ред.*
[3]) Истор.-рев. архив. Фонд д-та пол., д. 23, ч. 2, т. 4.

1) признав нужным содействовать выработке достижимых условий к ликвидации отношений этой категории рабочих Лензото и выждать отбытия первой многочисленной партии их, я не счел возможным лично распоряжаться эвакуацией, как делом, всецело лежащим на ответственной обязанности старшего на месте представителя исполнительной власти; 2) подтверждая упорство, неискренность и мелочность администрации Лензото даже моих начинаниях, касающихся рабочих, полагаю, что то же самое было проявлено и при разрешении некоторых возбужденных губернатором второстепенных предложений, направленных возможно спокойному ходу эвакуации; 3) все же вновь удостоверяю, и по словам губернатора, и по докладу мне горного исправника, отбытие указанной партии рабочих из Бодайбо протекало полном порядке; 4) согласно об'явлению Лензото, передвижение рабочих до Жигалова происходит за его счет, на дальнейшее следование каждому рабочему выдается 10 рублей путевых; мне известно основательное опасение губернатора, что такая сумма может оказаться недостаточной для неимущих, особенно семейных рабочих, но, по мнению моему, возможные на этой почве осложнения должны быть устранены мерами правительства, а именно соответственными административными распоряжениями и, крайнем случае, помощью из средств казны; 5) просимое губернатором воздействие на правление Лензото Петербург считаю небесполезным. Окончательном выводе мною пояснена губернатору, впредь до особых ваших указаний, моя точка зрения необходимости настоящем положении дела воздержаться о принятии каких-либо исключительных мер, что принято им руководству.

Манухин.

б) Переписка окружного инженера Тульчинского.

№ 55.

ТЕЛЕГРАММА ИНЖ. ТУЛЬЧИНСКОГО В ГОРНЫЙ ДЕПАРТАМЕНТ ОТ 9-го АПРЕЛЯ [1]).

Считаю необходимым интересах истины исправить конец моей телеграммы от 4 апреля, № 361, фраза—«толпа была вооружена кольями, кирпичами, камнями»—помещена со слов

[1]) Истор.-рев. архив. Фонд д-та пол., д. 23, ч. 2, т. 2.

других лиц, которые по собранным месте расположения толпы кольям, кирпичам и камням вывели заключение вооружении всей толпы, что вошло ошибочно мою телеграмму. Самому мне, находясь среди толпы, пришлось попасть под пули солдат и руках окружавших меня рабочих я не заметил кольев, кирпичей, камней. Сегодня похоронено 79; похороны прошли спокойно, кладбище были только родственники, остальные рабочие находились казармах.

8 апреля, 10 вечера. № 375.

Тульчинский.

№ 56.

ТЕЛЕГРАММА ИНЖ. ТУЛЬЧИНСКОГО ГУБЕРНАТОРУ БАНТЫШУ ОТ 26-го АПРЕЛЯ [1]).

Поступают ежедневные массовые жалобы бастующих рабочих по поводу выдач талонов для получения товаров вместо денег, несоблюдении дней отдыхов зимнее время. Моим расследованием действительно устанавливается выдача талонов всеми приисковыми управлениями Лензото, при чем выдача эта производилась ведома главного промыслового управления, доказательством чему служат выданные им приисковым управлением специальные талонные книги, часть которых мне представлена, другие мною затребованы. Выдачею талонов вместо денег устанавливается нарушение Лензото пункта одиннадцатого договора. Так как моим расследованием устанавливается принудительная выдача вместо денег товаров, которая влечет за собою весьма серьезную кару по ст. 1359—2 уложения о наказаниях для заведующих приисковыми управлениями, также инженера Теппана, то привлечение их ответственности указанной статье мною отложено до прибытия комиссии генерал-губернатора. Несоблюдением дней отдыхов зимнее время устанавливается, кроме нарушения Лензото подлежащего закона, также нарушение им пункта девятого договора рабочими. На приисках полный порядок. № 540.

Тульчинский.

[1]) Истор.-рев. архив. Фонд ирк. суд. пал., д. 3/27.

в) Протокол допроса и телеграммы чиновника особых поручений Майша.

№ 57.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА ЧИНОВНИКА ОСОБЫХ ПОРУЧЕНИЙ МАЙША [1]).

На Надеждинском прииске 1912 года июня 20-го дня я, состоящий в распоряжении члена Государственного Совета сенатора Манухина, по высочайшему повелению производящего расследование о забастовке на Ленских промыслах, действительный статский советник Владимир Носович, с соблюдением ст. 443 у. у. с., опрашивал нижепоименованного, при чем он показал:

Александр Готлибович (Богданович) Майш, старший чиновник особых поручений при иркутском губернаторе, православный, 31 года. После 4-го апреля сего года я получил поручение иркутского губернатора отправиться на прииски Ленского золотопромышленного товарищества и представить сведения как о событии 4-го апреля, так и относительно обусловивших забастовку отношений товарищества к рабочим. Выехав из Иркутска 11-го апреля, я 26-го того же месяца приехал на место. Все сведения, которые мне удалось получить, своевременно сообщались мною губернатору по телеграфу. При опросах как рабочих, так и чинов полиции мною составляемы были протоколы, которые равным образом представлены мною губернатору. В дополнение содержащихся в телеграммах и протоколах данных могу указать нижеследующее: я лично видел расчетные книжки рабочих, заработок которых не превышал одного рубля в день. Ничтожность такого заработка, по заявлению рабочих, была обусловлена невозможностью выработки достаточного количества породы вследствие условий работы: так, откатывать добываемые пески от забоя к бадьям, а также подносить крепежный лес от бадьи к забоям приходилось по проходам вышиною от одного до полутора аршина на расстоянии до 150 сажен, при чем «выката» в этих проходах или вовсе отсутствовали или же были в очень плохом состоянии. Во многих случаях работа в мокрых забоях проводилась как в сухих, и на мой вопрос, каким образом это могло иметь ме-

[1]) Истор.-рев. архив. Фонд сен. Манухина, д. 66/33, ч. 1.

сто, смотрители шахт об'яснили, что они полагали, что при дальнейшей работе эти забои высохнут. По заявлению рабочих, на такие работы ставились провинившиеся рабочие, и это служило мерой наказания. Для оттаивания мерзлого грунта устраивались внутри шахты пожоги, что при отсутствии вентиляции часто вело к массовым угарам рабочих. Грубое отношение служащих к рабочим вошло на приисках в обычай, и как на характерный факт укажу, что 12-го июня сего года мировым судьей Хитуном по обвинению в произнесении бранных слов нарядчик Буров, обругавший рабочего Мазникова площадной бранью, приговорен к 16 рублям штрафа. На суде Буров пояснил, что ругаются все служащие, что без этого обойтись нельзя и что лично отвыкнуть от этого он не может. В области устройства медицинской части характерным фактом служит состоявшееся еще в августе месяце 1911 года перенесение с Успенского прииска на Андреевский больницы, обслуживающей прииски Андреевского и Иннокентьевского управлений. На Успенском прииске больница была на 60 кроватей, помещавшаяся в хорошем здании, выстроенном специально для больницы еще Сибиряковым. Несмотря на то, что это количество кроватей не только не превышало потребности рабочего населения указанных районов, но и не удовлетворяло таковых, так как многих больных приходилось за недостатком свободных кроватей отправлять в бодайбинскую попечительскую больницу, приисковая администрация закрыла эту больницу и устроила новую на Андреевском прииске в помещении, служившем ранее казармой и рассчитанном только на 15 кроватей; в это же время закрыли и бодайбинскую больницу. В начале мая с. г. я лично посетил больницу на Андреевском прииске: там находилось 45 больных, размещенных частью в коридоре и в умывальнике. Два мальчика, из которых у одного было воспаление легких, лежали на одной кровати. По прибытии на прииски, я познакомился с представителями приисковой администрации, местными должностными лицами и офицерами воинской части. Меня поразило их отношение к рабочим, на которых они смотрели, как на врагов, и которых боялись, а также солидарность их во взглядах на пережитые события: так, г.г. Теппан, ротмистр Трещенков, товарищ прокурора Преображенский и штабс-капитан Санжаренко категорически утверждали, что считают виновниками заба-

стовки и события 4-го апреля инженера Тульчинского и исправника Галкина. В особенности неудовольствие их возбуждал инженер Тульчинский. Не могу по этому поводу не припомнить той циничной шутки, которую в моем присутствии позволил себе ротмистр Трещенков относительно Тульчинского. Произошло это в день осмотра мировым судьею Рейном местности происшествия, когда мировой судья попросил Тульчинского пойти и стать на место, на котором он находился в толпе, после чего ротмистр Трещенков, улыбаясь, обратился ко мне со следующим предложением: «Не вызвать ли для полной картины и команду и расставить ее, как было 4-го апреля: на этот раз мы уж наверно не промахнемся,—Санжаренко меня тоже об этом спрашивал».

В первый день моего прибытия на прииски ротмистр Трещенков высказал мне целый ряд суждений, меня поразивших. Так, он спросил, неужели губернатор может быть огорчен происшедшим, и на мой утвердительный ответ заметил: «Неужели губернатор не знает, что акционерами Ленского товарищества состоят граф Витте, министр Тимашев и даже государыня императрица Мария Федоровна?» В том же разговоре Трещенков заявил мне, что он сделал все, чтобы спасти команду и не допустить разгромов, единственно чего не может простить себе, это что не арестовал Тульчинского, так как он «форменный провокатор в мундире», который своими разговорами развратил рабочих. Такое же приблизительно отношение к происшедшим событиям проявлял, как мне было известно со слов других и исп. д. главного управляющего Теппан, который еще до 4-го апреля высказывался о полной необходимости принятия активных мер к прекращению забастовки, присовокупляя, что Ленское товарищество имеет такое огромное значение, что для поддержания дела не жалко «уложить человек 50—60».

За время пребывания своего на приисках Трещенков столовался у Теппана и был с ним в близких отношениях. Однажды, в начале мая, Трещенков в моем присутствии сказал, что не знает, как передать деньги своим агентам, которые оказались ранеными в толпе. За несколько дней до приезда генерал-губернатора ротмистр Трещенков, офицеры и товарищ прокурора Преображенский говорил о том, что настроение рабочих тревожное, и что с приездом генерал-губернатора неминуемо должно повториться 4-е апреля, так как рабочие пойдут к нему

всей массой, и только силою оружия можно будет их остановить. Я тогда же об'езжал прииски, убеждая рабочих, чтобы они сами ни в коем случае не шли к генерал-губернатору, на что рабочие просили сделать об'явление, так как они опасаются, что служащие их будут посылать, как это было 4-го апреля, когда они пришли к управляющему приисков Самохвалову об'ясняться насчет провизии, и последний их послал всех на Надеждинский прииск в то время, когда на дороге к прииску стояли войска. Даже по приезде генерал-губернатора к нему приходил Санжаренко с просьбой принять меры, так как он боится ночного нападения на команду. Трещенков же говорил, что, так как многие высказывают порицание офицерам местной команды, то они решили в случае проявления рабочими насилия сложить оружие и увести солдат. По поводу обстоятельств, сопровождавших событие 4-го апреля, удостоверяю, что все рабочие при опросах мною заявляли, что шли с исключительною целью подать заявления товарищу прокурора и Тульчинскому. Многие из них в доказательство передали мне свои заявления, которые я в числе 80 штук при сем прилагаю. По словам рабочих, они решили подавать эти заявления каждый за себя, так как товарищ прокурора Преображенский отказался принять от них прошение коллективное. Преображенский сам мне говорил, что он 2-го апреля не принял коллективного прошения от двух рабочих, заявив им, что будет принимать прошения, только подаваемые каждым в отдельности.

Александр Майш.

Действительный статский советник *В. Носович.*

№ 58.

ТЕЛЕГРАММА МАЙША ГУБЕРНАТОРУ БАНТЫШУ ОТ 14-го МАЯ [1]).

На № 117. На приисках действительно производятся работы по наведению чистоты, ремонтируются загоны, исправляются мосты, вообще везде тщательно подметается, чего не замечалось в прошлую весну, и Тульчинским тогда же составлялись протоколы. Дней пять тому назад начальник полиции обратился к Тульчинскому с официальным извещением, что рабочие после наведенной им чистоты продолжают загрязнять места около казарм, и просил окружного инженера предупре-

[1]) Истор. рев. архив. Фонд сен. Манухина, д. 54/22, ч. 1.

дить рабочих, что он будет привлекать их к ответственности. Ваше распоряжение относительно подземных работ Тульчинскому передал; по получении им от меня копии части телеграммы он передаст в Олекминский округ Александрову. Тульчинский полагает, что работы шахтах производятся, главным образом, по необходимости крепить последние. Мое мнение, что таковые производятся исключительно для сокрытия злоупотреблений по подсчету заработка и с целью скрыть технические недочеты. По установившемуся обычаю, администрация не выдавала рабочему ежедневно квитанции за произведенную им работу, которая оценивалась по качеству грунта, котором работа производилась, а также по количеству сделанного, при непременном условии проработать положенные часы в день; если же рабочий прекращал работу среди дня, то все то, что им было сделано за этот день, ему не засчитывалось, а шло в пользу Лензото, между тем, по закону, они имели право его штрафовать; деньги эти должны были поступать на вспомоществование рабочих, а сделанная работа ему засчитывается. Расчетная книжка находилась на руках администрации, рабочий не был до конца месяца курсе своего заработка и лишен был возможности проверить подсчет. Насколько это существенно, доказывает, что на Пророко-Ильинском прииске, где некоторые рабочие стали по новым договорам с ежедневной выдачей квитанции, заработок доходит до трех и свыше рублей,—раньше не достигал и двух. Тульчинским вчера получена телеграмма горного департамента такая же, как ваша № 108 мне, где по изложении телеграммы Пешкова департамент заявляет: «телеграмма нам непонятна. Тульчинский послал пространное об'яснение, заключение которого говорит: «Пешков рассчитался 22-го февраля». Телеграмма написана людьми злонамеренными, желающими подорвать к нему доверие департамента и рабочих, просит опубликовать телеграмму 6-го мая. Думаю, что, как по раз'яснению Тульчинского, так и по телеграмме департамента, у рабочих могло создаться такое представление. Я узнал, что Пешковых есть несколько, один есть Бодайбо; постараюсь с ним сегодня побеседовать. Полагаю распоряжение ваше Трещенкову улучшения санитарных условий, а также составлять акты, не приведет желанной цели: он обсудит это совместно Теппаном, где столуется, сообразно этому ответит. Боюсь, как бы не учли его в свою пользу.

Хочу завтра с доктором Линдиком начать об'езд казарм и больниц, о наличном составим акт, а об изменениях потребую составлять протоколы, тем более, что Трещенков смотрит на меня, как на начальство, я для удобства держусь соответствующего тона. Преображенский показывал мне телеграмму Нимандера [1]), запрашивающего—арестован ли выборный Вострых. Они начали действовать на Рейна угрозой: так, Преображенский заявил ему: «Вы позволили себе говорить, что стрельба была напрасно. Имейте в виду, что Трещенков может донести на вас департаменту полиции». Тот ответил: «Я служу 30 лет, записан не был, до моего частного взгляда дела никому нет». Но все-таки он в тревоге,—я его боялся оставлять надолго одного, не был уверен его стойкости,—и все говорил: «если бы знать взгляды Иркутска»; для пользы службы я ему придумывал; теперь же, узнавши, что вы едете с ревизией,—стоит прочно. Бумаг своих никому не показывал, но говорил, что имею специальные поручения. Вначале мне предлагали специальный поезд для раз'ездов; я, конечно, отказался, а теперь лошадей с трудом дают. На Феодосиевском мне рабочие пред'явили выданное им мясо, такое же, как Галкину показывали в начале забастовки. Я потребовал урядника и составил протокол. Затем им принудительно выдают бычачьи головы с рогами и кожей, отрезанной нижней челюстью, абсолютно для пищи не годные, а такую голову [выдают] за семь фунтов. По заявлению рабочих, если кто отказывается ее брать, то не получает ничего. На Феодосиевском таких, выброшенных рабочими, голов целые кучи. Я приказал зарыть их землю до приезда комиссии. У меня получаются слишком длинные телеграммы, если они отнимают у вас много времени, прошу протелеграфировать. № 15.

Майш.

№ 59.

ТЕЛЕГРАММА МАЙША ГУБЕРН. БАНТЫШУ ОТ 16-го МАЯ [2]).

Трещенковым отдано распоряжение прекратить всякие уборки нечистот со следующим предписанием: «В дополнение моего отданного вам распоряжения предписываю вам прекра-

[1]) Председателя иркут. судебной палаты.

[2]) Истор.-рев. архив. Фонд сен. Манухина, д. 54/22, ч. I.

тить работы по уборке нечистот и сооружении новых ретирадных мест и иметь наблюдение, чтобы Ленским товариществом эти работы отнюдь не производились впредь до прибытия сенаторской ревизии». Это форменное 27414, 72832, 35682, 6[1]. Какова бы ни была редакция вашей к нему телеграммы, ясно, что вы имели в виду прекращение работ по улучшению, но никак не приостановку обычных санитарных порядков. Я прошу ваше превосходительство запросить ротмистра, каким образом он, рассказывая исправнику о своих распоряжениях согласно вашей телеграмме, говорил, что Теппан за это послал вам на него жалобу, и тут же просил исправника подождать в посетительской, пока он отобедает у того же Теппана. Между тем, внимание было на что обратить: и на постройки новых ватеров, и на обгораживание шахт, что должно было быть согласно устава, и на покраску и побелку Андреевской больницы. После приведенного распоряжения от 14-го мая следует срочное отношение Теппана к инженеру Тульчинскому: «Господин начальник полиции отношением от 14-го мая, № 546, предложил приисковому управлению о прекращении всякой уборки нечистот и сооружении новых ретирадных мест. Что касается сооружения новых ретирадных мест, то они, если и имели место, то как исключение; у Ленского товарищества не было и нет свободных плотников, и даже текущий ремонт ретирадных мест не может быть закончен по той же причине. Гораздо серьезнее является вопрос о запрещении всякой уборки нечистот: по всем трем дистанциям население приисков Ленского товарищества достигает 8.000 человек, и остановка текущей уборки отхожих мест и выгребных ям может иметь последствием заразные болезни. Текущей весной очистка приисков не превосходила по числу затраченных поденщин размера предшествующего года; лишь в виду позднего начала уборки, по обстоятельствам, не зависящим от промыслового управления, пришлось ее произвести в более короткий период, с большею единовременною затратою рабочих и лошадей. За операцию 1910—11 года на одном лишь Феодосиевском прииске на уборку нечистот и очистку выгребных ям было затрачено до 10.000 поденщин рабочих и около 5.000 конных поденщин. Затраченные 10.000 поденщин составляют в среднем 30 чело-

[1]) Не расшифрованные слова. (*Прим. ред.*)

век в день, которых снять с работы не представляется возможным, не приведя весь прииск в угрожающее положение; то же следует сказать как Витимского и Олёкминского округов. Об изложенном довожу до сведения вашего и прошу сообщить господину иркутскому губернатору о действительном положении дела по содержанию санитарной части на промыслах Ленского товарищества и о необходимости продолжения текущей уборки и очистки отхожих мест и помойных ям». Узнав об этих приемах, я ночью был у Тульчинского, так как боялся, чтобы он, не зная, в чем дело, чего-либо не предпринял, а просил его, пока не получит от вас указаний, не делать никаких распоряжений, просьбу же Теппана сообщить вам о невозможном содержании и состоянии санитарной части исполнить. Как образец передержки, привожу ответ Теппана на извещение Тульчинского, согласно вашей телеграммы № 103: «В извещении вашего высокоблагородия от 12-го мая, № 669, на имя г. и. об. главноуправляющего главному промысловому управлению ставится в известность, что «наблюдение за правильным расчетом и контроль над тем, чтобы рассчитывались и выезжали «лишь те рабочие, которые действительно заявили о том желание»; и затем далее, чтобы не бастовавшие, а так называемые вольнонаемные рабочие, желающие рассчитаться, и т. д. Из изложенного усматривается, что к расчету подлежат лишь те рабочие, которые рассчитываются по собственному желанию, и, таким образом, статья 42 правил о найме рабочих оказывается отмененною. О состоявшейся отмене этой статьи закона промысловому управлению ничего неизвестно, и до сего времени заведующие промыслами этой статьей пользовались, почему главное промысловое управление просит вас сообщить, когда именно состоялось изменение правил о найме рабочих. При сем на ответ и оплату настоящей просьбы прилагаются две гербовые марки 75-копеечного достоинства. Теппан». Не думаю, чтобы господин и. д. главноуправляющего смог отделаться только такими комедиями. Я отдохну и пришлю ответ на № 14. Есть новые открывшиеся обстоятельства, я воздерживался от сообщения фактов, которые мне представляются нечистоплотными. № 16.

Майш.

№ 60.

ТЕЛЕГРАММА МАЙША ГУБЕРН. БАНТЫШУ ОТ 16-го МАЯ [1]).

На № 121. Случаев насильственного найма на Пророко-Ильинском не было, но после 4-го [апреля] Трещенков был на Утесистом, кричал рабочим, что, если они будут продолжать забастовку, то больше их мостик не спасет, как на Надеждинском. Относительно Попова у Трещенкова имеется разрешительная записка врача, а смотритель тюрьмы говорит, что был семнадцатого у Хитуна, где Трещенков возмущался Савиновым, что тот протестует против взятия Попова в тюрьму. Тульчинский говорит, что ставших на работу не благодарил, а ободрил. Казармы все напоминают собою сарайное помещение без печей, с одной плитой, несколько похуже помещение было с выбитыми стеклами, проваливающимися балками. Трещенков первое время присутствовал при осмотре раненых, пока Рейн не заявил Преображенскому, что это недопустимо. Рейн поставлен в необходимость Преображенским допрашивать в посетительской комнате, против занимаемой Трещенковым, в коридоре; среди ожидающих свидетелей всегда находится жандармский унтер-офицер. Теперь он просит разрешения производить допрос в школе. При составлении протокола осмотра местности Рейн написал: «Направо местность овражистая со снегом глубиною более аршина». На другой день Трещенков спрашивал Рейна, каким образом вы находите местность овражистою, и Преображенский вернул протокол с зачеркнутой приведенной фразой. По поводу постановления Рейна об осмотре трупов Преображенский заявил ему, что он обязан считаться со взглядом наблюдающего и прокурора палаты, так как нас могут предать суду за проверку действий воинской команды. На что Рейн возразил, что скорее в этом должны увидеть желание реабилитировать честь, потому что на основании осмотра раненых выходит, что на войска нападали задом. Преображенский послал телеграмму, что считает осмотр рискованным, могущим вызвать волнение. Заверяю ваше превосходительство, что если принять во внимание и провокацию, которая несомненно будет иметь место, осмотр пройдет без всяких осложнений. 390831 [2]) убитых сами просят

[1]) Истор.-рев. архив. Фонд сен. Манухина, д. 54/22. ч. 1.

[2]) Нерасшифрованное слово. (*Прим. ред.*)

следователя об этом. 8-го апреля Трещенков дал Тульчинскому доверительно сведения о числе убитых и раненых. Согласно донесениям урядников с общим итогом, убитых—двести пять, раненых—двести тридцать, возможно, что это сделано с целью подвести последнего. Проверить пока трудно. Говорил со священником, который тоже не знает, так как отпевал согласно поданного ему полицией списка, хоронили же в братских могилах, и он не считал. Мною допрошены стражники, допрашивал для следствия Хитуна, сопровождавшего 4-го идущую толпу от Александровского до Надеждинского прииска. Мне они показали, что рабочие шли мирно; они, согласно полученному приказанию ротмистра, никаких требований им не пред'являли. Под'езжая к народному дому, они услышали сигнал, поспешили и застали там уже выстроившихся солдат с начальством. Трещенков поставил их немного правее команды наблюдать, чтобы не было обхода со стороны. Они слыхали, как офицер обратился к Трещенкову со словами: «Вы их подпускаете так близко, что они отберут у нас оружие», на что последний сказал: «Здесь товарищ прокурора». Пошел к нему. Начальство сошлось вместе, о чем-то говорили, после чего была послана команда: «Целься в ноги, пачками, начинай». Это обстоятельство указывает на то, что, очевидно, стрельба была санкционирована, чем об'ясняется упорство Преображенского. Трещенков вмешивается дела церкви, запретил чрез благочинного священнику произносить слово убитых. № 17.

Майш.

№ 61.

ТЕЛЕГРАММА ГУБЕРН. БАНТЫША МАЙШУ ОТ 16-го МАЯ [1]).

Предлагаю вам лично при посредстве горного надзора наблюсти за немедленным составлением полицией актов о всех ремонтах и новых работах всех Ленских приисковых управлений по хозяйственной части, санитарии и гигиены, так или иначе отражающихся на изменении картины бывшей приисковой жизни и условий труда рабочих. Вообще все акты должны составляться при обязательном присутствии представителей Лензото. Преображенскому сообщено разрешении вам

[1]) Истор.-рев. архив. Фонд. сен. Манухина, д. 54/22, ч. I.

свидания Баташевым [1]), результате свидания телеграфируйте № 128.

Губернатор *Бантыш*.

№ 62.

ТЕЛЕГРАММА МАЙША ГУБЕРН. БАНТЫШУ ОТ 18-го МАЯ [2]).

Несколько хуже помещение на Прокопьевском, его нельзя назвать даже сарайным. До перевода в нем не жили, одна половина уже завалилась, другая же, в которой помещается 25 холостых и 5 женатых, грозит обвалиться каждую минуту,—одна стена без окон, прогнившая, со сквозными дырами частью затянутыми мхом, сильно наклонившаяся во внутрь и поддерживаемая изнутри подпорками, потолок вогнувшийся, поддерживается также подпорками, другая стена с вывалившимися рамами, наклонившаяся наружу, держится на подпорках; внутри общие нары. Не знаю, выдержит ли это помещение даже до приезда генерал-губернатора, и не окажутся ли погребенными под ним его обитатели. На одном Александровском построено 14 новых ватеров. Жене арестованного Романова была прекращена выдача провизии. Управляющий Цимберг заявил, что прекратил по приказанию ротмистра. № 19.

Майш.

№ 63.

ТЕЛЕГРАММА МАЙША ГУБЕРН. БАНТЫШУ ОТ 19-го МАЯ [3]).

Закончил об'езд приисков. Картина обычной приисковой жизни изменилась во многом не только наружной уборкой, но и тем, что, в виду теплой погоды, большинство рабочих выбралось из казарм в балагашки, белье сушится на воздухе, а не над плитой, где готовят пищу. Дорога и места около казарм усыпаны галькой, даже берега реки убраны от льда и мусора. Феодосиевская больница вся вновь выкрашена включительно до коек, на полах новые линолеумовые настилки. Уведомляю ваше превосходительство, что, очевидно, опять

[1]) Баташев—председатель совета выборных рабочих, пользовавшийся большой популярностью среди рабочих. *Ред.*

[2]) Истор.-рев. архив. Фонд. сен. Манухина, д. 54/22, ч. I.

[3]) Там же.

готовятся что-то создать. Трещенков, офицер и Преображенский начали вдруг говорить о том, что положение делается опять грозным, настроение рабочих все тревожнее и тревожнее. 4-е апреля повторится неминуемо с приездом генерал-губернатора, так как рабочие двинут всей массой к нему и только силой оружия их можно будет остановить. Говорят об этом настойчиво, не стесняясь ничьим присутствием. Об'езжая прииска вместе с доктором Линдигом, я говорил с рабочими, предупреждая их, чтобы они не шли сами, а только лишь в том случае, если будет сделано распоряжение, строго соблюдая время и указанный порядок. Везде мы слышали один и тот же ответ: «Если прикажут, то мы совсем не пойдем, только просили уведомить или об'явлениями, или чрез выборных, так как мы опасаемся, что служащие Лензото нас будут подбивать итти, как было 4-го, когда мы пришли об'ясняться к Самохвалову на счет провизии,—он же посылал нас на Надеждинский, говоря, что Теппан даст ответ, в то время как на дороге стояли солдаты». Этот случай приводили Феодосьевцы. Я прошу, ваше превосходительство, запросить Трещенкова, ссылаясь на мою телеграмму, почему он вам не доносит о наступающем критическом положении, а также какие признаки указывают на то, что таковое действительно приближается. Может быть, вы также отдадите распоряжение Тульчинскому предупредить рабочих. Я отобрал показания одной прислуги, которая слышала, как после уборки раненых ротмистр отдавал приказание стражникам засыпать места, где была кровь, и ломать городьбу и колья. Установлено: момент открытия огня некоторые рабочие сидели на штабелях леса и готовились курить. Преображенский собирает оправдательный материал для Лензото. Трещенков при мне просматривал свое дело. Все телеграммы, посылаемые им вам — с копией в жандармское управление, между тем, в управление адресовались им непосредственно и таких несравненно больше. Я ему указал на это, но он говорит, что несет две должности: начальника полиции и помощника начальника жандармского управления. Переписка с управлением секретна, и губернатор не может быть посвящен. Пешков говорит, что он и выборные так поняли Тульчинского. Вчера приехал Белозеров, встречи никакой не было. № 20.

Майш.

№ 64.

ТЕЛЕГРАММА ГУБЕРН. БАНТЫША МАЙШУ ОТ 19-го МАЯ [1].

Запросил без указания вашей телеграммы, избегая обострения личной вам неприязни. Избегайте стороны лиц, упомянутых вашем № 20, случае провокации критического положения возможного их стороны обвинения вас приготовлении почвы для нее. № 134.

Губернатор *Бантыш.*

№ 65.

ТЕЛЕГРАММА ГУБЕРН. БАНТЫША ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРУ ОТ 20-го МАЯ [2].

Дополнение моему личному докладу вашему высокопревосходительству, настойчиво ходатайствую первом вашем распоряжении—об'явить рабочим: сборе выборных или всех рабочих вместе времени руководиться исключительно вашими личными указаниями. № 135.

Губернатор *Бантыш.*

№ 66.

ТЕЛЕГРАММА МАЙША ГУБЕРН. БАНТЫШУ ОТ 23-го МАЯ [3].

День прошел за осмотром городских учреждений. Сегодня едут на прииски. Трещенков говорит, что ему передал приехавший жандармский ротмистр, что департамент полиции его действиями очень доволен, благодарит и просит ничем не смущаться. № 22.

Майш.

№ 67.

ТЕЛЕГРАММА МАЙША ГУБЕРН. БАНТЫШУ ОТ 26-го МАЯ [4].

23-го мая генерал-губернатор выехал на прииски; в вагоне была подана копия об'явлений и новой расценки. Об'явлениях говорится, что после 1-го сентября все рабочие, не ставшие на будущую операцию, будут вывезены до Усть-Кута, а в заключение: «Я считаю все вопросы, возбужденные

[1] Истор.-рев. архив. Фонд сен. Манухина, д. 54/22, ч. I.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Истор.-рев. архив. Фонд ирк. губ. правл., д. 70, 2, т. 7 б.

до сего времени, исчерпанными и приглашаю рабочих, желающих продолжать добрые отношения, стать на работу в ближайший срок, каковым я назначаю 24-е мая». Генерал-губернатор был подготовлен, что рабочие все выйдут на работу, но после беседы рабочими на Феодосиевском прииске стало ясно, что они далеки от этого. Главными возражениями были следующие: что прибавка касается только части рабочих, что просили вывоза по окончании операции до Жигалова, что, ставши теперь до первого сентября, их дальше Лензото не оставит, зимой им опять будет некуда деваться. Потом приводились все нарушения и притеснения Лензото, и почему никто из Лензото не хочет с ними поговорить относительно работ, что лучше совсем не надо прибавки, или пусть ее разложат между всеми рабочими. Вечером было совещание. Белозеров заявил, что распределить прибавочные триста тысяч между всеми рабочими невозможно, что об'ясняться рабочими он отказывается, что собственно для них нежелательно, чтобы стали на работу эти рабочие. Окончательный срок перенесен на 28-е мая, расценка исправлена и прибавка еще накинута, но опять же тем, которые ее получили. Беседа с рабочими Александровского и Андреевского приисков произвела на главного начальника края очень хорошее впечатление. Он сказал мне, что окончательно убедился, насколько верный и правильный взгляд был у губернатора. Думаю, что если после 28-го и станут на работу, то только часть рабочих. С большим трудом удалось удалить с приисков Трещенкова, он плакал, прося оставить его на приисках, так как боится, что его убьют. Тульчинским, кажется, не совсем довольны, он же, бедный, не понимает и сам в восторге и очарован. № 23.

Майш.

№ 68.

ТЕЛЕГРАММА МАЙША ГУБЕРН. БАНТЫШУ ОТ 28-го МАЯ [1]).

27-го вечером рабочие баллотировкой решали выходе на работу. Большинством, против двух-трех желающих, все отказались; мотивы: неравномерное распределение прибавки, некоторым прибавлено 40 копеек, но на таких работах всего восемь человек, невозможность выработки урока—четыре ку-

[1]) Истор.-рев. архив. Фонд иркут. губ. правл., д. 70, 2, т. 7 б.

бических аршина, неизвестность содержания нового контракта, новая расценка под старым контрактом. У рабочих боязнь, что с выходом на работу все злоупотребления покроются, ревизии не удастся ничего выяснить. После баллотировки рабочим приехали адвокаты, убеждали стать и таким образом избежать эвакуировки, после чего решили послать генерал-губернатору трех выборных с целью просить отложить окончательный срок для ознакомления новым контрактом. У начальника края большое желание поставить на работу, он по приезде послал телеграмму министру, что рабочие, очевидно, станут. № 24.

Майш.

г) Министерская переписка.

№ 69.

СЕКРЕТНОЕ ПИСЬМО МИН. ТОРГ. и ПРОМ. ТИМАШЕВА ТОВ. МИН. ВН. ДЕЛ ЗОЛОТАРЕВУ [1]).

Секретно.

Милостивый государь, Игнатий Михайлович.

Продолжающаяся упорная забастовка рабочих на приисках самого крупного золотопромышленного предприятия— Ленского товарищества — не может не обращать на себя внимания правительства.

Течение забастовочного движения близко известно вашему превосходительству, и я не буду на нем подробно останавливаться, но считаю лишь нужным остановиться на некоторых пунктах. Прежде всего надлежит отметить, что забастовка явилась довольно неожиданной, так как до последнего времени никаких особых неудовольствий со стороны рабочих не заявлялось, за исключением указаний на неудовлетворительность жилых помещений. При возникновении забастовки, рабочие сразу никаких требований не заявляли и лишь впоследствии формулировали таковые в 18 пунктах. Требования эти могут быть распределены на две категории: во-1-х, такие, которые обычно входят в социалистическую программу и обычно выдвигаются агитаторами, таковы— увольнение рабочих не иначе, как с согласия выборных пред-

[1]) Истор.-рев. архив. Фонд горн. департ., д. 42.

ставителей от рабочих, удаление некоторых неугодных им служащих, восьмичасовой рабочий день [1]), уплата за дни забастовки и т. п.; во-2-х,—требования, вытекающие из нарушений, по заявлению рабочих, со стороны товарищества закона или контрактных условий; сюда относятся: неудовлетворительность помещений, недоброкачественность пищи, замедление подачи медицинской помощи, грубое обращение с рабочими и т. п. Сверх того, заявлено требование о повышении рабочей платы.

Относительно требований первой категории должно заметить, что удовлетворение таковых прямо недопустимо по общегосударственным соображениям, так как всякая уступка в этом отношении могла бы придать бодрость социалистической агитации и отразиться на ряде других промышленных предприятий империи. Что касается второй категории требований, то часть их, по заявлению товарищества, им удовлетворяется, а справедливость других отрицается. Так, например, товарищество признает неудовлетворительность помещений и, по его заявлению, принимает меры к их улучшению, но при возрастающем числе рабочих и трудных условиях постройки в столь отдаленной местности не успело еще достигнуть желательных результатов. Во всяком случае следует настаивать, чтобы товарищество безотлагательно приняло в этом отношении все зависящие меры. Затем, товарищество, как известно из телеграммы иркутского губернатора от 17-го сего марта, пошло навстречу некоторым другим желаниям рабочих, отчасти даже не вытекающим из контракта, но затем, по заявлению товарищества, имеются требования, совершенно необоснованные, так, например, товарищество утверждает, что пища была всегда доброкачественная, что медицинская помощь оказывалась без замедления, что обращение с рабочими было гуманное (как известно, рабочие в своих требованиях настаивают, чтобы к ним обращались на «вы») и т. п. Конечно, товарищество не отрицает, что в отдельных случаях могли происходить некоторые нарушения общего порядка, но, во всяком случае, таковые были исключительными и по существу дела являются в крупных предприятиях, в виду многочисленности

[1]) Впоследствии это требование было смягчено и распространено только на работы в мокрых забоях *(Прим. подлинника)*.

низшего административного персонала, при всей заботливости о рабочих почти неизбежными.

Наконец, что касается повышения рабочей платы, то по этому пункту товарищество дает следующие об'яснения. Притязательность рабочих, очевидно, вызывается крупными прибылями предприятия, но должно отметить, что главное благополучие товарищества зиждется на крупной доходности немногих приисков (главным образом, Феодосиевского); другие же прииски, например, Прокопиевский, дают сравнительно малую прибыль, составляющую от 4 до 6 % от расходов по производству. Поэтому, если повысить эту плату хотя бы на 10%, то такие прииски будут прямо убыточными, и товарищество вынуждено будет их закрыть, а, между тем, на них занято до 2.000 рабочих. Следует еще заметить, что сверх заработной платы рабочие получают особую плату за «под'емное золото», составляющую в среднем до 30%, которая на Феодосиевском прииске дает им огромную выручку, и этой выручкой пользуются все рабочие, так как по установившейся практике рабочие не закрепляются, но по мере освобождения вакансий на богатых приисках передвигаются с более бедных на более богатые.

Из всего вышеизложенного видно, что настоящее дело представляется весьма сложным и далеко не выясненным. Если, с одной стороны, товарищество допустило известные упущения, то, с другой стороны, поведение рабочих и их требования не могут быть оправданы. Несомненно, что часть требований неприемлема и недопустима, а другая часть сомнительна и нуждается в выяснении; точно также и вопрос о заработной плате не решается просто и бесспорно. Между тем иркутская губернская администрация стала решительно на сторону рабочих. В телеграмме от 16-го марта губернатор прямо говорит, что вина создавшихся обстоятельств всецело должна быть отнесена на счет Ленского товарищества, которое вполне игнорирует насущные нужды рабочих и требования закона. Засим, в вышеприведенной телеграмме от 17-го марта, губернатор находит, что сделанные товариществом для успокоения рабочих примирительные заявления являются доказательством бывших нарушений закона, и приходит к заключению, что «забастовка рабочих создалась исключительно по вине Ленского товарищества, и что необходимы дальнейшие

уступки». В частности придается особое значение повышению рабочей платы. Хотя такие заключения основаны на донесениях местных должностных лиц, в том числе окружного инженера Тульчинского, но нельзя не признать, что оценка событий представителем высшей административной власти, которая не могла оставаться неизвестной рабочим, должна была укрепить упорство забастовки. Казалось бы желательным дать указание губернатору, что до ближайшего выяснения всех сложных отношений, создавшихся на Ленских приисках, одностороннее осуждение товарищества представляется по меньшей мере преждевременным и с указанной точки зрения вызывает серьезные опасения. Как вашему превосходительству известно, настоящий вопрос обсуждался вчера в частном совещании, при участии Н. П. Харламова. В этом совещании настойчиво указывалось правлению Ленского товарищества на необходимость примирительного образа действий, но, повидимому, товарищество не склонно решиться на повышение заработной платы, ввиду необходимости при этом условии закрыть некоторые прииски. Особое значение товарищество придает выселению тех зачинщиков, относительно коих последовали приговоры мирового судьи. Пред'явление сразу массовых исков, числом до 300, было, несомненно, весьма нетактично, но товарищество, сознавая это, полагает ограничиться выселением лишь сравнительно небольшого числа, исключительно зачинщиков, и крайне озабочено распоряжением губернатора, приостановившего выселение. Само собою разумеется, что отмена такого распоряжения не представляется возможной, но, быть может, надлежало бы поручить губернатору сношением с местным начальством ближе выяснить, в какой мере следует опасаться последствий приведения в исполнение судебных решений.

Все приведенные соображения считаю долгом довести до сведения вашего превосходительства, покорнейше прося о последующем не оставить меня уведомлением.

Прошу вас, м. г., принять уверение в совершенном моем уважении и искренней преданности.

№ 452, 22 марта 1912 года.

С. Тимашев.

№ 70.

ТЕЛЕГРАММА ТОВ. МИН. ВН. ДЕЛ ЗОЛОТАРЕВА ИРК. ГУБЕРНАТОРУ ОТ 21-го МАРТА [1]).

Министерство торговли делает попытки повлиять правление Лензото целях побудить его более миролюбивому отношению рабочим и повышению, пределах возможности, заработной платы. На прибавку платы правление, повидимому, судя по сегодняшнему заявлению заседании министра торговли, не согласится. Правление просит, чтобы рабочим было категорически заявлено о невозможности исполнения пред'явленных ими незаконных требований: платы за забастовочное время, учреждения рабочей комиссии и увольнения служащих. Засим правление просит войти обсуждение вопроса возможности, по местным условиям, удаления некоторых зачинщиков забастовки из числа тех, которые будут обязаны этому исполнительными листами мирового судьи. Эта мера, будто бы, по мнению исправника, вполне возможна. Сообщается на распоряжение вашего превосходительства с просьбой о последующем уведомить.

За министра внутренних дел, товарищ министра *Золотарев.*

№ 71.

ТЕЛЕГРАММА ТОВ. МИН. ВН. ДЕЛ ЗОЛОТАРЕВА ГУБЕРНАТОРУ БАНТЫШУ ОТ 23-го МАРТА [2]).

Из поступившего заявления Лензото видно, что депешей 20 марта главноуправляющий Теппан сообщил вашему превосходительству целом ряде учиненных забастовщиками насилий и самоуправств, выразившихся обысках полицейских домов, пассажирских поездов, удалении с работ не желающих бастовать, непризнании судебных приговоров. Не находя возможным, при наличности таких явлений, признавать течение забастовки мирным, исходя из соображения, что товарищество должно выполнять только обязательства, вытекающие из договорных отношений, что законные постановления судебных властей подлежат неуклонному исполнению, что пропитание забастовщиков не может быть возлагаемо на обязанность казны, и в виду категорических указаний, изложенных де-

[1]) Истор.-рев. архив. Фонд ирк. ген.-губ., д. I.

[2]) Истор.-рев. арх. Фонд. горн. департ., д. 42.

пеше моей 22 марта, № 153, поручаю вашему превосходительству (в ответ на № 5) безотлагательно дать ротмистру Трещенкову определенные директивы для локализации забастовки, прекращения со стороны забастовщиков всякого рода незакономерных выступлений и выполнения законных постановлений судебной власти. № 157.

За министра внутренних дел, товарищ министра *Золотарев.*

№ 72.

ПИСЬМО ДИРЕКТОРА ЭЛЬЗОТО ГИНЦБУРГА НА ИМЯ ИСП. ОБ. ДИРЕКТОРА ГОРНОГО ДЕПАРТАМЕНТА ОТ 17-го АПРЕЛЯ.

Конфиденциально.

Ваше превосходительство, милостивый государь Александр Орестович!

Спешу ответить на письмо вашего превосходительства от 16-го сего апреля, за № 1282.

Утром в воскресенье, 15 апреля, господин министр торговли и промышленности изволил передать мне лично по телефону о полученной г-ном министром внутренних дел телеграмме от иркутского губернатора, сообщающей об отказе промыслового управления Ленского золотопромышленного товарищества от выдач припасов рассчитанным рабочим.

Немедленно вслед за сим мною послана была и. д. главноуправляющего А. Г. Теппану срочная телеграмма следующего содержания:

«Министром внутренних дел получена от губернатора телеграмма, что Лензото отказывается от выдачи припасов рассчитанным рабочим. По соглашению с министром торговли и промышленности сообщаем, безусловно необходимо во всяком случае выдавать припасы рассчитанным рабочим наравне с остальными, но оговаривая право Лензото впоследствии взыскать долг судебным порядком. Телеграфируйте об'яснение и также, что телеграмму приняли исполнению. Эльзото. № 216».

В ответ на эту телеграмму А. Г. Теппан срочною телеграммою, отправленною из Бодайбо 16 сего апреля, в 6 ч. 50 м. дня, сообщает следующее:

«216. Саладилов в телеграмме 24-го предложил рассчитанным рабочим отпускать припасы за наличный расчет. В долг

отпускать припасы, если будет письменное распоряжение властей, ставя стоимость за счет казны, имея в виду, что оставшиеся на приисках рассчитанные рабочие перешли в разряд должников. Я согласно указанного распоряжения на совещании 11-го апреля выразил согласие отпускать припасы по распоряжению властей принудительно. В настоящее время имеем письменное распоряжение окружного инженера на выдачу припасов всем рабочим по утвержденному ордеру; выдача припасов не прекращена. Теппан. № 110».

Из вышеизложенного ваше превосходительство изволите усмотреть, что промысловое управление продолжало выдавать довольствие на прежних основаниях и такового не прекращало выдавать и рассчитанным рабочим.

Примите, ваше превосходительство, уверение в совершенном к вам почтении и глубокой преданности.

17-го апреля 1912 г. № 18232/11.

Альфред Гинцбург.

д) Переписка горного департамента.

№ 73.

ТЕЛЕГРАММА НАЧАЛЬНИКА ГОРНОГО УПРАВЛЕНИЯ В ГОРНЫЙ ДЕПАРТАМЕНТ ОТ 21-го МАРТА.

Забастовка приисках Ленского товарищества продолжается пока мирно, но началось шатание подстрекаемой четырехтысячной толпы, требующей расчета по десятое сентября ввиду нарушения контракта. Горнозаводское присутствие признало необходимость соглашения путем взаимных уступок, главным образом, увеличением заработной платы, противном случае вывезти рабочих после расчета до Киренска счет товарищества, но положение чрезвычайно осложняется бездорожьем; избежание возможных крайне печальных последствий, которых можно ожидать ежедневно, просил бы настоять перед правлением товарищества Петербурге на увеличении платы, другие причины забастовки можно будет, надеюсь, устранить. Прошу доложить министру. Сношения округами только телеграфом. Местный мировой судья постановляет приговоры выселении казарм, чем положение еще обостряется.

Оранский.

№ 74.

ТЕЛЕГРАММА ГОРНОГО ДЕПАРТАМЕНТА НАЧ. ИРКУТСКОГО ГОРНОГО ОКРУГА ОТ 22-го МАРТА [1]).

По поводу телеграммы 21-го марта министр указал: сообщение вами открытой телеграммой, поддерживающей повышение заработной платы на Ленских приисках, с возложением всей ответственности на товарищество, министр считает недопустимым, так как это укрепляет упорство рабочих. Требования их, выходящие за пределы закона и контракта, очевидно, неприемлемы и вызывают необходимость решительного отпора, которого горное начальство до сих пор не дало. Повышение заработной платы есть дело соглашения товарищества с рабочими, и решение этого вопроса не входит в компетенцию горного управления. № 1099.

Иванов.

№ 75.

ТЕЛЕГРАММА ГОРНОГО ДЕПАРТАМЕНТА ИРКУТСКОМУ ГОРНОМУ УПРАВЛЕНИЮ ОТ 2-го АПРЕЛЯ [2]).

Ваш № 1858. Горному управлению должно быть известно, что стачка организована стачечным комитетом под руководством ссыльных; всякие поблажки этой организации со стороны горного начальства министр считает недопустимыми. № 1138.

Иванов.

е) Переписка ирк. жанд. управления и ротмистра Трещенкова.

№ 76.

ПРЕДПИСАНИЕ ГУБЕРН. БАНТЫША РОТМИСТРУ ТРЕЩЕНКОВУ 13-го МАРТА [3]).

Секретно.

Пред'явителю сего, помощнику начальника иркутского губернского жандармского управления в Киренском и Верхоленском уездах ротмистру Трещенкову, командированному начальником иркутского губернского жандармского управления

[1]) Истор.-рев. архив. Фонд горн. департ., д. 42.
[2]) Там же.
[3]) Истор.-рев. архив. Фонд сен. Манухина, д. 44/3.

по секретному делу в г. Бодайбо, предлагаю всем чинам полиции высочайше вверенной мне губернии оказывать полное содействие в его законных требованиях, в особенности по своевременному доставлению перевозочных средств, а горному исправнику Витимского горного округа, помимо этого, оказать содействие предоставлением в случае его требования наличного числа чинов полиции и находящихся в его распоряжении воинских чинов. Лично мною ротмистру Трещенкову предоставляется право по соглашению с окружным инженером Тульчинским принятия той или другой административной меры в зависимости от данного момента в отношении лиц политически неблагонадежных, буде таковые замешаны в забастовочном движении, включительно до высылки в другой уезд.

Попутно с этим названному обер-офицеру мною поручено осмотреть регистрацию рабочих в бодайбинском полицейском управлении и совместно с горным исправником Галкиным выработать на месте наилучший способ регистрации паспортной системы, а последнему немедленно приступить к осуществлению таковой.

Подлинное подписал губернатор *Бантыш.*

№ 77.

ТЕЛЕГРАММА НАЧАЛЬНИКА ИРКУТСКОГО ГУБ. ЖАНД. УПРАВЛЕНИЯ ДИРЕКТОРУ ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦИИ ОТ 15-го МАРТА [1]).

Донесение начальника иркутского губернского жандармского управления на имя г. директора департамента полиции от 15-го марта 1912 года за № 1186. К телеграмме № 1142.

В дополнение к прежним телеграфным донесениям по поводу забастовки рабочих в Бодайбо, Киренского уезда, доношу вашему превосходительству: 4-го сего марта мною была получена от витимского горного исправника Галкина телеграмма с уведомлением, что «в приисках Лензото Витимского и Олекминского округов забастовали рабочие, — причины экономические, беспорядков нет, ведутся переговоры».

На это извещение я дважды телеграфировал исправнику Галкину систематически, возможно ежедневно, телеграфиро-

[1]) Истор.-рев. архив. Фонд сен. Манухина, д. 44/3.

вать мне о ходе забастовки, при чем на эти мои требования лишь 10-го сего марта я получил от исправника телеграмму, что «забастовка продолжается; ходе событий ежедневно телеграфирую губернатору». По справке по сему оказалось, однако, что губернатор вышеупомянутых телеграмм не получал.

Лишь на повторную телеграмму исправник Галкин 12-го сего марта телеграфировал губернатору: «Забастовка продолжается, резкого проявления беспорядков нет, меры убеждения не действуют, ибо стачка хорошо организована; дисциплина твердая. Положение дел выжидательное, рабочие строго наблюдают за собой, дабы не был нарушен порядок. Меры охраны принимаются, водка вывезена Бодайбо, динамит свезен одно место, охраняется кроме приискового караула стражниками; у магазинов, складов, контор выставлены полицейские караулы; причина забастовки — желание повысить рабочую плату, ослабить суровость режима, добиться более внимательного отношения управления к нуждам рабочих. Отпуск пищевых продуктов пока продолжается, но управление высказывает намерение прекратить таковой рабочим должникам, а остальным отпуск на наличные деньги. Рабочие имеют за управлением около трехсот семидесяти тысяч рублей, заработанных в текущую операцию, должников около 250, имеющих за конторой не более десяти рублей до 400; по заявлению управления, деньги для расчета рабочих имеются налицо; прекращение отпуска продуктов находим пока рискованным. Подписали: инженер Александров и исправник Галкин».

В виду вышеизложенных сведений и принимая во внимание имеющиеся в районе неблагоприятные сведения об исправнике Галкине, далеко не гарантирующие необходимое в данном случае проявление решительности и настойчивости со стороны его распорядительности, по совместному мной обсуждению вопроса с иркутским губернатором и прокурором судебной палаты, в Бодайбо командирован помощник мой по Киренскому и Верхоленскому уездам ротмистр Трещенков с двумя унтер-офицерами и товарищ прокурора иркутского окружного суда; кроме того, из Киренска послана воинская команда на усиление местной бодайбинской команды.

Ротмистр Трещенков, находившийся по случаю служебной командировки в Иркутске, выехал отсюда в Бодайбо совместно с окружным горным инженером Тульчинским.

Не имея пока в своем распоряжении точных сведений, устанавливающих истинные причины забастовки и ее характер, я счел необходимым выговорить у губернатора особые полномочия ротмистру Трещенкову для возможно широкого и энергичного воздействия к прекращению забастовки на тот случай, если она инспирирована местным ссыльным элементом и вышла в своем осуществлении из границ чисто экономического протеста. В этих целях ротмистру Трещенкову губернатором, как это видно из копии при сем представляемого предписания от 13-го сего марта, чинам полиции города Бодайбо Иркутской губернии предписано оказывать полное содействие всем законным требованиям ротмистра Трещенкова, в особенности по своевременному доставлению перевозочных средств; оказывать содействие предоставлением, в случае его требования, наличного числа чинов полиции и находящихся в распоряжении исправника Галкина воинских чинов; предоставлено право, по соглашению с окружным инженером Тульчинским, на принятие той или другой административной меры, в зависимости от данного момента, в отношении лиц политически неблагонадежных, буде таковые замешаны в забастовочном движении, включительно до высылки в другой уезд. Попутно с этим ротмистру Трещенкову поручено осмотреть регистрации рабочих в бодайбинском полицейском управлении и совместно с горным исправником Галкиным выработать на месте наилучший способ регистрации паспортной системы, при чем исправнику Галкину приказано немедленно приступить к осуществлению таковой.

Независимо от сего, мною лично ротмистру Трещенкову дан ряд указаний к возможно точному выяснению истинных причин забастовки и всех обстоятельств, явившихся благоприятной почвой для ее возникновения и дальнейшего ее течения при «строго выраженной, как о том уведомляет исправник Галкин, дисциплине».

О дальнейшем ходе событий по сему буду доносить дополнительно.

Познанский.

№ 78.

ТЕЛЕГРАММА ГУБЕРН. БАНТЫША В ДЕПАРТАМЕНТ ПОЛИЦИИ ОТ 21-го МАРТА [1]).

Прошу доложить министру. Бодайбо, последним сведениям, положение обостряется в виду волнения рабочих должников на почве прекращения управлением Ленского золотопромышленного товарищества отпуска пищевых продуктов. Я, через горно-полицейский надзор, обязал управление, под ответственностью за могущие возникнуть беспорядки, продолжать отпуск на прежних основаниях, до разрешения вопроса о возмещении этих расходов казной по телеграмме моей министру от 20 марта. Прошу также доложить министру о необходимости назначения помощника начальника губернского жандармского управления ротмистра Трещенкова, командированного Бодайбо, начальником полиции Витимско-Олекминского золотопромышленного района, временно, до прекращения забастовки, с подчинением ему обоих исправников и всей горной полиции. Возбуждаю это срочное ходатайство по соглашению начальником губернского жандармского управления полковником Познанским для удобства сношений, единообразия действий. Целесообразность такой концентрации оправдывается особыми местными условиями — отдаленностью края, сравнительной ограниченностью военно-полицейских сил, оценкой способностей и характера местных исправников.

Губернатор *Бантыш.*

№ 79.

ТЕЛЕГРАММА ТОВ. МИН. ВН. ДЕЛ ЗОЛОТАРЕВА ИРКУТСК. ГУБ. БАНТЫШУ ОТ 22-го МАРТА [2]).

На депеши 20 и 21 марта №№ 2604 и 3. К назначению ротмистра Трещенкова временным, до прекращения забастовки, начальником полиции Витимско-Олекминского золотопромышленного района с подчинением ему обоих исправников и всей горной полиции препятствий нет. Полагаю, что к тем агитаторам, которые позволяют себе демонстративные выступления, вы должны применять меры по обязательному постановлению.

[1]) Истор.-рев. архив. Фонд д-та полиции, д. 23, ч. 2, т. I.

[2]) Там же.

вопросе возмещения расходов за пищевые продукты, выдаваемые забастовщикам, из средств казны оснований законе не усматриваю и распоряжений министерства внутренних дел кредита на этот предмет не имеется. № 153.

За министра внутренних дел, товарищ министра *Золотарев.*

№ 80.

ТЕЛЕГРАММА ПОЗНАНСКОГО РОТМИСТРУ ТРЕЩЕНКОВУ ОТ 23-го МАРТА [1]).

Лично.

Вероятно, будете временно назначены начальником всей полиции. Пока действуйте осторожно и до прибытия Преображенского активных мер не принимайте. Ознакомьтесь подробно судебными материалами и имеющимися исправника распоряжениями губернатора, негласно проверьте действия исправника и промысловой администрации. Телеграфируйте возможно скорее причины забастовки, инициативу, требования рабочих, возможные условия прекращения. Какие были эксцессы? Губернатор интересуется от вас утвердительно знать минимум условий, при коих старые рабочие, без давления комитета, могли бы стать работу. Численность лиц, подлежащих необходимой высылке. Первоначальная ваша телеграмма должна строго соответствовать действительности, так как содержание будет телеграфировано директору. Должна рельефно обрисовать деловой момент с начала забастовки. Телеграммы посылайте через исправника на отпущенный ему аванс. № 1343.

Полковник *Познанский.*

№ 81.

ПИСЬМО НАЧАЛЬНИКА ИРКУТСК. ЖАНД. УПРАВЛ. ДИРЕКТОРУ ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦИИ ОТ 25-го АПРЕЛЯ [2]).

Совершенно секретно.

Еще 6-го сего апреля ротмистр Трещенков телеграфировал, что им получены сведения о готовящемся на него покушении, на что телеграммой от того же числа за № 1534 ему было предложено полковником Познанским самому принять меры личной охраны.

[1]) Истор.-рев. архив. Фонд ирк. губ. жанд. упр., д. 82/30, т. 2.

[2]) Истор.-рев. архив. Фонд деп. полиц., д. 312, т. I.

15-го сего апреля, телеграммой за № 289350, начальник московского охранного отделения сообщил, что «в студенческой среде высказывается взгляд желательности убийства ротмистра Трещенкова», вследствие чего содержание этой телеграммы было сообщено ротмистру Трещенкову телеграфно 19-го сего апреля за № 1806 с вторичным предложением принять самому меры личной охраны и, по исполнении сего, подробно телеграфировать.

На это последнее предложение 22 апреля от ротмистра Трещенкова получена телеграмма, в которой он, уведомляя, что и среди ссыльных также высказывается взгляд о желательности его убийства, в дальнейшем доносит: «В настоящее время приходится ежедневно об'езжать казармы рабочих на приисках, так как только мое появление, — что могут подтвердить все, — заставляет рабочих исполнять законные требования. При мне всегда находятся два конных стражника и унтер-офицер Филиных. В виду крайне расстроившегося здоровья прошу вашего ходатайства об освобождении меня по окончании, с открытием навигации, высылки забастовавших рабочих от должности начальника полиции и об увольнении в четырехмесячный отпуск, так как я не в состоянии буду нести свои прямые обязанности после столь продолжительной нервной, напряженной работой, а равно о возбуждении ходатайства перед командиром корпуса о переводе в Россию, так как оставление меня в Сибири среди ссыльного элемента даст полную возможность приведению исполнения задуманного плана. № 445». Об изложенном доношу. № 1901.

Полковник (подпись).

№ 82.

ТЕЛЕГРАММА ЖАНД. ПОЛК. ВАСИЛЬЕВА ДИРЕКТОРУ ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦИИ ОТ 10-го МАЯ [1]).

14-го генерал-губернатор едет Бодайбо, везет собою начальника Нерчинского уезда Забайкальской области Юринского, которого поставит временно начальником усиливаемой полиции Ленских приисках. Ротмистр Трещенков освобождается этих обязанностей , и генерал-губернатор полагает, что, целях успокоения приисках, Трещенкову полезно не оставаться там.

[1]) Истор.-рев. архив. Фонд ирк. губ. жанд. упр., д. 82/30, т. 2.

В виду сего и указания на возможность покушения на Трещенкова, полагал бы вызвать его Иркутск, держать управлении, пока будет нужен сенатору, затем уволить отпуск, перевести. Прошу указания телеграфом до 14-го, признается ли желательным оставление Трещенковым Бодайбо ныне же и вызов Иркутск, равно следует ли мне ехать с генерал-губернатором или ожидать сенатора. Последнем случае генерал-губернатор желает, чтобы его сопровождал ротмистр Семека, служивший Киренске, хорошо знающий край. В виду состоявшегося перевода Семеко Пултуск, генерал-губернатор телеграфирует командиру корпуса временном оставлении его здесь. № 2145.

Полковник *Васильев.*

№ 83.

ТЕЛЕГРАММА БЕЛЕЦКОГО НАЧАЛЬНИКУ ИРКУТСК. ГУБ. ЖАНД. УПРАВЛЕНИЯ ОТ 16-го МАЯ [1]).

На № 2145 и к № 278. Отозвании ротмистра Трещенкова из Бодайбо министр пока не усматривает надобности. № 279.

И. д. директора *Белецкий.*

№ 84.

ТЕЛЕГРАММА НАЧ. ИРК. ЖАНД. УПРАВЛ. РОТМ. ТРЕЩЕНКОВУ ОТ 21-го МАЯ [2]).

Предписываю оставаться Бодайбо до прибытия сенатора Манухина. № 2271.

Полковник *Васильев.*

№ 85.

ТЕЛЕГРАММА НАЧАЛЬНИКА ИРКУТСК. ЖАНД. УПРАВЛЕНИЯ РОТМИСТРУ ТРЕЩЕНКОВУ ОТ 2-го ИЮНЯ [3]).

Департамент полиции телеграфирует: «Париже подложному паспорту имя Гладкова проживает бежавший Сибири террорист Владимир Михайлов Косарев, предполагающий скоро прибыть Бодайбо совершения террористического акта отместку Ленские события. Приметы: 25 лет, низкого роста,

[1]) Истор.-рев. архив. Фонд ирк. губ. жанд. упр., д. 82/30, т. 2.
[2]) Там же.
[3]) Истор.-рев. архив. Фонд ирк. губ. жанд. упр., д. 82/30, т. 2.

коренастый, лицо одутловатое, шатен, глаза большие, черные, усы маленькие, бороду бреет, нос прямой, одет плохо, носит полосатый коричневый костюм без жилета и черную каскетку. Подробные сведения и фотография почтой по получении из департамента. Сообщаю сведения принятия соответствующих мер. № 2412».

Ротмистр (подпись).

№ 86.

ТЕЛЕГРАММА НАЧ. ИРК. ЖАНД. УПРАВЛЕНИЯ НАЧАЛЬНИКУ ТОМСКОГО ЖАНД. УПРАВЛЕНИЯ ОТ 28-го ИЮЛЯ [1]).

Сегодня экспрессом первый Иркутска Москву выезжает ротмистр Трещенков под фамилией Кашин. Возможно покушение пути следования, сообщите дальше. № 2971.

Полковник *Васильев.*

№ 87.

ТЕЛЕГРАММЫ РОТМ. ТРЕЩЕНКОВА НАЧ. ИРКУТСКОГО ЖАНД. УПРАВЛЕНИЯ [2]).

От 27-го марта.

Доношу,—переговоры инженера Тульчинского рабочими пока успеха не имели. Последние требуют от него выдачи удостоверений в том, что договоры нарушены Лензото и суд удовлетворит иски в размере двухмесячного содержания. № 281.

Ротмистр *Трещенков.*

От 31-го марта.

№ 15, доношу, принял неуклонному исполнению. Рабочие на работу сегодня не вышли, и инженер Тульчинский об'явил мне, что от дальнейших об'яснений рабочими отказывается. По его мнению, настроение рабочих значительно ухудшилось дезорганизацией среди них, вследствие чего можно ожидать различных эксцессов. Сегодня мною выпущено об'явление следующего содержания: «Сим об'являю жителям и рабочим приискового района, что никаких насилий или беспорядков мною допущено не будет и при малейшей попытке к нарушению я восстановлю порядок имеющейся моем распо-

[1]) Истор.-рев. архив. Фонд ирк. губ. жанд. упр., д. 82/30, т. 2

[2]) Истор.-рев. архив. Фонд М. В. Д. ирк. губерн., 3/30.

ряжении воинской силой; при этом предупреждаю, что, согласно 30 ст. правил призыве войск для содействия гражданским властям, войсками будет употребляться оружие после троекратного предупреждения сигналом на трубе или барабане, а в крайнем случае и без такового предупреждения; кроме того, согласно 123 статьи уголовного уложения, виновные в участии в скопище, которое, действуя соединенными силами участников, оказало противодействие вооруженной силе, наказываются каторжными работами». Обзавелся среди рабочих агентурой, сведениям коей значительное количество рабочих желает стать работы, но опасаются насилий комитета. Среди рабочих сложилось убеждение, что казна кормит должников, поэтому возможно ожидать, что имеющие за конторой деньги получат расчет, чтобы потом получить продукты бесплатно. Поверенным Лензото Ивановым продолжают подаваться судье прошения выселении и пред'являются исполнительные листы; прошу указать, какой срок надлежит указывать повестках для исполнения решений. Завтра приступят экстренным работам вновь нанятыми рабочими, около ста человек. Мнению Преображенского и судьи, необходимы аресты семнадцати членов комитета, преступная деятельность коих установлена следствием, по 125 статье, что предполагаю осуществить завтра. № 308.

Ротмистр *Трещенков.*

От 31-го марта.

Доношу,—среди рабочих происходит раскол. Если настоящий момент арестовать комитет, с чем вполне согласна судебная власть,—возможно ожидать прекращения забастовки. Дальней тайге Ивановском прииске забастовщики насильно сняли вновь нанятых рабочих, пользуясь отдаленностью воинской силы. Предполагаю сегодня отправить распоряжение исправника Соболева тридцать солдат, таким образом моем распоряжении останется всего сто. Сегодня Феодосийском прииске работает около семидесяти человек вновь нанятых рабочих и тридцать из забастовавших под охраной полиции. К началу работ лично прибыл с воинской командой, что произвело рабочих сильное моральное впечатление. № 313.

Ротмистр *Трещенков.*

От 2-го апреля.

Доношу,—сегодня рабочие механического цеха из числа бастующих количестве восьмидесяти начали записываться, чтобы приступить работам, но потом под угрозами комитета отказались. Рабочие всех приисков требуют расчет, но казарм не освобождают, — надо предполагать, что это маневр, дабы сделаться должниками и получать продукты бесплатно. Всех направляю к Тульчинскому. Остальном без перемены. № 322.

Ротмистр *Трещенков.*

От 3-го апреля.

Сегодня совместно инженером Тульчинским об'езжал казармы рабочих Андреевского, Прокопьевского приисков. Есть рабочие, желающие приступить немедленно работе, но боятся насилий. Работы вновь нанятыми и из числа бастовавших количестве 70 охраняются полицией. Распоряжение ваше Александрову, Тульчинскому передал. Еще не приступили. Остальном без перемены. № 323.

Ротмистр *Трещенков.*

От 4-го апреля.

Доношу,—сегодня утром рабочие Александровского прииска, собравшись более тысячи к полицейскому дому, вели себя крайне вызывающе, требуя выдачи продовольствия для жен, детей. Прибыв немедленно, силами полиции разогнал собравшихся, при чем, расходясь, рабочие угрожали разнести магазин. Три часа дня прибыл прииск совместно Тульчинским и воинской командой; благодаря последней настроение рабочих изменилось. Сегодня произвожу обыски, аресты. № 328.

Ротмистр *Трещенков.*

От 6-го апреля.

Доношу, — сегодня день прошел спокойно, никаких эксцессов не было. Все мои распоряжения рабочими беспрекословно исполнялись. Сегодня выпустил следующего содержания об'явление: «Довожу до сведения бывших рабочих Лен-

зото, что отныне всякие переговоры закончены, и что мною, как начальником полиции Витимско-Олекминского района, никоим образом не будут допущены какие-либо насилия, разгромы магазинов, поджоги, порча механизмов и разного рода сооружений. Всякие попытки в этом направлении будут самым решительным образом подавляться. Сборища, хождение толпами с одного прииска на другой безусловно запрещаются, и такие сборища и толпы будут немедленно рассеиваться. Прошу не слушать главарей, подбивающих на противозаконные выступления. Рабочие могут удостовериться, что главари, выставляя вперед других, сами остаются целы и избегают должного возмездия. В случае каких-либо экстренных заявлений таковые должны представляться мне двумя уполномоченными от рабочих, но отнюдь не агитаторами, подлежащими законной ответственности». Относительно похорон сделал уже соответствующее распоряжение. № 333.

Ротмистр *Трещенков.*

№ 88.

ТЕЛЕГРАММА РОТМИСТРА ТРЕЩЕНКОВА ИРКУТСКОМУ ГУБЕРНАТОРУ ОТ 9-го АПРЕЛЯ [1]).

Два адреса: Иркутск, губернатору, начальнику жандармского управления.

На № 43, полученный 8 апреля прииске Надеждинском два часа 37 минут дня, доношу: 15 марта пред'явлено тридцать исполнительных листов, по коим ответчикам послано исправником Галкиным пятнадцать повесток, но решению ответчики не подчинились. В настоящее время подано прошений Лензото мировым судьям: первого участка тысячу двести сорок, второго участка семьсот двадцать пять, заготовлено прошений и на-днях будет подано три тысячи двести двадцать девять. Текст приговора: «Исполнительный лист. По указу е. им. в., 1912 года, марта 15 дня мировой судья 2 участка Олекминского золотопромышленного района, рассмотрев дело по иску Ленского золотопромышленного товарищества о выселении из казарм и приисков рабочего такого-то, на основании

[1]) Истор.-рев. архив. Фонд М. В. Д. ирк. губер., 3/XXX.

статей 81, 105, 129, 138 устава гражданского судопроизводства и 569 и 2201, десятого тома свода законов, определил такого-то выселить немедленно из казарм и с приисков Ленского товарищества и взыскать с него в пользу последнего пять рублей судебных и за ведение дела издержек, подвергнув решение предварительному исполнению. Решение это вошло в законную силу, на оснований судебных уставов императора Александра второго 138 статьи устава гражданского судопроизводства и подлежит исполнению 1912 года марта 16 дня. Мировой судья 2 участка Олекминского золотопромышленного района, по указу е. им. в., приказал всем местам и лицам, до коих сие относится, исполнить в точности настоящее решение, а властям местным, полицейским и военным оказывать исполняющим решение надлежащее по закону содействие без малейшего отлагательства. Исполнительный лист сей выдан поверенному Ленского золотопромышленного товарищества присяжному поверенному Александу Александровичу Иванову. Подпись. Исполнение по сему делу поручается горному исправнику Витимского горного округа. Подпись и должностная печать».

Обсудив наше положение соглашению Преображенским, намечено, при обнаружении скрывшихся, самого главного члена комитета Баташова и остальных восемь арестовать, так как оставление их на свободе даст им возможность вновь сорганизовать рабочих, хотя арест может вызвать осложнение. Арестование всех остальных фактически невозможно за отсутствием надлежащей воинской силы, мест заключения, бодайбинская тюрьма рассчитана на 40, содержит 173, и значительного числа лиц, имеющими быть привлеченными по 123 уголовного уложения. Своей стороны докладываю, что вслед за событием 4 апреля мною немедленно были приняты меры к розыску скрывшихся членов статечного комитета, командированы стражники и пока задержан видный агитатор Попов, раненый и находящийся в больнице. Сегодня шахте на Феодосиевском прииске задержаны копачи в числе десяти человек, отобрано золота фунт сорок пять золотников. Порядок приисках полный. № 352. Прииск Надеждинский 9 апреля, 10 часов 48 минут утра.

Ротмистр *Трещенков*.

№ 89.

ТЕЛЕГРАММА РОТМ. ТРЕЩЕНКОВА ПОЗНАНСКОМУ ОТ 22-го МАЯ [1]).

Доношу,—вчера по прибытии генерал-губернатора я освобожден должности начальника полиции, что произвело меня удручающее впечатление. Прошу разрешения до прибытия ревизии выехать Киренск, так как здесь останусь без охраны. № 579.

Трещенков.

№ 90.

СООБЩЕНИЯ НАЧАЛЬНИКА БОДАЙБИНСКОЙ ПОЧТ.-ТЕЛЕГР. КОНТОРЫ СЕНАТОРУ МАНУХИНУ [2]).

Секретно.

Е. в. пр., г. сенатору Манухину.

Вследствие личного предложения вашего высокопревосходительства, представляя при сем копию телеграммы на имя начальника иркутского почтово-телеграфного округа от 19-го мая с. г. за № 71, имею честь доложить... Бывшим начальником полиции ротмистром Трещенковым сдано денежных переводов — 30 марта под расписку № 3255 в Кременчуг, на имя Трещенковой 115 руб.; 30 марта № 3256 в Люблин, Осиповой, 65 рублей; 30 марта № 3257 в Нижний-Новгород, Волжско-Камскому банку 40 руб.; 7 апреля № 392 в Киренск, Хомякову 100 р.; 7 апреля № 393 в Кременчуг, Трещенковой 50 рублей; 24 апреля № 1201 Кременчуг, Трещенковой 130 руб.; 24 апреля Люблин, Осиповой 65 руб.; 7 мая 158 Киренск, Хомякову 100 руб.; 26 мая Кременчуг № 1260, Трещенковой 130 руб., а всего на сумму 795 руб.

Начальник конторы (подпись).

№ 91.

ТЕЛЕГРАММА НАЧ. БОДАЙБИНСКОЙ ПОЧТ.-ТЕЛ. КОНТОРЫ НАЧАЛЬНИКУ ОКРУЖНОГО ПОЧТОВО-ТЕЛ. ОКРУГА.

По слухам, после ужасного события 4 апреля к трупам, кроме военных чинов и полиции, решительно никто не допускался. Похороны производились без участия посторонних. Говорят, было полное мародерство. Вчера помощник мой доло-

[1]) Истор.-рев. архив. Фонд сен. Манухина, д. 58/13, т. 1.
[2]) Истор.-рев. архив. Фонд сен. Манухина, д. 60/33, ч. 2.

жил мне, что солдаты, очевидно, участвовавшие расстреле, сдают почту деньги от 100 до 400 рублей. Таких подателей было пока до десяти, о двух последних, на всякий случай, сведения я записал. По слухам, срок службы участвовавших расстреле солдат окончен и на-днях они выбывают на родину. Весьма прискорбно будет, если факт сдачи денег не будет известен правосудию. О вышеизложенном доношу на благоусмотрение вашего высокородия. № 71.

Булатов.

№ 92.

ТЕЛЕГРАММА СЕНАТОРА МАНУХИНА МИНИСТРУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ОТ 18-го ИЮЛЯ [1]).

18 текущего июля мною постановлено возбудить уголовное преследование против помощника начальника иркутского губернского жандармского управления по Киренскому, Верхоленскому уездам, исправлявшего должность начальника полиции Витимского Олекминского горных округов ротмистра Трещенкова по обвинению его преступном деянии, предусмотренном статьями 338 и 339 и частью второй статьи 341 уложения, с временным устранением Трещенкова занимаемой им должности.

Сообщая о сем вашему высокопревосходительству, присовокупляю, что копия упомянутого постановления будет вам препровождена по прибытии моем Петербург.

Сенатор *Манухин.*

ж) Переписка иркутского ген.-губернатора Князева.

№ 93.

ТЕЛЕГРАММА ГЕН.-ГУБ. КНЯЗЕВА СЕНАТОРУ МАНУХИНУ ОТ 2-го МАЯ [2]).

По ознакомлении Иркутске от начальников ведомств и на созванном мною совещании обстоятельствами забастовки приисках Ленского товарищества с достаточною убедительностью выясняется: 1) Принудительная выдача рабочим взамен платы талонов на магазины товарищества, произвольными ценами, превышающими таксу. 2) Нарушение статьи 28 правил

[1]) Истор.-рев. архив. Фонд сен. Манухина, д. 44/3.
[2]) Истор.-рев. архив. Фонд горн. департ., д. 42.

найме рабочих, приложение 661 статьи устава горного. 3) Нарушение параграфа 15 обязательного постановления горнозаводского присутствия 12 марта 1908 года об устройстве отдельных жилых помещений для холостых и семейных. Эти нарушения связи случаями отпуска недоброкачественных припасов вызывали недовольство рабочих и явились ближайшим поводом пред'явлению многочисленных требований и забастовке. Забастовка может быть прекращена либо возобновлением работ бастующими, либо заменою их новыми рабочими, однако последняя мера повлечет выселение нескольких тысяч рабочих, лишенных средств, озлобленных, что потребует от правительства крайне сложных мер посылки значительной воинской части, напряжения перевозочных средств, при громадных расходах по водворению родину оставшихся без заработка рабочих. Кроме того, можно ожидать, что правление товарищества прекратит операцию текущего года, оставив обширный промысловый район без привычных заработков, что вызывет тяжелый кризис торговой промышленности жизни края. В предупреждение подобных тяжких последствий нахожу настоятельно необходимым, чтобы товарищество, вызвавшее упомянутыми нарушениями первые поводы забастовке, приняло все меры к восстановлению работ приисках и, во внимание тяжелым условиям приискового труда целях умиротворения недовольных, увеличило от себя заработную плату до справедливых размеров и облегчило условия особо тяжелых шахтовых работ путем сокращения числа часов последних или установлением более частых смен подземных работ. Такое решение, полагаю, более всего содействовало бы скорейшему восстановлению нормального порядка приисковом районе, без чего будет крайне затруднено дело ревизии, ибо на-ряду с ней потребуются экстренные меры выселению нескольких тысяч рабочих. В силу изложенного считаю долгом усердно просить ваше высокопревосходительство оказать влияние на правление Ленского товарищества к неотложному удовлетворению им всех насущных нужд рабочих и засим к возобновлению приисковых работ, что предупредит разорение края и устранит необходимость принятия чрезвычайных мер. № 3702.

Генерал-губернатор *Князев*.

№ 94.

ТЕЛЕГРАММА ЧЛ. ГОС. ДУМЫ СКОРОХОДОВА ПРЕМЬЕР-МИНИСТРУ КОКОВЦЕВУ ОТ 10-го МАЯ [1]).

Е. в. пр. г. премьер-министру В. Н. Коковцеву.

Сегодня мною получена телеграмма следующего содержания:

«7 мая окружный инженер об'явил нам получении им телеграммы Петербурга директора горного департамента. Директор предлагает нам приступить немедленно к работам. Если не приступим работе, то первыми отбывшими пароходами около 12 мая Лензото будет вывозить нас до прибытия ревизионной комиссии. Окружный инженер пояснил, что если какое-либо сопротивление будет нашей стороны эвакуации на пароходы, то будет употреблена воинская сила, оружие. Просим вас убедительно употребить все меры оградить нас от этого последнего произвола, явно доказывающего, если это будет исполнено, цель стушевать, насколько возможно, картину Ленских событий. Если нас вывезут насильно до прибытия сюда долгожданной нами ревизионной комиссии, то зачем тогда ее и ее прибытие? Если приедет, кого будет брать данные раскрытия, об'яснения Ленских событий, если нас не будет? Если приступим работе, то этим замаскируем все поступки Лензото и властей от ревизионной комиссии. Рабочий Лензото *Пешков*».

Передавая содержание телеграммы, позволяю себе обратить на нее внимание вашего высокопревосходительства и покорнейше просить сделать распоряжение принятии надлежащих мер ограждению интересов ревизии и рабочих.

Член Государственной Думы *Алексей Скороходов.*

№ 95.

ТЕЛЕГРАММА ГЕН.-ГУБ. КНЯЗЕВА СЕН. МАНУХИНУ ОТ 31-го МАЯ [2]).

Так как рабочие не приняли предложенных Лензото условий найма по новому контракту по новой расценке и поэтому в настоящее время являются лицами, остающимися без опре-

[1]) Истор.-рев. архив. Фонд сен. Манухина, д. 43/1.
[2]) Истор.- рев. архив. Фонд сен. Манухина, д. 51/20.

деленных занятий вне мест приписки, я признал необходимым издать нижеследующее об'явление:

1) «Со дня расклейки настоящего об'явления бывшим рабочим предлагается получить причитающийся расчет у окружных инженеров; также на добровольный выезд на предложенных Лензото условиях, то-есть на его пароходах и с продовольствием за его счет до Усть-Кута, назначается семидневный срок.

Примечание. Деньги, оставшиеся у окружных инженеров, по неявке за ними бывших рабочих, будут пересланы в место приписки или постоянного их местожительства».

2) «По истечении указанного семидневного срока, лица, не получившие причитающихся им заработанных денег и добровольно не выехавшие, если не войдут в соглашение с Лензото, утрачивают право на занятие в помещениях в его зданиях и на продовольствие не за наличные деньги».

3) «В виду отсутствия законных оснований по указанной выше причине оставлению на приисках бывших рабочих, по истечении того же семидневного срока, будет приступлено к принудительному выселению и к отправке бывших рабочих в места приписки партиями по утвержденному губернскою администрацией плану».

Опубликование этого об'явления началось 30 мая; семидневный срок исчисляется со дня вывешения об'явления на каждом прииске отдельно. № 10.

Генерал-губернатор *Князев.*

№ 96.

ТЕЛЕГРАММА ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ПЕТРОГРАДСКОЙ АДВОКАТУРЫ СЕН. МАНУХИНУ ОТ 31-го МАЯ [1]).

Из Бодайбо. № 3267.

Собрание рабочих 29 мая, обсудив новый договор, признали его приемлемым на условии договоренности сторонами тех пунктов, редакция которых дает нечто толкованно в пользу рабочих и в пользу Лензото. Сознавая, что после пережитого добрые отношения между правлением и рабочими возможны по устранении неясности и темноты отдельных пунктов договора, общее собрание постановило просить совместного

[1]) Истор.-рев. архив. Фонд сен. Манухина, д. 51/20.

совещания с представителями Лензото. Между тем, сегодня вывешены об'явления заведующего полицией, где рабочие, якобы отказавшиеся заключить договор, подлежат через семь дней принудительному выселению.

Будучи убеждены, что вся деятельность Лензото в последнее время клонится к тому, чтобы выселить рабочих до приезда вашего высокопревосходительства и тем затруднить выяснение истинного положения вещей, и считая, что сегодняшнее об'явление, неправильно излагающее решение общих собраний, может породить крайне нежелательные недоразумения, во имя долга принуждены об изложенном довести до вашего сведения.

Присяжные поверенные:

Керенский, *Кобяков*, *Патушинский*.

Помощники присяжных поверенных:

Никитин, *Тюшевский*.

№ 97.

ТЕЛЕГРАММА СЕН. МАНУХИНА ИРКУТСК. ГЕН.-ГУБЕРНАТОРУ ОТ 1-го ИЮНЯ [1])

Бодайбо. Генерал-губернатору. Из Киренска, Ирк. № 49.

Вследствие телеграммы 31 мая № 10 сообщаю, что, признавая присутствие бастовавших и бастующих рабочих на приисках Лензото во время высочайше возложенного на меня расследования необходимым, а потому принудительное удаление сих рабочих с приисков в порядке административном по истечении установленного вашим превосходительством срока недопустимым,—я, руководствуясь статьей 7 отдела второго высочайше утвержденной 9-го мая инструкции по производству расследования о забастовке на Ленских промыслах, нахожу нужным отменить ваше распоряжение о принудительном выселении рабочих и отправке их в места приписки по истечении семи дней со дня вывешания на приисках изданного вами 30 мая об'явления. К исполнению сего моего распоряжения прошу ваше превосходительство принять зависящие меры и о последующем меня уведомить.

Член Государственного Совета сенатор *Манухин*.

[1]) Истор.-рев. архив. Фонд ирк. ген.-губ., д. 1.

№ 98.

ТЕЛЕГРАММА СЕН. МАНУХИНА ПРЕМЬЕР-МИНИСТРУ КОКОВЦЕВУ ОТ 2-го ИЮНЯ [1]).

Три адреса: Петербург, председателю совета министров, копии—министрам внутренних дел и торговли.

Сейчас получил следующую телеграмму генерал-губернатора: «Распоряжение ваше об отмене об'явления от 30 мая принято мною к исполнению и сегодня оглашено на приисках».

Сенатор *Манухин.*

№ 99.

ТЕЛЕГРАММА ГЕН.-ГУБ. КНЯЗЕВА МИНИСТРУ ВНУТР. ДЕЛ ОТ 6-го ИЮНЯ [2]).

На об'явленное на всех приисках обращение сенатора с призывом стать на работу, чем значительно облегчится предстоящее всестороннее изучение и выяснение условий быта и труда на приисках в действительной обстановке повседневной жизни, рабочие постановили приступить к работам по новой расценке, но не обязываясь контрактом, рассчитывая, что сенаторская ревизия даст им возможность доказать необходимость изменения в их пользу некоторых пунктов нового контракта. Главноуправляющий Белозеров при моем посещении вчера приисков из'явил согласие принять всех бастовавших, и сегодня техническая комиссия при выборных рабочих приступила к осмотру шахт, после чего восстановятся работы в полном об'еме. Хотя при таких условиях забастовка не может почитаться окончательно разрешенной, но дело сдвинуто с мертвой точки, и если управление приисков более умело и доброжелательнее, чем прежде, воспользуется моментом, нормальная экономическая жизнь Приленского края восстановится, и администрация избегнет больших трудностей массовой эвакуации рабочих. Сегодня уезжаю делам службы Якутск, здесь остается губернатор Бантыш, который имеет докладывать вашему высокопревосходительству о дальнейшем ходе дела. № 104.

Генерал-губернатор *Князев.*

[1]) Истор.-рев. архив. Фонд горн. Департ., д. 42.

[2]) Там же.

IV.

ПРОТОКОЛЫ ДОПРОСОВ, ПЕРЕПИСКА ЧЛЕНОВ ПРАВЛЕНИЯ ЭЛЬЗОТО И АДМИНИСТРАЦИИ ПРИИСКОВ.

№ 100.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА ДИРЕКТОРА-РАСПОРЯДИТЕЛЯ ЛЕНСКОГО ЗОЛОТОПРОМЫШЛЕННОГО Т-ВА БАРОНА А. ГИНЦБУРГА [1].

... Первое известие о начавшейся 29 февраля месяца забастовке получено было нами в правлении от помощника Белозерова Теппана 1 марта. Белозеров в это время находился в Петербурге. Я, с своей стороны, вначале не придал этому известию серьезного значения, так как забастовки отдельных групп рабочих на приисках—явление не исключительное. Белозеров, однако, с первых же дней забастовки предсказывал ее длительность и указывал нам на ее организованность. В этом отношении он, близко знающий тайгу, обратил особое внимание на то обстоятельство, что первыми прекратившими работы были рабочие небольших приисков Андреевского и Утесистого, купленных товариществом в числе других от Компании промышленности. С первого дня и по настоящее время мы получаем ежедневные известия о положении приисков. По мере развития забастовки все правление усматривало наличность организации стачечного движения. Лично меня убедили в этом многие мелкие факты, из которых могу указать: пред'явление требований лишь на второй день забастовки и притом к вечеру, и главным образом жалоба рабочих на продажу им из амбара конины вместо мяса. Этот последний факт характерен потому, что товарищество конины в своих амбарах иметь не может, из чего я заключаю, что если какому-либо рабочему

[1]) Истор.-рев. архив. Фонд Ч. С. К. сен. Манухина, 13.
Допрос был снят ревизией Манухина 11—13 мая 1912. *Ред.*

была в действительности отпущена из магазина конина вместо мяса,—это было сделано искусственно, лицом, желавшим создать возбужденное настроение среди рабочих. Кроме того, Теппан сообщал нам, что одним из руководителей забастовки явился наш служащий—заведующий электрической станцией Комаров. Борьба с организованной забастовкой представляет всегда значительные трудности. Я почти уверен, что Белозеров сумел бы прекратить начавшееся движение, но, к сожалению, сначала серьезная болезнь (нервное расстройство), а затем наступившая распутица лишили его возможности выехать на место, куда он отправился при первой возможности доехать до приисков. С начала забастовки,—приблизительно до 20 марта,—вопросы о способах борьбы с забастовкой решались мною по соглашению с Белозеровым, при чем о предпринятых нами мерах мы докладывали правлению; когда же забастовка приняла явно затяжной характер, самые важные вопросы стали разрешаться правлением коллегиально, для чего заседания правления назначались мною сначала еженедельно, а в последующий период и по нескольку раз в неделю. При совещаниях моих с Белозеровым мы всегда приходили к соглашению, но в общем я был более наклонен к компромиссам и соглашению с рабочими, Белозеров же—к полному отклонению тех требований, которые, по его мнению, лишены были значения для интересов рабочих. Из вопросов, разрешенных мною по соглашению с Белозеровым, я могу припомнить вопросы о выборных старостах и об освещении казарм за счет товарищества. Мы оба, не колеблясь, согласились предоставить рабочим даровое освещение, относительно же предоставления рабочим избирать старост Белозеров сначала противился удовлетворению этого ходатайства, но затем мы послали телеграмму с из'явлением согласия, но под условием разрешения на то начальства. Белозеров боялся, чтобы рабочие, в случае немедленного разрешения им выбрать старост, не выбрали бы руководителей забастовочного движения. Могу припомнить еще вопрос об удовлетворении ходатайства рабочих о производстве ежемесячных расчетов: Белозеров не соглашался удовлетворить это ходатайство, я же предполагал согласиться на ежемесячные расчеты, но под условием заключения договоров с рабочими о найме на один месяц.

Впоследствии правление решило пойти в этом отношении навстречу рабочим, но с тем ограничением, чтобы расчет производился около 20-го числа месяца, следующего за расчетным, дабы в момент расчета рабочему причиталась от конторы известная сумма. Инструкция в этом смысле Теппану впоследствии послана. К тому же периоду обсуждения связанных с забастовкой вопросов мною и Белозеровым относится посылка кандидата в члены правления Саладилова в Иркутск для переговоров с местными властями и окончательной выработки наших уступок рабочим. Выработанная мною и Белозеровым инструкция Саладилову может быть выражена следующей формулой: можно уступить во всем, кроме огульного увеличения заработной платы и удовлетворения требований, имевших социалистический характер, а именно: относительно увольнения рабочих с ведома рабочей комиссии, восьмичасового рабочего дня и увольнения служащих по требованию рабочих. После от'езда Саладилова вопрос об удовлетворении требований рабочих был поставлен на очередь лишь после получения его телеграммы о тех уступках, которые он сделал, и о его дальнейших по сему поводу предположениях. Донесение это обсуждалось уже в том периоде, когда связанные с забастовкой вопросы рассматривались правлением коллегиально: до несчастного события 4 апреля таких заседаний было два [1]), насколько я припомню. что именно обсуждалось в первое из этих заседаний, я в настоящее время припомнить не могу, во втором же заседании, происходившем 2 апреля, обсуждалась телеграмма Саладилова, в которой, кроме сообщения о сделанных уже им уступках и о его предположениях, содержалось известие о предстоящем аресте стачечного комитета и о принудительном выселении не желающих работать.

По прочтении мне последней части моего показания, припоминаю, что в телеграмме своей Саладилов о сделанных им уступках не сообщал, а ходатайствовал лишь о разрешении послать Теппану телеграмму с точным перечислением тех предположенных им уступок, на которые из'явило свое согласие правление. Предположения Саладилова были единогласно одобрены правлением, и никаких прений по сему поводу не происходило. Напротив того, известие о предстоящем аресте

[1]) К сожалению, в делах Лензото отыскать протоколов не удалось. *Ред.*

забастовочного комитета и о принудительном выселении забастовщиков вызвало споры. Припоминаю, что уже во время самого заседания была получена дополнительная телеграмма о том, что распоряжение об аресте стачечного комитета уже послано, и что по распоряжению губернатора об'явление рабочим о тех уступках, на которые правление общества согласно, должно быть отложено до того времени, когда арест стачечного комитета уже состоится. Двое из числа присутствовавших в заседании лиц, а именно бывший главноуправляющий, ныне член ревизионной комиссии, Грауман и член ревизионной комиссии присяжный поверенный Слиозберг, настаивали на том, чтобы правление срочной телеграммой просило губернатора отложить арест до окончания забастовки, высказывая при этом опасения, что арест стачечного комитета вызовет эксцессы со стороны рабочих. Все остальные участники заседания, а именно все члены правления, члены ревизионной комиссии и В. И. Тимирязев, в качестве председателя правления «Lena Goldfields», высказались против предложения Граумана и Слиозберга, находя, что правление не в праве вмешиваться в распоряжения власти, не касающиеся имущественных прав товарищества. Я разделял мнение большинства и признавал арест стачечного комитета мерой, могущей оказать благоприятное влияние на скорейшее окончание забастовки.

Отказ от работы в тайге, в особенности в настоящее время, когда Ленское товарищество — почти единственное добывающее золото предприятие, равносильно обречению на голодную смерть... Переходя затем к периоду, непосредственно предшествовавшему событию 4 апреля, и к последующим донесениям с места о самом событии, я должен заявить, что на основании совокупности впечатлений, вынесенных мною от целого ряда фактов, я прихожу к тому заключению, которого, конечно, с положительностью доказать не могу, что действительным побуждением нападения рабочих на солдат было не желание освободить арестованных членов стачечного комитета, а стремление овладеть оружием и сделаться хозяевами приисков, с тем, чтобы промыть пески, в которых содержалось от 400 до 500 п. золота. В течение двух недель можно промыть до 70 пуд. золота на сумму один миллион триста тысяч рублей. Еще сравнительно задолго до события 4 апреля,

когда, однако, стачка уже приняла явно затяжной характер, Белозеров высказывал опасения, что, если рабочим удастся затянуть забастовку до распутицы, когда присылка войск на прииски сделается невозможной,—забастовщики легко могут соблазниться мыслию промыть пески и с ограбленным золотом скрыться в тайгу. Непосредственно перед нападением на войска, как это видно из телеграмм Теппана, на-ряду с целым рядом явлений, указывавших на близость прекращения забастовки, наблюдалась особенно энергичная деятельность агитаторов, собиравших толпу, вызывавших на совещание Тульчинского и Трещенкова...

В заключение считаю необходимым заявить, что, по мнению моему, продолжительность и исключительный характер настоящей забастовки в значительной мере об'ясняются действиями представителей местной власти, хотя и законными, но нецелесообразными. В этом отношении прежде всего я признаю деятельность окружного инженера Тульчинского, почти с самого начала вступления его в должность в 1909 году, крайне вредною и мешавшею установлению правильных отношений приисковой администрации с рабочими, вследствие чего создалась благоприятная для возникновения забастовки атмосфера. Деятельность инженера Тульчинского мне была известна из донесений Белозерова; в бытность же мою на приисках с марта по июнь 1911 года я лично убедился в справедливости жалоб нашего главноуправляющего. 25 мая 1911 года мною совместно с Белозеровым послана была с приисков телеграмма министру торговли и промышленности с жалобой на характер деятельности Тульчинского. Представляю при сем копию этой телеграммы и всецело подтверждаю ее содержание. Из отдельных фактов могу указать, как наиболее характерный, составление Тульчинским 5 декабря 1911 года протокола, который представляю в копии. Из этого протокола видно, что, не установив наличности какого бы то ни было нарушения со стороны приисковой администрации, г. Тульчинский тем не менее не только составил протокол, но счел нужным раз'яснять рабочим их право бросать праздничную работу, хотя бы таковая производилась по добровольному согласию рабочих. Аналогичный по своему значению факт имел место в мае 1911 года в бытность мою на приисках, когда Тульчинский, разбирая какую-то мелкую жалобу рабочего на

управляющего Иннокентиевским приисном инженера Власова, в присутствии этого рабочего сказал Власову: «Если вы будете так же поступать с рабочими, вы вызовете бунт, а тогда не рассчитывайте на мою помощь». Что касается затем самого периода развития забастовки, я полагаю, что, если бы иркутский губернатор в начале забастовки удовлетворил ходатайство правления нашего общества о высылке войск на прииски, работы вскоре же были бы возобновлены. Как это явствует из ответа губернатора на нашу телеграмму, отказ в высылке войск был обусловлен донесениями губернатору горного исправника Галкина и окружного инженера Александрова о мирном характере забастовки, тогда как, по донесениям Теппана, толпа рабочих в это же время останавливала поезда и производила осмотр арестных помещений с целью убедиться, нет ли арестованных, а рабочие на свои собрания не допускали полицию. Доносися о мирном характере забастовки, те же исправник Галкин и инженер Александров избегали выходить к толпе. При этом исправник по пред'явлении нами исков о выселении рабочих отказался привести решение судьи в исполнение, за отсутствием в его распоряжении достаточной силы. Особенно неблагоприятное влияние на течение событий имело сделавшееся известным рабочим постановление горнозаводского присутствия от 18-го марта, коим без достаточных оснований виновной стороной была признана приисковая администрация.

№ 101.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА ЧЛЕНА ПРАВЛЕНИЯ ЛЕНСКОГО ЗОЛОТОПРОМЫШЛЕННОГО Т-ВА Н. И. БОЯНОВСКОГО [1]).

... Когда дела Ленского товарищества пришли в порядок, государственный банк, признавая ненормальным ведение предприятия товарищества исключительно на банковые средства, стал настойчиво с 1907 года рекомендовать товариществу искать частный кредит. Первоначально все попытки в этом отношении Альфреда Гинцбурга не имели успеха, так как и русские, и заграничные капиталисты не верили в золотопромышленность. Наконец, в 1908 году поиски Гинцбурга увен-

[1]) Истор.-рев. архив. Фонд Ч. С. К. сеп. Манухина, д. 13.
Допрос был снят ревизией Манухина 11—13 мая 1912 года. *Ред.*

чались успехом, и в Лондоне образовано было общество «The Lena Goldfields Ltd», поставившее себе целью финансирование Ленского товарищества. В это общество вошли английские капиталисты и группа русских акционеров товарищества во главе с баронами Гинцбургами. Для получения средств «Lena Goldfields» («Ленские прииски») выпустило шеры, стоимостью в один фунт стерлингов, при чем русские акционеры обменили акции Ленского товарищества, в размере около 75% всего акционерного капитала, на шеры, получив, кажется, за 100 рублей номинала акций товарищества на 80 рублей шеров. Летом 1909 года Ленское товарищество окончательно рассчиталось с государственным банком, без всякого содействия Лена-Гольдфильдс, и, начиная с операции 1909—10 г., получало средства на ведение дела почти исключительно от английского общества и только в редких случаях занимало сравнительно мелкие суммы у торгового дома «Э. М. Мейер и К°». С переходом до 3/4 акций товарищества в собственность общества «Lena Goldfields», последнее приобрело на дела Ленского товарищества преобладающее влияние, так как представитель английского общества в акционерных собраниях товарищества, владея большинством голосов, мог все вопросы разрешать единолично, совершенно не считаясь с русскими акционерами. Само собою разумеется, что и выборы членов правления оказались в полной зависимости от английского общества. Представленные настоящими членами правления, кроме меня, акции в качестве залогов, кажется, даже не принадлежат им, а английскому обществу, и только представленные от моего имени акции составляют собственность государственного банка. Связь между «Ленскими приисками» и Ленским товариществом существует только фактическая, и никаких юридических норм между ними нет. Все вопросы по делам товарищества обычно разрешаются в заседаниях правления без участия представителя «Лена-Гольдфильдс», но Альфред Гинцбург держит правление «Ленских приисков» в курсе всех дел и посылает копии протоколов заседаний правления товарищества. Как в переговорах об учреждении общества «Лена-Гольдфильдс», так и в дальнейших отношениях с ним я лично не принимал никакого участия и даже никогда не видал приезжающих нередко в С.-Петербург пред-

ставителей этого общества. Шеров у меня нет. Необходимо указать, что шеры хотя и не допущены к официальной котировке на С.-Петербургской бирже, тем не менее вместе с русскими акциями сделались излюбленной бумагой для спекуляции, при чем в прошлом году выяснилось, что шеры, имевшие первоначальное обращение только в Лондоне и Париже, в значительном количестве передвинулись в С.-Петербург, почему помимо Лондонского правления в С.-Петербурге учрежден комитет «Лена-Гольдфильдс» в составе В. И. Тимирязева, А. И. Путилова и А. И. Вышнеградского. Считаю нужным отметить, что, с моей точки зрения, отношения англичан к ленскому предприятию носят далеко не симпатичный характер. Они представляются мне алчными людьми, думающими лишь о большом доходе, а не о судьбе дела. Не взирая на то, что на Ленском предприятии «Лена-Гольдфильдс» нажило много миллионов—стоимость шеров возрасла с 10 до 40 руб. и доходила, кажется, до 60 руб., держатели акций стараются выжать из дела как можно больше и как можно скорее, благодаря им же за операцию 1909—10 г. выдан несообразно большой дивиденд в 56%. Не взирая на дешевизну капиталов в Лондоне—3%—«Лена-Гольдфильдс» взимает за ссуды Ленскому товариществу от 6 до 6½%. Во время забастовки Альфред Гинцбург послал в правление «Лена-Гольдфильдс» в Лондоне подробное донесение с изложением хода забастовки и принятых правлением мерах к ее ликвидации, и просил сообщить, насколько действия правления являются целесообразными.

№ 102.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА КАНДИДАТА В ДИРЕКТОРЫ ЛЕНСКОГО ЗОЛОТОПРОМ. Т-ВА П. М. САЛАДИЛОВА [1]).

... Когда началась забастовка, то, согласно решению, принятому правлением товарищества, всем рабочим, как не явившимся в течение 3 дней на работу, был об'явлен расчет, а вслед затем было пред'явлено около 300 исков о выселении из казарм рассчитанных рабочих и по 42 искам были выданы исполнительные листы о выселении, которые и были пред-

[1]) Истор.-рев. арх. Фонд Ч. С. К. сен. Манухина, д. 13. Допрос был снят ревизией Манухина 11 мая 1912 года. *Ред.*

ставлены полиции. Однако местные полицейские власти по распоряжению губернатора приостановились с выселением рабочих, хотя товарищество и из'явило согласие, не будучи к тому обязано по договору, принять на свой счет проезд выселенных рабочих до первого населенного пункта, т.-е., кажется, до г. Киренска. Вообще, телеграфные известия, получавшиеся с приисков, производили на меня такое впечатление, что нерешительный образ действий местных властей даже при исполнении самых законных требований товарищества, как это было в вопросе о выселении, создает в рабочих уверенность, что местные власти или считают их правыми, или бессильны что-либо против них предпринять. С прибытием воинской команды положение не улучшилось. 21-го марта, как я сказал выше, состоялось заседание правления с участием кандидатов в директора, ревизионной комиссии, некоторых крупных акционеров (представителей «Лена-Гольдфильдс») и Белозерова, с которым я познакомился всего за несколько дней до этого заседания. На заседании, на котором я открыто высказал свое мнение о невозможности повышения заработной платы и необходимости решительного и энергичного образа действий, было, между прочим, решено послать в Иркутск одного из директоров правления для облегчения сношений правления с местными властями. Первоначально было предложено ехать Бояновскому, но так как оказалось, что ему по служебным обязанностям нельзя уехать из Петербурга, то было решено, что поеду я.

23 марта я виделся с Белозеровым, который в разговоре со мной выразил мнение, что забастовку он не считает серьезной и что требования рабочих вздорны, так как положение рабочих на приисках вполне удовлетворительно...

№ 103.

КОПИИ ТЕЛЕГРАММ, ПОСЛАННЫХ П. М. САЛАДИЛОВЫМ ИЗ ИРКУТСКА В АПРЕЛЕ 1912 года [1]).

№ 1. Срочная. Петербург. Эльзото. 1-го апреля.

Сегодня было семичасовое совещание: губернатор прокуроры палаты, суда, Оранский, Карзаков, Переломов. Согласились послать телеграммы: от меня Теп-

[1]) Истор.-рев. архив. Фонд Ч. С. К. сен. Манухина.

пану с копиями жандармскому офицеру, которому теперь подчинены исправники, и Тульчинскому; от губернатора—жандармскому офицеру. Сообщите, разрешаете ли следующее содержание моей телеграммы Теппану: «По уполномочию правления и по докладе положения дел губернатору предлагаю вам набирать рабочих по новым договорам, при чем правление согласно на следующее: 1) Заработная плата в поисковых партиях, при разведках до отвода площадей и при отводе таковых, также в зимний праздник за полный день работы—полуторная. 2) Бесплатный проезд до Усть-Кута с содержанием рабочим, прослужившим не менее трех лет. 3) Выдача платы ежемесячно, но при условии лишь заключения контрактов на один месяц. 4) Бесплатное освещение казарм в помещениях общего пользования. 5) Сменные работы в шахтах. 6) Сверхурочные работы по добровольному соглашению. 7) Отмена талонов. 8) Оплата времени хода на отдаленные работы, как за работу. 9) Выдача на руки расчетных книжек. 10) Размещение семейных отдельно от холостых. 11) Непринуждение женщин работать, если есть желающие. 12) Назначение на работы по специальностям. 13) Вывешивание табелей в шахтах. 14) Присутствие депутата при выдаче припасов. Также правление согласно на пред'явление исков к нему и привлечение к ответственности администрации за оскорбления. Отвергаются требования забастовщиков об общем увеличении платы, восьмичасовом дне, уплате за забастовку, увольнении рабочих лишь летом и с ведома рабочей комиссии, плате больным, кроме увечных, и увольнении служащих по требованию рабочих. Медицинская помощь, плата за увечья и восьмичасовой день в мокрых забоях производятся и будут производиться согласно закона. На изложенных условиях предложите наем всем старым рабочим, кроме привлеченных к суду. Не из'явивших в течение трех дней желания работать больше не принимайте, заменяйте новыми, иначе ждите навигации. Всем не из'явившим желания работать произведите немедленный расчет, вычтя стоимость продовольствия. Остаток внесите депозит мирового судьи. Вместе с этим прекратите им отпуск припасов и примите меры к выселению». Конец телеграммы Теппану. По получении вашего согласия будет выработана вместе жандармским полковником и двумя прокуро-

рами телеграмма губернатора, в которой, однако, он предпишет принять руководству мою телеграмму, арестовать зачинщиков и выселять не желающих работать.

Саладилов.

№ 2. Срочная. Проверка уплачена. Петербург. Эльзото. Подана 2-го апреля.

Результат вчерашнего совещания нужно понимать так, что согласились послать Бодайбо две телеграммы одновременно, но что власти вовсе не гарантируют полного успеха принятых мер. Будут отдавать распоряжения арестовывать, выселять, охранять, поддерживать порядок; но здесь нет данных для большой уверенности в том, что эти распоряжения, с одной стороны, а предложенные мною уступки, с другой, приведут к мирному улажению вопроса.

Саладилов.

№ 3. Срочная. Проверка уплачена. Петербург. Эльзото. Подана 2-го апреля, в 1 ч. дня.

Последняя телеграмма № 2 уточняет со слов губернатора смысл вчерашних речей. Она должна дать вам понятие, что крупный риск для вас возможен. Сегодня утром губернатор послал приказание арестовать стачечный комитет, семнадцать человек. Он справедливо решил, что его распоряжение должно быть прежде моей телеграммы. Двое дней нужно выждать. Срочьте ваш ответ на первую телеграмму.

Саладилов.

№ 4. Срочная. Бодайбо. Теппану. Подана 31-го марта.

Не откажите срочить Иркутск, «Централь», какие суммы заработной платы за минувшую операцию приблизительно были уплачены рабочим, которые получали до двух рублей, до двух с половиной и сверх этого.

Саладилов.

№ 5. Срочная. Бодайбо. Теппану. Подана 2-го апреля.

Ваш № 57 получил. Срочьте, сколько человек в общей сложности уже приступило к работам. Распоряжение об арестовании подстрекателей сегодня утром сделано.

Саладилов.

№ 6. Срочная. Бодайбо. Теппану. Проверка. Подана 2-го апреля. Копии: помощнику начальника жандармского управления ротмистру Трещенкову, товарищу прокурора Преображенскому, окружному инженеру Тульчинскому.

(Текст телеграммы взят из телеграммы № 1-й).

Саладилов.

№ 7. Срочная. Петербург. Эльзото. Подана 2-го апреля.

Получил ваш № 121. Срочил Теппану; копии: жандармскому офицеру, помощнику прокурора, Александрову, Тульчинскому, губернатору. Затем получил ваш № 123. Не понимаю. Завтра подробно об'ясню.

Саладилов.

№ 8. Срочная. Проверка уплачена. Петербург. Галерная, 61. Барону Гинцбург. Подана 3-го апреля, в 9 ч. утра.

Получил вашу личную телеграмму. Благодарю. Разногласие между нами невозможно. Но я боялся, что Теппан начнет мелочничать. По имеющимся у губернатора сведениям, положение не очень спокойно. Здесь власти имеют некоторое недоверие к Лензото, печать рвет Лензото в клочки; это имеет влияние на власти. При таких условиях чрезвычайно важно прекратить забастовку сразу. Я боюсь, что прежние условия для некоторых рабочих могут быть истолкованы как обман, забастовка тотчас возобновится и власти откажутся помогать. Прошу заключить новое условие со всеми рабочими. Уступки совсем ничтожны.

Саладилов.

№ 9. Срочная. Бодайбо. Теппану.

Имейте виду и твердо внушите рабочим, что прежний договор перестал существовать за силою 42 статьи еще начале марта, когда вы об'явили расчет за неявку. Поэтому нельзя основывать будущих отношений на том, чего нет, а необходимо заключение новых договоров. Порядок приема рабочих путем ли последовательного заключения новых договоров малыми группами, или иначе предоставляется вашему полному усмотрению.

Саладилов.

№ 10. Петербург. Эльзото. Подана 4-го апреля, 12 часов 30 минут дня.

Телеграфировал Теппану следующее (Дальше текст телеграммы № 9). Юридическое последствие признания силы старого договора—плата рабочим за забастовку. Сейчас у меня Переломов и прокурор палаты: оба они означенное признание считают опасным. Это положение для меня непререкаемо, почему я и не понял № 123. Уже семь человек арестовано.

Саладилов.

№ 11. Срочная. Бодайбо. Теппану. Подана 4-го апреля.

(Черновика не сохранилось. Раз'яснение, что деньги по расчету выдавать на руки).

№ 12. Бодайбо. Теппану. Подана 4-го апреля, 4 ч. дня.

Телеграфируйте поденную и задельную плату по всем наименованиям рабочих и работ по контрактам на последнюю операцию. Я насчитал за операцию восьмого—девятого года 118 наименований рабочих, получающих поденную плату, и 102 ставки задельной платы. Не стесняйтесь размером телеграммы. *Саладилов.*

№ 13. Срочная. Петербург. Эльзото. Подана 5-го апреля, в 11 ч. дня.

4-го апреля убитых 107 человек, раненых 83. Рабочие требовали расчета и освобождения арестованных. Аресты производились по требованию департамента полиции. Иркутский губернатор приказал выдавать припасы всем рабочим, не исключая должников. Телеграфируйте Теппану исполнить все распоряжения властей, обеспечив себя письмом. Необходимо возбудить ходатайство о переводе в Бодайбо жандармского пункта из Киренска, усилить воинскую команду, поставить сотню казаков. Воинская команда действовала строго по закону. Прошу подтвердить Теппану производить расчет.

Саладилов.

№ 14. Срочная. Бодайбо. Теппану. Подана 5-го апреля.

Покорнейше прошу вас принять к особенному вниманию телеграмму правления № 143. Телеграфируйте мне, что сделали. Прошу прислать из отчетов за десять лет погодно общие цифры действительно работавших поденщин мужчин, кроме урядников и стражников, и общие суммы уплаченных им в виде заработной платы денег.

Саладилов.

Без номера. Петербург. Эльзото. Подана 5-го апреля.

За № 143 благодарю. Повидимому, в будущем придется многое перестроить, чтобы устранить повторение подобных ужасов.

Саладилов.

№ 15. Срочная. Бодайбо. Теппану. Подана 7-го апреля.

Телеграфируйте мне и начальнику горного управления, в каком положении расчет. Желательно ускорить. Рассчитанным рабочим и тем, которым контора не должна, следует отпускать припасы только за деньги на наличные. Но если власти потребуют производить отпуск припасов без денег, то вы должны исполнить требование власти, обеспечив себя письменным приказанием. В таком случае выдачу без денег отнесите на счет казны. Условьтесь с властями о порядке учета означенных выдач.

Саладилов.

№ 16. Срочная. Бодайбо. Теппану. Подана 6-го апреля.

(Черновика не сохранилось. Запрос о числе убитых, умерших от ран и оставшихся в живых раненых).

№ 17. Петербург. Эльзото. Подана 7-го апреля.

(Копия с телеграммы № 15).

№ 18. Петербург. Эльзото. Подана 7-го апреля.

Последние телеграммы Теппана: Убито 107, умерло от ран 74, раненых 209, из которых амбулаторных 81. Сегодня назначено погребение части убитых. Приготовление могил замедляется верхнею водою. Конец телеграмм Теппана. Нужно выждать, будет ли начало работ после понедельника.

Саладилов.

№ 19. Срочная. Бодайбо. Теппану. Подана 8-го апреля, 9 час. утра.

Поспешите с высылкой сведений о заработной плате, затребованных в телеграмме 12 и 14. Их требует губернатор.

Саладилов.

№ 20. Срочная. Проверка уплачена. Бодайбо. Теппану. Подана ...... апреля.

Донесения о событии 4-го апреля неполны, недостаточны. Ходят тревожные слухи. Вполне доверяя только вам, убедительно прошу изложить дело откровенно, не упуская малейшей подробности. Если вы не были очевидцем, прошу спросить служащих, кому можно верить. Прошу сообщить о ходе с самого утра: что требовала толпа, как двигалась, какое настроение, кто из властей вел переговоры, в чем состояли, для чего поставили воинскую команду, какое ее настроение, что было раньше выстрелов, как велась стрельба, что делала в то самое время толпа, не была ли вооружена и как, как наступала, как отступала. Текст телеграммы и ответ на мою телеграмму держите в строгом секрете.

Саладилов

№ 21. Срочная. Петербург. Эльзото. Подана 8-го апреля, 9 ч. вечера.

Завтра будет запрос Думе. *Саладилов.*

№ 22. Срочная. Бодайбо. Теппану. Подана 11-го апреля, в 5 ч. 30 м. д.

Сейчас получено сообщение от министра торговли и промышленности о том, что пред'явление исков о выселении продолжается. Полагая, что это следует отнести к рабочим, с которыми расчет окончен, убедительно прошу до открытия навигации держать их казармах. Во всяком случае безусловно велите прекратить все зависящие от вас решительные меры.

Саладилов.

№ 23. Петербург. Эльзото. Подана 11-го апреля, в 5 ч. 30 м. дня.

Ваш № 181 исполнен. *Саладилов.*

№ 24. Срочная. Бодайбо. Теппану. Подана 12-го апреля.

Подтверждаю следующие прежние и новые распоряжения: 1) Из казарм до навигации никого не выселяйте. 2) Из рабочих, еще не приступивших к работам, принимайте вновь по вашему усмотрению, не стесняясь сроком. 3) Кому контора не должна из еще не получивших расчета, а также всем, получившим расчет, отпускайте припасы только за наличные деньги. 4) В долг отпускайте припасы, если будет письменное распоряжение властей, ставя стоимость на счет казны. 5) Пора уже начинать наем, ибо для доставки рабочих потребуется около двух месяцев. Благоволите телеграфировать, сколько надо рабочих сверх тех, которые, по вашему мнению, несомненно возобновят работы.

Саладилов.

№ 25. Срочная. Петербург. Эльзото. Подана 12-го апреля.

На запрос Теппана я телеграфировал (затем первое и второе из № 24). Сверх сего подтвердил (затем третье, четвертое и пятое из № 24). Конец телеграммы: Я сомневаюсь, чтобы можно было рассчитывать на сколько-нибудь значительное число нынешних рабочих, даже на наем в Иркутске. Я слышал, что отказываются итти к сплавщикам. Нужно нанять в России. Позвольте высказать еще одно мнение; если вы после запроса в понедельник прибавите заработную плату, то повредите и делу, и себе.

Саладилов.

№ 26. Срочная. Петербург. Эльзото. Подана 12-го апреля.

В «Русском Слове» появилось сообщение из Петербурга, будто бы я сообщаю, что губернские власти действуют теперь в полном согласии с приисковой администрацией. Благоволите послать в какие следует газеты краткое письмо, что этого не было.

Саладилов.

№ 27. Срочная. Петербург. Эльзото. Подана 13-го апреля, в 7 ч. 30 м. утра.

Мой номер 26 прошу не исполнять.

Саладилов.

№ 28. Срочная. Петербург. Эльзото. Подана 13-го апреля, 7 ч. 40 м. утра.

Генерал-губернатор приедет между 17 и 25 апреля. Я дождусь его, так как должен дать отчет в своих действиях. Вероятно, он выедет на прииски первым пароходом. По моему мнению, поездка на прииски барона Гинцбурга тем же пароходом безусловно обязательна. Сверх сего признаю крайне полезным, чтобы барон Гинцбург приехал в Иркутск теперь же, по возможности раньше генерал-губернатора, для представления об'яснений вместе со мною. Телеграфируйте ответ немедленно. *Саладилов.*

№ 29. Петербург. Эльзото. Подана 14-го апреля, в 11 ч. утра.

Теппан подтверждает мои сомнения относительно рабочих. Он телеграфирует: Сообщить число рабочих, которые приступят к работам, невозможно. Настроение рабочих очень часто меняется. Для пользы дела сейчас же необходимо заменить рабочих новыми. Для определения числа рабочих необходимо знать, все ли прииски предполагается летом разрабатывать, или некоторые. Конец. Здесь моя роль уже кончена. Пора уезжать, но губернатор находит, что необходимо дождаться генерал-губернатора. Телеграфируйте ваше мнение. Попутно собрал ценный материал по железной дороге. Нахожу, что от направления Тулун—Усть-Кут следует отказаться.

Саладилов.

№ 30. Срочная. Бодайбо. Теппану. Подана 15-го апреля.

Срочьте совершенно определенно, сколько состояло на 15 апреля рабочих: 1) Постоянных, с которыми договор не прерывался. 2) Бастовавших, но заключивших новый договор. 3) Бастовавших, но к 15-го апреля приступивших к работам впредь до заключения договора. 4) Бастовавших, но 14-го апреля бывших на поденной работе. 5) Новых, заключивших договор. 6) Новых, бывших 14-го апреля на поденной работе. Согласно вашей телеграммы № 22 сумма этих цифр равняется 2.347. Оговорите особо, сколько из них нарядчиков. Сверх сего телеграфируйте, сколько человек получили расчет до сего времени. *Саладилсв.*

№ 31. Бодайбо. Теппану. Подана 16-го апреля.

Благоволите исполнить телеграмму правления Ленского золотопромышленного товарищества № 126.

Саладилов.

№ 32. Бодайбо. Теппану. Подана 16-го апреля.

Я ошибся. В вашей телеграмме № 22 показано всех рабочих 1.761, из них поденных 586. Прошу извинить. Отвечайте № 30. Эти сведения необходимы губернатору.

Саладилов.

№ 33. Срочная. Петербург. Эльзото. Подана 16-го апреля, 9 ч. 30 м. утра.

Могу ответить на ваше предложение только после личного доклада. В среду выезжаю на Москву. Успею вернуться до парохода. На всякий случай прошу подготовить мне у министра торговли и промышленности беспрепятственный отпуск.

Саладилов.

№ 34. Бодайбо. Теппану.

Не получая ответа на № 30, думаю, что вы считаете ответом телеграммы, подобные 109. Ошибаетесь. Требуется разделение рабочих на категории не по специальностям, по юридическим отношениям к хозяину, то-есть требуется показать контрактные рабочие или поденные; в обоих случаях старые или новые; из контрактных старых продолжающие договор или возобновившие его; из поденных старых просто поденные или поденные, но выразившие желание заключить договор. Среду вечером уезжаю, почему прошу ускорить ответ.

Саладилов.

Последняя телеграмма из Иркутска. Бодайбо. Теппану. Подана Карзаковым 18-го апреля.

Сегодня уезжаю. Сведения вашей телеграммы № 114 продолжайте непосредственно доносить губернатору. Карзакову даны соответственные инструкции. Согласуйте свои действия с ним по тем вопросам, которым он вам телеграфирует.

Саладилов.

Письмо иркутскому губернатору.

Ваше превосходительство, м. г. Федор Александрович.

По уполномочию правления Ленского золотопромышленного товарищества имею честь доложить вашему превосходительству, что если для поддержания порядка на Ленских приисках будет признано необходимым послать туда какие-либо воинские части, то как подводы для следования сих частей до одной из ленских пристаней, так и судовые средства от места посадки на суда до г. Бодайбо будут предоставлены за счет Ленского товарищества. Равным образом будут приготовлены в месте расположения приисков необходимые помещения для расквартирования означенных войск.

К сему имею честь доложить вашему превосходительству, что, уезжая сего числа в Петербург, я уполномочил для сношений по делам Ленского товарищества с подлежащими властями в Иркутске П. С. Карзакова и на приисках инженера Теппана, а также для содействия, если таковое потребуется со стороны Ленского товарищества, к осуществлению мероприятий правительственных властей в деле восстановления порядка на приисках.

Поэтому покорнейше прошу ваше превосходительство в случаях, где это будет признано необходимым, не отказать означенным лицам давать соответствующие указания и распоряжения.

Прошу ваше превосходительство принять уверение в глубоком уважении и искренней преданности вашего, милостивый государь, покорнейшего слуги

П. Саладилов.

18 апреля 1912 г. Иркутск.

№ 104.

ТЕЛЕГРАММЫ ТЕППАНА К ЭЛЬЗОТО.

Ленскому золотопромышленному товариществу 4-го марта 1912 г. 3 часа дня.

3-го марта мне представлено постановление общего собрания бастующих. Требования заключаются:

1) Уплата за дни забастовки.

2) Бесплатное освещение помещений рабочих.

3) Увольнение рабочих допускается лишь летом. Проезд до Житалова бесплатный.

4) Восьмичасовой рабочий день.

5) В праздники зимою и летом работы от 6 до 1 часу, плата за полтора дня.

6) Увеличение платы всем рабочим на 30%.

7) За командировки плата полуторная.

8) Уплата денег ежемесячно полностью.

9) Плата всем больным по вине Ленского золотопромышленного товарищества поденная, прочим половинная.

10) Увольнение рабочих с ведома рабочей комиссии.

11) Назначить в расчет служащих нарядчиков: Синцова, Горелова, Феоктистова, Баженова, Кобылянского, Иовлева, Некужарова, Костина, Казакова, братьев Кузнецовых, Шебеко, инженера Савельева, Анельгольма, Токарева, Коморникова, Пестякова, Демут, Танугинаса, Брамирского, Крыжановича, Русакова Павла, кассира Казакова, Барнина, Макарова, Коршунова.

Сообщаю главный вопрос—плата. Прочие требования несущественны. Рабочие требуют окончательный ответ Эльзото в течение двух суток. Жду ответа. *Теппан.*

—

Копия срочной телеграммы главноуправляющему И. Н. Белозерову 4-го марта 1912 г., в 4 часа ночи.

Вопреки моему согласию, разрешенное исправником, окружным инженером собрание в отсутствии полиции под руководством главных зачинщиков забастовщиков послужило рабочим доказательством бессилия полиции. Теперь не стесняясь снимают с самых незначительных работ, которые упустили из виду оградить. Полиция это время предусмотрительно отсутствовала. Этим путем сняли рабочих Прокопьевского, Васильевского. Неоднократно просил исправника оградить хотя бы рабочих Власова, где хорошо работают. На этих основаниях забастовка затянется. Может привести к разным осложнениям. Бодайбинская команда выделила тридцать человек; это очень мало. Водоотливы работают. Если затянется, придется страховать в виду экономии дров. Движением, по слухам, руководит заведующий шестою станциею.

Теппан.

№ 105.

СРОЧНАЯ ТЕЛЕГРАММА ПРАВЛЕНИЯ ЛЕНСКОГО Т-ВА, ПЕРЕДАННАЯ ТЕЛЕФОНОМ ТЕППАНУ В БОДАЙБО [1]).

Если во вторник, шестого марта, рабочие не станут на работы, учините немедленно всем полный расчет, прекратите все работы, остановите водоотливы. Об этом об'явите немедленно всем приискам, вывесив везде об'явления, уведомив через полицию. Примите немедленно меры подготовке остановки водоотливочных средств. Завтра переведем указанную вашей телеграмме сумму для производства полного расчета рабочих.

4 марта 1912 г. *Правление Ленского товарищества.*

№ 106.

ТЕЛЕГРАММЫ, ПОСЛАННЫЕ ПРАВЛЕНИЕМ ЛЕНСКОГО ЗОЛОТОПРОМЫШЛЕННОГО ТОВАРИЩЕСТВА [2]).

Теппану. Бодайбо. 4-го марта.

Ответ на № 376. Сговорившись Белозеровым, решили согласиться осветить середину казарм и проходы за счет дела. Никого из забастовавших не рассчитать не только до лета, но и до срока контракта, если станут на работу вторник и будут дальше вести себя спокойно и исполнять все пункты договора. Остальные требования отклоняем. Если команда не примет этих условий, не станет на работу вторник, то произведите полный расчет, прекратите водоотливы.

Правление Ленского товарищества.

Теппану. Бодайбо. Срочная. 4-го марта, 12 ч.

Немедленно произведите расчет заведывающему шестою станциею, по подозрению вашему, руководителю забастовки. Просите официально исправника выслать немедленно из тайги и таким образом поступите всеми зачинщиками забастовки. *Эльзото.*

Теппану. Бодайбо. 7-го марта, 4 ч. дня.

Министр торговли и ген.-губернатор телеграфируют в Иркутск о немедленной посылке войск за счет Эльзото. Ждем

[1]) Истор.-рев. архив. Фонд Ч. С. К. сен. Манухина, д. 13.
[2]) Там же, д. 39.

ответа на нашу телеграмму 6 марта относительно остановки водоотлива.

Эльзото.

Ленскому золотопромышленному товариществу. 8-го марта 1912 г., 6 час. 20 м. ночи.

Забастовка продолжается, за расчетом никто не является, полная беззащитность золотопромышленных машин, магазинов, лавок; вынуждены производить выдачу припасов; насосы паровые, возможно, успеем остановить, кроме Утесистого, Васильевского; на полную остановку нет согласия рабочих; грозят лишить служащих водовозов, дрововозов, прислуги. Мнению горного исправника, окружного инженера, удалить из тайги зачинщиков забастовки невозможно в виду возможности беспорядков. Вновь сообщаю вам: для охраны имущества, добытых песков необходимо увеличить местную команду, ожидать всего можно. Скоро наступает распутица.

Теппан.

Ленскому золотопромышленному товариществу. 21-го марта 1912 г., 5 ч. дня.

Сообщаю сведения копию посланной 20 марта телеграммы иркутскому губернатору, начальнику горного управления. С начала забастовочного движения бастующие проявили целый ряд насилий мелких и крупных, каковы: обыск полицейских домов, остановка целью обыска пассажирских поездов, а насильственное удаление с работ небастующих продолжается до сего времени. Почему-то исправники и окружной инженер все же считают, что забастовка идет мирно. Начале исправник ссылался на неимение сил, ныне приисках имеется бодайбинская и киренская команды, но ничего не делается. Постановления следователя об аресте не приводятся в исполнение, наши исполнительные листы выдворении бывших рабочих из казарм тоже не приводятся в исполнение. Приговоры мирового судьи толпою не признаются. Считаю необходимым доложить вашему превосходительству, очистка казарм от бастующих требуется немедленная, необходимо в них поместить вновь нанятых рабочих; если не теперь успеть провести ледяные канавы и водопроводные сплотки, весною все будет разрушено, убытки будут громадны, и вина всецело упадет на

бездействие властей и казну. Прошу ваше превосходительство дать необходимые указания, повидимому, растерявшимся окружному инженеру и горному исправнику. № 37.

Теппан.

Ленскому золотопромышленному товариществу. 21-го марта 1912 г., 7 ч. 40 м. дня.

21 марта, вечером, на приисках без перемен. Окружной инженер и горный исправник составили сегодня постановление, которым обязали Ленское золотопромышленное товарищество выдавать по случаю пасхи на семь дней припасов бывшим рабочим—должникам. Постановление, как незаконное, мною обжаловано. Считаю, таким постановлением окружной инженер и горный исправник дали рабочим вновь повод продолжению забастовки. Вообще несостоятельность гражданских властей обнаружилась при приведении в исполнение постановлений мирового судьи. Распоряжения окружного инженера о питании должников окончательно погубили вопрос о ликвидации забастовки. № 39.

Теппан.

Из Бодайбо. Эльзото. 22 марта, в 8 ч. ночи.

22 марта, утром, на приисках без перемен. Телеграмма 14 марта без номера. Сообщаю, что иски о выдворении пред'явлены. В настоящее время пред'явлено свыше 400. Охрана Феодосиевского постепенно усиливается; попадаются хищники, пока в выработанных шахтах. Способ опрашивания не дал благоприятного результата, тем более, что горный исправник без исполнительных листов выслать отказался. При найме рабочих встретили затруднение в помещении вновь нанятых. Безусловно необходимо поместить их отдельно от бастующих. Если освобождение казарм не будет произведено горным исправником, придется наем прекратить. № 40.

Теппан.

Ленскому золотопромышленному товариществу. 27-го марта 1912 г., 9 час. 20 м. ночи.

26 марта состоялось совещание, созванное окружным инженером, без участия представителя Ленского товарищества.

Вечером был приглашен мировому судье, где происходило совещание. Тульчинский сообщил о гибельных последствиях, по мнению его, для рабочих; вследствие забастовки много потеряли; согласны приступить к работам условии уплаты за 2 месяца; в противном случае Тульчинский выдаст всем рабочим удостоверения о нарушении Ленским товариществом договора; тогда Ленское товарищество по постановлению мирового судьи уплатит за 2 месяца; выдача удостоверения незаконна; решение о нарушении договора — дело гражданского суда; удостоверение окажет влияние на мирового судью. Протокол заседания мне не был представлен, содержание его неизвестно; договор с нашей стороны не нарушен. По получении протокола заседания обжалую. № 46.

Теппан.

Телеграмма из Бодайбо в С.-Петербург 30-го марта, в 7 час. 32 мин. ночи.

30 марта, утром, без перемен. Окружный инженер отказался от первоначального своего решения выдавать рабочим удостоверение о нарушении условия о найме с нашей стороны. При личном свидании 29 марта заявил мне, что о нарушении условия не может быть и разговора. Проведению весенних канав приступили под охраною полиции. Завтра начинаем на Феодосиевском и Александро-Невском плотничные работы. № 51.

Теппан.

№ 107.

ТЕЛЕГРАММА ТЕППАНА ЛЕНЗОТО ОТ 23-го АПРЕЛЯ [1]),

22 апреля без перемен. Сообщаю, что началось производство Тульчинским расследования путем вызова рабочих для опроса претензий. Среди рабочих появились подстрекатели, убеждающие рабочих, приступивших к работам, вновь прекратить. Вчера полиции удалось задержать одного зачинщика в казармах небастующих рабочих. На приисках вновь распустили слух, что Тульчинским виновность Ленского товарищества установлена, и что поэтому все бастующие получат плату за два месяца; на этой почве возможно ожидать остановку работ.

Теппан.

[1]) Истор.-рев. архив. Фонд. горн. деп., д. 39.

№ 108.

ТЕЛЕГРАММА ГИНЦБУРГА И САЛАДИЛОВА ЭЛЬЗОТО ОТ 5-го ИЮЛЯ [1]).

Просим немедленно принести жалобу министру внутренних дел на незаконные действия иркутского губернатора, могущие повести за собою опасное осложнение с рабочими. Еще 25-го апреля приехал на прииски чиновник особых поручений губернатора Майш с поручением непременно доказать виновность Лензото. По его докладу губернатор сделал всевозможные распоряжения, доходившие даже до запрещения промысловому управлению ежегодной весенней уборки нечистот. Майш составил массу протоколов, не сообщенных им промысловому управлению, ставя последнему в вину малейший ремонт, какой производится на приисках; ежедневно, при разговорах его с рабочими, служащие Лензото устранялись. Из рабочих отдавалось явное предпочтение бастующим перед небастующими. То же при обходе казарм. При осмотре шахт и машин, где присутствие служащих неизбежно, от последних не принималось никаких об'яснений. Все это внушало рабочим мысль, что всякие их требования будут удовлетворены. Губернатор по приезде действовал еще более агитационно,— образцом может служить следующий случай: стражник давал свидетельское показание, не подтверждавшее вины Ленского товарищества; губернатор строго внушил стражнику, что Ленское товарищество притесняет рабочих, и что все показания должны это подтверждать. Кроме того, губернатор позволял себе неоднократно вмешиваться в хозяйственные дела управления, а в случае отказа в исполнении его несообразных требований, грозил высылкою инженера Ленского товарищества. Он сказал главноуправляющему: «Знайте, что сенатор уедет, а я останусь». Когда опыт сенатора с постановкой рабочих на работу не удался, то губернатор начал пред'являть к Ленскому товариществу в пользу от'езжающих бастующих одно за другим требования, не вытекающие из закона и не имевшиеся в виду самими рабочими, нам же обещал, в случае исполнения требований, вызвать казаков из Усть-Кута для поддержания порядка, иначе грозил бездействием власти. Получив наши обещания, он посылал Майша об'являть рабо-

[1]) Истор.-рев. архив. Фонд Ч. С. К., д. 4, т. 4.

чим, что будет сделано для них при от'езде, чтобы узнать, будут ли они этим удовлетворены. Результатом немедленно явились новые требования. Все требования губернатора получили удовлетворение. Кроме вывоза бастующих до Жигалова с продовольствием, каждому из них выдается по десяти рублей на дальнейшую дорогу, уплачиваются кормовые деньги с 28 июня до дня выезда, возвращена удержанная при расчете стоимость продовольствия за время забастовки с 21 марта по день расчета, после которого, по предписанию губернатора, производилось принудительное кормление, удовлетворены путевым довольствием и кормовыми жены даже таких рабочих, которые нанимались, как холостые, приобретен от рабочих их якобы собственный инструмент, часто сдававшийся с клеймом Лензото, приобретено их кожаное платье, удовлетворены продовольствием с 7 июня и кормовыми не бывшие на работе выборные рабочих, все мелкие претензии улаживаются по возможности в пользу рабочих. Все это в совокупности обошлось товариществу около 200.000 р. и должно рассматриваться вместе с израсходованными на принудительное кормление, как награда за забастовку. Возврат стоимости продовольствия исполнен нами вследствие категорического письменного приказания губернатора, сопровождавшегося угрозой насильственных действий. Несмотря на все, губернатор продолжает пред'являть новые мелкие требования, также из закона не вытекающие и грозящие обострить отношения между не уехавшими еще бастующими и Ленским товариществом. Третьего дня отправилась на Бодайбо первая партия в тысячу человек, от'езд совершился мирно, рабочие наперерыв записываются в ближайшую очередь, спеша на полевые работы, но губернатор и здесь задержал отправку парохода на 24 часа. Каждый день промедления озлобляет рабочих и причиняет убыток Ленскому товариществу, не позволяя производить новый наем. В заключение позволяем себе указать на недопустимую угрозу губернатора, который при официальном докладе сказал нашему поверенному, что последствия для Ленского товарищества ревизии сенатора будут зависеть нашей уступчивости. Завтра уезжает сенатор, наше положение может оказаться критическим.

Альфред Гинцбург, Саладилов.

V.

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ЛЕНСКИХ СОБЫТИИ И ЭВАКУАЦИЯ РАБОЧИХ.

№ 109.

СОВЕЩАНИЕ ВЫБОРНЫХ РАБОЧИХ С УПРАВЛЯЮЩИМ ПРИИСКАМИ БЕЛОЗЕРОВЫМ 1-го ИЮНЯ [1]).

Его высокородию г. чиновнику особых поручений генерал-губернатора, командированному на Ленские прииска. Доклад о состоявшемся 1 июня совещании выборных от рабочих с г. Белозеровым о раз'яснении некоторых пунктов договора найма и расценки и о полученных результатах.

Об'яснение происходило на Надеждинском прииске у крыльца квартиры Белозерова стоя. Господин Белозеров встретил следующими словами: «Вы просили, чтобы я вам пояснил кое-какие неясности». На просьбу нашу, чтобы присутствовали наши и ваши защитники, то он ответил, я как с законами не знаком, а они как законники, то могут переговорить с нашим защитником отдельно, затем пояснил,—не лучше ли стать на работы потому, что вы будете пред'являть 2-месячные иски, а мы будем пред'являть встречные за квартиру и дрова.

1) На вопрос, будут ли приняты все рабочие на работы, ответил, что вам был назначен крайний срок, но рабочие на работу не вышли. Тогда ему пояснили, что рабочие не вышли по причине следующего; что они были незнакомы с новым договором найма, также непонятны некоторые графы по таксе расценок, договор найма рабочих был вручен вечером 28 мая. На собрании рабочих, состоявшемся 29-го мая, постановили просить личного об'яснения главноуправляющего приисков, после чего господин Белозеров ответил, что все рабочие приня-

[1]) Истор.-рев. архив. Ч. С. К., д. 25.

ты быть не могут, в виду того, что не хватит помещений, а также Васильевский, Утесистый, а может быть, и Андреевский работаться не будут, а также есть вновь поступившие рабочие, которым тоже отказать нельзя. Когда же его спросили: как же наши семьи, которые приехавши и жившие с нами, то он ответил: «Вы бы их навезли 300 или 400, а куда я их дену?»

2) На заданный вопрос по пункту 6-му, что управление товарищества дает рабочим безвозмездно помещение в казармах с освещением общего пользования, как это понять?—ответил: будет дана одна лампочка у коридора, а другая посреди казармы. Когда сказали, что для каждого рабочего должно быть освещение, он ответил, что этого нельзя: вы будете играть в карты ночью, и невозможно, чтобы товарищество вам освещало.

3) Сколько часов будет рабочих в новом договоре найма? Он ответил, что 10, а ночные смены тоже 10 часов. Как же понимать в таксе расценок, что кочегары, машинисты, вахтовые и проч. за 10 час. и 2 час. сверхурочных оплачиваются от и до? Он ответил, что это как за 12-часовую смену одно и то же, но здесь он сделал оговорку, что кочегарам можно прибавить 10 коп.

4) Вопрос: Как будет уплачиваться время ходьбы? Ответ: Время ходьбы будет приписываться только один час, а время, проведенное в пути и на раскомандировке, считаться не будет.

5) За чей счет будет депутат? Ответ: За счет самих рабочих, а если нежелательно платить, то пускай он помогает работать на кухне.

6) Желательно рабочим, чтобы за квас не вычиталось с неработающих женщин, так как положенной ¼ ведра хватит. Тогда господин Белозеров спросил начальника 11 дистанции: Как это сделать? Можно ли выдавать квас по квиткам? Ответил,—что можно.

7) Вопрос: почему не внесено в договор найма о непромокаемой одежде,—кожаны, шаровары, шляпы и сапоги для работающих в мокрых работах? Ответ: Это нельзя, так как иногда ее и не хватает для всех, но я вас не принуждаю: можете и не наниматься.

8) На вопрос почему в таксе указан дневной обязательный урок на каждого человека в сухих работах при откатке не далее 40 пог. саж. нам полагается 4 куб. арш. с креплением,

который часто по условию, по независящим причинам от рабочих, выполним быть не может? Ответил,—потому, что это раньше так было, и что рабочие раньше не бросали работу.

9) Вопрос: А если не будет поденно выработка, что должно быть? Ответ: что ничего не будет, и будут работать до свистка. Вопрос: Что эта работа отрядная, так что четвертый аршин выработки не должен быть обязательный? Ответ: Но все-таки он изменен быть не может. Да, опять говорю, если для вас это не подходяще,—можете не наниматься.

10) Вопрос: Как понимать плату при неудобном напластовании по усмотрению администрации от 1 р. 65 к. до 1 р. 75 к.? Ответ: что это можно изменить,—просто 1 р. 75 к.

11) Вопрос: Что нет возможности существовать на 1 р. 45 к.? Ответ: Если не желаете работать,—не работайте, у меня голодного народа сколько угодно.

12) Вопрос: Как же с командировкой в поисковых партиях, где нет жилищ, и мы должны после перехода строить себе помещения сами? Ответил, что это будет проводиться поденной платой.

13) Почему в новом договоре найма, в пункте 14-м, не упомянуты подростки, которые по требованию управления и по их согласию могли быть приняты на подходящую для них работу? Ответ: Да потому, что они для дела невыгодны, и с ними лишь только одна возня. Вопрос: Мы видим невыгоду для товарищества, что для них законом предусмотрено 8-час. раб. день, то остальное время можно проводить сверхурочно? Ответ: Ну, все-таки это дело наше, можем их брать, можем и не брать.

14) Вопрос: Может ли быть продлен срок найма договора далее 1-го сентября, потому что рабочим желательно выезжать летом, а не осенью? Ответил, что быть не может.

Выборные всех приисков в количестве 21-го человека.

№ 110.

ЗАЯВЛЕНИЕ РАБОЧИХ О ВРЕМЕННОМ ИХ ВЫХОДЕ НА РАБОТУ [1]).

Надпись: Вручено выборным от рабочих Иннокентьевского прииска Павлом Христолюбовым, прибывшим с прииска утром 7-го июня 1912 года. (Подпись).

[1]) Истор.-рев. архив. Фонд Ч. С. К., д. 14.

Е. в. пр. г. тайному советнику, сенатору Манухину.

Рабочих Иннокентьевского прииска.

Идя навстречу приглашения вашего высокопревосходительства и стремясь выяснить правду на Ленских приисках, собрание рабочих Иннокентьевского прииска решило, что все рабочие, не отказываясь от своих требований, встают на работу временно по таксе, предложенной управлением Лензото, не подписывая договора до рассмотрения спорных вопросов вашим высокопревосходительством. Имеем честь просить ваше высокопревосходительство о скорейшем созыве комиссии с участием представителей рабочих для выработки нового договора и расценки.

5-го июня 1912 г. *Рабочие Иннокентьевского прииска.*

№ 111.

СПИСОК ВЫБОРНЫХ РАБОЧИХ, ВЫЗВАННЫХ НА СОВЕЩАНИЕ 20-го ИЮНЯ 1912 г. ДЛЯ ВЫРАБОТКИ ПРОЕКТА НОВОГО ДОГОВОРА [1]).

ФАМИЛИИ.	ПРИИСК.	№ казармы.
Шаблов, Савелий Васильев.	Александровский.	52
Носов, Евгений Гаврилов.	»	5
Пинаев, Иван Дмитриев.	Прокопьевского управ. Пророко-Ильинск. пр.	21
Трифонов, Иван Иванов.	Андреевского упр. Утесистого пр.	5
Горшечников, Сергей Константинов.	Андреевского упр. Васильевского пр.	4
Петухов, Андрей Гаврилов.	Феодосиевский пр.	7
Подзахотников, Петр Иванов.	Феодосиевского упр. Надеждинский пр.	1
Головизин, Александр Семенов.	Ивановский пр. того же упр.	5

[1]) Истор.-рев. архив. Фонд Ч. С. К., д. 25.

№ 112.

ЗАЯВЛЕНИЕ РАБОЧИХ СВЕТЛОГО ПРИИСКА 3 ДИСТАНЦИИ ЛЕНСКОГО ЗОЛОТОПРОМЫШЛЕННОГО Т-ВА.

Имеем честь покорнейше заявить вашему высокопревосходительству следующее: у нас на Светлом прииске в настоящее время происходит произвол как со стороны администрации Ленского товарищества, так и полиции. Нас, бастовавших рабочих, не ставят на работу на пески, а все время держат на вскрытии торфов, а на песках работают вновь нанятые рабочие. На нашу просьбу установить очередную сменяемость управление умалчивает и продолжает держать нас на торфах и по настоящее время. Кроме того, управление начало подразделять на 2 категории; к 1-й принадлежат безвредные управлению, эти пользуются кое-какими льготами, ко 2-й—вредные, управление коих признает опасными в виду того, что они жаловались окружному инженеру; так, нас рабочих управление держит на работах в водяных канавах и без смены по нескольку дней, на все это нам жаловаться некому, так как наш прииск отстоит от окружного инженера на 70 верст. Мы несколько раз обращались к уряднику, который нас прогоняет, на нашу просьбу составить протокол о незаконном действии управления урядник ответил: я вам составлю не протокол, а обвинительный акт на вас.

В виду этого мы не решаемся просить полицию составить протокол относительно тухлого мяса, которое управление скрывает по случаю приезда начальства в орте (шахте),—в количестве около 500 пудов находится и по настоящее время. А потому имеем честь покорнейше просить ваше высокопревосходительство оградить нас, рабочих Светлого прииска, от произвола. А также расследовать и уничтожить тухлое мясо, которое управление, вероятно, бережет рабочим после от'езда вашего высокопревосходительства.

Выборные от Светлого прииска рабочие:

За неграмотных Егора Федорова и Феодора Олькова расписался по их личной просьбе *Д. Белоусов.*

25-го июня 1912 г.

№ 113.

ЗАЯВЛЕНИЕ РАБОЧИХ ФЕОДОСИЕВСКОГО ПРИИСКА СЕНАТОРУ МАНУХИНУ ОТ 27-го ИЮНЯ.

Его высокопревосходительству члену Государственного Совета сенатору Манухину от рабочих Феодосиевского прииска Л. зол. т-ва.

На собрании рабочих Феодосиевского прииска 27 июня при обсуждении суточного договора расценки работ рабочие нашли, что он лучше старого, но не последовало тех существенных изменений, которые так дороги для нас, рабочих, так как порядок не изменился. Администрация приисковая та же, и крепкий Белозеровский режим не изменился и в присутствии ревизии. Виновность ленцев не установлена, и на них не наложена обязанность штрафа за все наши мучения и за все нарушения прежнего договора. Сенаторская ревизия до сих пор не восстановила правды и не привлекла виновных 4-го апреля, а наши выборные невинно сидят в тюрьме, и, одним словом, не выяснена правда. При всех этих обстоятельствах рабочие считают подписать договор невозможным и остаться у ленцев в тайге невозможным при таких порядках, какие существуют в настоящее время. По окончании прений и при закрытой баллотировке (голосовавших 2.005 человек) 1.998 чел. против 7 не приняли этих условий и к работе не приступают и желают вывоза в жилые места и в другие места, где они могут найти себе новые работы.

№ 114.

ТЕЛЕГРАММА ИНЖ. ТУЛЬЧИНСКОГО ДИРЕКТОРУ ГОРНОГО ДЕПАРТАМЕНТА ОТ 27-го ИЮНЯ [1]).

Встав 7 июня временно по предложению сенатора Манухина на работы впредь до выработки новых условий договора и расценок, рабочие Лензото Феодосиевского, Александровского приисков сегодня, после обсуждения нового договора, расценок, постановили прекратить работы, получить расчет, выехать на родину, находя невозможным оставаться приисках Лензото при прежнем составе приисковой администрации.

27 июня, 11 вечера, № 1092.

Тульчинский.

[1]) Истор.-рев. архив. Фонд. горн. деп., д. 42.

№ 115.

ТЕЛЕГРАММА ЛОБУНЧЕНКО ИРК. ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРУ ОТ 28-го ИЮНЯ [1]).

Сегодня феодосиевцы с утра, александровцы с обеда не вышли на работы. Приисках состоялись собрания, решено прекратить работы, немедленно требовать расчет, просить скорейшей отправки родину. Мотивы: неприемлемость контракта, неудовлетворяющая расценка, неуверенность выполнении будущем Лензото данных обязательств. Порядок пока не нарушается.

Лобученко.

№ 116.

ТЕЛЕГРАММА СЕНАТОРА МАНУХИНА МИНИСТРУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ОТ 2-го ИЮЛЯ [2]).

Вопреки продолжительного упорства Лензото мне удалось составить проекты удовлетворительного, мнению моему, договора найма, согласованных ним правил распорядка и новых расценок, несколько повышенных, сравнительно предположенных Лензото восемнадцатого мая. 26-го июня проекты договоров и расценок переданы рабочим предварительное обсуждение. После новых четырехдневных препирательств уже участием губернатора вопросам полицейским сегодня вывешены об'явления Лензото: 1) предложение рабочим вступить новый договор расценками по сентябрь тринадцатого года, с погасительною надписью обеих сторон прежнем договоре; 2) нежелающим принять договор—проезд продовольствием Жигалово, путевых десять рублей и суточные по день посадки суда; 3) возврат стоимости продовольствия, удержанного по 4-е апреля, вопреки распоряжению губернатора 21-го марта. Настроение рабочих трудно установить точности, имеются признаки колебаний, большинство, повидимому, признавая новые условия вполне приемлемыми, однако, указывая неизменение состава служащих, неуверенность перемене угнетающего режима, высказываются пока против возобновления договорных отношений. № 101. 12 час. 30 м. ночи.

Манухин.

[1]) Истор.-рев. архив. Фонд канц. ирк. ген.-губ., д. 3, т. 3.
[2]) Истор.-рев. архив. Фонд д-та пол., д. 23, ч. 2, т. 4.

№ 117.

ТЕЛЕГРАММА ГЕН.-ГУБ. КНЯЗЕВА МИНИСТРУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ОТ 5-го ИЮЛЯ [1]).

Петербург. Три адреса: министру внутренних дел, главноуправляющему землеустройством и министру путей сообщения.

Иркутский губернатор телеграфирует отправке третьего июля Бодайбо на Жигалово первой партии рабочих Лензото количестве семьями до тысячи душ. Предваряет отправке 8 июля второй такой же партии, предполагая следующие отправлять через 4 дня. В виду дороговизны, отсутствия достаточного количества перевозочных средств необходимо предвидеть, большинство рабочих пойдет от Жигалова до Иркутска пешком, что потребует свыше двух недель пути. Подобное массовое движение по тракту семейных рабочих безусловно требует неотложной организации продовольственной, врачебной помощи целях как санитарных, так предотвращения осложнения. Полагаю для осуществления сего устроить на трактах Жигалово—Иркутск временные питательно-врачебные пункты, а по прибытии Иркутск размещать прибывающих рабочих семьями переселенческом пункте и далее отправлять железной дороге, зависимости наличности у рабочих средств, общему льготному и бесплатному переселенческому тарифу. Прошу на приведение в исполнение изложенных предположений согласия вашего высокопревосходительства, равно разрешения бесплатном предоставлении под жилье Иркутск теплушек Забайкальской железной дороги размерах выяснившейся потребности, если барачных помещений переселенческом пункте окажется недостаточно. Размер кредита необходимого выполнения предположенного плана эвакуации сообщу дополнительно подробном выяснении. № 5347.

Генерал-губернатор *Князев.*

[1]) Истор.-рев. архив. Фонд канц. ирк. ген.-губ., д. 3, т. 3.

№ 118.

ОТНОШЕНИЕ ИРКУТСКОГО ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРА К КОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ ИРКУТСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА ОТ 13-го ИЮЛЯ [1]).

В. срочно.

Командующему войсками иркутского военного округа.

В виду начавшегося с Ленских приисков движения рабочих к местам приписки их, в количестве до 10.000 человек, губернской администрацией принимаются меры для организации по пути следования рабочих питательных пунктов, действие которых может продлиться до 2 месяцев.

В целях наилучшего, а главное скорейшего оборудования таких пунктов, которые будут расположены по мало населенным трактам, в совещании, созванном по сему вопросу управляющим губернией, было предположено воспользоваться походными кухнями старого образца, предложенными г. окружным интендантом иркутского военного округа. Однако, по осмотре названных кухонь, выяснилось, что они нуждаются в ремонте, каковой может занять не менее недели времени, между тем партии рабочих ежедневно выбывают из Бодайбо и на этих днях первые из них уже будут в Жигалово.

Вследствие изложенного обращаюсь к вашему высокопревосходительству с покорнейшей просьбой не отказать в распоряжении о выдаче 15 кухонь действующего образца от строевых частей, расположенных вблизи г. Иркутска, присовокупляя, что кухни эти будут возвращены частям войск в том самом виде, в каком будут получены, и губернское управление обязуется исполнить все требования, которые при приеме войсковыми частями обратно этих кухонь будут пред'явлены.

Генерал-губернатор, егермейстер *Князев.*

Управляющий канцелярией *Козлов.*

[1]) Истор.-рев. архив. Фонд канц. ирк. ген -губ., д. 3, т. 3.

№ 119.

СВЕДЕНИЕ О ЧИСЛЕ ЭВАКУИРОВАННЫХ БЫВШИХ РАБОЧИХ ЛЕНСКОГО ЗОЛОТОПРОМЫШЛЕННОГО Т-ВА [1]).

	Мужчин.	Женщин.	Детей.	ВСЕГО.
В 1-й партии, отправленной из города Бодайбо 4-го июля	654	211	169	1.034
Во 2-й партии, отправленной 8-го июля	1.139	436	370	1.945
В 3-й партии, отправленной 13-го июля	925	722	539	2.186
На пароходе „Верхоленец"—11-го июля	113	64	69	246
На пароходе „Товарищ"—18-го июля .	178	68	81	330
На пароходе „Николай"—20 июля . . .	233	84	116	433
Шестая партия—27-го июля	701	317	484	1.502
Седьмая партия—5-го августа	781	221	231	1.233
ВСЕГО	4.724	2.123	2.062	8.909

Вр. заведующий полицией Олекминского и Витимского горных округов (подпись).

№ 120.

ТЕЛЕГРАММА ВРЕМ. УПРАВЛЕНИЯ ЛЕНСКИМИ ПРИИСКАМИ ЭЛЬЗОТО ОТ 6-го АВГУСТА [2]).

Последняя партия рабочих ушла сегодня из Бодайбо. Все бастовавшие за исключением полусотни ушли. Вновь нанято около 1.000. Всей команды около 4.400. № 44. *Агг.*

[1]) Истор.-рев. архив. Фонд канц. ирк. ген.-губ., д. 3, т 3.
[2]) Экон. секция, дело Лензото, 1912 г.

№ 121.

ТЕЛЕГРАММА ПРЕДС. ИРК. СУДЕБНОЙ ПАЛАТЫ МИНИСТРУ ЮСТИЦИИ ОТ 1-го ИЮЛЯ [1]).

Доношу вашему высокопревосходительству,—оба следствия делу Ленских беспорядков существе закончены. Политические побуждения руководителей стачки и участников скопища не доказаны, поэтому статьи 123 и 125 уголовного уложения отпадают. Произведенные 4 апреля для рассеяния толпы залпы могут об'ясняться суб'ективною оценкою опасности. Оснований привлечению рабочих за нападение на войска не имеется, почему дело подлежит прекращению. При таких условиях вырытие трупов для осмотра излишне. Делу стачечном комитете имеется основание перейти к пункту четвертому части 2 статьи 124 уголовного уложения с освобождением остающихся пока под стражею пяти членов комитета с политическою судимостью. Сенатор Манухин разделил приведенные выводы направлении следствий. Принимая, однако, во внимание, что исход дела на суде по приведенному маловажному обвинению не известен, а самая постановка его на суде даст защите и газетам повод к нежелательным нападкам, полагал бы направить и это дело по возвращении около 20 июля Иркутск на прекращение.

Прокурор палаты *Нимандер.*

№ 122.

ТЕЛЕГРАММА МИНИСТРА ЮСТИЦИИ ПРОКУРОРУ ИРК. СУДЕБНОЙ ПАЛАТЫ ОТ 19-го ЯНВАРЯ 1913 года [2]).

В виду очевидной безнадежности дополнительных следствий делам забастовочном комитете среди ленских рабочих и действии толпы этих рабочих, благоволите изыскать способ направления обоих дел к прекращению их.

Министр юстиции *Щегловитов.*

---

[1]) Истор.-рев. архив. Фонд сен. Манухина, д. 44/3.

[2]) Истор.-рев. архив. Фонд прок. ирк. суд. палаты, д. 3/24.

VI.

СОСТАВ КОМИССИИ СЕНАТОРА МАНУХИНА И ВЫДЕРЖКИ ИЗ ДОКЛАДА МАНУХИНА [1]).

№ 123.

СОСТАВ КОМИССИИ СЕНАТОРА МАНУХИНА.

В состав чинов расследования вошли командированные по распоряжению министров юстиции и торговли и промышленности, а также государственного секретаря: член консультации, при министерстве юстиции учрежденной, исполняющий обязанности товарища обер-прокурора уголовного кассационного департамента правит. сената д. ст. сов. Носович, член ученого горного комитета ст. сов. Митинский, старший фабричный инспектор Киевской губернии д. ст. сов. Горбунов, помощник статс-секретаря государственного совета ст. сов. Елачич, член С.-Петербургского окружного суда коллежский советник Коренев, товарищи прокурора С.-Петербургского окружного суда кол. сов. Цвилинский и надворный советник Смирнов, и. д. судебного следователя Псковского окружного суда титулярный советник Кузьминский и секретарь при прокуроре С.-Петербургской судебной палаты титулярный советник Кишинский.

19-го мая 1912 года сенатор Манухин, в сопровождении своих девяти сотрудников, выехал из Петербурга и 25-го того же мая прибыл в Иркутск. Здесь состав чинов расследования был пополнен нижепоименованными должностными лицами: и. д. штаб-офицера для поручений при командующем войсками иркутского военного округа полковником Смирновым, начальником отделения иркутской казенной палаты надворным советником Саросеком, товарищами прокурора иркутско-

[1]) Истор.-рев. архив. Фонд Ч. С. К. сен. Манухина, д. 33. Всеподан. отчет сен. Манухина.

го окружного суда коллежским асессором Кадышевским и титулярным советником Колесниковым и заведывающим Пастеровскою станциею Забайкальской железной дороги доктором медицины Червенцовым.

Засим, 28-го мая сенатор Манухин вместе с состоящими при нем должностными лицами отправился в дальнейший путь. Вместе с сенатором направились на Ленские прииски для наблюдения за деятельностью подлежащих органов судебной и административной власти прокурор иркутской судебной палаты д. ст. сов. Ниmандер, иркутский губернатор, в звании камер-юнкера двора его величества, ст. сов. Бантыш и начальник иркутского губернского жандармского управления полковник Васильев.

№ 124.

ЛЕНСКАЯ ЗАБАСТОВКА ПО ДОКЛАДУ СЕНАТОРА МАНУХИНА[1]).

Начавшаяся 29-го февраля 1912 года забастовка, возникшая по случайному поводу на Андреевском прииске, в течение нескольких дней охватила все главнейшие прииски Ленского товарищества.

Поводом для прекращения работ послужил отпуск недоброкачественного мяса жене рабочего Андреевского прииска Степаниде Завалиной.

Следует отметить, что рабочие названного прииска, принадлежащего к числу приисков б. Компании промышленности, всего два года перед тем купленных Ленским товариществом, сильнее других рабочих испытывали ухудшение изменившихся условий и особенно страдали от грубого со стороны приискового начальства обращения, которого они до того вовсе не знали.

25-го февраля 1912 года названная Завалина получила по книжке мужа из артельной кухни восемь фунтов мяса. Несмотря на заявление ее о том, что мясо неудовлетворительного качества, артельный староста об'явил ей, что такое мясо бу-

[1]) Истор.-рев. архив. Фонд Ч. С. К. сен. Манухина, д. 33.
Всеподданнейший отчет члена государственного совета сенатора, тайного советника Манухина. По исполнению возложенного на него 27 апреля 1912 года расследования о забастовке „на ленских промыслах“ 1912. СПБ 340+103 стр. и карты. Здесь приводятся главы, говорящие непосредственно о стачке и расстреле. *Ред.*

дет отпускаться до 29-го июня в течение еще четырех месяцев. Разделив кусок на четыре части, Завалина 25, 26 и 27-го февраля варила из него суп, на четвертый же день оставшийся кусок показался настолько необычного вида, что она пред'явила его пришедшим обедать рабочим, которые признали мясо за конский половой орган.

Известие о происшедшем немедленно распространилось по всем казармам и произвело на рабочих сильное впечатление: никто не стал есть суп, у многих открылась рвота. В течение этого дня и ночью на 29-е февраля работы продолжались, но решившие еще с вечера забастовать рабочие утром 29-го фовраля на работу не вышли. Как установлено расследованием, конское мясо хотя и не заготовлялось Ленским товариществом, но иногда доставлялось на прииски якутами, которые подменивали бычачьи туши тушами павших в дороге или зарезанных лошадей. В то же утро, по приглашению заведывающего Андреевским управлением инженера Цинберга, на прииск прибыли горный исправник Витимского округа Галкин, исправляющий должность главноуправляющего приисками инженер Теппан и начальник второй дистанции Савинов. Опрошенные ими рабочие не дали никаких об'яснений о причине прекращения работ и отвечали, что претензий не имеют. Вскоре, однако, к названным лицам явились около 60 рабочих и заявили целый ряд жалоб: на выдачу плохой провизии, грубое обращение служащих, неправильные подсчеты произведенной работы, недостаточную медицинскую помощь, а также на принудительную выдачу талонов. Вместе с тем они ходатайствовали об удалении нескольких служащих, о закрытии винных лавок на время прекращения работ и о производстве расследования по поводу выдачи им конины вместо мяса. Это последнее обстоятельство сильно волновало рабочих, которые жаловались на то, что их «опоганили». На вопрос инженера Теппана, почему никто ранее не жаловался, все сослались на невозможность принесения жалоб отдельными лицами, потому что приисковая администрация за жалобы увольняла. За выездом в С.-Петербург окружного инженера Витимского горного округа Тульчинского и временным выбытием в дальнюю тайгу исправлявшего его должность окружного инженера Олекминского горного округа Александрова, рабочие просили расследование по поводу выдачи им конины возложить на

письмоводителя Тульчинского Онихимовского, на что им было раз'яснено, что по закону окружного инженера заменяет горный исправник. С своей стороны горный исправник посоветовал рабочим изложить свои домогательства письменно и избрать из своей среды выборных. Днем того же 29-го февраля рабочие соседнего с Андреевским Утесистого прииска, направившись на работу, встретили оставшееся необнаруженным лицо, проезжавшее в санях. Этот неизвестный сказал рабочим, чтобы они возвращались в свои казармы, так как Андреевский прииск забастовал. Заявление это заставило рабочих вернуться, после чего Утесистый прииск присоединился к забастовке Андреевского. Вечером, в тот же день, инженер Теппан о начавшейся забастовке сообщил по телеграфу проживающему в С.-Петербурге главноуправляющему промыслами Белозерову, присовокупив, что «в случае дальнейшего невыхода на работу» им, Теппаном, «об'явлено команде о назначении расчета на 2-е марта».

Начавшаяся, таким образом, забастовка в течение нескольких дней распространилась на все ближайшие прииски Ленского товарищества.

1-го марта была прекращена работа на Васильевском прииске, рабочие которого с утра 2-го марта возобновили работу до обеденного перерыва, а затем вновь забастовали, 2-го марта—на Александровском прииске, 3-го—на Феодосиевском прииске, в мастерских Надеждинского прииска, на Ивановском и Иосифовском приисках, 4-го—на Прокопьевском и Пророко-Ильинском и 5-го—на Иннокентьевском. Засим, уже в середине марта, забастовали рабочие отдаленных приисков, а именно: 14 марта—Иннокентьевского по реке Кулебряннику и 16-го—Светлого. К этому времени работы были прекращены на всех принадлежащих Ленскому товариществу приисках, за исключением Успенского и Веселого, а также разрабатываемых старателями и золотничниками. Развитие этого забастовочного движения сопровождалось следующими обстоятельствами.

На следующий день после прекращения работ рабочие Андреевского и Утесистого приисков, согласно предложения горного исправника Галкина, представили сему последнему изложенные на письме домогательства, в которых, помимо заявленных накануне, содержались ходатайства: о разделении

мяса на три сорта и отпуске такового рабочим на равных условиях со служащими, о правильном взвешивании припасов, о расширении больницы на Андреевском прииске, об отмене обязательных работ в праздничные дни, об отмене штрафов, о выдаче квитанций на произведенную работу, о более частой смене рабочих в забоях и о достаточном освещении лестниц.

Вечером того же 1-го марта двое рабочих Андреевского прииска, братья Ухаловы, и торговец в разнос Щепунин явились на Александровский прииск и, переночевав, рано утром 2-го марта ушли. В этот же день все рабочие Александровского прииска прекратили работу. Опрошенные инженером Теппаном, в присутствии местных чинов полиции, рабочие претензий не заявили, при чем каждый из опрашиваемых на вопрос о причине невыхода на работу отвечал, что сделал это потому, что не вышли другие. Вскоре инженер Теппан уехал, а вслед за его от'ездом близ полицейского дома прииска собралось около 600 рабочих. На вопрос урядника Каблукова о причине сборища, рабочие заявили, что желают осмотреть арестантское помещение, в котором по полученным на прииске сведениям содержатся их товарищи. Как оказалось впоследствии, на прииске распространился слух о задержании прибывших накануне вышеупомянутых братьев Ухаловых. Хотя по впечатлению урядника, оснований для предположения о возможности каких-либо насильственных со стороны рабочих действий в случае отказа не было, Каблуков сам разрешил осмотреть арестантскую трем рабочим, которые, убедившись, что под стражею содержатся лишь лица, обвиняемые в разных проступках, сообщили о том толпе, после чего эта последняя разошлась по своим казармам. В тот же день инженер Теппан, проезжая чрез Александровский прииск, вторично обратился к рабочим, предложив им об'яснить причину прекращения работ. На этот раз из собравшейся толпы послышался целый ряд заявлений; один из рабочих пред'явил совершенно испорченную рыбу, отпущенную ему из артельной кухни, многие жаловались на грубое и оскорбительное обращение служащих и на неправильные подсчеты работ. Заметив, что количество заявлений все увеличивается, инженер Теппан об'явил собравшимся, что говорить с толпою он не может, а потому предлагает избрать выборных, после чего уехал.

При таких же обстоятельствах были 3-го марта прекра-

щены работы на самом крупном из принадлежащих Ленскому товариществу приисков—Феодосиевском и в мастерских Надеждинского прииска, мастеровые которых, как люди более развитые, пользовались влиянием на рабочую массу. Решению присоединиться к забастовке предшествовало появление в течение 2-го марта на Феодосиевском прииске и Надеждинских мастерских рабочих забастовавших приисков. При обсуждении 2-го марта в Надеждинских мастерских вопроса о присоединении к забастовке, слесарь этих мастерских Эдуард Думпе настаивал на том, что основанием для прекращения работ может служить только отклонение приисковым управлением заранее выработанных требований, и что впредь до выяснения домогательств рабочих и рассмотрения сих домогательств управлением забастовка будет лишена значения; но большинство мастеровых решили немедленно поддержать забастовавшие прииски. Утром 3-го марта не вышедшие на работу рабочие Феодосиевского прииска собрались близ одной из казарм. Вскоре от толпы отделились двое рабочих и, подойдя к полицейскому дому, через дежурного стражника передали местному горно-полицейскому уряднику Тихонову записку, в которой с орфографическими ошибками были написаны следующие слова: «Просьба рабочих Феодосиевских. Отпустите тех людей, которые взяты 1-го марта—Быков и Баташев,—по доброму расположению. А то будет недоразумение». По об'яснению спрошенного при расследовании урядника Тихонова, поименованные в записке лица оказались рабочими Андреевского прииска, которые в означенное время задержанию не подвергались. Выйдя к посланным толпою рабочим, урядник об'явил им, что указанные в записке лица в арестантской не содержатся, а на заявление пришедших, что их послала толпа, которой достоверно известно, что арестованные здесь, сам предложил им осмотреть арестантское помещение. Обойдя арестантские камеры и убедившись в ошибочности своих предположений, рабочие ушли, но вскоре от той же толпы отделились около ста рабочих, которые, обратившись к уряднику, заявили, что не верят, чтобы арестованных Быкова и Баташева в арестантской не было. Возбуждения толпы Тихонов не заметил, тем не менее он вновь разрешил десяти рабочим войти в арестантские помещения, после чего толпа, окончательно

убедившись, что под стражею содержатся только два лица, обвиняемые в уголовно-наказуемых проступках, удалилась.

В тот же день, 3-го марта, с разрешения горного исправника Галкина и прибывшего из дальней тайги на Успенский прииск окружного инженера Александрова, в помещении народного дома на Надеждинском прииске состоялось общее собрание рабочих всех прекративших работу приисков. На собрание это пытался проникнуть урядник Феодосиевского прииска Тихонов, но, под'ехав к народному дому, в который уже явилось много рабочих, удалился. Допрошенный при расследовании урядник Тихонов об'яснил, что он не мог проникнуть на собрание за переполнением помещения народного дома. По свидетельству смотрителя народного дома Горинова, во время этого собрания за столом, на сцене, сидела группа, повидимому, руководивших собранием лиц, в числе от 10 до 12, из которых Горинов узнал рабочих мастерских: Михаила Баташева, Вениамина Вязового, Афанасия Беспальченко и помощника начальника Александровской станции Иннокентия Попова. Кроме того, как это надлежит признать из совокупности выяснившихся впоследствии данных, в составе этих лиц находились еще не состоявшие на службе у Ленского товарищества Матвей Украинцев и Григорий Черепахин. Присутствовавшие на собрании рабочие заявили свои жалобы, на основании которых и были затем выработаны пред'явленные к приисковому управлению домогательства. Собрание продолжалось около трех часов без нарушения порядка, при чем произносившие речи призывали рабочих не оскорблять ни чинов полиции, ни представителей приисковой администрации и быть вежливыми со всеми. Во время собрания в народном доме приехал вышеназванный урядник Александровского прииска Каблуков, которому окружной инженер Александров поручил передать рабочим, чтобы они в тот же день, к пяти часам, прислали к нему на Успенский прииск выборных для переговоров. Пройдя на сцену, урядник Каблуков обратился к сидевшим за столом руководителям собрания и об'явил им поручение окружного инженера, но в ответ раздались голоса: «Не готово еще», в виду чего вышеназванный Попов об'явил уряднику, что послать выборных к назначенному сроку рабочие не могут, так как «требования» еще не выработаны. По окончании собрания рабочие вышли на площадку около

народного дома, где Баташев и Черепахин призывали слушателей поддерживать свои домогательства. Вслед за сим группа участников собрания, в числе от 15 до 20, среди которых были вышеназванные Баташев, Попов, Черепахин и Думпе, обсуждали в народном доме сделанные рабочими заявления.

Вернувшись из народного дома к себе на Александровский прииск, урядник Каблуков заметил, что рабочие этого прииска группами направляются к железнодорожной станции; прибыв на станцию, он застал там около 60 рабочих, которые на его вопрос заявили, что, получив записку с извещением о доставлении их арестованных товарищей в имеющем прибыть с Феодосиевской станции пассажирском поезде, они намерены отвести поезд на запасный путь и осмотреть вагоны. Будучи уверен в том, что арестованных в поезде нет, урядник Каблуков решился предоставить рабочим возможность убедиться в ошибочности их сведений, а потому ограничился убеждением толпы не отводить поезда на запасный путь и осмотреть вагоны в течение семиминутной остановки, на что рабочие и согласились, и по прибытии поезда прошли по всем вагонам, в которых арестованных не оказалось.

Как выше упомянуто, находившийся в дальней тайге окружный инженер Александров прибыл на Успенский прииск в ночь на 3-е марта. Утром того же дня он отправился на Андреевский прииск, куда к нему явились выборные от рабочих Андреевского, Васильевского и Утесистого приисков и, пред'явив ему общее заявление от всех трех приисков, просили прежние свои «требования» считать недействительными. В заявлении этом рабочие просили: 1) об осмотре всего мяса, об уничтожении негодного к употреблению и о разделении его на три сорта; 2) об отпуске припасов на равных условиях со служащими; 3) о правильном взвешивании припасов; 4) о расширении больниц и о внимательном отношении доктора к больным; 5) о занесении рабочей платы в книжки при сдаче работы и о выдаче горнорабочим хозяйской платы в тех случаях, когда урок не выполнен вследствие свойства грунта; 6) о достаточном освещении шахтовых лестниц и исправности выкатов; 7) о вежливом обращении служащих с рабочими и об удалении трех поименованных в заявлении лиц, отличающихся особою грубостью; 8) об уплате заработка деньгами, а не талонами; 9) о допущении выборных от рабочих для на-

блюдения за отпуском продовольствия; 10) о выдаче заработной платы за время забастовки и 11) о том, чтобы ни выборные, ни они, рабочие, не были рассчитаны или преследуемы за забастовку.

Ознакомившись с содержанием сего заявления, окружный инженер Александров раз'яснил выборным, что большинство домогательств рабочих сводится к устранению допускаемых Ленским товариществом нарушений закона, обязательных постановлений и договора, и что нарушения эти, в случае их установления надлежащим расследованием, могут быть устранены властью горного начальства, а потому просил откровенно сказать ему, чего собственно желают добиться рабочие путем забастовки, на что один из выборных ответил, что рабочие, находясь под впечатлением постоянных разговоров служащих Ленского товарищества о получаемых последними громадных барышах путем игры на бирже, решили «попытаться» добиться повышения расценок до размеров, установленных в период владения приисками товариществом служащих Компании промышленности. В заключение переговоров, выборные об'явили, что окончательно они выяснят свои домогательства лишь после переговоров с феодосиевскими рабочими.

С утра того же 3-го марта были прекращены работы на Ивановском прииске в дальней тайге. Узнав о начавшейся забастовке, начальник первой дистанции Черных и заведывающий Ивановским управлением Смит обошли казармы и опросили рабочих, которые, как и во всех предшествующих случаях, не об'яснили истинной причины невыхода на работу. В ночь на 3 марта по казармам ходили какие-то люди и говорили: «Ребята, завтра не выходить на работу, вторая дистанция забастовала; собирайтесь к 8 часам к седьмой шахте, там все узнаете». Большинство рабочих не вышли на работу, а некоторые из них, отправившись с утра на работу, после встречи с какими-то неизвестными, вернулись обратно в казармы. Вслед затем в течение всего дня 3-го марта на прииске происходили собрания рабочих, на которых представители приисковой администрации не присутствовали.

4-го марта на прекративших работу приисках имели место следующие события. В этот день с утра состоялось в народном доме вторичное собрание рабочих для обсуждения выработанных к тому времени ходатайств. К началу собрания в народ-

ный дом прибыл по поручению исправника Галкина урядник Тихонов и прошел на сцену, где был замечен собравшимися рабочими, некоторые из которых закричали: «Зачем тут полиция», «долой полицию». В виду такого настроения толпы, урядник обратился, по указанию смотрителя народного дома, к одному из распорядителей собрания, оказавшемуся горнорабочим Феодосиевского прииска Иваном Корнеевым, и, об'яснив последнему, что он прибыл по распоряжению исправника для наблюдения за порядком, спросил, согласны ли рабочие на его присутствие. Корнеев об'явил собравшимся причину появления урядника, но из толпы опять послышались крики: «Не надо нам полиции», после чего урядник удалился в соседнюю комнату. По истечении 10 минут Корнеев вернулся к уряднику и об'явил, что за неприбытием всех выборных ему придется ожидать несколько часов. Поняв, что рабочие не желают совещаться в его присутствии, урядник уехал из народного дома. После его ухода Баташев и Попов обратились к толпе с упреками по отношению к лицам, позволившим себе криками нарушить порядок и видимо умышленно желающим мешать дальнейшему продолжению собрания. Выработанные после того и одобренные собравшимися «требования» рабочих были затем вручены их выборными инженеру Тепцану; требования эти были изложены в следующих выражениях:

«Собранием рабочих Ленского золотопромышленного товарищества Пророко-Ильинского, Александровского, Утесистого, Андреевского и Васильевского, Надеждинского и Феодосиевского приисков от 3-го марта с. г. постановлено: прекратить работы до тех пор, пока не будут удовлетворены требования всех рабочих. Что время забастовки должно писаться как рабочее время, т. е. поденно, что время забастовки не должно ставиться в вину забастовавшим, так как эта последняя вызвана насущнейшей необходимостью, неудовлетворением вопросов, которые ставятся в голову требований.

Наши требования:

1. Во время забастовки продовольствие на кухне должно выдаваться по обыкновению.

2. Продовольствие по кухне должно выдаваться на равных условиях со служащими. Все продукты на кухне должны выдаваться в присутствии уполномоченных, которые

назначаются рабочими того района, в котором предстоит выписка. Мясо должно делиться на два сорта.

Квас должен быть в летнее время за счет Ленского золотопромышленного товарищества.

Хлеб ржаной должен быть сеянный.

Картофель должен быть обязателен.

Капуста должна быть тоже обязательна, в виду того, что она предохраняет от цынги.

3. Расширение квартир с достаточным количеством воздуха, с бесплатным освещением. Холостым одна комната на двоих, а семейному одна комната. Отдельные помещения—прачечная и сушилка.

4. а) Рабочие, нанявшиеся по профессии, не должны посылаться в ту область труда, где не требуются их профессиональные занятия, а также и горнорабочим установить очередную сменяемость работ; б) ни один рабочий не должен увольняться в зимнее время. Увольнения должны быть летом и притом же должен быть выдан обязательный бесплатный проезд с семьей до Жигалова.

Если же администрация увольняет рабочего, то должна рассчитать по закону.

5. а) 8-часовой рабочий день. Предпраздничные дни по 7 часов. Воскресные и двунадесятые праздники работать не обязательно, и считать эти дни льготными, если же в эти дни производится работа, то должно работать с 6 часов утра до 1 часу дня и писать их за полтора дня; б) неурочное время должно оплачиваться за первые два часа—три часа, а за последующие часы за каждый один час—два часа.

6. Всем без исключения мастеровым и рабочим добавить жалованье по 30%.

7. а) Каждый день должна вывешиваться табель, с отметкой проработанного дня, а также и по окончании месяца в табели должен быть подсчет за целый месяц; б) горнорабочим должны выдаваться ежедневно ярлыки на выработку.

8. Уплата жалованья должна производиться ежемесячно полностью в конторе мастерской и на стану, при чем получатель должен расписаться в табели о сумме, каковую он получил.

9. Выписка по амбару для мастеровых должна производиться тремя днями раньше горнорабочих.

10. Отмена штрафов.

11. Выделить полнейшую автономию вахтовым, которые должны подчиняться только механической администрации, чтобы служащие горнорабочих не вмешивались в дела электро-паровых машин.

Трехсменная вахта по восьми часов в сутки.

12. Всем рабочим и мастеровым не должна сбавляться поденная плата. Рабочим, командированным на дальнее расстояние, должен платиться полуторный оклад.

13. По первому требованию больного должна явиться медицинская помощь. Болезнь рабочего по вине Л. з. т-ва оплачивается поденной платой, а болезнь вообще — полднем, до выздоровления. Обязательная выдача удостоверения больным.

14. Чтобы администрация не увольняла по личным капризам, а делала это с ведома рабочей комиссии.

15. Непринужденность женского труда.

16. Вежливое обращение администрации: рабочих называть не на «ты», а на «вы».

17. Устранение административных лиц:

а) Утесистого прииска: Якова Синцова, смотрителя шахты; б) Андреевского прииска: смотрителя Горелова, служащих Феоктистова, Баженова; в) Пророко-Ильинского прииска: управляющего Кобылянского, смотрителя Иовлева, служащего Бехузарова; г) Александровского прииска: смотрителей Костина, Казакова, братьев Кузнецовых и Шебеко, инженера Савельева, станового Анельгольма и служащих Токарева, Каморникова, Пестякова; д) Надеждинского прииска: заведывающего мастерской А. Демута; е) Феодосиевского прииска: станового Станукинаса, инженера Бромирского, смотрителя Крыжановича, кассира конторы Павла Русакова, обходного Бармина, Штейнера, плотничных мастеров: Макарова и Гаршунова.

18. За время забастовки никто не должен пострадать.

О гарантии выборных.

1. Чтобы делегатам от всех забастовавших с приисков было предоставлено право на время переговоров пользоваться бесплатным проездом по железной дороге от станции Феодосиевской до станции Бодайбо, а равно и на лошадях.

2. Чтобы управление Л. з. т-ва снеслось с местной полицией о гарантии свободы делегатам.

3. Чтобы на время забастовки выборным был предоставлен народный дом.

4. Чтобы административной властью не назначались на работы отдельные лица, предварительно не спросив разрешения у делегатов.

Мы хотим, чтобы забастовка носила миролюбивый характер, а поэтому заявляем, что если будут применены карательные меры к нашим уполномоченным, тогда мы снимаем всех остальных рабочих с работы».

На представленном к делу экземпляре сего заявления рабочих пункт 6 перечеркнут и заменен приписанными в заключение словами: «При подаче заявления выборные сообщили, что пункт 6 изменен: постановлено требовать увеличения платы всем вообще на 30%».

Приняв выборных, инженер Теппан в течение 5 часов обсуждал с ними домогательства рабочих и в заключение об'явил, что часть заявленных требований он признает заслуживающими уважения и удовлетворит собственной властью, а об остальных доведет до сведения правления, решение которого может быть получено дня через два. Такой ответ был дан во исполнение распоряжения правления, которое в телеграмме своей от 3-го марта, по поводу сообщения Теппана о домогательствах рабочих Утесистого и Андреевского приисков, предоставило ему «малозначительные требования рабочих, касающиеся внутреннего распорядка, решить по своему усмотрению», но категорически предписало «на увеличение платы ни в каком случае не соглашаться», так как правление предпочитает «частичное и даже полное закрытие работ на приисках». Во время совещания с выборными к занимаемому Теппаном дому явилась многочисленная толпа рабочих, ожидавшая у народного дома результатов переговоров. Как оказалось впоследствии, долговременное отсутствие выборных породило в толпе слух об их аресте. Убедившись, что эти последние совещаются с помощником главноуправляющего, рабочие возвратились к народному дому. По окончании совещания инженер Теппан сообщил правлению по телеграфу сущность большинства заявленных рабочими ходатайств, присовокупив, что «главное из них—об увеличении платы, прочие же требова-

ния не существенны». Возвратившиеся к ожидавшей их толпе рабочих выборные об'явили слова Теппана о необходимости выждать ответа правления, после чего толпа разошлась, в народном же доме остались около 70 лиц, из коих приблизительно 12 в особой охраняемой рабочими комнате занялись обсуждением создавшегося положения.

В тот же день, 4-го марта, прекратившие работу рабочие Ивановского прииска в дальней тайге пригласили на собрание начальника первой дистанции Черных и заведывающего управлением Смита, которым и вручили изложенные на письме домогательства, выработанные на происходивших накануне собраниях и озаглавленные «требования рабочих Ивановского прииска I дистанции, одобренные общим собранием 3-го марта 1912 года». В «требованиях» этих рабочие ходатайствовали: о сокращении рабочего времени до 8 часов в день, об увеличении заработной платы, об увольнении семи служащих «за слишком нечеловеческое обращение с рабочими», «о недопущении оскорблений рабочих грубыми бранными словами и о вежливом с ними обращении», об изменении некоторых правил внутреннего распорядка в видах облегчения возможности получать предметы продовольствия и пользоваться банею, об устройстве больницы и школы вблизи от казарм, об увольнении доктора и фельдшера, об участии выборных от рабочих при определении количества выработанной горнорабочими породы, о плате за время забастовки и о неувольнении никого из рабочих за прекращение работ.

Приняв это заявление, начальник дистанции предложил рабочим прислать к нему для переговоров по одному выборному от каждой казармы. В тот же день к Черных явились восемь выборных, при чем он выдал им расписку в том, что поименованные в расписке «депутаты, выбранные для переговоров с управлением по поводу требований рабочих от 3-го сего марта, не будут ни арестованы, ни рассчитаны правлением за все время переговоров и на будущее время».

Утром 5-го марта помощником главноуправляющего Теппаном была получена телеграмма правления с ответом на требования рабочих. В телеграмме этой значилось: «Сговорившись с Белозеровым, решили согласиться осветить середину казарм и проходы за счет дела, никого из забастовавших не рассчитывать не только до лета, но и до срока контракта, если

станут на работу вторник и будут дальше вести себя спокойно и исполнять все пункты договора. Остальные требования отклоняем. Если команда не примет этих условий, не станет на работу во вторник, то произведите полный расчет, прекратите водоотливы».

Об ответе этом рабочие были поставлены в известность особым об'явлением с приглашением возобновить работы на следующий день, во вторник 6-го марта, или получить расчет. Собравшиеся 5-го марта в народном доме рабочие второй дистанции решили не прекращать забастовки впредь до удовлетворения всех их требований. На собрании этом Баташев высказал сомнение в подлинности об'явленной рабочим телеграммы правления, ссылаясь на слова помощника главноуправляющего, обещавшего дать ответ лишь через два дня, и советовал собравшимся на будущее время верить только об'явлениям, исходящим от выборных.

Вечером в тот же день в народном доме состоялось собрание выборных с участием вышеназванных Баташева, Думпе, Черепахина, а также мастерового надеждинских мастерских Иоганна Будевица. Того же 5-го марта правление Ленского товарищества телеграммою просило иркутского губернатора о содействии в скорейшей «посылке из Киренска на подводах, хотя бы за счет товарищества, достаточного числа солдат для предотвращения беспорядков, а также о немедленном удалении политически неблагонадежного элемента», при чем в подтверждение такого своего ходатайства утверждало, будто бы начавшаяся забастовка «грозит перейти на железную дорогу и на правительственный телеграф», и что самый характер пред'явленных рабочими «требований», а именно «об установлении восьмичасового рабочего дня, об органичении прав местного управления рассчитывать рабочих в зимнее время и притом лишь с согласия последних, об удалении целого ряда служащих по указанию самих рабочих, об изменении числа рабочих дней вопреки закону 1895 года, об увеличении рабочей платы», а также общее поведение рабочих—«явно указывают на то, что забастовка возникла на почве квалифицированной агитации и поддерживается агитаторами». Одновременно с сим, телеграммою от 5-го марта, за подписью Теппана, Смита, Цинберга, Самохвалова, Кобылянского и Савельева, приисковое управление сообщило С.-Петербургскому правлению общества, что за-

бастовка «приняла упорный характер», что «уступки рабочим недопустимы» и что «безусловно необходимо усиление местной команды». В ответ на означенное ходатайство правления иркутский губернатор телеграммою от 6-го марта уведомил, что, имея сведения о мирном течении забастовки и предложив горным стражникам принимать решительные меры к предупреждению беспорядков, он, в виду наличности в гор. Бодайбо воинской команды, признает, что в посылке нижних чинов из гор. Киренска необходимости при настоящем положении не встречается, и что в случае надобности распоряжение о сем будет сделано.

6-го марта, несмотря на об'явление правления, рабочие не возобновили работ и за расчетом не явились. В тот же день прибывшие на Надеждинский прииск окружный инженер Александров и горный исправник Галкин вызвали в народный дом для переговоров выборных от прекративших работу приисков. По вызову явилось около 30 выборных и в числе их Баташев; несмотря на настоятельные убеждения окружного инженера прекратить забастовку, выборные продолжали настаивать на удовлетворении всех домогательств рабочих, причем от имени рабочих говорил преимущественно Баташев, который между прочим заявил, что в случае отклонения ходатайств рабочих, выборные принуждены будут сложить свои полномочия, и просил подлежащие об'явлению рабочим распоряжения горного надзора посылать к нему. После этих переговоров состоялось собрание рабочих, на котором было решено к работам не приступать.

В этот же день помощник главноуправляющего Теппан письмом на имя окружного инженера сообщил список тех требований рабочих, которые С.-Петербургское правление общества признало возможным удовлетворить. Такими уступками правление признавало обещания: 1) выдавать продовольствие на кухне рабочим на равных условиях со служащими, разрешить присутствовать при выдаче припасов выборному от рабочих и производить выписку мастеровым в особые дни; 2) отпускать хлеб из просеянной муки и заготовлять капусту и картофель в достаточном количестве; 3) устраивать казармы согласно обязательным постановлениям горнозаводского присутствия и освещать середину казарм и коридоры за счет дела; 4) установить очередную сменяемость работ для горно-

рабочих и назначать рабочих на работы согласно профессии, отмеченной в контракте; 5) увольняемых рабочих удовлетворять расчетом по закону; 6) вывешивать каждый день табель и выдавать рабочим ярлыки с отметкою ежедневной выработки и с подсчетом за каждый месяц; 7) подчинить вахтовых исключительно механической администрации; 8) оказывать медицинскую помощь без промедления; 9) не назначать женщин на работы принудительно в тех случаях, когда нет недостатка желающих и 10) вменить в обязанность служащим вежливо обращаться с рабочими, внимательно выслушивать жалобы последних и законные претензии удовлетворять.

На следующий день, 7-го марта, окружный инженер Александров особым об'явлением поставил в известность рабочих о сделанных правлением уступках, об отклонении всех остальных «требований рабочих, как чрезмерных и незаконных», и о решительном отказе товарищества от дальнейших переговоров с выборными. В заключение сего об'явления окружный инженер, считая, с своей стороны, «стачечный период оконченным» и надеясь на благоразумие рабочих, предложил им «немедленно приступить к работам в установленное расписанием время, а желающим рассчитаться—явиться в конторы для получения заработной платы и видов на жительство», с предупреждением, что за проявление беспорядков и насилий над кем-либо виновные будут местной полицией привлекаться к ответственности по ст.ст. 1358^2 и 1358^3 уложения о наказаниях. Десять экземпляров сего об'явления окружный инженер тогда же послал рабочему Баташеву. Того же 7-го марта выборные явились к помощнику главноуправляющего Теппану и, вступив с ним вновь в обсуждение подробностей некоторых из домогательств рабочих, заявили, что, сомневаясь в том, чтобы С.-Петербургское правление могло так скоро ответить на их требования, они намерены еще раз уже непосредственно от себя послать телеграмму правлению, на что Теппан из'явил свое согласие. Условленная телеграмма была послана рабочими С.-Петербургскому правлению 8-го марта. В телеграмме этой рабочие, излагая сущность выработанных ими «требований», но ограничивая при этом свое домогательство о сокращении рабочего времени до 8 часов лишь работами в мокрых забоях, ходатайствовали о «вмешательстве правления», так как об'явленным рабочим распоряжением о прекра-

щении водоотлива приисковое управление «желает скрыть злоупотребления в шахтах и остановить работы на несколько лет». Одновременно с сим рабочие обратились с телеграммами тождественного содержания к находившимся по делам службы в городе С.-Петербурге иркутскому генерал-губернатору и в горный департамент. Того же 8-го марта горным департаментом предложено было окружному инженеру произвести расследование по содержанию заявлений рабочих, о чем поручено горному исправнику об'явить рабочим. По сему поводу инженер Теппан в одной из своих последующих телеграмм правлению сообщил, что об'явление горного департамента о производстве расследования по жалобам рабочих «способствует забастовке», создавая в рабочей среде «ложное убеждение» в виновности Ленского товарищества. В ответ на это обращение рабочих правление Ленского товарищества телеграммою от 8-го марта, полученною на месте на следующий день, поручило помощнику главноуправляющего Теппану собрать рабочих и об'явить им следующий ответ: «При заявлениях правление всегда принимало и будет принимать меры обеспечения доброкачественности выдаваемых припасов и улучшения быта рабочих, никоим образом не допустит каких-либо злоупотреблений, но изменить условия найма не может, просит не слушаться главарей, сбивающих рабочих с пути, и спокойно приняться за работу, обеспечивающую им и их семьям вполне достаточный заработок в то время, как по всей Сибири и значительной части России народ голодает». В заключение правление предупреждало, что если рабочие будут упорствовать и слушаться неблагонамеренных людей, оно «в силу необходимости будет вынуждено остановить дело за убыточностью его».

9-го марта помощник главноуправляющего Теппан об'явил этот ответ правления выборным от рабочих, которые обещали в тот же день передать рабочим предложение правления приступить к работам или получить расчет, заявив, что за прекращением переговоров они, выборные, сложат свои полномочия. На состоявшемся в тот же день собрании рабочих в народном доме было решено продолжать забастовку. Такому решению способствовало известие о возвращении в непродолжительном времени из С.-Петербурга окружного инженера Витимского горного округа Тульчинского, пользовавшегося особым доверием рабочих, и надежда, что при его посредни-

честве будут выработаны приемлемые для обеих сторон условия возобновления работ. Дальнейшие собрания рабочих в народном доме были прекращены по распоряжению исправника Галкина.

По единогласному удостоверению всех лиц, присутствовавших на этих собраниях или наблюдавших за таковыми, предметом обсуждения служили исключительно вопросы о мерах к улучшению положения рабочих, при чем ни в речах говоривших, ни в отдельных возгласах присутствовавших каких-либо призывов к насилиям не содержалось.

В тот же период времени ответ правления на домогательства рабочих был сообщен представителям приискового управления для об'явления рабочим первой и третьей дистанций. 8-го марта заведывающий Ивановским управлением Смит вызвал к себе выборных и передал им об'явления окружного инженера Александрова с перечнем уступок правления, помощника главноуправляющего Теппана с приглашением возобновить работы или получить расчет и его, Смита, о назначении срока для расчета через два дня. В числе выборных явились двое вновь избранных, а именно рабочий Трофимов и бывший рабочий Волошин, уволенный приисковым управлением еще до начала забастовки по требованию полиции; при об'яснении выборные заявили Смиту, что рабочие первой дистанции присоединяются к требованиям второй, оставляя в силе лишь те из ранее заявленных домогательств, которые имеют местный характер. На следующий день выборные заявили Смиту, что двое из них вступили в «центральный стачечный комитет», в виду чего они прекращают дальнейшие переговоры с управлением первой дистанции.

Несмотря на об'явления приискового управления о прекращении дальнейших переговоров, рабочие предприняли еще одну попытку добиться согласия правления общества на уступки их домогательствам. 12-го марта выборные явились к управляющему второю дистанциею Савинову и обратились к нему с ходатайством быть посредником между ними и правлением, при чем высказали, что рабочие главным образом добиваются сокращения рабочего времени до восьми или девяти часов и увеличения расценок в зависимости от получаемой в настоящее время платы с тем, чтобы добавка была сделана в размере—для получающих 2 руб. 50 коп. и менее

в день—тридцати процентов, для зарабатывающих от 2 руб. 50 коп. до 3 руб.—двадцати и, наконец, для тех, поденная рабочая плата которых превышает 3 р.,—десяти процентов. Согласившись на просьбу выборных, Савинов просил приисковое правление телеграфировать правлению о ходатайстве рабочих, что и было в тот же день исполнено Теппаном. В ответ на эту телеграмму правление телеграммою от 13-го марта поручило Теппану «еще раз подтвердить рабочим», что «ни на какую прибавку платы, ни на сокращение рабочего дня, ни вообще на изменение условий найма правление согласиться не может», и что «о назначении выборных Компания промышленности своевременно ходатайствовала, но получила от правительственных мест категорический отказ», в виду чего разрешение этого вопроса не во власти правления.

Не ограничиваясь, однако, об'явлением о расчете не желающих возобновить работы на предложенных условиях, как правление общества, так и местное приисковое управление уже вскоре после распространения забастовки на главнейшие прииски возбудили вопрос о понуждении рабочих возобновить работы или получить расчет путем пред'явления судебным порядком исков о принудительном выселении бастующих, а также прекращением или сокращением выдачи продовольствия.

Не подлежит сомнению, что действительное проведение этих мер равносильно было бы, вследствие особенностей местных условий, обречению уволенных и их семей на гибель от голода и холода, так как, при отсутствии на месте вне находящегося во владении Ленского товарищества приискового района не только заработка, но и свободных помещений и жизненных припасов, рабочие лишены были всякой возможности, при приближающейся распутице, по зимнему пути выехать на расстояние нескольких тысяч верст на родину или в крупные населенные пункты.

Насколько эти местные особенности отражались на разных сторонах отношений Ленского товарищества к рабочим, явствует между прочим из показания при расследовании директора-распорядителя правления общества барона Альфреда Гинцбурга, который существующую на приисках скученность рабочего населения об'яснил необходимостью для товарищества отводить в казармах помещение для приезжающих с по-

следними пароходами сверхкомплектных рабочих, заявляя, что отказ таким лицам в принятии равносилен был бы обречению их на голодную смерть. Сознавая в виду этого фактическую невозможность приведения указанных мер в исполнение по отношению к значительному числу рабочих и опасаясь возбуждения участников забастовки даже в случае насильственного выселения или лишения продовольствия лишь части рабочих, правление обратилось к министру торговли и промышленности с ходатайством об усилении находящейся на приисках бодайбинской местной команды. Выше упомянуто, что исправляющий должность иркутского генерал-губернатора, иркутский губернатор признавал имевшиеся в распоряжении местных горных исправников полицейскую и военную силы достаточными для подавления отдельных проявлений беспорядков. Тем не менее министр торговли и промышленности и иркутский генерал-губернатор телеграммами от 7-го марта просили распоряжения командующего войсками иркутского военного округа об увеличении имевшейся на приисках войсковой команды. Распоряжением командующего войсками от 8-го марта на прииски была командирована часть киренской воинской команды, в составе 75 нижних чинов и одного офицера, которые 10-го марта и отбыли из города Киренска, о чем иркутский представитель Ленского товарищества тогда же уведомил приисковое управление.

Уже 9-го марта, т.-е. по получении сведений о посылке министром торговли и промышленности и иркутским генерал-губернатором вышеупомянутых телеграмм командующему войсками, правление Ленского товарищества телеграфировало помощнику главноуправляющего Теппану: «Если рабочие упорствуют, пошлите все паспорта исправнику для выдачи; вывесьте о том об'явление. Всю причитающуюся рассчитанным рабочим плату внесите обоим мировым судьям по принадлежности вместе с расчетными книжками. Одновременно вчините иски о выселении рабочих, прося о предварительном исполнении приговоров. Телеграфируйте срочно об исполнении настоящего распоряжения». Того же 9-го марта вечером инженер Теппан пригласил заведывающих приисковыми управлениями на совещание, коим было решено прекратить с 10-го марта выдачу рабочим припасов по книжкам и в долг и производить таковую лишь за наличные деньги. Мера эта,

непосредственно направленная к лишению средств пропитания беднейшей части рабочих, не имевших за товариществом заработанных денег, предоставляла вместе с тем приисковому управлению возможность поставить всех остальных рабочих, за исключением незначительной группы, обладавшей личными сбережениями, в необходимость получить окончательный расчет и этим лишиться права дальнейшего жительства в казармах общества, так как, на основании действующего закона и заключенного с рабочими договора, приисковое управление уполномочено было отказывать в частичной уплате заработанных денег. В виду этого окружный инженер Александров и горный исправник Галкин, осведомленные о решении совещания, заявили инженеру Теппану, что они не могут допустить исполнения этого решения, как могущего вызвать волнение рабочих и разгром голодающими амбаров товарищества. Так как, однако, несмотря на эти возражения, Теппан продолжал настаивать на осуществлении предположенной меры, высказывая уверенность, что участники забастовки, большинство которых имеют значительные суммы за управлением, «не пойдут на погром из-за кучки неимущих, числом немногим более ста пятидесяти человек», окружный инженер и горный исправник оказались вынужденными заявить против решения совещания письменный протест, которым исправник Галкин поставил в известность приисковое управление о признании им прекращения выдачи припасов опасным. Допрошенный по сему поводу при расследовании инженер Теппан, в подтверждение своего взгляда на практическую исполнимость предположенной меры, заявил, что, до получения упомянутого отзыва горного исправника, заведывающий Прокопьевским управлением инженер Кобылянский успел об'явить решение совещания рабочим своего управления, которые, отклонив предположение о кормлении на свой счет так называемых должников, т.-е. не имевших заработанных денег, ограничились на собрании постановлением о разрешении должникам приступить к работам.

Общее настроение рабочих за этот период времени было сравнительно спокойное, и признаков особого возбуждения среди участников забастовки не наблюдалось. В последней из указанных телеграмм горный исправник и окружный инженер, между прочим, доносили иркутскому губернатору: «Забастов-

ка продолжается; резкого проявления беспорядков нет. Меры убеждения не действуют, ибо стачка хорошо организована, дисциплина твердая. То же положение дел, выжидательное, рабочие строго наблюдают за собою, дабы не был нарушен порядок. Причина забастовки—желание повысить рабочую плату, ослабить суровость режима, добиться более внимательного отношения управления к нуждам рабочих». Хотя в последующие дни приисковое управление не пыталось прекращать выдачу припасов, но 15-го марта помощником главноуправляющего Теппаном было вновь созвано совещание по тому же поводу, с участием горного исправника и окружного инженера, при чем было предположено привести означенную меру в исполнение по прибытии из города Киренска воинской команды, о выезде которой имелись сведения. В показании своем при расследовании окружный инженер Александров об'яснил, что, по имевшимся у него сведениям, рабочие решили в случае прекращения выдачи продовольствия должникам, кормить последних на свой счет. Одновременно с сим, приисковое управление приступило к исполнению распоряжения правления о принудительном выселении участников забастовки. Начиная с 13-го марта, поверенным Ленского товарищества присяжным поверенным Ивановым были пред'явлены у мирового судьи второго участка Витимского и Олекминского горных округов Хитуна 1.199 исков о выселении рабочих. 15-го и 16-го марта названный мировой судья рассмотрел 32 дела по искам рабочих Феодосиевского прииска и решениями своими, несмотря на предоставленную законом возможность в сих случаях назначать необходимый по условиям каждого отдельного случая срок на выселение, обязал всех ответчиков немедленно оставить занимаемое ими помещение, при чем решения эти признал подлежащими предварительному исполнению. Уже 16-го марта пять исполнительных листов, выданных мировым судьею присяжному поверенному Иванову, были этим последним переданы для исполнения горному исправнику Галкину, при чем получившие повестки ответчики по всем этим делам от добровольного исполнения решения отказались.

Пред'явление Ленским товариществом исков о выселении участников забастовки и дошедшие до последних сведения о намерении приискового управления прекратить выдачу

припасов внесли значительное возбуждение в рабочие массы. Уже 15-го марта рабочие обратились в горный департамент с телеграммою следующего содержания: «Следствие не производится; отказывают в продовольствии, возможно, выдворят из квартир, жилого места вблизи нет, просим вывезти нас до железной дороги и произвести расчет по десятое сентября как за рабочие дни, ибо контракт нарушило Лензото, имеем данные. Ждем ответа. Восемь тысяч рабочих». Того же числа окружный инженер Александров и горный исправник Галкин телеграммою донесли иркутскому губернатору, что, в виду пред'явления управлением исков о выселении рабочих из казарм, они, признавая, с своей стороны, массовое выдворение рабочих до открытия навигации невозможным, просят указаний, «надлежит ли применять репрессии или держаться мирного окончания». В заключение сего донесения названные должностные лица довели до сведения губернатора, что они «полагали бы справедливым хотя бы небольшую прибавку поторжной и хозяйской платы, при условии выхода на работу». В ответ на этот запрос иркутский губернатор категорически предписал горному исправнику Галкину не прибегать к каким-либо репрессиям и лишь в случае беспорядков или насилий со стороны рабочих «подавлять таковые энергичным образом». По получении телеграммы и донесений исправника Галкина о существе уступок, сделанных рабочим Ленским товариществом, иркутский губернатор телеграммою от 16-го марта довел до сведения департамента полиции о сущности создавшегося на приисках положения и, сообщая о своем решении, в случае удовлетворения мировым судьею исков о выдворении рабочих из казарм, сделать распоряжение о неприведении сих решений в исполнение, в виду неизбежности крупных беспорядков, просил доложить министру внутренних дел, что вина в создавшемся положении всецело падает на Ленское товарищество, «бесконтрольно эксплоатирующее Витимо-Олекминский золотопромышленный район, при полнейшем игнорировании насущных нужд рабочих и требований обязательных постановлений горнозаводского присутствия», и что он, иркутский губернатор, «не усматривает другого выхода из создавшегося положения, как немедленное удовлетворение справедливых и закономерных претензий рабочих».

15-го марта приисковыми управлениями было получено известие о прекращении с 14-го марта работ на отдаленном Иннокентьевском прииске третьей дистанции. Как установлено расследованием, 13-го марта на названный прииск прибыли в качестве представителей забастовавших рабочих вышеупомянутый Матвей Украинцев и рабочий Ивановского прииска Нил Карпов, после чего утром на следующий день никто из рабочих Иннокентьевского прииска на работу не вышел. На состоявшееся в то же утро собрание рабочих был приглашен заведывающий Иннокентьевским управлением Патюков, которому названные Украинцев и Карпов заявили от имени собравшихся, что рабочие Иннокентьевского прииска решили прекратить работы. Вслед засим Патюкову были представлены выработанные на собрании «требования», в которых рабочие, заявляя о присоединении их к «требованиям» рабочих первой и второй дистанций, изложили: 1) ряд ходатайств местного характера, как-то: об увольнении пяти служащих за грубое обращение и фельдшера за неподание медицинской помощи и негуманное обращение с являющимися к нему за советами и артельного старосту «за мошенничество»; о перемене весовщиков в кухне и материальных «за обвешивание на кухне»; о расширении больницы и бани; о назначении особого врача и акушерки, и тому подобные и 2) несколько дополнительных домогательств общего характера, сводящихся к изменению правил внутреннего распорядка, и в том числе о «беспрепятственном под'еме видимого под'емного золота». Вечером того же 14-го марта Украинцев, Карпов и избранный на собрании рабочих рабочий Иннокентьевского прииска Демидов уехали на прииски второй дистанции, но по дороге были задержаны горно-полицейским урядником и препровождены сначала на Светлый, а затем на Верный прииск, где 16-го марта заключены в арестантскую при местном полицейском управлении. Во время кратковременного пребывания 15-го марта на Светлом прииске арестованные сообщили о происходящей забастовке местным рабочим, которые с утра 16-го марта на работу не вышли и затем присоединились к общей забастовке. По доставлении названных лиц на Верненский прииск, узнавшие об их задержании местные рабочие толпою, численностью до 700 человек, направились к квартире горного исправника Олекминского округа Соболева с просьбою об освобождении

задержанных. Выйдя к толпе, исправник отказался исполнить ее требование впредь до выяснения им причины задержания арестованных, обещая с этой целью немедленно лично с'ездить в третью дистанцию, но толпа с криками «освободите их,- их не имели права задерживать», «арестуйте всех нас», «кровопийцы вы, вы держите сторону Ленского товарищества» двинулась к арестантскому помещению и окружила таковое, при чем несколько рабочих проникли внутрь, заполнив коридор и кухню. Прибывший немедленно на место исправник при помощи стражников удалил рабочих из арестантского помещения, а затем, во избежание дальнейших осложнений, вывел арестованных на крыльцо, откуда Украинцев и Карпов обратились к толпе, уговаривая ее разойтись, чему рабочие вскоре и подчинились. При этом толпа требовала, однако, у исправника выдачи расписки в том, что до его возвращения из поездки задержанные никуда не будут переведены. Отказав в выдаче такой расписки, исправник немедленно отправился на Иннокентьевский прииск, по возвращении откуда 18-го марта освободил Демидова, отправил Карпова в сопровождении стражника на Мачу, а Украинцева оставил под стражею, как не имеющего права проживать в приисковом районе.

19-го марта на прииски второй дистанции прибыл отряд киренской местной команды под начальством штабс-капитана Санжаренко. Таким образом в районе забастовки была образована сводная команда нижних чинов бодайбинской и киренской местных команд. Начальство над этой сводною командою, помещение для которой было отведено в народном доме на Надеждинском прииске, принял штабс-капитан Санжаренко. В тот же день горный исправник Галкин решился привести в исполнение определение мирового судьи от 17-го марта о заключении под стражу двенадцати рабочих Феодосиевского прииска, привлеченных в качестве обвиняемых за принуждение посредством угроз других рабочих прекратить работу, а также решение того же судьи о принудительном выселении пяти рабочих того же прииска. По требованию исправника для содействия ему была командирована воинская часть, в составе сорока нижних чинов под начальством прикомандированного к бодайбинской местной команде штабс-капитана Крючкова. По прибытии исправника Галкина в сопровождении воинской части на Феодосиевский

прииск, оказалось, что все подлежавшие выселению и аресту рабочие успели скрыться. В то же время собравшаяся на прииске значительная толпа выражала свое неудовольствие по поводу выселения товарищей в зимнее время, когда им нет возможности найти себе другое помещение. Разыскивая в казармах скрывавшихся рабочих, исправник заметил, что толпа феодосиевских рабочих, численностью до двух тысяч, направляется на Надеждинский прииск к народному дому, в виду чего он немедленно вместе с воинскою командою вернулся на лошадях и, обогнав толпу, поставил команду по железнодорожному пути вблизи от дороги, по которой шли рабочие, после чего сам направился к толпе, которую и успел остановить на расстоянии около двухсот сажен от народного дома. Находившийся в это время на Надеждинском прииске начальник бодайбинской местной команды штабс-капитан Лепин, получив сведения о приближении толпы к отведенному под помещение воинской части народному дому, немедленно прибыл на место и, вызвав взвод солдат, поставил его фронтом к стоявшей на дороге толпе феодосиевских рабочих, а вместе с тем приказал штабс-капитану Крючкову с вверенною последнему командою присоединиться к этому взводу. Вскоре с противоположной стороны к народному дому стала приближаться значительная толпа рабочих Александровского прииска, которая исправником Галкиным через посредство сопровождавших его полицейских чинов была остановлена у моста через реку Аканак, на расстоянии около 200 шагов от народного дома. Появление этой второй толпы заставило военное начальство вывести из народного дома остальные два взвода и поставить—один фронтом к рабочим Александровского прииска, а другой—в виде резерва на площадке перед народным домом. Обе толпы, оставаясь на месте в течение около двух часов, вели переговоры сначала с исправником, а затем с прибывшими на место окружным инженером Александровым и мировым судьею второго участка Хитуном. Как оказалось при этих об'яснениях, рабочие направились на Надеждинский прииск для пред'явления помощнику главноуправляющего Теппану ходатайства прекратить дальнейшее принудительное выселение и продолжать выдавать им продовольствие. Когда Теппан прибыть для переговоров с рабочими отказался, эти последние за-

явили исправнику и окружному инженеру свои претензии на неправильное, по их мнению, выселение, утверждая, что признают решения по сему предмету мирового судьи незаконными. Мировой судья пытался раз'яснить толпе законность своих решений и даже в сопровождении одного из рабочих, назвавшегося ответчиком по делу о выселении и оказавшегося затем другим лицом, удалился в свою камеру и читал текст подлежащих статей закона, но рабочие отнеслись к словам судьи с недоверием. Как удостоверили при расследовании исправник Галкин, окружный инженер Александров и другие очевидцы события, толпа не проявляла враждебного отношения к военной команде, но отдельные рабочие позволяли себе шутить над солдатами и кричали им: «Понадели новые катанки Ленского товарищества; дóма, поди, сроду не нашивали, а тут ленцы и полушубки дали». Во время переговоров с исправником Галкиным толпа рабочих Феодосиевского прииска внезапно легла: обернувшись, исправник увидел, что стоявшие против толпы солдаты держат ружья «на руку». Поняв, что воинская часть приготовилась стрелять, исправник знаками попросил командовавшего частью штабс-капитана Санжаренко отменить распоряжение, что этим последним и было исполнено. Когда вслед засим толпа поднялась, один из рабочих, отойдя в сторону, обратился было к солдатам со словами: «Неужели вы будете в нас стрелять?», но остальные рабочие немедленно заставили его замолчать и втолкнули в толпу. После продолжительных переговоров исправник Галкин убедил рабочих обоих приисков вернуться в свои казармы. Поставленный в известность о происшедшем, иркутский губернатор вновь телеграммою предписал исправнику дальнейшие попытки к принудительному выселению рабочих прекратить до открытия навигации. Распоряжение это было затем утверждено министром внутренних дел, о чем департамент полиции телеграммою поставил в известность иркутского губернатора.

Следует заметить, что еще 18-го марта, накануне прибытия на прииски отряда киренской местной команды, приисковое управление предприняло новую попытку прекратить выдачу рабочим продовольствия. В этот день помощник главноуправляющего Теппан сообщил окружному инженеру и горному исправнику, что управление отказывается производить

отпуск припасов рабочим-должникам, а также сделать рабочим к наступающему празднику св. пасхи так называемую «выписку» (т.-е. отпуск определенного количества крупчатки, чая, сахара, масла и выдачу небольшого количества денег). Слухи о предстоящем сокращении продовольствия дошли до рабочих, среди которых появились признаки волнения. Получив об этом донесение исправника, иркутский губернатор телеграммою от 21-го марта за № 4 предписал приисковой полиции обязать Ленское товарищество продолжать отпускать пищевое довольствие всем рабочим, не исключая должников, на прежних основаниях, а если управление такому распоряжению не подчинится, сделать распоряжение об отпуске продовольствия рабочим «в принудительном порядке», наблюдая, однако, за тем, чтобы количество припасов не превышало нормального, и чтобы отпускаемым в принудительном порядке припасам велся подробный учет. С своей стороны, находя предположенную приисковым управлением меру крайне опасною, окружный инженер Александров 21-го марта предложил помощнику главноуправляющего Теппану выдавать пищевое довольствие в течение семи дней рабочим-должникам в размере, установленном в п. 10 правил внутреннего распорядка, и вместе с тем обязал приисковое управление «в виду наступающего праздника светлого христова воскресения» немедленно сделать распоряжение об отпуске рабочим «выписки». Распоряжениям этим приисковое управление подчинилось, поставив вместе с тем в известность окружного инженера, что вызываемые сим расходы Ленское товарищество на свой счет принять отказывается.

Создавшееся вследствие длительной забастовки на ленских приисках положение побудило начальника иркутского горного управления Оранского назначить заседание горнозаводского присутствия для обсуждения необходимых по сему поводу мероприятий. Обсудив 18-го и 19-го марта, при участии представителя от частной золотопромышленности Карзакова, телеграфные донесения окружного инженера и сведения, поступившие от иркутского губернатора, присутствие пришло к единогласному, за исключением названного Карзакова, заключению: 1) что «договор между Ленским товариществом и приисковыми рабочими разных профессий нарушен по вине первой из договаривающихся сторон, и 2) что допущенные

товариществом нарушения договора и обязательных постановлений выразились в отпуске рабочим недоброкачественных пищевых продуктов и на разных условиях со служащими, в промедлении в подаче медицинской помощи, в грубом обращении служащих с рабочими, в зачислении в разряд горнорабочих тех рабочих, которые наняты по профессии, и в нарушении правил ведения горных работ в видах их безопасности, в смысле неснабжения рабочих непромокаемою одеждою при работе в мокрых забоях». Указав вместе с сим, что товарищество должно принять ряд мер к устранению допускаемых нарушений, присутствие нашло: 1) что миролюбивое соглашение сторон может быть достигнуто лишь путем взаимных уступок общества и рабочих и, главным образом, увеличением заработной платы, и 2) что, в случае, если бы такое миролюбивое соглашение не состоялось, товарищество обязано произвести расчет рабочих и вывезти их до города Киренска, снабдив путевым продовольствием, деньгами или натурою, со дня расчета до прибытия на место.

В тех же видах найти практически приемлемый выход в разрешение возникших затруднений, министерством торговли и промышленности 21-го марта было созвано совещание при участии представителя правления Ленского товарищества. На совещании этом, однако, выяснилось, что правление от повышения заработной платы рабочим отказалось, ссылаясь на неизбежность при увеличении расходов на оплату рабочих закрытия работ на большинстве приисков, дающих в настоящее время лишь незначительный доход. Вместе с тем правление особенно настаивало на удалении с приисков рабочих подлежащих принудительному выселению на основании решений мирового судьи.

22-го марта на прииски прибыл окружный инженер Витимского горного округа Тульчинский, а вечером в тот же день—командированный начальником иркутского губернского жандармского управления помощник последнего по должности ротмистр Трещенков.

23-го марта инженер Тульчинский созвал на месте для обсуждения создавшегося положения особое совещание в составе окружного инженера Александрова, исправника Галкина, мирового судьи 1-го участка Рейна, ротмистра Трещенкова, начальника бодайбинской воинской команды штабс-

капитана Лепина и представителей приискового управления в лице помощника главноуправляющего Теппана и заведывающего второю дистанциею Савинова. На совещании этом Теппан и Савинов отказались от каких-либо дальнейших уступок рабочим, но из'явили согласие принять всех бастующих обратно при условии возобновления работ 1-го апреля.

24-го марта инженер Тульчинский вызвал к себе выборных и вел с ними продолжительные переговоры, в результате которых обещал рабочим, в случае прекращения забастовки, настоять на действительном проведении на приисках всех уступок Ленского товарищества, о которых уже было об'явлено окружным инженером Александровым, а также всех обеспечивающих интересы рабочих требований закона, обязательных постановлений и правил договора, при сохранении за участниками забастовки права на пред'явление исков к товариществу о нарушении договора. По впечатлению, вынесенному инженером Тульчинским из этих переговоров, выборные были удовлетворены предложенными им условиями и выражали намерение уговорить рабочих возобновить работы. В последующие затем дни инженер Тульчинский об'езжал Андреевский, Утесистый и Васильевский прииски, уговаривая рабочих возобновить работы. При об'яснениях с Тульчинским участники забастовки просили изложить для них письменно условия возобновления работ и ходатайствовали о выдаче им для пред'явления исков к товариществу удостоверений окружного инженера в том, что договор нарушен по вине товарищества. Зная из полученной от иркутского губернатора телеграммы о состоявшемся определении горнозаводского присутствия, инженер Тульчинский обещал рабочим Андреевского прииска удовлетворить их просьбу, но впоследствии, по совещании с мировым судьею Хитуном и прибывшим 25-го марта на прииски товарищем прокурора иркутского окружного суда Преображенским, пришел к заключению, что он не уполномочен на выдачу таких удостоверений, а потому принужден был, вопреки своему согласию, дальнейшие ходатайства рабочих по сему поводу отклонять, что крайне неблагоприятно отразилось на последующих его переговорах с рабочими.

В то же время как приисковое управление, так и С.-Петербургское правление Ленского товарищества, с самого начала забастовки пред'являвшие местным и центральным органам

правительства ходатайства о принятии в отношении рабочих репрессивных мер, возобновили свои домогательства по сему поводу. В сих видах помощник главноуправляющего Теппан 20-го марта телеграфировал иркутскому губернатору, что «с начала забастовочного движения бастующие проявили целый ряд насилий мелких и крупных, каковы: обыск полицейских домов, остановка с целью обыска пассажирских поездов, а также продолжающееся до сего времени насильственное удаление с работ небастующих», что исправники и окружный инженер, «почему-то считающие, что забастовка идет мирно», не принимают никаких мер «к исполнению решений и приговоров мирового судьи», а потому, ссылаясь на громадные убытки общества, ответственность за которые всецело падет на местные власти, просил «дать необходимые указания, повидимому, растерявшимся окружному инженеру и горному исправнику». Того же 20-го марта правление товарищества, уже пред'явившее 1.199 исков к рабочим о выселении, телеграммою предписало инженеру Теппану, «несмотря на вялость и бессилие полиции, продолжать пред'являть иски о выселении бастующих, не ограничиваясь зачинщиками забастовки». Вслед за сим на вышеупомянутом состоявшемся 21-го марта по распоряжению министра торговли и промышленности совещании правление через своего представителя признало крайнюю нетактичность одновременного пред'явления «до 300 исков» и, заявляя о решении своем ограничиться выселением лишь сравнительно небольшого числа исключительно зачинщиков, выражало, как это явствует из письма министра торговли и промышленности на имя товарища министра внутренних дел от 22-го марта за № 452, «свою крайнюю озабоченность распоряжением губернатора, приостановившего выселение».

Сообщаемые правлением на основании донесений приискового управления сведения о ходе забастовочного движения и о действиях местных представителей горного надзора и полиции вызывали соответствующие распоряжения органов центрального правительства. Так, по получении департаментом полиции от правления товарищества копии вышеупомянутой телеграммы инженера Теппана от 20-го марта, товарищ министра внутренних дел 23-го марта за № 157 телеграфировал иркутскому губернатору, что, «не находя возможным при наличности указанных в телеграмме Теппана явлений призна-

вать течение забастовки мирным и исходя из соображений, что товарищество должно выполнять только обязательства, вытекающие из договорных отношений, что законные постановления судебных властей подлежат неуклонному исполнению, что пропитание забастовщиков не может быть возлагаемо на обязанность казны», он, товарищ министра, поручает губернатору «безотлагательно дать ротмистру Трещенкову определенные директивы для локализации забастовки, прекращения со стороны забастовщиков всякого рода незакономерных выступлений и выполнения законных постановлений судебной власти».

Получив это предписание, иркутский губернатор телеграммою от 24-го марта донес министру внутренних дел подробные соображения свои, по коим он, не находя достаточных оснований «попирать закон и в угоду интересам Ленского товарищества высылать в административном порядке» принимающих участие «в мирной забастовке рабочих, виновных лишь в нарушении договорных отношений к товариществу», и преподав уже исправнику определенные указания, в видах решительного прекращения всяких беспорядков, признавал с своей стороны, в виду исключительных особенностей местных условий, принудительное массовое выдворение рабочих мерою физически невыполнимою, прекращение же выдачи продовольствия могущим вызвать «бунт на почве голода».

По ознакомлении на месте с создавшимся в приисковом районе положением, ротмистр Трещенков 25-го марта за № 278 телеграфировал начальнику иркутского губернского жандармского управления: «Доношу забастовкой рабочих руководит стачечный комитет, во главе которого стоит ссыльно-поселенец Зелионко. На приисках раз'езжают агитаторы, поддерживающие забастовку. Были неоднократные случаи насильственного снятия рабочих забастовщиками под угрозой избиения, кроме того ими же был остановлен приисковый поезд для осмотра и осмотрены арестные помещения с целью убедиться, что никто не арестован. Постановление мирового судьи об аресте двенадцати рабочих по 1358 статье уложения полицией не приведено в исполнение из опасения столкновения с рабочими. Попытка исправника арестовать не увенчалась успехом, благодаря отсутствию их из казарм, и вызвала собрание рабочих около четырех тысяч человек, остановленных прибывшей

воинской командой. Рабочие до настоящего времени категорически отказываются стать на работы до удовлетворения их требований: повышение заработной платы на тридцать процентов, 8-часовой рабочий день и введение института выборных старост; некоторые прииски даже выставили требование свободной шуровки, т.-е. кражи золота, удовлетворения коих правление Лензото категорически отказалось. Дальнейшее проявление забастовки, по заявлению главноуправляющего, грозит предприятию в виду необходимости экстренных работ для ограждения приисков от затопления весенними водами, в противном случае прииски летом функционировать не будут. Настоятельно нахожу необходимым арестовать агитаторов, стачечный комитет, бастующих ссыльных, кои мною выяснены в числе семнадцати человек, хотя бы для этого пришлось прибегнуть к оружию. Кроме того, на приисках проживает значительное число ссыльных, не имеющих на это права. Есть основание предполагать, что с арестом забастовка будет сорвана. Судебным материалом, распоряжениями губернатора ознакомился вполне. Полицию единственно в чем можно упрекнуть, это в полной растерянности и непринятии мер вначале к прекращению насилий. Растерянность эта вселила уверенность в рабочих, что власти с ними ничего поделать не могут. Администрация Лензото оказывает во всем полное содействие и удовлетворила ряд других требований, касающихся улучшения быта и распорядков. Происходившее 23-го заседание представителей власти и администрации пришло к заключению попробовать уговорить рабочих стать на работы, что принял на себя инженер Тульчинский, и, в случае отказа, двадцать шестого вновь собраться на совещание. Следствии по 125 статье уголовного уложения есть некоторые указания, что забастовка организована ссыльными, и на возможность возбуждения дознания по 129 статье, производство коего в случае возникновения ходатайствую поручить тому же судье, дальнейшем буду телеграфировать. № 278».

Донесение это, сообщенное начальником иркутского губернского жандармского управления департаменту полиции и послужившее основанием дальнейших распоряжений министерства внутренних дел, было основано, как показал ротмистр Трещенков при расследовании, на данных находившегося в производстве мирового судьи 2-го участка предварительного

следствия по делу «о стачечном комитете рабочих на Ленских золотых промыслах» и на сведениях, полученных от помощника главноуправляющего Теппана. К производству предварительного следствия по означенному делу мировой судья приступил 13-го марта на основании телеграфного предложения прокурора иркутского окружного суда, по признакам преступления, предусмотренного пунктом 3 ст. 125 уголовного уложения.

Постановлением своим от 20-го марта мировой судья привлек в качестве обвиняемых по означенному пункту указанной статьи уголовного уложения семнадцать лиц, из которых шестнадцать состояли рабочими Ленского товарищества, а одно—помощником начальника Надеждинской железнодорожной станции, за принадлежность к забастовочному комитету, как сообществу, деятельность коего была направлена к возбуждению рабочих продолжать забастовку. В том же постановлении мировой судья признал, что забастовочный комитет возник уже после прекращения работ, и что начавшаяся неожиданно для самих рабочих забастовка была вызвана исключительно стремлением ее участников улучшить свое экономическое положение. Приведенные выводы мирового судьи были основаны на показаниях допрошенных им в качестве свидетелей чинов полиции и представителей приисковой администрации. Кроме того, представленная одним из свидетелей записка, написанная малограмотно химическим карандашем: «На конный двор. Андреевский комитет требует лошадь для тяжелого больного жене Катунцева 6-го марта 1912. Председатель З . . . . . .» (подпись неразборчива), составление которой приписывалось слесарю мастерских Андреевского прииска ссыльно-поселенцу Зелионко, прозывавшемуся рабочими этого прииска «нашим председателем», устанавливала, по мнению мирового судьи, существование на приисках сообщества лиц, заведомо поставившего целью возбуждение рабочих к устройству стачки, статьею 367 уголовного уложения предусмотренной.

Возобновившиеся с приездом окружного инженера Тульчинского переговоры с рабочими не имели успеха. Несмотря на содействие выборных и в частности Баташева, значительная часть рабочих решительно отказались возобновить работы, чему, по удостоверению целого ряда лиц, в значительной

мере содействовали дошедшие до рабочих сведения о состоявшемся 18/19-го марта вышеуказанном постановлении присутствия по горнозаводским делам, а также возникшая в связи с этим уверенность значительной части участников забастовки в их праве получать с Ленского товарищества плату до окончания срока контракта, т.-е. до 10-го сентября 1912 года. В виду неуспеха переговоров окружный инженер Тульчинский 29-го марта особым об'явлением пригласил рабочих приступить к работам «не позднее крайнего назначаемого им срока, именно, утра 30-го сего марта, при условии: 1) приема Ленским товариществом на работы всех бывших рабочих по новым договорам до конца текущей операции, т.-е. по 10-е сентября 1912 года, и 2) исполнения претензий рабочих, на удовлетворение которых из'явлено Ленским товариществом согласие в особом об'явлении от 7-го марта за подписью окружного инженера статского советника Александрова», с сохранением притом за рабочими, «недовольными расторжением прежнего договора, права обратиться в суд» и с обязательством его, окружного инженера, принимать в будущее время необходимые меры к действительному исполнению товариществом ряда перечисленных в об'явлении требований закона, обязательных постановлений и договора, а также «срочно исходатайствовать перед подлежащею властью трехсменную работу в мокрых забоях, на вахтах и проч., в порядке пункта четвертого инструкции по применению закона 21-го июня 1897 года о продолжительности и распределени рабочего времени на горных заводах и промыслах. В заключение сего об'явления окружный инженер предупредил рабочих, что, в случае их невыхода на работу 30-го марта, с того же числа будут произведены срочные работы особыми «вновь нанятыми рабочими под охраною вооруженной силы, и потому, во избежание несчастий, никто посторонний не должен приближаться к месту таковых работ». Хотя в назначенный срок никто из рабочих не вышел на работу, тем не менее в среде последних стало более резко проявляться уже наблюдавшееся ранее разногласие в вопросе о прекращении забастовки, при чем значительная часть склонялась к возобновлению работы.

27-го марта, согласно последовавшему, по представлению иркутского губернатора, распоряжению министра внутренних дел, ротмистр Трещенков был назначен начальником полиции

в приисковом районе, с подчинением ему горных исправников Витимского и Олекминского горных округов. Мера эта была принята в видах об'единения деятельности полиции в указанном районе.

30-го того же марта ротмистр Трещенков вывесил на приисках об'явление следующего содержания: «Сим об'являю жителям и рабочим приискового района, что никаких насилий или беспорядков мною допущено не будет, и при малейшей попытке к нарушению я восстановлю порядок имеющеюся в моем распоряжении воинскою силою. При этом предупреждаю, что, согласно 30 статьи правил о призыве войск для содействия гражданским властям, войсками будет употребляться оружие после троекратного предупреждения на трубе или барабане, а в крайних случаях и без такового предупреждения. Кроме того, согласно 123 статье угол. улож., виновные в участии в скопище, которое, действуя соединенными силами участников, оказало противодействие вооруженной силе, наказываются каторжными работами».

В тот же период времени иркутский губернатор, имея сведения о продолжающихся переговорах окружного инженера Тульчинского с рабочими и опасясь, чтобы предположенный ротмистром Трещенковым арест членов забастовочного комитета не послужил основанием к возбуждению рабочих и не явился таким образом препятствием к мирному окончанию забастовки, телеграммою от 28-го марта предложил ротмистру Трещенкову отложить арест до окончания переговоров и притом ограничиться задержанием лиц, привлеченных в качестве обвиняемых мировым судьею. Однако, 30-го марта временно заменявшим выехавшего из города Иркутска по делам службы начальника губернского жандармского управления помощником последнего по должности была получена телеграмма от того же числа директора департамента полиции следующего содержания: «Предложите непосредственно ротмистру Трещенкову немедленно ликвидировать стачечный комитет. Если не будет данных для дознания или следствия, возбудите охранную переписку».

2-го апреля, по возвращении в город Иркутск, начальник губернского жандармского управления телеграфировал ротмистру Трещенкову содержание означенного предписания департамента, присовокупив: «Сообщаю об этом для исполне-

ния; телеграмма эта должна быть известна только вам, на нее нигде не должны ссылаться при своих действиях».

Того же 2-го апреля иркутским губернатором было созвано совещание, с участием прокурора судебной палаты, прокурора окружного суда и начальника губернского жандармского управления, по вопросу о своевременности предполагаемых арестов. На совещании этом губернатор высказывался за необходимость продолжать «попытки мирного без обострения улажения конфликта», в виду того, что «уставшие от забастовки рабочие примут еще не об'явленные им новые уступки Ленского товарищества, и эти уступки окончательно разложат забастовку». По обсуждении создавшегося положения, ротмистру Трещенкову и наблюдавшему за следствием товарищу прокурора Преображенскому были посланы одинакового содержания телеграммы, за подписью губернатора и прокурора палаты, с предложением произвести арест членов стачечного комитета лишь в том случае, «если по местным условиям» мера эта будет «содействовать мирному улажению конфликта». Ко времени получения на приисках означенных двух телеграмм рабочие стали проявлять признаки возбуждения, причем, по заявлению выборных, значительная часть участников забастовки перестала их слушаться. Вместе с тем, в рабочую среду проникли слухи о возможности арестов выборных: так, стражник Прокопьевского прииска Ивонинский показал, что незадолго до 4-го апреля рабочие названного прииска, группами от 50 до 100 человек, простояли однажды у железнодорожной станции в ожидании возвращения уехавших на Надеждинскую станцию выборных, боясь, чтобы их не арестовали.

В те же дни рабочие на нескольких приисках начали заготовлять тождественного содержания прошения на имя товарища прокурора с заявлением о том, что податель прошения «прекратил работу» за невозможностью продолжать таковую «вследствие явных нарушений контракта, о которых им, просителем, будет подана жалоба господину мировому судье горного округа, что к прекращению работ насильственных мер принято никем не было, и что к дальнейшему продолжению невыхода на работу «среди рабочих подстрекателей не было». Поводом к составлению таких прошений послужил распространившийся между рабочими слух о сделанном товарищем прокурора некоторым обратившимся к нему рабочим заявле-

нии о том, что каждый, имеющий до него надобность, должен подавать ему отдельное прошение от себя лично.

По удостоверению опрошенного при расследовании выборного Александровского прииска Митрофана Пешкова, 2-го апреля, когда он явился с прошением от имени рабочих прииска об увеличении семейным выдаваемого приисковым управлением пайка к ротмистру Трещенкову, последний, ознакомившись с прошением, возвратил таковое, об'явив, что подобных «анонимчых» прошений принимать не будет, а выборных, которые позволят себе таковые подавать, будет подвергать аресту. Равным образом одним из источников волнений рабочих послужил недостаток продовольствия, особенно резко ощущавшийся в течение праздничных дней семейными рабочими, которые получали паек одинаково с холостыми. Об этом свидетельствует полученная иркутским губернатором утром 4-го апреля телеграмма рабочих, в которой, между прочим, значится: «просим вашего распоряжения; продовольствия семейным для жены и детей не выдается. 10-го марта об'явлен полный расчет, не выдают до сих пор».

Появившиеся признаки возбуждения рабочих об'яснялись представителями местной судебной власти в лице мирового судьи Хитуна и товарища прокурора Преображенского, а также ротмистром Трещенковым воздействием на рабочую массу отдельных руководителей забастовки, а потому арест сих последних был признан необходимым.

О том же телеграфировал 2-го апреля иркутскому губернатору окружный инженер Тульчинский, который, сообщая о появившихся признаках «постепенного разлада среди бастующих», присовокупил, что «арестование некоторых, оказывающих вредное влияние, представляется желательным».

Спрошенный по сему поводу при расследовании Тульчинский заявил, что включил приведенное выражение об аресте некоторых из участников забастовки в свою телеграмму по настоянию ротмистра Трещенкова, который просил поддержать перед губернатором его, Трещенкова, ходатайство о разрешении задержать зачинщиков забастовки. Вместе с тем, по об'яснению Тульчинского, он ко времени отправления означенной телеграммы считал себя в значительной мере связанным в своих действиях телеграммою директора горного департамента от 29-го марта, которою от имени министра торго-

вли и промышленности ему поставлено была на вид несоответствие его действий указаниям, преподанным ему летом 1911 года в конфиденциальном письме от 11-го июня, за № 9.

3-го апреля мировой судья Хитун составил постановление о приводе к следствию обвиняемых, подлежащих допросу согласно постановлению от 20-го марта, а равно двух лиц, привлеченых дополнительным постановлением от 2-го апреля в качестве обвиняемых в преступлении, предусмотренном третьим пунктом статьи 125 уголовного уложения. Утром того же 2-го апреля горно-полицейский урядник Александровского прииска Каблуков, находясь на Надеждинском прииске, получил донесение о том, что все рабочие названного прииска собрались у полицейского дома и требуют приглашения к ним окружного инженера Тульчинского. По докладе об этом ротмистру Трещенкову, этот последний немедленно решил лично отправиться на Александровский прииск в сопровождении урядника Каблукова. Под'ехав к собравшимся у полицейского дома рабочим, ротмистр Трещенков крикнул: «Что вы тут собрались? Разойдитесь!» а затем вместе с урядником вошел в расступившуюся толпу, которая немедленно же сомкнулась вокруг него и на дальнейшие его требования разойтись отвечала непочтительными и насмешливыми замечаниями.

В тот же день окружный инженер Тульчинский, отправляясь на Александровский прииск, заехал к ротмистру Трещенкову, который, узнав о цели его поездки, решительно отказался пустить его одного об'ясняться с александровскими рабочими, в виду угрожающего настроения последних, и заявил, что отправится вместе с ним в сопровождении воинской команды. По прибытии на Александровскую станцию, Тульчинский и Трещенков отправились к рабочим казармам, а сопровождавшая их воинская команда, под начальством штабс-капитана Санжаренко, была выстроена на дороге, в расстоянии около ста сажен от прииска, при чем нижним чинам приказано было зарядить ружья. Во время обхода прииска Тульчинский опрашивал рабочих и уговаривал их встать на работы, ротмистр же Трещенков, сопровождая окружного инженера, резким голосом приказывал толпившимся у входа рабочим разойтись. По окончании об'яснений, Тульчинский и Трещенков вернулись на станцию и вместе с воинскою командою отправились по железной дороге на Надеждинский при-

иск. По свидетельству урядника Каблукова, вслед за от'ездом инженера Тульчинского рабочие выражали неудовольствие последним, говоря: «Мы надеялись, что он войдет в наше положение, а он солдат с собою привез». По удостоверению Тульчинского, ничего угрожающего в настроении рабочих он при этом посещении Александровского прииска не заметил.

При окончательном обсуждении вопроса о порядке и времени исполнения постановления о приводе к следствию рабочих, привлеченных мировым судьею Хитуном в качестве обвиняемых в принадлежности к забастовочному комитету, решено было произвести аресты в ночь на 4-е апреля. Вместе с тем, в видах разыскивания переписки и документов, могущих выяснить деятельность сего комитета и его участников, мировым судьею было постановлено «произвести обыски в казармах рабочих Надеждинского, Васильевского и Андреевского приисков». Задержание рабочих мастерских Надеждинского прииска принял на себя ротмистр Трещенков, арест же лиц, проживающих на приисках Андреевском и Васильевском, поручен был горному исправнику Галкину. Соответственно сему, производство обысков в казармах двух последних приисков возложено было на мирового судью первого участка Витимско-Олекминского района Рейна; исполнение же постановления об обыске в мастерских Надеждинского прииска оставил за собою производивший следствие по делу мировой судья Хитун, при чем наблюдавший за следствием товарищ прокурора Преображенский признал необходимым лично присутствовать при последнем из обысков. В соответствии с сим, названные должностные лица, в сопровождении двух воинских команд, в предположенное время направились в вышеозначенные казармы, в которых и были задержаны подлежащие приводу обвиняемые, за исключением успевших скрыться Зелионко, Быкова и Романова. При появлении судебных чинов и полиции в казармах Надеждинских мастерских большинство рабочих продолжали спать, в виду чего аресты не сопровождались беспорядками, рабочие же Андреевского и Васильевского приисков успели проснуться и, собираясь значительными группами, осуждали распоряжения о производстве ночных арестов, несмотря на то, что вызываемые не уклонились бы от явки в обычном порядке, по повесткам.

Событие 4-го апреля 1912 года.

С утра 4-го апреля на всех приисках Феодосиевского, Нижнего, Прокопиевского и Андреевского управления появились признаки значительного возбуждения рабочих масс. На состоявшихся собраниях рабочие обсуждали ночные аресты, выражая свое возмущение задержанием товарищей, избранных по приказанию властей и приисковой администрации. Одновременно с этим на всех приисках был поднят вопрос о недостаточности пайка, выдаваемого семейным рабочим, а также о необходимости потребовать с приискового управления уплаты полностью заработанных денег.

На Феодосиевском прииске в восьмом часу утра означенного числа близ конторы управления собралась толпа рабочих этого прииска и механических мастерских Надеждинского прииска, численностью до двух тысяч, взволнованных известием о произведенных ночью арестах и о том, что с этого утра при помощи вновь нанятых рабочих намечено возобновление работ по добыче песков в шахте № 46, наиболее богатой содержанием под'емного золота. Эта последняя мера, принятая приисковым управлением, не могла не оказать значительного влияния на настроение рабочих, так как она явилась первою со времени прекращения работ попыткою возобновить добычу песков и притом именно в той шахте, где производство работ было связано с предоставлением вновь нанятым рабочим возможности получения значительной платы за найденные самородки золота, для правильного распределения которой была установлена очередная сменяемость рабочих.

В виду этого собравшаяся толпа выражала не только требования об освобождении арестованных и выдаче расчета, но и о прекращении работ в шахте № 46. О собрании рабочих у конторы местный урядник Тихонов донес по телефону ротмистру Трещенкову, не высказав, однако, никаких опасений по поводу настроения толпы. Несмотря на это, ротмистр Трещенков немедленно, в сопровождении жандармского унтер-офицера Филиных, отправился в народный дом, где пред'явил штабс-капитану Санжаренко требование прибыть с воинскою командою на Феодосиевский прииск, а сам отправился туда же на лошадях. Когда собравшиеся рабочие заметили под'ехавшего ротмистра Трещенкова и одновременно подоспевшую

по железной дороге и приближавшуюся от железнодорожного пути воинскую команду, в толпе послышались крики: «Вот кому идут самородки, которые от нас отбирают и за которые мы сидим в тюрьме», «пусть в нас стреляют, невинных и невооруженных, а мы будем требовать, что нам следует». Остановившись на некоторое время в отдалении от толпы, ротмистр Трещенков признал настроение ее угрожающим, а потому не решился входить в об'яснения с рабочими и уехал с прииска, направившись к шедшей по дороге воинской команде, вместе с которой вернулся к железнодорожному пути. Здесь нижние чины были поставлены вдоль железнодорожной насыпи на расстоянии свыше тысячи шагов от собравшейся у конторы толпы. Вскоре сюда же прибыл предупрежденный ротмистром Трещенковым о своем приезде еще на Надеждинском прииске товарищ прокурора Преображенский, в сопровождении приглашенного последним мирового судьи Хитуна. Названные должностные лица, вместе с воинской командой, в течение четырех часов наблюдали с высоты указанной насыпи за собранием рабочих. За этот промежуток времени ротмистр Трещенков приказал унтер-офицеру Филиных перевезти винтовки и патроны горно-полицейской стражи из полицейского дома Александровского прииска в народный дом, что и было названным Филиных исполнено, а затем через посредство мирового судьи Хитуна вызвал по телефону на Надеждинский прииск штабс-капитана Лепина с частью воинской команды, оставшейся в городе Бодайбо после доставления туда арестованных минувшей ночью рабочих. Никаких мер, однако, к обеспечению своевременного осведомления своего на случай возникновения беспорядков на других приисках ротмистр Трещенков не принял.

Собрание рабочих Феодосиевского прииска и мастерских Надеждинского прииска тем временем продолжалось. Несмотря на отсутствие угрожающих признаков в поведении толпы, местный горно-полицейский урядник Тихонов, предполагая, что рабочие, в виду невыдачи им немедленного расчета, могут начать разгром конторы, и что вследствие этого представится необходимость рассеять толпу оружием, явился к ротмистру Трещенкову и доложил ему об опасности, которая может угрожать квартирам служащих в случае открытия огня, на что начальник полиции, не оспаривая основательности таких опа-

сений, приказал уряднику немедленно предложить служащим очистить занимаемые ими помещения. Поставленные в известность об этом распоряжении служащие вместе с семьями выехали с прииска. После этого, по настойчивому требованию рабочих, к ним был вызван управляющий прииском Самохвалов, с утра находившийся на Надеждинском прииске.

При об'яснении с толпой Самохвалов, между прочим, сказал, что арест выборных произведен по указанию окружного инженера Тульчинского. Зная последнего, рабочие отнеслись к такому заявлению с недоверием и стали настойчиво требовать его вызова. Вскоре после этого инженер Тульчинский, приехавший на Надеждинский прииск и получивший сведения о волнениях на Феодосиевском прииске, направился туда. Увидев по дороге расставленную по линии железной дороги воинскую команду, он остановил лошадь и, подойдя к ротмистру Трещенкову, обратился к последнему с просьбой увести солдат. Когда вслед за тем инженер Тульчинский приблизился к прииску, воинская команда была уведена в народный дом, а ротмистр Трещенков, мировой судья Хитун и товарищ прокурора Преображенский по железной дороге около двух часов пополудни вернулись на Надеждинский прииск.

Когда Тульчинский подошел к толпе, рабочие обратились к нему с упреками за указание им полиции лиц, подлежавших аресту и заявили настоятельные требования немедленного расчета, прекращения дальнейших ночных арестов и закрытия работ в шахте № 46. При об'яснениях с толпой Тульчинский отрицал вышеприведенные указания Самохвалова и обещал настоять на выдаче расчета и на закрытии работ в шахте № 46, а также ходатайствовать перед судебными властями об освобождении арестованных и прекращении ночных арестов. Успокоенные обещаниями Тульчинского рабочие разошлись по казармам и решили до следующего утра, т.-е. до выяснения результатов ходатайства Тульчинского, ничего для освобождения арестованных не предпринимать.

В то же утро на других приисках Ленского товарищества имели место следующие события. Около 5 часов утра рабочие Андреевского и Васильевского приисков, взволнованные произведенными арестами, вместе с присоединившимися к ним рабочими Утесистого прииска, толпою, численностью свыше тысячи участников, направились на Успенский прииск

к окружному инженеру Тульчинскому и, подойдя около 7 часов утра к занимаемому последним дому, заявили ему настойчивое требование об освобождении арестованных в минувшую ночь выборных. Видя чрезвычайное возбуждение рабочих, Тульчинский об'яснил им, что удовлетворить их желания он своей властью не может, но обещает немедленно телеграфировать об их ходатайстве губернатору и лично отправиться на Надеждинский прииск, чтобы выяснить причину ареста и просить товарища прокурора об освобождении задержанных. В заключение Тульчинский об'явил толпе, что даст ответ в 2 часа пополудни на Надеждинском прииске. После этого рабочие, несколько успокоенные, вернулись на свои прииски, заявив, однако, что, если к означенному часу арестованные не будут освобождены, они соединятся с рабочими других приисков, отправятся в город Бодайбо и сами освободят других выборных. Во исполнение данного толпе обещания, окружный инженер в то же утро послал иркутскому губернатору телеграмму, в которой сообщил, что «вследствие произведенных ночью арестов возбужденная толпа рабочих Андреевского, Васильевского и Утесистого приисков, свыше 1.000 человек, явилась к нему с требованием о немедленном освобождении арестованных, угрожая собрать всех рабочих и двинуться в Бодайбо для их освобождения».

О прибытии толпы на Успенский прииск урядник Маньков доложил по телефону ротмистру Трещенкову, который ограничился по сему поводу приказанием наблюдать за рабочими и немедленно донести ему в случае каких-либо беспорядков. С своей стороны, окружный инженер Тульчинский довел до сведения ротмистра Трещенкова о появлении толпы и об угрозах рабочих итти в город Бодайбо для освобождения арестованных.

Возвращаясь с Успенского прииска после об'яснения с Тульчинским, рабочие решили отправиться в этот же день на Надеждинский прииск и просить товарища прокурора об освобождении выборных, подав последнему вышеупомянутого содержания заявления, частью уже заготовленные ими. Таких заявлений впоследствии оказалось до четырехсот. Допрошенный по сему поводу товарищ прокурора Преображенский показал, что за время пребывания его на приисках выборные от рабочих обращались к нему лишь однажды,

а именно днем 3-го апреля, когда явившийся с женами рабочих выборный Баташев заявил от их имени жалобу на оскорбительное для женской чести обхождение с ними служащих. Отказавшись принять это заявление, он, Преображенский, раз'яснил явившимся необходимость подачи отдельного прошения от каждой потерпевшей. Таким образом, начавшееся еще с 2-го апреля заготовление рабочими означенных прошений находило себе об'яснение в ответе товарища прокурора Преображенского по поводу заявления Баташева.

По возвращении от окружного инженера Тульчинского, около ста рабочих Утесистого прииска решили не ходить на Надеждинский прииск, а потому заготовленные ими заявления на имя товарища прокурора передали одному из своих выборных, Гавриилу Боярову, который и отправился для вручения заявлений по принадлежности. Прибыв на Андреевский прииск, Бояров застал там рабочих, уже собиравшихся уходить на Надеждинский прииск, а потому и присоединился к ним. Когда толпа андреевских рабочих проходила мимо Васильевских казарм, васильевские рабочие подошли к ним, и таким образом рабочие обоих приисков направились по линии железной дороги к Пророко-Ильинскому прииску.

Заметив значительные группы рабочих, шедших по линии железной дороги в указанном выше направлении, старший стражник Васильевского прииска Буйнов сообщил об этом по телефону находившемуся на Успенском прииске полицейскому уряднику Манькову, а этот последний, в свою очередь, доложил о том же по телефону ротмистру Трещенкову, на что со стороны последнего никаких распоряжений не последовало.

Между 11 и 12 часами утра на Пророко-Ильинский прииск пришла передовая группа андреевских рабочих, которые и распространили известие о произведенных в минувшую ночь арестах выборных Андреевского и Васильевского приисков. Собравшись, рабочие Пророко-Ильинского прииска толпою направились к полицейскому дому, чтобы узнать причину арестов, а также просить урядника об освобождении задержанных. Вышедший к толпе стражник Ивонинский на требование рабочих вызвать им урядника заявил, что урядник вызван с прииска начальником полиции. Тем не менее рабочие, по об'яснению Ивонинского, стали настойчиво домо-

гаться, чтобы он «по телефону сейчас же достал урядника» или, если это возможно, передал начальнику полиции, чтобы последний сегодня же освободил выборных. Ивонинский сообщил по телефону находившемуся на Надеждинском прииске уряднику Дунаеву требование рабочих, на что последний ответил, что может приехать лишь в 3 часа дня. По показанию урядника Дунаева, указанное выше сообщение было получено им в посетительском помещении на Надеждинском прииске в то время, когда ротмистр Трещенков уже выбыл на Феодосиевский прииск с воинской командой, в виду чего это известие и не могло быть передано начальнику полиции. Узнав от Ивонинского ответ урядника, рабочие двинулись к помещению, где производились раскомандировки рабочих по работам, с тем, чтобы просить управляющего прииском инженера Кобылянского ходатайствовать об освобождении арестованных, об увеличении пайка семейным и об уплате всем рабочим заработанных денег. Несмотря на отказ Кобылянского выйти к толпе, рабочие, под влиянием уговоров станового Соловьева, мирно разошлись по казармам.

К 2 часам дня на Пророко-Ильинский прииск подошли остальные рабочие Андреевского и Васильевского приисков и были встречены выборными от пророко-ильинских рабочих. Узнав, что толпа направляется на Надеждинский прииск к товарищу прокурора, выборные заявили, что и пророко-ильинские рабочие пойдут туда же. Часть пришедших рассыпались небольшими группами по номерам, откуда вскоре стали выходить с пророко-ильинскими рабочими, образуя около казарм толпу. У большинства пророко-ильинских рабочих также имелись заготовленные заявления на имя товарища прокурора. Вскоре собравшаяся толпа направилась по железнодорожному пути к Александровскому прииску, где полученное еще с утра известие об арестах выборных также вызвало некоторое волнение.

Около 9 часов утра почти все александровские рабочие пошли к конторе второй дистанции на Липаевский прииск с тем, чтобы просить начальника дистанции Савинова об освобождении арестованных, а также об увеличении пайка семейным рабочим и о выдаче заработанных денег. Заметив движение толпы, местный урядник Каблуков доложил об этом по телефону ротмистру Трещенкову, который, выслушав

сообщение, сказал ему: «Пускай поговорят, а вы за ними последите». В виду этого Каблуков, не препятствуя движению толпы, почти одновременно с нею направился на Липаевский прииск, но другою дорогою в сопровождении нескольких стражников. Верстах в 1½ от Александровского прииска рабочие встретили ехавшего с Успенского прииска окружного инженера Тульчинского, который, узнав, что они идут просить об освобождении арестованных выборных, заявил, что и сам едет на Надеждинский прииск по тому же делу, и при этом советовал «вести себя тихо, не делать насилий и никого не оскорблять». Об'яснения рабочих на Липаевском прииске с начальником дистанции Савиновым носили вполне мирный характер. Получив от него обещание исполнить на следующий день их просьбу об увеличении пайка семейным и о выдаче заработанных денег, рабочие возвратились к себе на прииск, где и разошлись по казармам.

Приблизительно через час после этого уряднику Каблукову было дано знать по телефону с Пророко-Ильинского прииска о движении толпы рабочих Андреевского, Васильевского и Пророко-Ильинского приисков, о чем он доложил ротмистру Трещенкову, который и на этот раз ограничился приказанием иметь наблюдение за толпою, сказав: «Последите, куда они там идут». При приближении этой толпы урядник Каблуков в сопровождении нескольких стражников выехал к ней навстречу и, не принимая, согласно распоряжению ротмистра Трещенкова, никаких мер к задержанию дальнейшего движения рабочих, пропустил их мимо себя.

По прибытии на Александровский прииск вновь пришедшие рабочие вместе с вышедшими к ним навстречу из номеров Александровских казарм образовали толпу, численностью до 3.000 человек.

Выборные Андреевского и Александровского приисков об'явили толпе, что рабочие решили итти на Надеждинский прииск с прошениями к товарищу прокурора об освобождении арестованных выборных, и что они, выборные, отказываются после арестов ходить к начальству, в виду чего желающие просить об увеличении пайка и об освобождении арестованных должны итти «всем народом». При этом перед толпою были оглашены прошения окружному инженеру и текст заявления на имя товарища прокурора. Среди рабочих

шли разговоры, что, может быть, и феодосиевские рабочие придут на Надеждинский прииск; при этом высказывалось, с одной стороны, опасение, как бы солдаты на Надеждинском не стали стрелять, а с другой—уверенность, что солдаты стрелять не будут, так как рабочие ведут себя мирно. Во время этого собрания один из рабочих Александровского прииска, Петр Лебедев, обратился к уряднику Каблукову со следующими словами: «Вот что, урядник, скажи своему ротмистру, чтобы сегодня он доставил нам арестованных к трем часам или с вечерним поездом, а то, видишь нас сколько, мы все пойдем на Бодайбо и сами возьмем своих арестованных». Вслед за сим вся толпа вышла с прииска. В то же время урядник Каблуков донес по телефону ротмистру Трещенкову, что рабочие Андреевского и Прокопьевского управлений, соединившись с александровскими рабочими, направились по дороге к Надеждинскому прииску. Сделав это сообщение, Каблуков поехал туда же в сопровождении 9 стражников по верхней лесной дороге.

Рабочие, вынужденные вследствие глубины снега итти не более 5—6 в ряд, растянулись по трактовой дороге вереницею, длиною около 200 сажен; часть из них, в количестве до 200 человек, направилась по полотну железной дороги. Проезжавший в начале 5 часа пополудни по трактовой дороге начальник второй дистанции Савинов встретил эту толпу в расстоянии около полутора верст от Надеждинского прииска. Остановив лошадей, Савинов пропустил мимо себя всю толпу, при чем некоторые из рабочих раскланивались с ним и шутя говорили: «Вот мы вам дорогу протопчем». По утверждению Савинова, равно как и всех остальных лиц, видевших направлявшуюся на Надеждинский прииск толпу, в руках у рабочих ни кольев, ни палок, ни иных орудий не было.

Мирный характер общего настроения толпы подтверждается и показанием нескольких встретивших ее в день события свидетелей, на вопросы которых, куда и зачем идут рабочие, некоторые из последних отвечали, что идут подавать прошения об освобождении товарищей.

Получив донесение урядника Каблукова о движении рабочих с Александровского прииска и сообщив это известие товарищу прокурора Преображенскому, ротмистр Трещенков вместе с возвратившимся с Феодосиевского прииска окружным

инженером Тульчинским поехал в народный дом, где застал успевшего вернуться из Бодайбо вместе с частью команды штабс-капитана Лепина, а также штабс-капитана Санжаренко. Немедленно же, по требованию начальника полиции, штабс-капитаном Лепиным было отдано распоряжение вывести всю команду из народного дома.

Когда команда под начальством штабс-капитана Лепина, в составе штабс-капитана Санжаренко и 92 нижних чинов, была выведена на площадку перед народным домом, на место прибыли товарищ прокурора Преображенский и мировой судья Хитун. После непродолжительного совещания решено было поставить команду на перерез тракта, проходящего с Александровского на Феодосиевский прииск, вдоль дороги, ведущей от железнодорожного переезда к народному дому, фронтом к Александровскому прииску. Указанное пространство оказалось, однако, недостаточным для построения развернутым фронтом всей воинской части, а потому около 10 нижних чинов были выдвинуты по железнодорожному пути и поставлены наискось железнодорожной насыпи, углом к остальной команде. В это время на дороге показалась толпа. После построения команды ротмистр Трещенков, штабс-капитан Лепин и Санжаренко, окружный инженер Тульчинский, мировой судья Хитун, товарищ прокурора Преображенский, а также жандармский унтер-офицер Филиных стали на правом фланге команды у железнодорожного переезда.

Последующие события, различно воспринятые очевидцами, были переданы ими при допросе с существенными разноречиями, частью в подробностях, частью в самой их последовательности. Тем не менее, из совокупности данных ими показаний надлежит признать установленным нижеследующее.

При приближении толпы ротмистр Трещенков ходил по железнодорожной насыпи до моста через реку Аканак и кричал рабочим, чтобы они остановились, предупреждая, по утверждению некоторых свидетелей, что, в случае неповиновения, он принужден будет стрелять. Могла ли толпа слышать эти крики на расстоянии, превышавшем в эти первые моменты 150 сажен, выяснить не представилось возможным, но ни один из допрошенных при расследовании и шедших в толпе рабочих не удостоверил, чтобы он слышал предупре-

ждение начальника полиции. Видя, что толпа продолжает свое движение, Трещенков подозвал случайно подошедшего к правому флангу команды стражника Китова и послал его предупредить толпу, чтобы она остановилась или свернула в сторону, на дорогу к электрической станции. Присутствовавший при отдаче сего распоряжения окружный инженер Тульчинский слышал, как ротмистр Трещенков сказал Китову: «Чорт с ними, пусть идут нижнею дорогою».

Китов быстрым шагом отправился исполнять возложенное на него поручение, но встретил толпу уже после того, как она миновала поворот на электрическую станцию. Спрошенный при расследовании Китов утверждал, что при встрече его с рабочими головная часть толпы прошла указанный поворот лишь на 20 сажен. Приведенное об'яснение Китова опровергается, однако, показанием мирового судьи Хитуна, удостоверившего, что в момент посылки Китова ротмистром Трещенковым толпа уже миновала этот поворот, а также показанием других свидетелей о встрече Китова с толпою у угла штабелей, т.-е. на значительном уже расстоянии от упомянутого поворота.

Вслед за Китовым навстречу толпе побежал окружный инженер Тульчинский, который, догадываясь со слов ротмистра Трещенкова, что рабочие Александровского прииска идут на соединение с Феодосиевским, и опасаясь, что толпа не послушается низшего чина полиции, решил сам попытаться убедить рабочих свернуть на другую дорогу. Между тем к правому флангу команды подошли урядник Каблуков и 9 стражников, которые, по распоряжению ротмистра Трещенкова, и были поставлены близ железнодорожного переезда. Когда инженер Тульчинский сбегал с железнодорожного переезда у сторожевой будки, головная часть толпы уже поравнялась с углом штабелей крепежного леса, сложенных рядами в пространстве, образуемом пересечением трактовой дороги с дорогою, ведущею через упомянутый железнодорожный переезд на Надеждинский прииск. В этот момент, по показанию Тульчинского, раздался сигнал к стрельбе. Когда шедшие впереди толпы рабочие, по преимуществу выборные, выйдя из-за штабелей, увидели Тульчинского, они повернули к нему навстречу по дороге на Надеждинский прииск и стали его окружать, постепенно образуя возле него толпу и заполняя

пространство дороги перед штабелями. Тульчинский обратился к собравшимся около него рабочим, настойчиво упрашивая их вернуться в свои казармы или итти другою дорогою. Один из рабочих в это время подал ему прошение от имени рабочих Александровского прииска с ходатайством о прекращении арестов. Бегло просмотрев прошение, Тульчинский снова обратился к толпе, взволнованным голосом умоляя ее вернуться. Находившиеся около него рабочие, часть которых стояли спиной к воинской команде, стали уже выражать готовность исполнить его просьбу, как раздался залп, и вся головная часть толпы, окружавшая Тульчинского, а равно и находившаяся на дороге, легла.

То обстоятельство, что в момент этого залпа толпа приостановилась в своем движении, явствует с несомненностью из целого ряда показаний как рабочих, находившихся в толпе, так и лиц, наблюдавших за ее движением. Все эти свидетели категорически утверждали, что при первых выстрелах многие из рабочих сидели на изгороди и на штабелях, некоторые закуривали.

В таком положении оказались ранеными: одиннадцать лиц, сидевших на изгороди, девять—взобравшихся на штабеля, четырнадцать — закуривающих. Наконец, несколько свидетелей удостоверяют, что выстрелы раздались в то время, когда взобравшийся на штабеля выборный Андреевского прииска Лесных передавал толпе слова Тульчинского, уговаривая ее вернуться.

После залпа стрельба прекратилась, и лежавшие, удостоверившись, что солдаты более не стреляют, вскочили и бросились в разные стороны, но в этот момент стрельба возобновилась, при чем воинская команда стреляла учащенным огнем, пачками. Вскоре, по команде штабс-капитана Лепина, огонь был окончательно остановлен. Произведенными выстрелами были причинены телесные повреждения 372 находившимся в толпе лицам, из коих 170 от полученных повреждений скончались. В числе раненых оказался и стражник Китов.

В рапорте своем, представленным 13-го июня, во время расследования, ротмистр Трещенков утверждал, что к передаче власти начальнику воинской команды он вынужден был действиями толпы, которая, не подчиняясь неоднократным

его распоряжениям разойтись или свернуть на другую сторону, продолжала движение к воинской части, подвергая эту последнюю опасности быть обезоруженною и смятою. Содержащиеся в сем рапорте указания на момент передачи власти начальнику воинской команды противоречивы, так как, с одной стороны, по утверждению ротмистра Трещенкова, воинские сигналы к стрельбе были даны еще до того, как Тульчинский побежал навстречу толпе, а с другой—передача власти состоялась уже в то время, когда толпа окружила Тульчинского. Между тем, как это удостоверено штабс-капитанами Лепиным и Санжаренко, сигнал к стрельбе был подан по команде штабс-капитана Лепина, с соблюдением установленного порядка, лишь после передачи ему начальником полиции полномочий к рассеянию толпы оружием.

При ближайшем выяснении обстоятельств, сопровождавших передачу ротмистром Трещенковым воинскому начальству полномочий на рассеяние толпы оружием, были установлены нижеследующие данные.

Приближавшаяся толпа, численностью около 3.000 человек, вынуждена была, как это указано выше, в виду глубокого снега, итти по узкому полотну зимней трактовой дороги, а потому растянулась на значительное расстояние. Дорога эта близ Надеждинского прииска на протяжении 127 сажен пролегает между огороженными штабелями крепежного леса, с одной стороны, и сначала отвалом, а затем забором, с другой, образуя таким образом узкое отгороженное с обоих сторон пространство. В виду этого пред'явленное ротмистром Трещенковым к толпе требование повернуть в обратную сторону или разойтись не могло быть исполнено в течение короткого времени, даже при готовности толпы этому распоряжению подчиниться. В связи с сим и в показаниях очевидцев события, подтвердивших об'яснение ротмистра Трещенкова о непрерывном движении толпы, несмотря на приказания остановиться, содержатся данные, устанавливающие действительный характер этого движения. Штабс-капитаны Лепин и Санжаренко ограничились в сем отношении общим утверждением, что рабочие продолжали надвигаться на воинскую часть, несмотря на крики ротмистра Трещенкова, который, видя свое бессилие остановить толпу, передал начальнику команды Лепину полномочие рассеять ее оружием,

сказав: «Остановите толпу, остановите». Мировой судья Хитун утверждал, что на дорогу к Надеждинскому прииску навстречу Тульчинскому свернула часть толпы; остальные же рабочие продолжали безостановочно и притом быстрым шагом надвигаться на воинскую часть. Напротив того, товарищ прокурора Преображенский об'яснил, что, когда рабочие окружили Тульчинского, ему, Преображенскому, показалось, что толпу удалось остановить, в виду чего он направился было вслед за Тульчинским, но был удержан мировым судьей Хитуном. Об'яснения товарища прокурора Преображенского о том, что он сделал попытку итти к рабочим вслед за инженером Тульчинским, подтвердил и мировой судья Хитун. Урядник Каблуков и стражники Чегрин, Линев и Воронков видели, как толпа, выйдя из-за штабелей, остановилась, стражники же Шмонин, Тарасов, Воронков и Полянский утверждали, что толпа продолжала, хотя и медленно, двигаться вперед; при этом, однако, Тарасов и Воробьев заметили, что это движение было обусловлено напором задних рядов толпы. То же обстоятельство удостоверила наблюдавшая за толпою с крыльца сторожевой будки у железнодорожного переезда Гликерия Вершинина, по показанию которой вся головная часть толпы, дойдя до конца штабелей, повернула к переезду навстречу Тульчинскому и стала окружать последнего, заполняя вышеупомянутую дорогу, ведущую от трактовой дороги в сторону, почти под прямым углом, на Надеждинский прииск, в виду чего следующим выходившим из-за штабелей рабочим, по выражению свидетельницы, «некуда было податься», и они принуждены были, хотя и медленно, двигаться вперед.

Спрошенные во время расследования, при производстве особого дознания командированным в распоряжение сенатора Манухина штаб-офицером для поручений при командующем войсками иркутского военного округа полковником Смирновым, нижние чины воинской команды, различно передавая отдельные моменты события, единогласно утверждали, что толпа непрерывно и притом быстрыми шагами наступала на них. Многие из них слышали крики в толпе: «Идем, идем, мы не боимся солдат», «мы их шапками закидаем», а один из допрошенных рядовых киренской местной команды, Ефим Аксенов, даже расслышал, как кто-то в толпе кричал: «Идите,

идите вперед, бодайбинцы нам ничего не сделают, а киренцы нам капуста». Сильное впечатление на некоторых нижних чинов произвел рабочий в красной рубашке, который впереди толпы махал чем-то и возбуждал толпу итти вперед. При этом, однако, большинство допрошенных настаивали на особенно ярко проявившемся намерении толпы броситься на войска после первого залпа, когда вслед за наступившей на несколько мгновений тишиной рабочие с криками, похожими на «ура», бросились вперед. Оставшийся неопрошенным при расследовании, за выбытием с приисков, и допрошенный при производстве предварительного следствия по делу о нападении на войско унтер-офицер киренской местной команды Прокопий Абрамов утверждал, что в этот момент около пятидесяти рабочих оказались на мосту через реку Аканак. Приведенные показания находят себе об'яснение в сильном волнении нижних чинов в течение события. Такое состояние этих последних, не отвергаемое ими самими, явствует из целого ряда данных. Так, прежде всего, командовавший воинскою частью, как старший, в чине начальника бодайбинской местной команды штабс-капитан Лепин показал, что, когда после первого залпа толпа вскочила и двинулась с криками «вперед», он скомандовал: «Рота, пли». Однако команда эта, как установлено вышеупомянутым дознанием полковника Смирнова, не была немедленно же в точности выполнена нижними чинами, стрелявшими в течение некоторого времени пачками, при чем по подсчету патронов, каждым из нижних чинов было выпущено при возобновлении стрельбы от семи до восьми патронов. Во время той же стрельбы пачками трое нижних чинов киренской команды Паршин, Красноперов и Рубан, с возгласом: «нас обходят», без команды обернулись и выстрелили по направлению к приближавшейся к месту событий небольшой кучке рабочих Феодосиевского прииска, один из которых был этими выстрелами убит, а другой ранен. При выяснении затем обстоятельств, сопровождавших возобновление стрельбы, штабс-капитаны Лепин и Санжаренко, мировой судья Хитун и товарищ прокурора Преображенский показали, что после залпа лежавшая толпа вскочила и с дружным криком бросилась вперед. Крик этот, по заявлению Преображенского, напоминал: «ура».

Совершенно в ином виде представляется это движение толпы по показаниям урядника Каблукова и вышеуказанных стражников, которые определенно утверждали, что вскочившие после залпа рабочие стали разбегаться в разные стороны, преимущественно к штабелям; движение же вперед произошло в средней части толпы, а не в головной. Некоторые из стражников видели замеченного нижними чинами рабочего. По об'яснению стражника Чегрина, это был раненый, который, поднявшись, махал руками и, по выражению свидетеля, «страшным голосом», «как растерянный», кричал: «Так добивайте». Осмотром места события установлено, что ближайший к воинской команде труп был поднят в расстоянии от нее в 61 сажени (или в 183 шагах) и в шести саженях не доходя до находящегося на трактовой дороге места через реку Аканак, отделявшего толпу от воинской части.

При оценке показаний свидетелей, принимавших участие в сложных событиях, несомненное значение имеет общее впечатление, вынесенное от таких событий посторонними очевидцами. Одним из таких свидетелей столкновения толпы с воинскою частью был священник находящейся на Надеждинском прииске церкви отец Александр Черных, который наблюдал за происходившим с возвышенности близ названного прииска. Увидев падавших после выстрелов рабочих, отец Александр поспешил домой и здесь отдал распоряжение отнести немедленно в церковь все документы и книги, так как был уверен, что после происшедшего толпа будет громить и жечь дома. Собираясь затем ехать напутствовать умирающих, он присел выпить стакан чая, но упал со стула, пораженный ударом. На следующий день после исповеди и причастия святых даров отец Александр Черных, почти потерявший способность речи, по-якутски сказал напутствовавшему его священнику благовещенской приисковой церкви отцу Николаю Винокурову: «Как скотин их, рабочих, повалили, от этого я упал».

Все перечисленные выше очевидцы события при расследовании единогласно удостоверили, что рабочие ни кольев, ни палок, ни иных орудий в руках не имели. В сем отношении, как видно из актов возникшего после события 4-го апреля предварительного следствия по делу «о скопище рабочих, учинившем в Надеждинском прииске Ленского золотопро-

мышленного товарищества нападение на войско», при допросе мировым судьею Хитуном, в качестве свидетелей, штабс-капитанов Лепина и Санжаренко, эти лица показали, что до произведенных в толпу четырех залпов первый из них заметил в руках некоторых рабочих палки, а второй видел толпу, вооруженную длинными палками. При этом штабс-капитан Лепин заявил, что «с места, где лежали убитые, провезли сейчас же два собранных полициею и мировым судьею воза палок, кольев, железных прутьев и кирпичей, которых до этого на дороге не было на снегу». По сему поводу находящимся в означенном следственном деле протоколом произведенного мировым судьею 4-го апреля осмотра места преступления удостоверяется, что «в местах обнаружения убитых и раненых подобраны были колья, палки и кирпичи» и что «около дороги ни строящихся зданий, ни складов кирпичей не оказалось». Спрошенные при расследовании мировой судья Хитун, товарищ прокурора Преображенский, урядник Каблуков, жандармский унтер-офицер Филиных и другие лица показали, что после уборки раненых и убитых в день события 4-го апреля мировой судья Хитун в присутствии товарища прокурора Преображенского, начальника полиции ротмистра Трещенкова и других полицейских чинов, произвел осмотр местности, при котором по распоряжению как мирового судьи, так и начальника полиции при помощи чинов полиции были подобраны на дороге и около дороги такие не примерзшие к снегу предметы, которых, по впечатлению собиравших, до события на месте не было. По об'яснению жандармского унтер-офицера Филиных, означенное распоряжение было сделано ротмистром Трещенковым и понято свидетелем, как приказание собирать доказательства того, что «рабочие имели при себе оборону». При осмотре судебным следователем по особо важным делам означенных, приобщенных к делу в качестве вещественных доказательств, предметов, оказалось, что на-ряду с двенадцатью жердями, девятью обломками кирпичей, оглоблею, двумя поленами, железною проволочною тростью, четырнадцатью палками, частью гнилыми, полицейскими чинами были подобраны четыре доски, два обломка досок, тринадцать обломков дерева, обломок сгнившей ветки и т. п. Допрошенный судебным следователем по особо важным делам Григорий Петлин показал, что за 3—4 дня до событий 4-го апреля какой-то проезжав-

ший близ угла штабелей якут бросил около дороги сломанную оглоблю, похожую на приобщенную к делу. Служащий Ленского товарищества Литвинцев удостоверил, что по дороге, по которой шли рабочие, зимою производилась несколько раз возка кирпичей. Наконец, из показаний лиц, участвовавших в уборке убитых и раненых, видно, что при этом приходилось разбирать окружающие штабеля, заборы, и что часть раненых была унесена самими рабочими на носилках, сделанных из жердей этого забора.

Из данных освидетельствования лиц, получивших поранения 4-го апреля при выстрелах, произведенных в толпу воинскою командою, и из показаний сих лиц при расследовании явствует: 1) что из общего числа 202 раненых десяти лицам причинены фронтальные поранения, шестьдесят девять ранены сзади, шестьдесят два—сбоку, в отношении же остальных положение их в момент получения повреждений не могло быть с точностью определено, и 2) что 117 человек из общего числа раненых в момент поранения находились в лежачем положении, 37 стояли, а положение остальных осталось неустановленным.

Точное число оставшихся убитыми на месте выяснить не представилось возможным; значительная часть раненых скончалась вскоре после доставления их в больницы Ленского товарищества. Свойство поранений, причиненных убитым на месте и умершим от ран рабочим, равным образом не могло быть установлено вследствие того, что осмотра трупов на возникшем по делу предварительном следствии вовсе произведено не было.

Из лиц, беседовавших с ранеными непосредственно после события, был допрошен вышеназванный священник отец Николай Винокуров, прибывший утром 5-го апреля в больницу для исповеди и причащения умирающих. В собственноручно написанном отцом Винокуровым показании значится:

«Окончив исповедь, приступил к приобщению святых тайн, израсходовав здесь до 150 частиц святых даров, затем, обходя все палаты, стал расспрашивать о случившемся. Все до одного во всех палатах заявили, что шли к Надеждинскому прииску с целью и одною лишь ею—чтобы подать прошения г. товарищу прокурора, и недоумевали, за что могли их стрелять. Некоторые высказывали, что почти все они бывшие

строевые солдаты, отлично знающие порядок наступлений и отступлений, если бы имели мысль о нападении на войска, могли ли итти такой густою толпою, разве нельзя было обойти кругом и в далеком друг от друга расстоянии, и что у них, кроме спичек и папирос, ничего не было. Это заверили и это же говорили и те из них, которые тут же при мне умерли. Умирающие не врут».

VII.

СТЕНОГРАФИЧЕСКИЕ ОТЧЕТЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ[1]).

№ 125.

ТРЕТИЙ СОЗЫВ. СЕССИЯ V. ЧАСТЬ III.

Заседание девяносто девятое, понедельник, 9-го апреля 1912 года.

Вечернее заседание возобновляется в 4 ч. 22 мин. пополудни под председательством председателя Государственной Думы.

Председатель. Заседание возобновляется. Приступаем к обсуждению внесенных срочных заявлений о запросах. Предлагаю Государственной Думе рассматривать эти заявления вместе, не ограничивая, однако, числа ораторов, положенных по § 103 наказа по каждому запросу. Таким образом, будет предоставлено слово трем первым подписавшим запросы и шести членам Государственной Думы, высказывающимся за спешность, и шести—против спешности. Угодно Государственной Думе согласиться с таким порядком обсуждения заявлений о запросах? (Баллотировка.) Принято. Прошу г. секретаря доложить заявления о запросах в порядке их поступления.

Секретарь Государственной Думы. Заявление о запросе фракции конституционалистов-демократов.

«Г-ну председателю Государственной Думы. В конце февраля месяца текущего года в Ленском золотопромышленном районе началась забастовка рабочих в предприятиях Ленского золотопромышленного товарищества. Это обстоятельство в пол-

[1]) Истор.-рев. архив. Фонд чрез. следств. комисс. сен. Манухина, д. 186. Отчеты печатаются с сокращениями, которые в соответствующих местах оговорены. *Ред.*

ной мере оправдывало пред'явление рабочими ряда экономических требований, направленных к улучшению их материального положения. Помимо того, действиями администрации Ленского товарищества в целом ряде случаев были нарушены договорные требования, проистекающие из устава о промышленности и устава горного, коими регулируются взаимные отношения между предпринимателями и рабочими. Начавшаяся забастовка протекала свыше месяца совершенно мирно, и рабочие не подавали повода к предположениям о возможности каких-либо насильственных действий с их стороны. В частности, следует отметить, что водоотливные работы, прекращение которых могло бы явиться гибельным для предприятия, продолжались беспрепятственно, и часть их была прекращена самой приисковой администрацией исключительно по материальным соображениям. Тем не менее, администрация озаботилась командированием в приисковый район отрядов войск, а в дальнейшем приступила и к активным действиям, направленным против рабочих. На основании предположения, что рабочие желают стать на работу и не делают этого лишь под влиянием своих выборных, был произведен арест десяти из числа последних. Из правительственного сообщения не видно, какое обвинение было пред'явлено арестованным, телеграмма же рабочих утверждает, что арест выборных последовал под предлогом неявки их по вызову судебного следователя, между тем как никаких повесток о явке они не получали. Арест выборных представителей рабочих без видимой причины произвел чрезвычайно тяжелое впечатление на массу рабочих, естественно увидевшую в этом акте вмешательство администрации в экономическую борьбу, с целью оказать помощь предпринимателям. 4 апреля, на другой день после ареста выборных, рабочие двинулись массою к помещению, занимаемому командированным на место товарищем прокурора, с целью добиваться от него освобождения арестованных. В 120 саженях от квартиры товарища прокурора к толпе обратился с просьбой остановиться окружной инженер Тульчинский, сопровождаемый двумя стражниками. Шедшие впереди толпы остановились и вступили в переговоры с Тульчинским, но задние ряды не поняли причины остановки и продолжали двигаться. В этот момент совершенно неожиданно солдатам было отдано распоряжение стрелять, и рядом залпов было

убито около двухсот человек рабочих, а еще большее число ранено. Выстрелы продолжались и после того, как толпа, спасаясь от пуль, легла на землю; при этом инженер Тульчинский лишь случайно спасся, а один из сопровождавших его стражников был убит. Из всех обстоятельств этого дела с очевидностью усматривается совершенно недопустимое применение вооруженной силы против мирной толпы рабочих. По сообщениям с мест, во всех описанных событиях руководящая роль принадлежала товарищу прокурора окружного суда Преображенскому, жандармскому ротмистру Трещенкову и мировому судье Хитуну.

На основании вышеизложенного, нижеподписавшиеся предлагают пред'явить министрам юстиции и внутренних дел нижеследующий запрос:

1) Известно ли министрам, что подведомственные им лица, в целях содействия интересам предпринимателей, вмешались в протекающую мирно забастовку, при чем судебные власти распорядились об аресте выборных представителей рабочих под вымышленным предлогом неявки их по вызову судебного следователя, в непосредственной связи с чем произошел ничем не вызванный массовый расстрел мирной толпы рабочих.

2) Если известно, то какие меры предполагают министры принять для привлечения виновных к законной ответственности. Настоящий запрос просим признать спешным».

Заявление о запросе социал-демократической фракции:

«Г-ну председателю Государственной Думы. 29-го февраля на Ленских приисках вспыхнула стачка 6.000 рабочих. Условия труда на приисках, по свидетельству официальных источников, были весьма неудовлетворительны. Рабочие страдали, кроме того, от низкой заработной платы, плохой пищи, поставщиком которой была администрация, дурных жилищных условий казарм, предоставленных рабочим той же администрацией, грубого обращения и т. д. Особенно важно ограничение, вопреки закону о найме, права рабочих на судебную защиту. Рабочие по договору с администрацией приисков не имели права возбуждать против нее судебных исков. Требования, выставленные рабочими, сводились в существенных чертах к следующему: 1) Восьмичасовой рабочий день вместо десятичасового. 2) Увеличение платы на 30%. 3) Отмена штра-

фов. 4) Отмена расчета талонами на товар из лавок компании. 5) Признание избранной рабочими комиссии, следящей за правильностью замера забоев и выработки породы. 6) Увольнение рабочих с согласия рабочей комиссии. 7) Неприкосновенность делегатов рабочих. 8) Вежливое обращение. 9) Улучшение медицинской помощи. 10) Оплата сверхурочных работ по соглашению и оплата времени хождения в отдельные пункты, как за работу. 11) Выдача расчетных книжек на руки. 12) Регулярная уплата денег за дни болезни и увечья по вине предприятия. 13) Увольнение 27 лиц из администрации. Требования рабочих непосредственно свидетельствуют о нарушении администрацией приисков законов об охране труда. Вопреки требованиям закона, администрация практиковала воспрещенный расчет товарами, задерживала в конторе расчетные книжки, не уплачивала за дни болезни и увечья. Что касается прочих требований, то все они, без исключения, не противоречат нашему законодательству и направлены к улучшению условий труда и жизни рабочих. Так, большинство пунктов относятся к разряду правил внутреннего распорядка, кои могут быть устанавливаемы путем соглашения сторон для каждого предприятия отдельно; требование «признания избранной рабочими комиссии» (п. 5) принципиально не расходится со смыслом закона 10-го июня 1903 г. о старостах; наконец, особенно пугающее воображение требование восьмичасового рабочего дня, взятое из программы социал-демократической рабочей партии, во-первых, осуществлено уже в целом ряде предприятий (в том числе и казенных), во-вторых, наш закон устанавливает максимальную продолжительность рабочего дня, не воспрещая дальнейшее сокращение ее до любых размеров по взаимному соглашению сторон. Справедливость требований рабочих была настолько очевидна, что чины горного надзора, на обязанности которых лежит улаживание конфликтов, вели переговоры с рабочими именно в пределах этих требований. Вместе с тем губернское присутствие признало жалобы рабочих основательными и заслуживающими удовлетворения, каковое постановление, впрочем, было опротестовано губернатором. Таким образом, уже в самом начале конфликта в дело вмешались представители правительства. Воспитанная на произволе, годами практиковавшемся правительством в отношении борющегося пролетариата, мест-

ная администрация в полном об'еме усвоила себе приемы насильственной расправы со всеми проявлениями самодеятельности рабочих. В течение целого месяца стачка протекала совершенно мирно, несмотря на разношерстный состав прискового населения. Спокойное поведение и выдержанность его следует отнести исключительно за счет деятельности избранной рабочей комиссии. Никаких насильственных действий со стороны рабочих проявлено не было. По свидетельству бар. Гинцбурга, одного из заправил Ленского товарищества, правление незадолго до расстрела рабочих считало даже возможным пойти на уступки в ряде пунктов. Согласно сообщению «Осведомительного бюро», забастовка к концу марта шла на убыль. Одним словом, для применения экстренных мер и усмирения рабочих военной силой никаких оснований не было. Тем не менее, 29-го марта общее командование усиленным военным отрядом было вручено специально командированному жандармскому офицеру Трещенкову, известному, по сообщениям газет, прошлой провокаторской деятельностью. Становится очевидным, что, стремясь к скорейшему прекращению забастовки, Ленское товарищество, в делах которого заинтересован ряд крупных капиталистов и высокопоставленных лиц, решило, совместно с правительственными агентами, подавить забастовку военной силой. Первым же шагом жандармского офицера, заявившего, как сообщают газеты,—или расстрел, или прекращение забастовки,—был арест делегатов от рабочих, руководивших переговорами с администрацией приисков. Делегаты в свое время были избраны по предложению местного исправника и окружного горного инженера. Арест этот можно истолковать только как меру, рассчитанную на возбуждение негодования рабочих, дабы, вызвав их на какие-либо насильственные действия, иметь повод для применения военной силы. План вполне удался. Узнав об аресте товарищей, рабочие потребовали их освобождения. Согласно телеграмме рабочих, дальнейшие события рисуются в следующем виде. «Мы, рабочие, пошли с заявлениями на Надеждинский прииск к товарищу прокурора, где, не доходя места пребывания прокурора, были остановлены окружным инженером Тульчинским, вручили ему заявление и просили доложить прокурору от рабочих об заявлении. В это время раздались выстрелы стоящих войск на расстоянии 150 саж., без всяких

предупреждений начальствующих войском. При первом выстреле все положились на землю, с окружным инженером, которого спасли от смерти только трупы рабочих; вместе с ним лежал стражник, которого ранили. Не обращая внимания на то, что рабочие лежали на земле и во время перерыва ползли обратно, они продолжали стрелять беспрерывно. Поднято трупов до ста пятидесяти, ранено до двухсот пятидесяти». В угоду кучке алчных капиталистов, строящих свое благосостояние на азартной биржевой спекуляции, принесены интересы тысяч рабочих. В интересах предпринимателей сотни семейств лишены кормильцев, сотни детей лишены отцов, жены—мужей. На далеких приисках совместными усилиями правительства и предпринимателей вырыты сотни могил, и к ним обращены теперь взоры всего рабочего класса. И от имени всего рабочего класса России мы констатируем следующее. Указом 2-го декабря 1905 г. за рабочими признано право стачек. Наказуются лишь забастовки в предприятиях, имеющих государственное или общественное значение. Меж тем, волей местных агентов правительства, причисливших к таковым и золотопромышленность, право Ленских рабочих на стачку уничтожено. Но кровавая ленская трагедия является одним из более ярких выражений общей правительственной политики. Правительство вновь возвращается к старым испытанным приемам борьбы. Вновь повторяются златоустовская, домбровская и иные бойни, повторяется день 9-го января. Простые меры в виде высылки, арестов, преследования печати и союзов, очевидно, признаны недостаточными. И в ответ на требование свободы коалиции, стачек, союзов, собраний—правительство и капиталисты ответили горячим свинцом. В виду всего вышеизложенного мы, нижеподписавшиеся, на основании ст. 33 учр. Гос. Думы, предлагаем Государственной Думе принять нижеследующий запрос: 1) Известно ли председателю совета министров и министру внутренних дел, что 4-го апреля 1912 г. на приисках Ленского золотопромышленного товарищества за участие в экономической стачке, во время переговоров с чинами горного надзора, произведен расстрел рабочих, при чем убито 270, включая и умерших от ран, и ранено 250. 2) Если известно, то что намерено предпринять правительство для выяснения истинных виновников бойни и привлечения их к законной ответственности,

а также для предотвращения на будущее время подобных кровавых расправ с бастующими рабочими? Запрос просим признать спешным».

Заявление о запросе фракции союза 17-го октября.

«Г-ну председателю Государственной Думы. Газетные известия и правительственное сообщение, распубликованное 6-го сего апреля, огласили сведения о том, что на приисках Ленского золотопромышленного товарищества 4-го апреля при возникших в среде рабочих волнениях была применена мера воздействия вооруженною воинскою силою. Несколькими залпами было убито 107 рабочих, ранено 83. Из тяжело раненых, по сведениям газет, скончалось 40, кроме того, легко раненых насчитывается до 150 чел. По имеющимся сведениям, указанные волнения возникли вследствие ненормального положения рабочих на приисках Ленского товарищества, созданного явным нарушением со стороны товарищества правил взаимоотношения его к рабочим. Общая картина всего происшедшего, при отсутствии сведений как о насильственных действиях со стороны рабочих, так и о пострадавших в среде войск не дает возможности усмотреть те условия и обстоятельства, которые оправдывали бы необходимость и давали законное основание для применения огнестрельного оружия со всеми тягостными последствиями такой меры, вызвавшей смерть 147 чел. и поранение 193. В виду этого, мы, нижеподписавшиеся члены Государственной Думы, предлагаем Государственной Думе принять следующий запрос: 1) Известно ли министру внутренних дел, что во время возникших волнений среди рабочих на Ленских золотых приисках незаконно, в виду отсутствия достаточных оснований, было применено действие огнестрельным оружием? 2) Известно ли министру торговли и промышленности, что отношения Ленского товарищества к рабочим на приисках товарищества не соответствовали закону? 3) Если известно, то какие меры они предполагают принять для привлечения виновных к законной ответственности? Запрос просим признать спешным».

Председатель. В порядке ст. 40 учр. Гос. Думы внесено заявление об обращении к правительству с вопросом по поводу событий, имевших место на Ленских золотых приисках. Заявление это подлежит обсуждению в порядке

§ 101 наказа. Прошу г. секретаря Государственной Думы огласить это заявление.

Секретарь Государственной Думы. «Г-ну председателю Государственной Думы. В изданиях повременной печати появились сведения о том, что на приисках Ленского золотопромышленного товарищества среди рабочих в течение продолжительного времени господствовало брожение. Рабочие пред'являли коллективные требования, которые не получили удовлетворения, достаточного с их точки зрения. Это обстоятельство послужило поводом к возникновению рабочих беспорядков, закончившихся 4-го сего апреля столкновением с войсками, при котором было убито рабочих около 150 чел. и таковое же количество оказалось раненых. По сведениям некоторых печатных органов, рабочими пред'являлись требования закономерные, не получившие удовлетворения лишь в виду отсутствия надлежащей защиты их интересов со стороны местных представителей власти. Перейти с приисков товарищества на иные, чтобы иметь заработок в той же местности, массы рабочих не могли в виду того, что почти все разрабатываемые местные прииски находятся в монопольном пользовании того же Ленского товарищества. Таким образом, рабочие находились якобы в безвыходном положении, что и послужило исключительной причиной возникновения беспорядков. Эти сведения дают основание предполагать отсутствие надлежащей внимательности со стороны представителей местной власти к интересам рабочего населения, находящегося в особо тяжелых условиях зависимости от работодателей. Исключительные обстоятельства дела послужили поводом к пред'явлению Государственной Думе целого ряда заявлений о запросах. В виду изложенного мы, нижеподписавшиеся, предлагаем Государственной Думе пред'явить министрам внутренних дел и торговли и промышленности нижеследующий вопрос в порядке ст. 40 учр. Гос. Думы: 1) имели ли место в действительности оглашенные в печати обстоятельства дела, указывающие на долговременное бездействие местных властей в смысле удовлетворения законных требований рабочего населения на приисках Ленского золотопромышленного товарищества? и 2) если указанные обстоятельства имели место в действительности, то какие меры приняты министрами к выяснению степени виновности местных должностных лиц

и к удовлетворению законных требований рабочих?» Первый подписавшийся Балашов.

Председатель. Переходим к обсуждению вопроса о спешности доложенных заявлений о запросах. Слово принадлежит первому подписавшемуся члену Государственной Думы Некрасову.

Некрасов (Томская губ.). Г.г. члены Государственной Думы. Те ужасные события, которые являются предметом нашего запроса, глубоко взволновали самые разнообразные слои русского общества. В самых различных формах, в самых различных словах и из различных источников исходит требование о необходимости пролить полный свет на это ужасное дело. Я думаю поэтому, что мне нет надобности сколько-нибудь подробно останавливаться на вопросе о необходимости спешно принять настоящий запрос. Я думаю, что как для нашего запроса, так и для двух других, параллельно с ним внесенных в Государственную Думу, должна быть обеспечена не только спешность обсуждения, но и спешность их принятия. И задача, которую я ставлю себе, задача мотивировки запроса,—она имеет несколько иной характер, чем голая мотивировка спешности. Я считаю необходимым в этот момент, когда событиям на Лене дается самое разнообразное освещение, я считаю своей обязанностью выделить из этих событий то, что, по нашему мнению, является наиболее существенным, то, что требует в первую очередь яркого освещения и выяснения. Эта задача, поставленная нашим запросом, может быть в основной своей идее формулирована таким образом: мы видим вмешательство правительственной власти в сферу экономических взаимоотношений, в мирную забастовку, в экономическую борьбу между трудом и капиталом, при чем правительственная власть определенно занимает позицию рядом с представителями капитала. Мы видим, что следствием этого является ряд незакономерных действий, кончающихся ужасной катастрофой 4-го апреля, и мы останавливаемся прежде всего на основном вопросе о вмешательстве правительственной власти во взаимные отношения труда и капитала. Мы знаем, что в среде Государственной Думы не может быть полного единодушия по этому вопросу. Мы, сторонники широких социальных реформ, придерживаемся того глубокого убеждения, что дело правительственной власти вмешиваться

в сферу экономических взаимоотношений в интересах слабейшего, что задача всякого разумного законодательства и всякой разумной правительственной власти заключается в том, чтобы по мере возможности проводить в жизнь идеи социальной справедливости. Мы знаем, что в вашей среде найдутся и сторонники иного мнения, сторонники полного невмешательства государственной власти в сферу экономических взаимоотношений, найдутся, по всей вероятности, и люди, которые стоят на диаметрально противоположной нам точке зрения и считают необходимым вмешательство власти, но в совершенно обратном смысле. В данный момент для этих разногласий нет места, г.г. Я утверждаю, что в ленских событиях на стороне рабочих была не только социальная справедливость, на их стороне была и формальная правда. В самом деле, обратитесь к совершенно автентическому (?) документу,—к той телеграмме Петербургского агентства, которая напечатана сегодня во всех газетах и которая сообщает уступки, сделанные Ленским товариществом рабочим. В числе этих уступок вы найдете такую, например, характерную уступку, как отмена талонов, иначе говоря, уничтожение расплаты за работу не деньгами, а талонами на товары. Г.г., ведь здесь вы имеете дело с прямым нарушением закона. Если такую уступку считают возможным официально опубликовать, ведь это значит, что ст. 99 уст. о промышл. нарушалась ежеминутно. В материалах по ленским событиям вы найдете указание на ряд других правонарушений,—вы найдете указание на то, что рабочим воспрещалось пользоваться судебной защитой в борьбе против каких-либо злоупотреблений администрации Ленского товарищества, вы найдете ряд других фактов и поймете, почему иркутское присутствие по горнопромышленным делам пришло в своем заседании к совершенно категорическому заключению, что договор между товариществом и рабочими был нарушен по вине товарищества. Я не знаю, было ли это решение присутствия окончательно утверждено подлежащими административными органами, генерал-губернатором или его заменяющим лицом, но я знаю, что мнение генерал-губернатора, опубликованное в газете «Новое Время», если не в текстуальных выражениях, то по духу совершенно совпадает с тем решением, которое было принято присутствием по горнопромышленным делам.

И вы поймете, г.г., что такое отношение двух тяжущихся сторон, при котором на стороне слабейшей был кроме того и закон, такое положение дела обязывало правительственные органы на местах к особо бережному отношению; оно заставляло их соблюдать сугубую осторожность в вмешательстве, чтобы не наклонить чашку весов, и без того тяготеющую в силу социальных отношений на сторону предпринимателей, чтобы не наклонить ее в ту же сторону еще больше. Мы знаем, что делаются попытки, я скажу, недостойные попытки, привесить к этому движению чуждый ему ярлык или одеть его реальное содержание в несоответствующую форму. Один из видных представителей Ленского товарищества, представитель английских акционеров, заговорил о социалистических тенденциях рабочих. Г.г., я думаю, что элемент социалистической или социальной идеи присущ всякой забастовке, и те элементы, в которых представитель акционеров усмотрел особо вредный с его точки зрения фактор, эти основания найдутся во всякой забастовке, во всяком рабочем движении. Мы знаем, что почти всякая забастовка начинается с требования восьмичасового рабочего дня и иных социальных требований рабочих и кончается она зачастую сравнительно очень небольшими уступками предпринимателей, а иногда и полным поражением рабочих. Г.г., это судьба не только рабочих забастовок. Мы знаем, что и тот же самый бывший министр, бывший обер-гофмейстер, бывший друг рабочих и нынешний их ненавистник и противник (Кузнецов, с места: Тимирязев), и он сам пред вами в этой самой аудитории начал с широковещательной социальной программы, а кончил,—вы, г.г., помните, чем,—кончил двусмысленными нефтяными операциями и осуждением всей Государственной Думы. (Голоса слева: Браво. Рукоплескания слева и на отдельных скамьях в центре; Володимеров, с места: Плоть от плоти вашей, чистокровный кадет.)

Председатель. Член Государственной Думы Володимеров, прошу вас с места не говорить.

Некрасов. Мимо этой попытки мы должны были бы лишь пройти с полным осуждением, если бы, к сожалению, на месте, в среде правительственых агентов, с первых же шагов не обнаружилась тенденция, покровительствующая предпринимательским аппетитам. С глубоким прискорбием

я должен сказать, что прежде всего мы встретили такое отношение со стороны представителя судебной власти. Местный мировой судья, он же и судебный следователь, начал выдавать компании Ленского товарищества исполнительные листы на выселение рабочих. Я не говорю об идее,—идее приговоров мирового судьи. Я склонен допустить, что его судейская совесть подсказывала ему иное решение, чем то, к какому пришло горнозаводское присутствие в Иркутске, но я считаю, что всякий судья обязан считаться с теми последствиями, которые будет иметь немедленное приведение в исполнение его приговора. (Голос справа: Новая теория, инженерная.) Я считаю, что давать предварительное исполнение по таким делам, которые связаны с выбрасыванием людей не на улицу, а в безбрежную тайгу, давать предварительное исполнение по таким делам, закрывать рабочим возможность принести жалобу в следующей инстанции, это значит извращать смысл судебных решений, это значит нарушать заветы Александра II «правда и милость да царствуют в судах». С этой точки зрения я думаю... (Голос справа: Слабовато.) Я не знаю, находил ли, что это слабовато тот иркутский губернатор, который с своей стороны нашел необходимым остановить приведение в исполнение судебных решений. Как это, к сожалению, слишком часто бывает, вы, г.г., сидящие направо, оказываетесь гораздо более приверженцами правительства, чем само правительство. (Замысловский, с места: Действия томского генерал-губернатора; Кузнецов, с места: Тагиев, тише; смех.) Я должен засвидетельствовать, что, несмотря на эти тяжелые начальные условия, забастовка протекала в исключительно мирных границах. Ни одного инцидента, который подал бы повод к вмешательству власти, не было. Теперь, задним числом, начинают говорить о каких-то призывах к насилию, о насильственном осмотре поездов, о препятствиях штрейкбрехерам итти на работу. Г.г., этого за весь месяц не было слышно, это появляется сейчас. Для того, чтобы понять, какую силу имеет это задним числом брошенное обвинение, позвольте привлечь ваше внимание к одному факту. Всем вам известно, какое колоссальное значение в жизни промышленных предприятий, да еще такого крупного, как Ленское товарищество, имеют водоотливы в шахтах. Я могу засвидетельствовать со слов инженеров, участвовавших

непосредственно в работах этого товарищества, что водоотливные средства Ленского товарищества таковы, что остановка их действия влечет затопление всех насосов, расположенных внизу, в шахтах; следовательно, остановка водоотлива грозила бы колоссальными убытками, остановкой всего предприятия. И что же, г.г.? Ведь это средство было в руках рабочих, но они к нему не прибегли, хотя это был наиболее решительный и в то же время наиболее для них безопасный способ воздействия на предпринимателей; они к нему не прибегли, и те немногие водоотливные средства, которые были остановлены, были остановлены распоряжением не рабочих, а самой администрации. Вот в это-то мирное течение забастовки вторгается, наконец, правительственная власть: начинается сосредоточение войск. Молва говорит, что в этом сосредоточении войск решающую роль сыграл Петербург, что местная иркутская власть сначала не находила нужным посылать туда войска. Как бы то ни было, сосредоточение вооруженных сил, выражаясь пышным правительственным языком, было произведено, и решили приступить к решительным действиям. Эти решительные действия выразились в принятии мер к аресту так называемого стачечного комитета выборных от рабочих. Можно смотреть различно на роль стачечных комитетов и выборных учреждений; можно думать, что они являются безусловно полезным фактором, вводящим деятельность забастовавших элементов в нормальные рамки, организующим их; можно думать, как, может быть, думают многие из вас, что они являются вредными по существу. Но, г.г., до тех пор, пока в деятельности этих организаций нет прямого нарушения закона, никто не имеет права налагать на них свою руку и тем более не имеет права налагать по тем странным мотивам, которые приведены в правительственном сообщении. Что нам говорит правительственное сообщение по поводу мотивов ареста стачечного комитета? Оно говорит буквально: имелись сведения, что рабочие желают приступить к работе и не делают этого только под влиянием стачечного комитета, а потому было решено приступить к аресту стачечного комитета. Г.г., я спрошу вас: где же здесь законный повод, где здесь основания к аресту, какие незакономерные действия вменяются в вину этому стачечному комитету? Их нет. А правительственное сообщение—это единственный

документ, которым мы располагаем в отношении вины стачечного комитета. С места рабочие утверждают, что даже не нашли нужным создать какой-нибудь благовидный повод для ареста стачечного комитета: их арестовали под предлогом неявки к судебному следователю, хотя повестки они даже не получили. Г.г., если припомните, что приказ об аресте не был издан по постановлению какого-то закулисного трибунала, но был издан судебным следователем, который с самого начала стал на сторону предпринимателей против рабочих, вы поймете то озлобление, которое этот произвольный арест должен был вызвать и вызвал в рабочей среде. С того момента, когда правительством был сделан этот активный шаг, катастрофа стала неизбежной. И, действительно, я не знаю, как назвать подобную тактику: одной рукой публикуют список уступок, который появился во всех газетах, а другой отнимают у рабочих возможность согласиться и принять уступки. Чтобы понять эту идею, не нужно быть рабочим, нужно вспомнить условия нашей общественной жизни,—ведь это излюбленный прием тех людей, которых в данном случае ранее меня правые газеты, в роде «Гражданина» и «Голоса Москвы», назвали провокаторами. Это излюбленный способ провокаторов всех стран. Когда какое-нибудь движение протекает в мирных рамках, когда какая-нибудь организация не дает повода приступить против нее с насильственными действиями, есть один верный способ, которым всегда г.г. провокаторы добиваются успеха: это наложить руку на несколько человек среди этой организации,—будь то студенты, рабочие или Государственная Дума. Во всех этих случаях успех является обеспеченным. Чувство товарищества, чувство защиты своих близких не позволяет тогда молчать и тем, которые до сих пор употребляли все усилия, чтобы сдержаться. И, г.г., этот триумвират из товарища прокурора, жандармского ротмистра и судьи, который решил произвести арест, он рассчитывал без промаха,—он знал, что цель его будет достигнута. Обстоятельства показали, что он не ошибся. На другой день картина была ясна и определенна. Рабочие, узнав об аресте своих выборных, двинулись узнать о причинах ареста и требовать их освобождения. Здесь произошло то, что всегда в подобных случаях происходит. Был момент, когда, казалось, непредвиденное вмешательство самоотверженного человека,

бросившегося навстречу толпе, могло спасти положение, когда толпа начала было останавливаться, когда казалось, что удастся предотвратить столкновение. И вот этот момент был выбран для того, чтобы начать стрельбу, не разбирая ни правых, ни виноватых, не обращая внимания на то, что велись переговоры с представителем правительства, что сам представитель правительства был в этот момент в той среде, куда были направлены выстрелы. Г.г., те, кто хочет во что бы то ни стало сделать свою карьеру, кто идет на все, тот не считается ни с чем. Для нас не важно сейчас, был ли сделан предупредительный сигнал, был ли он слышен в толпе или нет. С того момента, как были произведены аресты, уже было ясно, к чему ведет дело та кучка людей, которая волей нашего правительства получила там полномочия диктаторские. С этого момента стало ясно, что ничем иным, кроме грандиозной катастрофы, дело кончиться не может. Обстоятельства сложились так, что эта катастрофа разыгралась еще могучее, чем можно было ожидать, но, г.г., это—чистая случайность. Чистая случайность то, что солдаты кончили стрелять немного позже, чем, может быть, хотелось их непосредственному начальству; совершенная случайность то, что количество убитых оказалось так велико, что вызвало всеобщее возбуждение в стране, что и высшее правительство, наконец, вынуждено было озаботиться тем, чтобы принять какие-нибудь меры для успокоения взволнованного общественного мнения. Г.г., это чистая случайность, но в десятках других случаев та самая тактика, которую применил этот триумвират на Ленских приисках, эта тактика приводила к неизменному и богатому успеху: те, которые ее применяли, оказывались превознесены и возвеличены. И вот до тех пор, пока вы не измените этих основных условий нашего управления, до тех пор, пока у всякого жандармского ротмистра, у судей и товарищей прокурора будет соблазн сделать карьеру на маленьком избиении невинных людей (шум справа), до тех пор вы условий жизни в стране не улучшите. (Шум справа; рукоплескания слева и на отдельных скамьях в центре.)

Председатель. Слово принадлежит первому подписавшемуся члену Государственной Думы Гучкову.

Гучков (гор. Москва). Запрос «союза 17-го октября», в общих чертах совпадающий с запросом конституционно-де-

мократической фракции, мне приходится мотивировать такими же аргументами, какими поддерживал мой предшественник на этой трибуне. Я во многом примыкаю к тому, что говорил здесь член Государственной Думы Некрасов. Тяжелые события, разыгравшиеся 4-го апреля на приисках Ленского товарищества, глубоко взволновали русское общество. Давно уже длившаяся и, казалось, мирно протекавшая забастовка неожиданно закончилась кровавым финалом. Требования, выставленные рабочими, дают печальную картину положения рабочего населения на приисках; там царили, повидимому, такие условия кабалы, которые, к счастью, давно уже отошли в область преданий в большинстве нашей русской промышленности. Рядом с экономическими требованиями, вполне правильными по существу, было выставлено и просто скромное требование о применении законных норм, требование о восстановлении нарушенного товариществом закона. Эту сторону дела надлежит министру торговли и промышленности подвергнуть самому обстоятельному обследованию, надлежит выяснить те ответственности, которые ложатся и на представителей Ленского товарищества, и на чинов горного надзора, и на чинов местной губернской администрации. Правда, главные руководители Ленского товарищества указывают на наличие политического влияния в рабочем движении и на роль социал-демократической агитации. Я не стану отрицать этой возможности; ведь социал-демократия преимущественно копошится около социальных язв и экономических гнойников, но даже и наличие этих условий при том характере, который носило течение забастовки, не давало повода к вмешательству вооруженной силы. Ведь, кроме угрожающего положения, принятого толпой рабочих пред народным домом,—а угрожающее положение вещь чрезвычайно суб'ективная, — сообщения с мест не указывают ни на какие насильственные действия со стороны толпы, ни со стороны отдельных ее членов. Нет наличия фактов, которые сколько-нибудь на мой взгляд оправдывали применение вооруженной силы. Я не говорю о поведении войска, которое только выполняло свой тяжелый и печальный долг, я говорю о той картине, которую представляло из себя местное, распоряжавшееся на месте, начальство. Это была картина не сильной и твердой власти, мудро, тактично применявшей те громадные полномочия, которыми

она обладала, это была картина растерянности и паники власти, обезумевшей от чувства личного страха. (Голос слева: Ничего подобного.) Мы, пред'являя наш запрос министру торговли и министру внутренних дел, ждем, что будет произведено строгое и беспристрастное расследование всех обстоятельств, сопровождавших печальное событие 4-го апреля, мы ждем, что на основании этого материала будет представлен об'ективный доклад Государственной Думе, и мы ждем, что те лица, виновность которых будет доказана, будут подвергнуты строгой законной ответственности. Мы просим принять наш запрос и будем поддерживать запрос партии конституционно-демократической. (Рукоплескания в центре.)

Председатель. Слово принадлежит первому подписавшемуся члену Государственной Думы Кузнецову.

Кузнецов (Екатеринославская губ.). Г.г. члены Государственной Думы. Мы, рабочие, не можем стать на точку зрения члена Государственной Думы Гучкова, который предлагает принять запрос, внесенный фракцией «союза 17-го октября», с тем, чтобы назначено было расследование, всестороннее и беспристрастное, с целью выяснения истинных и главных виновников происшедших ужасных событий, мы можем ждать того же самого, что было и на Лене. Это будет одно из самых беспристрастных и всесторонних выяснений: это то, что рабочие всегда и каждый раз за участие в экономических стачках расстреливались поныне, и то же будет впредь при таком политическом положении, какое существует в настоящее время в стране. Для нас, рабочих, не нужно никакого вашего расследования. Для нас причина ясна: мы знаем, кто является главными виновниками массового убийства рабочих на Ленских приисках. Мы не думаем, что тут являлись виновниками одни капиталисты: бар. Гинцбурги и г.г. Тимирязевы, а также правительство, но мы придаем большую вину в этом массовом убийстве третьей Государственной Думе, потому с самого начала существования третьей Государственной Думы мы не раз вносили запросы о незакономерных действиях министерства внутренних дел, т.-е. правительственной власти, о том, что правительственная власть за участие в экономических стачках арестовывает и высылает рабочих за участие в стачках, и каждый раз, когда нами по такому поводу вносился запрос о действиях власти, большин-

ство Государственной Думы всегда категорически заявляло с думской трибуны, что действия власти признавались закономерными, а запросы наши признавались неправильными, и поэтому вы всегда в таких случаях давали собственно в этом отношении моральную поддержку правительственной власти, и как результат этой моральной поддержки явилось вот это ленское ужасное событие. Ведь для нас, г.г., для рабочих, вовсе не является новостью то событие, которое произошло на Ленских приисках: рабочих и до 3-го июня расстреливали; вспомните 9-е января. Какие тогда были требования у рабочих? Ведь рабочие г. Петербурга в это кровавое воскресенье шли с чем? Они шли с петицией к царю просить о том, чтобы их положение было улучшено. И вот, вместо того, чтобы получить от царя ответ и удовлетворение на ходатайство о их нуждах, они получили расстрел. (Справа шум и голоса: Царя не касайтесь.) Вы вспомните, может быть, как в г. Ярославле рабочие за участие в экономической стачке также были расстреляны, за что даже от высочайшей власти получили благодарность. (Движение справа.)

Председатель (звонит). Член Государственной Думы Кузнецов, я вас покорнейше прошу действий высочайшей власти не касаться.

Кузнецов. Вы вспомните про Златоуст, или вы, может быть, это забываете, но мы, рабочие, прекрасно это помним и без всякого сомнения в факте внесения вашего запроса (в особенности лицемерного октябристского запроса) ничего кроме лицемерия мы не видим. Рабочие расстреливались и будут расстреливаться до тех пор, пока не выступят дружной и организованной борьбой по примеру английских углекопов, когда дружной, усиленной и организованной борьбой рабочие выступят и противопоставят свои организованные силы силе насилия, тогда о массовых расстрелах, подобных ленским, и речи быть не может. Г.г., вы прекрасно помните, какое отношение было со стороны большинства Государственной Думы к внесенному нами законопроекту о свободе стачек. Этот законопроект, который мы внесли, был коротким. Мы говорили, что рабочим предоставляется право свободы стачек, союзов и собраний. Но как только законопроект попал в комиссию по рабочему вопросу, где, конечно, большинство заседает из вас, г.г. теперешние лицемеры, г.г. Гучковы, когда по-

ставился этот вопрос о желательности данного закона, вы, как один человек, помимо нас, рабочих, встали: не нужно, не хотим такого законопроекта. Теперь вы сюда выходите на думскую трибуну и просите, чтобы ваш запрос был принят и назначено было расследование о том, что произошло на Ленских приисках. Кто же вам поверит после всей вашей пятилетней деятельности, что вы серьезно думаете это? (Слева рукоплескания на отдельных скамьях и голоса: Правильно.) Вы всегда рабочий вопрос решали в министерских передних. Вы помните, г.г., что недавно в Москве на Ильинке состоялся дуэт министра финансов и представителя промышленности Крестовникова. Вы помните, может быть, как он говорил о культурном управлении страной, и тогда, когда он говорил о культурном управлении страной, в этот же день культурный способ управления был применен сразу на Ленских приисках. Это побуждает нас, г.г., настаивать на принятии спешности этого запроса, ибо мы не гарантированы, что культурное применение управления страной г. Коковцова, высказанное им в Москве на Ильинке, может повести не только к расстрелу рабочих Ленских приисков, но и рабочих всей России, потому что его культурное применение управления страной сказалось с первого дня после посещения им г. Москвы. И в самом деле, г.г., говорят: рабочие расстреляны за то, что они, будто бы, выставили экономические требования (голос справа: Вздор), т.-е. политические требования. (Голос справа: Ничего подобного.) Оказывается, что бывший министр, который отсюда неоднократно, будучи в должности министра, отвешивал поклоны рабочему классу, Тимирязев, к числу политических требований относит и то требование, чтобы рабочих называли не на «ты», а на «вы». Это, говорит он, невиданное требование со стороны рабочих, которое никоим образом не может быть удовлетворено. Итак, г.г., мы, рабочие, не ждем, даже если запрос будет принят и если будет назначено расследование, чтобы власти, которые совершили незакономерное действие,—факт расстрела 270 рабочих и нанесения ран 250 рабочим,—могли понести известное наказание. Но мало того, мы также убеждены, что хотя бы их всех привлекли к ответственности, жизнь убитым рабочим не будет возвращена. Для нас, г.г., одно важно из этого запроса, что ленские события должны еще раз послужить уко-

ром всему рабочему классу, что в расстреле ленских рабочих повинен весь рабочий класс, потому что только при одном условии, когда рабочий класс несомненно будет организован, тогда и расстрела быть не может. Пусть же ленский расстрел послужит им поводом к организации рабочих. К нам, социал-демократической фракции, телеграммы уже поступают от рабочих заводов: «возмущенные расстрелом 150 товарищей, рабочих Ленских заводов, считая это не только делом ленских товарищей, а считая это делом всех российских рабочих, мы требуем от Государственной Думы, чтобы семьи убиенных были обеспечены и были преданы наказанию виновники преступления». Но я считаю своим долгом напомнить рабочим, которые посылают подобного рода телеграммы, что дело не только в телеграммах, не только в петициях. Ведь в сущности петиция, которую рабочие прислали с требованием свободы стачек, союзов и собраний и коалиций через социал-демократическую фракцию, в количестве более чем 70.000, ведь нисколько не облегчила их положения, а наоборот, в ответ на эти требования рабочие получили расстрел. Дальше мы считаем нужным заявить с этой трибуны свое глубокое сожаление о том, что войско принимало в расстреле своих братьев и отцов участие и исполнило приказ того ротмистра... (Шум справа). Мы считаем на это нужным указать потому, что армия не предназначается для того, чтобы расстреливать своих братьев и отцов. (Шум справа.)

Председатель. Член Государственной Думы Кузнецов, прошу вас не выражать осуждения и не касаться армии, я этого не допускаю. (Захаров 2, с места: Никто не касается армии.)

Кузнецов. А рабочему классу, будущим его представителям, мы считаем нужным указать с думской трибуны, что не только петициями они должны бороться, не только на словах, но и на деле; пора приступить к делу, пора рабочему классу подвести итоги деятельности Государственной Думы, которая является главной виновницей в расстреле ленских рабочих. Подводя итоги деятельности третьей Государственной Думы, рабочий класс должен не на словах, а на деле, не только смести третью Государственную Думу и весь современный режим, но избрать Думу такую, которая действительно обслуживала бы его интересы на основаниях всеобщего изби-

рательного права вплоть до Учредительного Собрания. (Рукоплескания слева.)

Председатель. Внесено предложение о продлении заседания до окончания рассмотрения заявлений о запросах. Ставлю это предложение на голосование. (Баллотировка.) Принято. За спешность слово принадлежит члену Государственной Думы Скороходову.

Скороходов (Томская губ.). Г.г. члены Государственной Думы. Г. председатель наше сегодняшнее заседание начал сообщением телеграммы, которою наш президиум выражал сожаление английской нации о постигшем ее несчастии. Верно, глубоко потрясающим было это несчастие; но у английской нации есть большое утешение: отовсюду, со всех концов мира, телеграфными или иными путями несутся ей сожаления. То несчастие, о котором мы сегодня говорим, и которое потрясло нашу русскую душу до самой глубины ее, не имеет никакого утешения (Егоров, с места, указывая вправо: их не потрясешь): мы ниоткуда не получим, г.г., ни телеграмм, ни сожалений, потому что это стало на Руси «бытовым явлением» (рукоплескания слева), это вошло в обиход власти русского государства; и если бы таковое сожаление откуда-нибудь поступило, третья Государственная Дума должна было бы считать его личным оскорблением. (Голоса слева: Правильно.) Оба эти несчастия, г.г., произошли от стихийных причин. Но как различны стихии,—там «Титаник» погиб, столкнувшись с ледяной горой, слепая природная сила разрушила колоссальное создание человеческого ума, а здесь у нас на Руси другая стихия, наша русская специальная, свирепствующая только у нас на беспредельных равнинах Российской империи,—это разнузданный административный произвол. (Слева рукоплескания и голоса: Правильно. Звонок председателя.) Семь лет прошло с 1905 г., г.г., третья уже Государственная Дума накануне своего блаженного успения, сменяются премьер-министры, но лозунг злодея-сатрапа «патронов не жалеть» царит над русской землей до настоящего времени. (Слева рукоплескания и голоса: Браво, правильно. Звонок председателя.) Там, на английском пароходе, пред лицом бога и природы, человечество еще раз увидело, что дороже всего для человека—это жизнь; миллиардеры американские отдавали все

свои миллионы за место в лодке, чтобы подышать лишний час воздухом, а у нас на Руси сотни человеческих жизней отнимаются по одному мановению руки какого-то зарвавшегося жандарма, по слову «пли». (Слева рукоплескания и голоса: Он провокатор, этот жандарм. Звонок председателя). За что, за что расстреляли этих людей? За то только, что они смели попросить кусок не гнилого хлеба и койку в больнице, обеспеченную им от той самой компании, затрачивая кровь и жизнь для которой они ковали ее миллионы. Только за это. Г.г. члены Государственной Думы, я представитель Сибири, и многим из вас может быть отсюда, не бывавшим там (я ко всем вам апеллирую), может быть, неизвестны те условия, в которых приходится работать приисковым рабочим специально здесь, на Витиме и Олекме. Я это должен вам сказать, и я считаю своей обязанностью, потому что некоторые из вас внесли вопрос вместо запроса; думаю, что, заслушав меня, они откажутся от своего намерения и примкнут к нам. Дело в том, что этот самый гиблый край, где добывала отныне проклятое золото Ленская компания, на полторы тысячи верст расположен только от Иркутска; он два раза в год— в весеннюю и осеннюю распутицы —почти на два месяца лишается всякого сообщения с иным миром. Знаете ли вы, г.г., что эти приисковые рабочие целыми часами стоят здесь в ледяной воде по колени, что ревматизмы, наживаемые рабочими на этих приисках, совершенно неисцелимы. Вот при каких условиях работают эти люди. Знаете ли вы, г.г., опять-таки, что благодаря этой отрезанности края частным предпринимателям итти туда страшный риск,—и эти рабочие всецело зависят в первых жизненных потребностях от этой компании, они у нее находятся в полной кабале, они от нее получают все, от обуви и хлеба до последней спички,—ведь им подвинуться буквальным образом некуда. Знаете ли вы, г.г., в свою очередь, в каком положении находится здесь—я вам прочту— та самая власть, к которой могли бы эти рабочие, в случае чего-нибудь, апеллировать, как к представителям власти; вот послушайте: «Теперь в Витимском крае, там на Ленских приисках, нет ни одной другой частной компании, а Ленская компания захватила все. И вот теперь, захватив в свое владение все богатства края, они поставили в зависимость и всю власть края. Почти все правительственные административные места

находятся на содержании у Ленского товарищества. Оно доставляет средства на содержание мировых судебных установлений, горной полицейской стражи, почтовых сообщений между Витимом и Бодайбо и личного состава почтово-телеграфных учреждений, горных исправников, канцелярий, на квартирные довольствия чинов горного надзора, на содержание витимской тюрьмы, на квартирные довольствия чинов местного тюремного управления и надзора. Вся эта масса правительственных чиновников за получением жалованья вынуждена обращаться в кассу Ленского товарищества, находиться чуть ли не в положении наемных служащих и состоять в зависимости от благорасположения к ним этих лиц. Такое странное, унизительное создавшееся положение правительственных чиновников в Витимском районе не мешало бы скорей уничтожить. Это положение можно назвать небезопасным, так как вся почти власть и богатства края теперь очутились в руках ленцев, с которыми во многих случаях не под силу бороться даже наиболее солидным по положению правительственным чинам. Что же приходится сказать о низших чинах и в особенности о местной полиции, которая стояла и раньше не на высоте своего положения». Это, г.г., как я слышал, корреспондентом взято из отчетов правительственных и напечатано в одной сибирской газете много раньше и совершенно по другим поводам. Так вот, слышите ли вы, называющие себя представителями народа, какие есть положения в нашей Российской империи? Есть места, где нет не нанятых людей, где некому протестовать беззащитному, угнетаемому человеку. Ведь положение приисковых рабочих, как вы видите, это положение белых рабов, и когда эти несчастные рабы капитала в этот раз мирно и тихо сказали представителям своих эксплоататоров: «Справедливости, ради бога, одной справедливости»,—что же они получили в защиту? В защиту интересов их угнетателей, эксплоататоров,—в защиту чего—вам последующие ораторы выяснят, и вы увидите ясно в дополнение к мною сказанному,—я распространяться не буду,—были вызваны немедленно ружья и штыки, руководил жандарм, которому надо скорее вырваться из Сибири, который тут уже в нескольких местах на Руси настолько заявил себя, что его посылали с одного места на другое,—одним словом, это один из тех жандармов, о которых «Гражданин», а не какая-нибудь другая газета,

говорит, что такое нынешние жандармы—«от этого жандармского полковника бегут со страхом дети, бегут с отвращением взрослые, от него отворачивается губернатор, ибо всякий знает, что у этого нынешнего жандармского полковника одна цель,—как можно более людей без разбора загубить и на этом строить свою карьеру; одно воззрение на народ—всех держать в подозрении, и один только друг—Азеф». Вот, г.г., по чьему приказу действовали здесь. И когда же это, когда? В то время, когда в Москве констатируют, что это время «упрочившегося представительного строя». Ведь это стало теперь единственной выслугой, это приказание: «пли». Чем больше убито, тем больше выслуга и эта выслуга больших и малых современных опричников. (Голос справа: Как вам не стыдно? Голос слева: Это вам стыдно, сатрапы.) Вы, г.г., большинство Государственной Думы, узурпировавшее право заседать в комиссии обороны и так любящее говорить о своих заботах о русской армии, краснейте, если можете (смех справа)... да, и стыдитесь, потому что являетесь попустителями, позволяющими употреблять нашего великого в своем терпении российского солдата на действия, его духу не сродные. Какой ужас, г.г., какой позор, какое вопиющее беззаконие—расстреливать людей, требующих только хлеба и справедливости. Что больше может быть нужно людям, которые заброшены в этот ужасный край, еще, может быть, большей нуждой? Здесь не нуждающихся, страшно нуждающихся людей нет. Г.г., уже раздался на столбцах, как здесь указывалось, нашей столичной печати голос старой административной лисицы, которая теперь угодливо лижет золоченую руку английских капиталистов, акционеров этого Ленского товарищества. Он уже желает припутать к этому делу «политику», это излюбленное средство, когда никаких других в оправдание власти аргументов нет. Г.г., если вы припомните, эта старая административная лиса, когда она занимала высокий министерский пост, она пряталась за недосягаемый авторитет, а теперь она прячется за мифические выдумки, которыми ни в каком случае ни ему, ни власти никого провести в этот раз не удастся. (Рукоплескания слева.) Г.г., ведь нельзя жить дальше так; нельзя жить,—будущее становится безнадежным! (Голоса справа: Ведь он же кадет чистокровный.) Это и кадету и вам придет время, все равно кому хотите, безразлично, становится

дышать невозможно. Убивали российских граждан в жертву молоху власти, теперь убивают в жертву кому? В угоду денежным мешкам. Стыдитесь! (Шум и голоса справа: Жидам.)

Председатель (звонит). Покорнейше прошу не шуметь.

Скороходов. Проклятие Мефистофеля: «Люди гибнут за металл» сбывается. Голоса справа: Правильно.) И в этот раз нет никакого оправдания у власти, нет даже тени оправдания. Они не посмеют сказать, что они об этом не знали, потому что они больше месяца знали, что идет забастовка, и никто из них не попробовал вмешаться, чтобы эта мирная забастовка мирным путем и кончилась. Почему это? Потому что у нас, видите, Коковцов, а не Асквит. Это там, в стране «просвещенных мореплавателей», власть умеет заступиться за рабочих, а у нас она умеет только жать и бить рабочих. (Голос слева: Верно.) Это там только глядят правде прямо в глаза, за границей, а у нас едут в Москву, чтобы пускать пыль в глаза правде. (Голос слева: Верно.) Да, это там только за морем прежде и сейчас на законном основании вставала власть на сторону обиженного, а у нас она знает только то, чтобы сделать нажим на закон тогда, когда нужно добить лежачего. Как чувствуют себя, г.г., теперь те биржевые сладострастники, которые, играя на акциях Ленского товарищества, называли их «Леночками» и «Еленами Захаровнами»? (Володимеров, с места: Спросите Нисселовича.) Как они себя чувствуют? Я думаю, что их волосатое сердце в настоящую минуту содрогнулось, когда они услышали, что люди, добывавшие их миллионы там, растерзаны и расстреляны совершенно беззащитные и без всякого повода. В то время, когда они наживали здесь миллионы, которые базировались на громадной добыче золота, на экономических расходах по эксплоатации этих приисков, вы послушайте, что там делалось. «Условия жизни на приисках: гнилая пища, неправильные расчеты, неплатеж увечным рабочим, десятичасовой рабочий день для малолетних, выдача вместо денег купонов, которые котировались в конторе товарищества выше, чем в пищевых магазинах товарищества. (Голос справа: Это жиды.) Все это применяется и до сих пор в полной мере, вызывая раздражение рабочих. (Володимеров, с места:

Это жиды; Нисселович, с места: Там жидов нет. Володимеров, с места: Там только евреи. Нисселович, с места: Там только русские. Володимеров, с места: А Гинцбург?)

Председатель. Прошу прекратить шум.

Скороходов. В довершение всего, г.г., эта миллионная компания в настоящую минуту осталась должна рабочим 300.000 р. в виде удержанных и неоплаченных пайков. И вот, когда рабочие впервые мирно потребовали только своего, своего и больше ничего, при первой попытке получить это свое, они получили в ответ 15 залпов свинцового дождя. (Володимеров, с места: 150 залпов.) Господи! ведь я думаю, всякому терпению есть предел! Г.г., может быть, вы и читали, но я напомню вам несколько строчек из одной здешней газеты по поводу этого события: «Это не бюллетень с театра итальяно-турецкой войны; это даже не известие из вечно воюющей за или против президентов Америки, это просто результаты забастовки на Ленских приисках, где-то в богатейшей Сибири; около золота произошло это непонятное, необ'яснимое сражение. В Англии, где бастовало несколько миллионов рабочих, дело обошлось без человеческих жертв. На Ленских приисках всего одна тысяча рабочих,—выбыло из рядов сражающихся более 300. Только еще третьего дня В. Н. Коковцов в блестящей речи приветствовал московских промышленников. Как во французской песенке он говорил: «все идет прекрасно, г.г., все идет прекрасно». И вдруг сражение, да еще какое,—такого не было и в 1905 г. Кто виноват в этом убийственном деле?» Это, г.г., пишут не левые листки, это пишет «Вечернее Время» всего на всего. Так вот, кто виноват? Я им отвечу, кто виноват, постараюсь ответить. Виноваты прежде всего те, чьи подчиненные там на местах понимают свой долг в расстрелах, насилиях и убийствах. Виноваты те, кто, приняв портфель министра промышленности, ничего в этой промышленности не смыслят и ничего не предпринимают, кроме как во вред этой самой промышленности. А больше всего (голоса слева: Верно) виноват тот, кто, родившись неисправимым оптимистом, продолжает оставаться таким оптимистом и на посту премьер-министра. И в то время, когда он громко на весь мир заявляет в стенах Белокаменной, что в земле нашей мир, ти-

шина и благоденствие, в этой стране царят голод, насилия, массовые убийства и расстрелы. Г.г. члены Государственной Думы, давно ли был тот день, когда друзьям французам В. Н. Коковцов показывал слитки золота в кладовых Государственного Банка. Это было почти вчера. Рискнет ли он их показать теперь? Я думаю, что нет,—а вдруг, гости спросят: нет ли тут золота с Ленских приисков? Ведь золота там добывали больше 1.000 пуд. в год, и не представится ли этим гостям, что это не слитки золота, а сгустки человеческой крови? (Рукоплескания слева.) Недаром русский народ называет кровь «рудой», и, видимо, из этой руды много денег наделано в государственном казначействе. Далеко, г.г., р. Витим, но и оттуда, за семь тысяч слишком верст, брызнувшая там фонтаном кровь долетела до Петербурга и обрызгала здесь власть. Да и одну ли только власть? Нет ли этих брызг на стеклянной крыше Таврического дворца? Г.г. члены третьей Государственной Думы, большинство из вас нашло дорогу в Таврический дворец только по вехам 3-го июня, большинство из вас в течение пяти лет только и делало, что говорило власти: чего изволите и как прикажете. Ведь это третья Государственная Дума не желала протестовать против казней и исключительных положений. Ведь это вы затыкали рот, большинство третьей Государственной Думы, защитникам народа, когда они пробовали защитить интересы народа. И это за вашу вину, за «плодотворную работу» в течение пяти лет при конце ее мстит карающая рука провидения, чтобы перед всем миром иллюстрировать этой рекой невинной крови итоги вашей работы. (Володимеров, с места: Это маленькая предвыборная тактика.)

Председатель. Я прошу не говорить с мест.

Скороходов. Нет, я не умею так говорить. Вы сами пред'явили запрос, признаете его и спешным и обещали поддержать нас, но поздно это покаяние. Если вы прислушаетесь, то, может быть, услышите по вашему адресу идущий оттуда, из глубины народа, из тундры и тайги, голос карающего провидения, который спрашивает: Каин, где брат твой Авель? (Рукоплескания слева.)

Председатель. Против спешности слово принадлежит члену Государственной Думы Замысловскому.

Заседание продолжается под председательством товарища председателя Государственной Думы кн. В. М. Волконского.

(По вопросу о спешности запроса выступают еще: Замысловский, Аджемов, Ефремов, Володимеров, Мягкий, Тимошкин, Половцев. Речи их нами опущены. *Ред.*)

Председатель. Список ораторов исчерпан. Переходим к голосованию. Угодно кому-нибудь высказаться по мотивам голосования? (Голоса: Нет.) Угодно признать заявление о запросе, предложенное фракцией народной свободы, спешным? (Баллотировка.) В виду отсутствия в зале законного состава, голосование будет произведено в следующем заседании. (Голоса слева: Состав есть. Голоса справа: Состава нет. Кузнецов, с места: Целый день голосуем без кворума, целый день кворума нет.)

Член Государственной Думы Кузнецов. Прошу вас занять место и не мешать председателю. Прошу не шуметь. В зале находится только 112 членов Государственной Думы. (Кузнецов, с места: Есть, есть, прошу посчитать.) Член Государственной Думы Кузнецов. Прошу вас прочесть § 111 Наказа...

ЗАСЕДАНИЕ СОТОЕ, ВТОРНИК, 10-го АПРЕЛЯ 1912 Г.

Председатель. Будьте любезны приготовить записки по выборам, стоящим на сегодняшней повестке; их сейчас будут собирать. Переходим к п. 5 повестки—голосование: а) вопроса о рассмотрении в порядке спешности внесенных на основании ст. учр. Гос. Думы заявлений об обращении к председателю совета министров, министрам внутренних дел, юстиции и торговли и промышленности с запросом по поводу применения огнестрельного оружия во время возникших на Ленских золотых приисках среди рабочих волнений, и б) заявления 32 членов Государственной Думы об обращении к министрам внутренних дел и торговли и промышленности, в порядке ст. 40 учр. Гос. Думы, за раз'яснениями по поводу событий, имевших место на названных выше приисках. Угодно Государственной Думе признать спешным заявление о запросе, внесенное фракцией народной свободы? (Баллотировка.) Принято. Угодно Государственной Думе признать

спешным заявление о запросе, внесенное социал-демократической фракцией? (Баллотировка.) Принято. Угодно признать спешным заявление о запросе, внесенное фракцией союза 17 октября? (Баллотировка.) Принято. В виду принятой спешности приступаем к рассмотрению заявлений о запросах по существу. Слово принадлежит члену Государственной Думы Шило.

Шило (Приморская обл.). Господа! Вмешательство представителей правительственной власти в борьбу за существование рабочих и зверский расстрел беззащитных рабочих нуждается, прежде всего, в полном, всестороннем и беспристрастном расследовании этой Цусимы. Я думаю, что Государственная Дума не может и не должна довольствоваться теми об'яснениями, которые будут даны представителями местной администрации и командированными туда чиновниками, она должна принять непосредственное участие в расследовании этого печального вопроса, а потому трудовая группа предлагает Государственной Думе принять запрос и вместе с тем признать необходимым избрать из своей среды комиссию в числе пяти лиц, для поездки на место происшествия (справа смех и голоса: Первая Дума), для всестороннего расследования обстоятельств этого дела.

Белоусов (Иркутская губ.). Господа! Речи по спешности исчерпали существо запроса. В них была выпукло воспроизведена вся картина течения забастовки и трагический ее исход. А в речах защитников правительства заранее было предначертано все убожество тех ответов, которые даст оно на запрос. Таким образом мне, жителю того края, приходится лишь только обобщить все сказанное вчера. В речах по спешности была установлена наличность отвратительной эксплоатации рабочих Ленским товариществом и была установлена также наличность нарушения законов, регулирующих взаимоотношения между работодателями и рабочими. Было выяснено и установлено также, что стачка рабочих явилась поэтому вполне естественным и закономерным шагом со стороны рабочих в целях улучшения своего положения. Выяснено было также, что стачка протекала мирно, что стачечники не остановили даже тех работ, которые содействовали сохранению шахт от порчи и разрушения. Установлено было в речах, про-

изнесенных вчера, также в прессе и в сообщениях правительства, что стачечники даже понизили свои требования настолько, что забастовка сама могла притти к своему концу. Таким образом, г.г., выяснено, что вмешательство в дело ликвидации стачки со стороны правительства явилось и провокационным вызовом для рабочих и тягчайшим преступлением со стороны власти. Выяснилось, что совершено даже в нашей кровавой летописи необычное деяние, массовая ужасная бойня беззащитных людей, осмелившихся поднять голос в защиту своего положения. Власть, обязанная охранять интересы всех граждан, пользуясь силой, подняла руку для защиты одной из спорящих сторон, дабы оказать ей поддержку и дабы нарушить интересы слабейших. Таким образом, прибавилась еще одна позорная страница деяний старой власти и еще одно тяжкое преступление на весы истории, которая составляет в настоящее время свой обвинительный приговор ей. Кровавое преступление, совершенное в далекой ленской тайге, г.г., становится еще более тяжким, ложится еще более несмываемой печатью на руки свершивших его еще и потому, что в этом случае власть не могла и не может, и не приведет нам ни одного даже своего трафаретного об'яснения якобы необходимости вооруженного усмирения стачечников. Установлено, что здесь разыгрались во всей наготе голые денежные интересы и аппетиты; они были главным импульсом для расстрела рабочих. В прибылях Ленского товарищества заинтересованными оказались очень крупные влиятельные лица, держатели акций. В курсе ленских акций заинтересованы также и жадные до золота слои, которые живут биржевой игрой, и то, что скрывалось в тайниках сношений правительственной власти с управлением Ленских приисков, вскрылось в той ужасной трагедии, о которой идет запрос. Удовлетворение требований рабочих понижало прибыль акционеров; временные беспорядки, расстрел рабочих создавали на бирже понижение цен акций, и вокруг стачки рабочих,—скажу словами Гучкова, которые он применил совершенно несправедливо к социал-демократии, — вокруг стачки рабочих именно закопошились низменные интересы капиталистов. Для одних стачка несла понижение прибылей на акциях, а для других — возможность широкой игры на бирже: понизить курс акций и затем ску-

пить их по пониженной цене — это значит нажить миллионы. Вот, г.г., одна из тех причин, которая привела к расстрелу рабочих, которая создала эту трагедию, а правительство, г.г., в этом случае превратилось в исполнительный комитет банкиров и онколистов и вместе с тем слилось с правлением Ленского акционерного общества. И в самом деле, г.г., местная администрация сообщала сюда, что нет надобности в призыве вооруженной силы, но по настоянию, говорят, министра торговли и промышленности войска были вызваны. Таким образом, влияние верхов власти в данном случае сказалось, и они своего добились: рабочие терроризированы, стачка несомненно окончится, окровавленные кровью рабочих купоны ленских акций принесут свои прибыли. Таково, г.г., существо дела, как оно вскрылось и в прениях по спешности и в прессе, которая этим вопросом занята вот уже целый месяц. И правительству нечего ответить на эти обвинения. Поэтому-то оно не явилось вчера к нам для дачи об'яснений. Вы помните, были случаи, когда были заинтересованы агенты власти в других делах; вы помните случаи, когда были заинтересованы в запросах, вносимых Государственной Думой, сторонники правительства и члены Государственной Думы,—тогда правительство немедленно выходило и давало свой ответ. Вспомните дело Гололобова, вспомните также разоблачения депутата Розанова о Сухомлинове. Мы видели здесь представителей власти, немедленно вышедших давать свой ответ. Но, когда дело коснулось 300 человеческих жизней, 300 жизней рабочих, правительство до сей поры не знает, что стало на Лене, и, г.г., то, что правительству ответить нечего на эти обвинения, прекрасно доказал вчера член Государственной Думы Замысловский, адвокат правительства не только за страх а, может быть, и за совесть. Он в своей лживой юридической аргументации, прекрасно разобранной депутатом Аджемовым, ничего не мог привести другого, кроме возмутительного бессовестного сообщения о том, что рабочие бросились с криками «ура» на солдат, желая освободить якобы арестованный стачечный комитет. Чтобы понять всю глубину, всю низость этого об'яснения, я скажу маленькое пояснение, как бывший житель Ленского края, пояснение чисто географического характера. Говорят, рабочие шли с кирпичами, с кольями, дабы выручить стачечный ко-

митет. А в сообщении осведомительного бюро и в других сообщениях, напечатанных в текущей прессе, было сказано, что арестованный стачечный комитет был заключен в бодайбинскую тюрьму, а кровавое происшествие было на Андреевском прииске. Между этим прииском и Бодайбо 40 верст расстояния. Г.г., чтобы говорить, что рабочие взяли кирпичи и дреколья, чтобы итти освобождать стачечный комитет, сидящий в бодайбинской тюрьме, за 40 верст... (Замысловский, с места: Это напечатано в «Киевской Мысли».) Это говорят, когда нечего сказать другого. (Замысловский, с места: Это было напечатано в «Киевской Мысли», я цитировал и не перевирал.)

Председатель. Член Государственной Думы Замысловский, прошу вас с места не говорить.

Белоусов. За 40 верст нести кирпичи для того, чтобы освободить стачечный комитет, — предоставляю судить вам о значении такого сообщения. Мне говорят, что в «Киевской Мысли» были сообщены эти сведения. Во всяком случае, чтобы выступать в защиту правительства в таком кровавом деле, следовало взглянуть хотя бы на карту. Адвокаты правительства, видя, что преступление настолько очевидно, что оно для самого темного человека понятно, прибегли также в целях отвлечения внимания населения к своему излюбленному способу сваливания вины на евреев. Евреи, говорят, еврейская компания, Гинцбург, а следовательно, все дело понятно. Если бы не было евреев, несомненно, расстрела рабочих не было бы. Я спрашиваю, да кто же распорядился вызовом войск? Правительство, быть может, министр-премьер, быть может, министр внутренних дел, быть может, министр военный, быть может, министр торговли и промышленности? Далее, кто распорядился стрелять? Русский человек, жандармский ротмистр Трещенко или Трещенков. А сами солдаты, которые стреляли в безоружную толпу, сами солдаты разве евреи? Все — чистокровные русские. Следовательно, к чему же сваливать вину на евреев? Г.г., о роли правительства в установлении тех порядков, которые привели рабочих Бодайбинской компании к забастовке, можно судить по следующему факту. Правда, не так давно местная администрация, в лице окружного горного надзора, была в руках, в полном распо-

ряжении администрации приисковой. Этот факт засвидетельствовали нам и история, и очевидцы. Но я должен, г.г., вам сообщить, что с назначением горного окружного инженера Тульчинского эти отношения изменились. Тульчинский как раз в своих отношениях к приисковой администрации к рабочим стал на точку зрения закона. Знаете, что из этой строгости вышло? Тульчинский едва не был уволен. Он получил внушение от власти и упреки в возбуждении рабочих против приисковой администрации, указания, что его усердие не по разуму. Я не передаю подлинного внушения, но я передаю только его существо, как слышал от жителей приисков. По этому поводу следует установить, — так говорит сама приисковая жизнь, — что отношения между высшей властью и этой акционерной компанией были самые близкие. Власть всегда шла навстречу золотопромышленникам, но не шла навстречу интересам рабочих. Таким образом, следует думать, что Государственная Дума не узнает всей правды из того сообщения министра внутренних дел, которое, якобы, ожидается, если судить по газетам, на завтра. И в целях раскрытия правды, я полагаю, что предложение трудовой группы, только что внесенное депутатом Шило, заслуживает внимания Государственной Думы, но не заслуживает того отношения, которым оно ею встречено. Пусть представители правительства посылают своих следователей и судей для производства следствия на месте, пусть его агенты узнают от ротмистра Трещенкова и других, как было дело, но, если бы действительно представители Государственной Думы взяли на себя труд ознакомиться ближе с вопросом возникновения забастовки и с последствиями ее, я полагаю, свет правды был бы более пролит, чем от следствия Лыжина, который, быть может, найдет в этом деле новую для себя командировку. Мне кажется, что только этой мерой, которая предложена трудовой группой, может быть успокоена общественная совесть, возмущенная кровавой трагедией на Лене. Без этого шага запрос невольно обратится в обыкновенные ординарные запросы, которые потонут в наших так называемых думских «средах», которые собирают петербургскую праздничную публику, как на театральное представление. С другой стороны, огромное значение для жизни страны имел бы другой факт, это — единодушное не-

годование Думы по адресу лиц, совершивших это кровавое преступление, и единодушный крик «не убий». Если бы епископы и священники, служители мира, религии и любви, вышли сюда, на эту трибуну, и возвысили свой голос, что и ни за экономику, и ни за требование восьмичасового дня, и ни за требование повышения заработной платы нельзя поднимать руки на жизнь человека, если бы г.г. крестьяне-депутаты, сидящие здесь на правой стороне и идущие с правительством, если бы они вышли сюда и тоже сказали об этом гневное слово негодования по адресу тех, кто расстреливал толпу в несколько сот человек! Но нет, г.г., этого мы вчера не видали. Быть может, мы увидим сегодня, посмотрим. В этом, г.г., весь ужас современного строя жизни страны. Защита запроса о незакономерных действиях власти, расстрелявшей толпу людей, есть один из тех парадоксов, которыми так богата жизнь нашей страны. Там, в далекой глуши, в тайге лежат сотни человеческих трупов, заготовлены сотни гробов, там пролилась кровь, там еще умирают пронизанные солдатскими пулями другие жертвы карательной экспедиции правительства, а у нас, в законодательном учреждении, у нас рассуждают о том, какая статья закона этой стрельбой нарушена; у нас находятся люди, которые выходят с апломбом на эту трибуну защищать деяние правительства. И вот, г.г., если вдуматься в этот парадокс русской жизни, который мы наблюдаем сейчас и наблюдали вчера, то можно только сказать: какая жестокая насмешка над страной, над ее народом, над ее законами, над ее управлением! Нам нужны доказательства, нам нужны сопоставления, нужны чуть ли не фотографические снимки, юридическая аргументация, патетические речи, чтобы убедить Думу принять такой запрос! Триста теплых трупов лежат в настоящее время в тайге, сотни других готовы отправиться к праотцам, а мы, члены Думы, ломаем головы над тем, что внести, — запрос или вопрос, и над теплыми трупами слышатся рассуждения: а не было ли, говорят, политики в движении рабочих? А если, дескать, была политика, то расстрел их заслуженный! Вот в чем ужас переживаемого нами текущего времени и весь ужас подлого строя. Таким образом, г.г., запрос наш, столь трепетно ожидавшийся возмущенными кругами общества, будет иметь лишь одно следствие: он лишний раз

покажет перед страной, в руках каких вахмистров по воспитанию и погромщиков по убеждению находятся судьбы народа.

Чиликин (Амурская обл.). Я, г.г., минут шесть—семь не больше. (Голоса справа: Просим больше, ничего.)

Председатель. Прошу не мешать оратору.

Чиликин (Амурская обл.). Я, г.г., минут шесть—семь ответить на замечание депутата Замысловского, которое он бросил во вчерашнем заседании по адресу сибирских депутатов. Он бросил упрек сибирским депутатам в том, что они не озаботились внесением такого законодательного предположения, которое бы изменило существующий порядок, в силу которого правительственные и должностные лица, находясь в промысловых районах, получают часть своего довольствия от золотопромышленников. Дело, г.г., в том, что еще в 1909 г. Государственная Дума приняла пожелание о пересмотре закона 12-го марта 1901 г., на основании которого собственно и существует тот порядок вещей на золотых приисках, при котором мировые судьи, горные исправники и другие должностные лица получают часть своего довольствия из средств золотопромышленников. Затем, г.г., я перехожу к вопросу о Ленских событиях. В тех страстных прениях, которые здесь развернулись, мне кажется, осталась неосвещенной одна сторона, на которой я считаю долгом остановить внимание Государственной Думы. Думе, как законодательному учреждению, на эту сторону, мне кажется, и следовало бы обратить внимание прежде всего. Дело в том, что основой всех Ленских событий, их канвой является отсутствие у нас рабочего законодательства в отношении горных промыслов в Сибири. Существующие законы архаичны, и ничего нового в них до сих пор не внесено, несмотря на то, что жизнь властно заявляет новые требования. И вот это-то отсутствие законодательных забот государства о жизни, о здоровье, о положении рабочих, занятых в нашей золотопромышленности, оно, собственно, и явилось главным побудителем к тому, что ленские рабочие взялись за такое обоюдоострое и бедственное оружие в борьбе за улучшение условий своего существования, как стачка. А между тем, г.г., еще шесть лет назад вопрос о рабочем законодательстве был в ином положении. Тогда правительство признало невозмож-

ным сохранять существующий порядок в области взаимных отношений рабочих и золотопромышленников, и в 1906 году министерством торговли и промышленности был разработан целый ряд проектов относительно рабочего законодательства,—проектов, касающихся именно горных промыслов. В 1906 г. на заключение районных с'ездов золотопромышленников был разослан целый ряд таких проектов, выработанных министерством торговли и промышленности под руководством министра Тимирязева. Затем в 1907 году состоялся первый Всероссийский с'езд золотопромышленников, и, между прочим, на этом с'езде, бывшем в феврале и марте 1907 года, давалось заключение по таким вопросам,—рассматривался проект правил о найме рабочих на приисках. Если бы существовала какая-нибудь нормировка найма рабочих на прииски, то, может быть, и не явились бы те события, которые разыгрались ныне на Лене. Затем характерно, что тогда же на с'езде золотопромышленников рассматривался правительственный проект об учреждении промысловых судов в приисковых районах. В этих промысловых судах должна была, по идее правительства, быть половина числа членов-заседателей, избираемых от рабочих из своей среды. Мало того, с'езд золотопромышленников признал желательным вокруг этих промысловых судов создать сеть примирительных камер. Такие организации, опыт применения которых имел место уже в Енисейской тайге, могли бы также предотвратить развязку Ленских событий. Затем рассматривались законопроекты о страховании рабочих от несчастных случаев, от болезней и инвалидности. Вот, г.г., я вам напомню, когда, при обсуждении здесь рабочих проектов, сибирский депутат Волков вносил от сибирской группы предложение включить в текст закона о страховании распространение его на Сибирь, то Государственная Дума пошла вслед за Литвиновым-Фалинским, который указал на то, что этот закон неприменим в отношении приисковых районов, которые, главным образом, и дают главный контингент рабочих масс. А между тем на с'езде золотопромышленников в 1907 году было постановлено включить в правительственный законопроект поправку о распространении его действий на Сибирь. Таким образом, и Литвинов-Фалинский и Государственная Дума, пошедшая за ним, в этом вопросе оказались

более ревностными защитниками золотопромышленности в 1907 году. Затем, г.г., на этом же с'езде рассматривался законопроект об устройстве здоровых и дешевых жилищ для рабочих и служащих, внесенный правительством. На том же с'езде рассматривался вопрос о нормировке рабочего времени малолетних и женщин. И вот по всем этим вопросам последовали замечания с'езда золотопромышленников, часто вовсе не в сторону сокращения выставленных правительством положений, а даже в сторону расширения. (Шум; звонок председателя.) Таков был тогда дух времени! С'ездом было даже признано необходимым участие в дальнейших всероссийских с'ездах золотопромышленников представителей и от рабочих. И вот, г.г., с тех пор прошло более пяти лет; благие проекты где-то завалялись в министерстве торговли и промышленности. Дух времени, который диктовал тогда правительству необходимость выступить с этими проектами, иссяк. Я кончаю следующим заявлением: на Руси существует обычай воздвигать сооружения, памятники на крови мучеников; и вот на крови ленских мучеников необходимо воздвигнуть здание рабочего законодательства, касающееся рабочих, занятых на горных промыслах в Сибири. От имени группы сибирских депутатов предлагаю Государственной Думе принять следующую формулу перехода: «Принимая запрос, Государственная Дума признает необходимым внесение правительством в Государственную Думу проекта закона, устанавливающего правила о найме рабочих на золотые и платиновые прииски, нормирующего рабочее время и жилищные условия на этих приисках, а также распространение на приисковые районы Сибири законов о страховании рабочих от несчастных случаев, болезни и инвалидности, и переходит к очередным делам».

Председатель. Поступило предложение о полном прекращении прений. Против прекращения прений слово принадлежит члену Государственной Думы Егорову.

Егоров (Пермская губ.). Г.г. члены Государственной Думы, так как расстреляны наши товарищи рабочие, то мы, рабочие, протестуем против закрытия прений и зажимания нам рта говорить об этом вопросе. Я вполне понимаю ваше

нежелание говорить об этом нежелательном для вас вопросе, но для нас это необходимо. Пущай пролетариат российский знает, кто будет голосовать против этих прений и кто будет зажимать нам рты, представителям рабочих, говорить о тех жестоких и кровавых событиях ленских, которые там произошли. Пускай рабочие знают, что те, кто будет голосовать за закрытие этих прений, что они будут принадлежать к тем жандармским ротмистрам, которые расстреливают рабочих.

Председатель. За прекращение прений слово принадлежит члену Государственной Думы Некрасову.

Некрасов (Томская губ.). Г.г. члены Государственной Думы. Мы были последними из тех, кто пытался бы в такой важный момент закрыть прения по этому вопросу, но мы не должны закрывать глаза на то, что, как всем известно, в ближайшем будущем предстоят об'яснения правительства по этому вопросу, при которых окажется возможным высказаться гораздо полнее. Мы, с своей стороны, будем голосовать за прекращение прений (Голоса справа: Браво.)

Председатель. По мотивам голосования слово принадлежит члену Государственной Думы Замысловскому.

Замысловский (Виленская губ.). Так как то обстоятельство, будет правительство выступать или не будет и когда именно, относится к области закулисных разговоров и так называемых «незримых путей», и так как это известно только тем, кто находится в тесной связи с правительством, а, напр., нам это неизвестно (смех справа), вопрос же весьма важен, я буду голосовать против прекращения прений. (Рукоплескания справа.)

Председатель. Ставлю на голосование предложение о полном прекращении прений. (Баллотировка.) Принято большинством 131 голоса против 34. По личному вопросу слово принадлежит члену Государственной Думы Замысловскому.

Замысловский (Виленская губ.). Отсутствие стенограммы не позволяет мне с полной точностью воспроизвести то, что говорил обо мне член Государственной Думы Белоусов. Мне приходится воспроизводить по памяти и в общих чертах. Он описывал мой рассказ о том, как рабочие шли на Надеждинский прииск, и говорил приблизительно—точных выраже-

ний не помню,—что это «моя выдумка», чуть ли он не говорил, что это «низкая выдумка», что только низкий человек мог это выдумать. Если бы член Государственной Думы Белоусов обратился к моей вчерашней стенограмме, то он убедился бы, что этот рассказ не мой рассказ, а буквальная цитата из газеты «Киевская Мысль», перепечатанная газетой «Речь». Прежде, чем приступить к цитате, я указал на эти источники, и на «Киевскую Мысль», и на газету «Речь». Таким образом все обвинения Белоусова относительно вымысла, выдумки относятся не ко мне, а к господам из «Киевской Мысли» и к господам из «Речи». Пусть к ним и обратится за раз'яснением член Государственной Думы Белоусов. (Рукоплескания справа.)

Председатель. Приступаем к голосованию. Угодно Государственной Думе принять запрос в редакции, предложенной фракцией народной свободы? (Баллотировка.) Принято. Угодно принять запрос в редакции, предложенной социал-демократической фракцией? (Баллотировка.) Отклонено большинством 96 голосов против 76. Угодно принять запрос в редакции, предложенной фракцией союза 17 октября? (Баллотировка.) Принято. Авторы заявления об обращении к правительству, в порядке ст. 40 учр. Гос. Думы, с вопросом таковое в настоящее время снимают. Засим, позвольте огласить формулу перехода к очередным делам, предложенную членом Государственной Думы Чиликиным и группой сибирских депутатов: «Принимая запрос, Государственная Дума признает необходимым внесение правительством в Государственную Думу проекта закона, устанавливающего правила о найме рабочих на золотые и платиновые прииски, нормирующего рабочее время и жилищные условия на этих приисках, а также распространение на приисковые районы Сибири законов о страховании рабочих от несчастных случаев, болезни и инвалидности, и переходит к очередным делам».

Ставлю эту формулу на голосование. (Баллотировка.) Принято. Затем имеется формула перехода трудовой группы, доложенная членом Государственной Думы Шило: как не основанная на законе, она голосованию не подлежит. (Справа рукоплескания и голоса: Браво.)

ЗАСЕДАНИЕ СТО ВТОРОЕ, СРЕДА 11-го АПРЕЛЯ 1912 ГОДА.

Заседание открывается в 8 ч. 55 м. вечера.

Председатель. Об'являю заседание Государственной Думы открытым. Журнал прошлого заседания находится у г. секретаря. Желающие сделать на него замечания благоволят обращаться к председателю. Приступаем к повестке. Пункт 1-й: раз'яснения министров внутренних дел, юстиции и торговли и промышленности на обращенный к ним, в порядке ст. 33 учр. Гос. Думы, запрос по поводу применения огнестрельного оружия во время возникших на Ленских золотых приисках среди рабочих волнений. Министр внутренних дел желает дать об'яснение.

Министр внутренних дел Макаров. Г.г. члены Государственной Думы. В общественной жизни встречаемся мы нередко с явлениями, которые всецело поглощают наше внимание и властно овладевают нашими чувствами. При наступлении таких событий является совершенно естественное стремление, во что бы то ни стало, узнать настоящую правду, насколько бы горька она ни была, и тот, кто должен осветить эти явления, не имеет права молчать. Вот почему, г.г., несмотря на то, что запрос ваш принят лишь вчера, правительство считает своим долгом сегодня же выступить с раз'яснениями по обстоятельствам прискорбных событий, совершившихся 4-го апреля на Ленских приисках. Я нахожу эти события прискорбными потому, что когда речь идет о событиях, повлекших за собой смерть 163 лиц, иного отношения к таким событиям, как искренней печали, быть не может. И в этом отношении, поверьте, правительство разделяет те же самые чувства, которыми переполнены и ваши сердца. Тем не менее, г.г., чувство скорби нередко остается не одиноким, а сопровождается стремлением выяснить всецело обстоятельства, вызвавшие это чувство, и лиц, которые виноваты в создании этих обстоятельств. Отсюда часто возникает желание найти виновных во что бы то ни стало, и тогда начинаются поиски, которые ведут, благодаря страстному отношению, к выводам не всегда справедливым. Позвольте вас прежде всего попросить отрешиться от этого чувства глубокой скорби, если вы это можете, и выслушать мое раз'яснение хладно-

кровно и, по возможности, внимательно. Моя задача помочь вам разобраться в этом печальном событии, и хотя спешность ответа моего, быть может, и отразится на обстоятельности тех раз'яснений, которые вызываются вашим запросом, но тем не менее, учитывая это обстоятельство, я все-таки решил вам представить эти раз'яснения сегодня же, так как нахожу, что время по такому делу не терпит. Прежде всего, г.г. члены Государственной Думы, считаю нужным оговориться, что выяснение экономических отношений между товариществом Ленской золотопромышленности и между рабочими не входит в мою задачу; это задача министерства торговли и промышленности. Тем не менее я должен вам доложить, что до последней забастовки никаких указаний на ненормальность этих отношений, на то, чтобы эти отношения могли сложиться в грозные события, в министерство внутренних дел не поступало. Может быть, это об'ясняется недостаточно внимательным присмотром местной администрации за жизнью на Ленских приисках, но по этому поводу я не могу не сказать, что эти прииски, благодаря своим географическим условиям, поставлены в совершенно особое положение. Как вам известно, они находятся в глубине Сибири, в 1800 верстах от губернского центра, и даже бывает такое время года, когда они всецело от этого центра разобщены вследствие отсутствия путей сообщения. Кроме того, ваш запрос в существе своем сводится не к обвинению власти в бездействии, а обвинению в превышении власти, и потому те упущения, которые, быть может, в действительности и имели место, в смысле отсутствия надлежащего надзора за жизнью на Ленских приисках, в сущности выходят из пределов запроса. Тем не менееи эти отношения подлежат самому строгому расследованию, и генерал-губернатор, как только представится возможность, по восстановлении путей сообщения, лично посетит Ленские прииски и расследует все те неправильности, которые, быть может, допущены там со стороны должностных лиц. Вместе с генерал-губернатором отправится туда представитель министерства торговли и промышленности для выяснения экономической стороны дела и прокурор судебной палаты для установления стороны судебной. Обращаясь к содержанию вашего запроса, я нахожу, что органам власти вменяются вами в вину два

обстоятельства: 1) вмешательство в мирно протекавшую забастовку и 2) как последствие этого вмешательства, применение огнестрельного оружия без достаточного к тому основания. Итак, прежде всего, протекала ли забастовка на Ленских приисках действительно мирно, не вызывая необходимости в вмешательстве административной власти для поддержания на Ленских приисках порядка и безопасности. Для разрешения этого вопроса позвольте вам доложить в краткой схеме, в последовательном порядке, все те события, которые на Ленских приисках за это время произошли. Забастовка началась 29-го февраля нынешнего года с того, что 900 рабочих Андреевского прииска отказались вступить на работу. 3-го марта появились уже требования рабочих, при чем в число требований включено было и требование восьмичасового рабочего дня (Егоров, с места: Какая страсть, больно страшно), 9-го марта все прииски уже не работали и число забастовавших дошло до 6.000 чел. Около этого же времени обнаружено было и руководительство этой забастовкой стачечным комитетом. Когда прокурор иркутского окружного суда получил об этом донесение горного исправника, им было предложено местному мировому судье приступить к предварительному следствию по п. 3 ст. 125 угол. улож. Этот закон, г.г. члены Государственной Думы, имеет в виду участие в сообществах, заведомо поставивших целью своей деятельности возбуждение рабочих к устройству или продолжению стачки, ст. 367 предусмотренной. (Кузнецов, с места: А закон 2-го декабря? Пуришкевич, с места: Не перебивайте.)

Председатель. Покорнейше прошу с мест не возражать.

Министр внутренних дел. А ст. 367 говорит о стачках на таких предприятиях, которые происходят на заводах, фабриках, горных промыслах, железнодорожных, портовых и тому подобных мастерских, т.-е. и на предприятиях, не имеющих, строго говоря, государственного или общественного значения. Таким образом, по действующему закону, если, согласно указу 2-го декабря 1905 г., участие в стачке в предприятии, не имеющем государственного или общественного значения, и не наказуемо, то участие в сообществе, заведомо поставившем целью своей деятельности возбуждение ра-

бочих к стачке вообще, остается наказуемым. (Голос слева: Тонко.) Следовательно, возбуждение преследования по п. 3 ст. 125 угол. улож., как закону действующему, представлялось совершенно правильным, но это возбуждение не повлекло за собою никаких практических последствий, потому что на месте не имелось полицейской силы для приведения в исполнение требования мирового судьи об аресте стачечного комитета, и горный исправник вынужден был отказать судебной власти в производстве обысков и задержании тех лиц, которые были привлечены к ответственности по этому делу, о чем прокурор окружного суда рапортом от 21-го марта донес прокурору палаты и министру юстиции. На-ряду с этим и, быть может, благодаря этому, положение на Ленских приисках становилось все более и более угрожающим, при чем возникло предположение о возможности порчи и истребления приискового имущества. Вследствие этого было сделано распоряжение о командировании из Киренска, за 300 вер., находившейся там войсковой команды, об отправлении находившегося в это время в Иркутске в отпуску, очень уважаемого на месте и известного по своей деятельности в Восточной Сибири, горного инженера Тульчинского в Бодайбо, а также о командировании туда ротмистра Трещенкова (голоса слева: Весьма известного) для того, чтобы на месте была власть, которая об'единила бы все полицейские учреждения. Таким общим начальником полиции и был сделан 22-го марта ротмистр Трещенков.

В это время результаты праздного шатания по приискам многочисленной толпы, среди которой агитировали подстрекатели, как и следовало ожидать, проявились во всей силе: толпа проникала в полицейские дома, производила там обыски, останавливала пассажирские поезда, оказывала сопротивления при попытках к выселению рабочих по исполнительным листам судебных мест, не допускала вновь нанятых рабочих стать на работу и т. п. Окружный инженер Тульчинский,— считавшийся другом рабочих, действительно запечатлевший эту дружбу геройским выступлением 4-го апреля навстречу толпы и оказавшийся благодаря этому под выстрелами,—всячески старался добиться соглашения между Ленским товариществом и рабочими. По телеграмме Тульчинского от 31-го мар-

та, он прилагал все усилия примирить стороны, но тем не менее рабочие стояли на своем и даже, когда он вывесил об'явление, которое предупреждало, что в случае невыхода рабочих на работы, промысловое управление начнет срочные, не терпящие никакого отлагательства работы по исправлению заплотов и приведению в должный порядок водяных канав новыми рабочими под охраной вооруженной воинской силы,— такого рода об'явление никакого значения не имело, равно как и об'явление, выставленное в то же время ротмистром Трещенковым о том, что он будет охранять этих вновь нанятых рабочих воинской силой. К этому времени положение на приисках стало совершенно невозможным, и иркутский губернатор, относившийся с самого начала и до конца чрезвычайно благожелательно к рабочим, оказался вынужденным послать 2-го апреля телеграмму ротмистру Трещенкову о необходимости, наконец, исполнить требование судебной власти и арестовать лиц, привлеченных мировым судьей к ответственности за участие в стачечном комитете. Это предложение губернатора было исполнено в ночь на 4-е апреля, а затем 4-го апреля, как вам известно, произошло то кровавое событие, которое стоило жизни 163 рабочим. Позвольте мне изложить вам это событие по трем телеграммам, исходящим из различных источников.

Окружной инженер Тульчинский по этому поводу доносит, что 4-го апреля в 7 ч. утра возбужденная толпа рабочих, свыше 1.000 ч., с трех приисков явилась к нему с требованием немедленно освободить арестованных, угрожая в противном случае собрать рабочих со всех приисков товарищества и двинуться в Бодайбо для их освобождения, при чем для исполнения своего требования назначили 3 ч. дня 5-го апреля. Проехав на Надеждинский прииск, Тульчинский встретил другую толпу возбужденных рабочих Александровского прииска, шедших к дистанционной конторе с требованием немедленного освобождения арестованных и немедленного расчета. Он бесполезно убеждал—по его донесению—разойтись, не делать насилий, и, прибыв на Надеждинский прииск, узнал, что на Феодосиевском прииске собралось до 3.000 рабочих, и против них стоит рота. Прибыв к этим рабочим, по их требованию, Тульчинский попросил отвести роту, которая и отошла к месту стоянки у народного дома, а сам он бесполезно убеждал феодосиевцев разойтись. Рабочие вели себя угрожающе и пред'-

являли те же требования. В это время рабочие четырех приисков направились на соединение с Александровскими и массою более 3.000 ч. двинулись к народному дому, куда и прибыли к 5 ч. дня. Несмотря на предупреждения и сделанные сигналы, толпа угрожающе надвигалась на войска, которые и дали несколько залпов. Из депеши ротмистра Трещенкова видно, что в то же утро, в виду отказа разойтись, рабочие были предупреждены, что будут рассеяны воинскою силою, которая и была вызвана на место. Среди рабочих распространялись гектографированные воззвания, за подписью «Союза горнорабочих», и произносились зажигательные речи, после чего толпа потребовала к себе инженера Тульчинского, по приезде которого войска, по его просьбе, были уведены, но толпа и по отношению к Тульчинскому держала себя крайне вызывающе. Днем до 4.000 рабочих направились на соединение с рабочими Феодосиевского прииска и на требование разойтись кричали: «Вас давно надо проучить». Ссылаясь на всех представителей власти, бывших на месте, ротмистр Трещенков категорически утверждает, что такое поведение рабочих было вызвано вовсе не арестами, а полным сознанием безнаказанности творимых ими в течение более месяца беспорядков и насилий и ежедневно возрастающими требованиями. Когда толпа, не исполнив требования, продолжала двигаться на Надеждинский прииск, вновь была вызвана воинская команда, и рабочие, не исполнив требования разойтись, подошли к ней приблизительно на 160 шагов. В это время к ним направился Тульчинский для уговоров, но не достиг цели,—толпа продолжала наступать, и если бы ротмистр Трещенков не передал в этот момент власть начальнику команды в присутствии товарища прокурора и судьи, то войска были бы смяты и обезоружены. Толпа и после трех сигналов на рожке не остановилась, а после первого залпа легла; когда же огонь был прекращен, то с криками «ура» вновь пыталась броситься на войска, вследствие чего было сделано еще три залпа. Насколько положение было серьезно, доказывает тот факт, что пришлось открыть огонь по толпе, несмотря на то, что в ней находился Тульчинский. Наконец, товарищ прокурора окружного суда Преображенский удостоверяет, что настроение толпы 4-го апреля, очевидно, под влиянием ускользнувших из-под ареста главарей Баташева и Попова, стало грозным. Против Феодосиевского прииска, где

арестов не было, с 7 ч. утра и до 2 ч. дня стояла вызванная команда, ежеминутно ожидая беспорядков от собравшейся толпы. Приисковые служащие были предупреждены и вывезены ротмистром Трещенковым, уговоры которого и инженера Тульчинского были тщетны. Главным требованием было немедленно освободить десять арестованных с угрозой расправиться с полицией силой, но так как толпа в наступление не переходила, то команду отправили обратно. Около 3 ч. дня стало известно, что со стороны Бодайбо идет на соединение с феодосийскими рабочими толпа рабочих с разных приисков свыше 3.000 чел. Ротмистр Трещенков приказал через урядника толпе остановиться на Александровских приисках, но она достигла до Надеждинских, где помещается главная контора и расположена была в боевом порядке команда. Тульчинский бросился к толпе с уговорами. Подан был сигнал (трубой). Толпа остановилась на несколько мгновений, окружила Тульчинского, но тотчас же двинулась с криками «вперед». Положение было столь опасное, что через минуту войска были бы смяты и солдаты, всего 110 чел., без резерва, волновались, требуя распорядиться стрелять, боясь натиска. (Розанов, с места: Хороша дисциплина.) Тульчинский, силой удержанный рабочими, остался под выстрелами, а стражник Титов, бросившийся еще раньше к толпе с уговорами, так же был задержан ею и получил рану в ногу. После первого залпа толпа легла, но сейчас же вскочили с криками «ура», бросались к солдатам, в виду чего было дано три залпа, остановивших это наступление. На месте толпа оставила принесенные кирпичи, колья и палки. Вот как рисуется событие 4-го апреля. Где же во всем том, что предшествовало 4-му апреля, незаконное вмешательство в мирно протекавшую забастовку? Представителей полиции можно упрекать по этому делу в чем хотите, но только не в превышении власти. (Голос справа: А в провокации?) Их действия сводились исключительно к исполнению требований судебных властей и к поддержанию, в той мере, в какой это представлялось возможным их слабым силам, порядка и спокойствия на приисках. Да и самая забастовка, как вы уже, вероятно, из изложенного мной выше сами усмотрите, вряд ли может почитаться мирно протекавшей. (Розанов, с места: Откуда это видно?) Помимо этого и подкладка ее была во всяком случае не исключительно

экономическая, а в значительной мере политическая (Голос слева: Ленскую республику хотели устроить.) Я уже имел честь передать вам, что в самом первом требовании 3-го марта уже указывалось на восьмичасовой рабочий день... (Кузнецов, с места: Что же, разве это политическое?)

Председатель. Покорнейше прошу соблюдать тишину.

Министр внутренних дел Макаров... а в настоящее время уже ... (Голос слева: Возмутительно. Голос справа: Выставьте хулиганов.)

Председатель. Покорнейше прошу не шуметь.

Министр внутренних дел Макаров... а в настоящее время (Кузнецов, с места: Оскорбительно слушать) уже установлено, что в числе арестованных 10 членов стачечного комитета, привлеченных судебной властью к ответственности по ст. 125 угол. улож., находится, между прочим Александр Соболев, осужденный в 1908 г. виленским военно-окружным судом за распространение нелегальной литературы среди нижних чинов, Эдуард Думпе, признанный виновным в 1907 г. временным военным судом в Риге, в принадлежности к латышскому социал-демократическому союзу (Пуришкевич, с места: Почему не повесили?), и Индрик Розенберг, осужденный в 1906 г. временным военным судом Забайкальской области за принадлежность к революционному обществу в каторжные работы на четыре года. (Пуришкевич, с места: Надо было повесить. Голос справа: Вот так компания. Голос слева: По поводу провокации правительства.) Несколько членов стачечного комитета успели скрыться, и в том числе виднейшим из них был Баташев, бывший член второй Государственной Думы, осужденный по приговору особого присутствия правительствующего сената от 1-го декабря 1907 г. к каторжным работам на четыре года по делу социал-демократической фракции и участия ее в образовании военной организации. (Шум; звонок председателя.) При таких руководителях естественно забастовка не может считаться исключительно экономической и не могла, по моему крайнему убеждению, протекать мирно. (Голос справа: Браво.) Обращаюсь ко второй части запроса. Если согласиться со мной и признать, что незакономерного вмешательства административной власти в «мирно протекавшую» заба-

стовку не было, то нельзя и выводить последствием такого вмешательства прискорбные события 4-го апреля, ибо—нет причины, нет и следствия. Тем не менее, я вовсе не хочу оставить и это обстоятельство без всестороннего и подробного обсуждения.

Для того, чтобы признать, было ли достаточное основание для обращения к огнестрельному оружию или нет, надо разрешить, по моему мнению, два вопроса: 1) соблюдены ли были установленные для этого в законе требования (Слева голос: Циркуляр), и 2) имеются ли в деле достаточные указания на то, что 4-го апреля командовавшие воинской частью лица имели право отдать распоряжение об обращении к оружию. По первому вопросу, по формальной, так сказать, стороне этого дела, считаю себя обязанным сказать, что условия, при которых закон допускает обращение к огнестрельному оружию, указаны в приложении к ст. 316 (примечание) общ. учр. губ., т. II, ч. 1 свод. зак. по прод. 1906 г. И вот в чем они заключаются: ст. 1 этих правил говорит: «войска могут быть призываемы для содействия гражданским властям лишь в крайней необходимости и при недостаточности полицейских средств». По ст. 2 при вышеуказанных условиях гражданские власти имеют право призывать войска: «для прекращения угрожающих общественной безопасности: народных беспорядков, массовых сопротивлений гражданским властям и насильственного похищения и разрушения имущества (разгромов)». Ст. 26 устанавливает, что, если ко времени прибытия войск, вызванных на место беспорядков, последние не прекращаются, то гражданские власти, без замедления, сделав последние увещевания, уполномочивают начальника прибывшей команды выполнить те мероприятия, которые могут повести к прекращению беспорядка, рассеянию толпы или захвату ее. При этом, согласно ст. 28, начальник вызванной команды, получив указанные в ст. 26 сего положения полномочия от гражданских властей, действует по своему усмотрению всеми теми способами, которые признает соответственными положению дела, прибегая к увещеванию, если таковое будет признано им возможным, а затем, по ст. 30, оружие холодное или огнестрельное может быть употребляемо войсками с соблюдением следующих правил: по передаче полномочий со стороны гражданских властей и после троекратного предупреждения сиг-

налом на трубе или барабане, для рассеяния неповинующейся толпы, и не ожидая передачи полномочий со стороны гражданских властей и без всякого предупреждения против толпы, или арестантов, нападающих на войска или совершающих какие-либо враждебные против них действия. На основании примечания к этой статье для предупреждения неповинующейся толпы ни стрельба вверх, ни стрельба холостыми патронами не должна быть допускаема. Думается мне, что, если вы сопоставите эти правила с событиями 4-го апреля, как они изложены в прочитанных мною телеграммах, то вы найдете, что формально все требования, необходимые для открытия огня, были соблюдены. Хотя, по ст. 30, употребить оружие можно было и без предупреждения, но в данном случае предупреждение на рожке сделано было. Обращаясь к существу, я нахожу нужным для освещения этого вопроса напомнить вам лишь соответствующие места уже прочитанных мною телеграмм. Из телеграммы Тульчинского вы видите, что, несмотря на предупреждение и сделанные сигналы, толпа надвигалась на войска, а в телеграммах ротмистра Трещенкова и товарища прокурора Преображенского эти обстоятельства изложены еще более ярко, так как в депеше Трещенкова удостоверяется, что если бы не была передана власть начальнику команды в присутствии товарища прокурора и судьи, то войска были бы смяты и обезоружены, а товарищ прокурора Преображенский доносит, что положение было столь опасно, что через минуту войска были бы смяты, и солдаты, всего 110 чел., без резерва, волновались, требуя распорядиться стрельбой, боясь натиска. (Голос слева: Большего цинизма от вас не надо.) Вот при каких обстоятельствах сделано было обращение к огнестрельному оружию. Можно ли, спрашивается, при наличности таких условий утверждать, что обращение к огнестрельному оружию было допущено без достаточного к тому основания? Что бы сказали вы здесь, г.г., если бы это не имело места, и толпа в несколько тысяч человек, окружив солдат, обезоружила бы их. (Пуришкевич, с места: Сказали бы, что нет правительства.) Вы бы сказали, по меньшей мере, что правительство преступно бездействовало (голос справа: Верно, правильно), и вы были бы правы. А могло ли и должно ли было это случиться? Для меня несомненно, что могло и должно было. Не далее как вчера я полу-

чил телеграмму (слева голос: От Трещенкова) следующего содержания: «Следствием по ст. 123 угол. улож., т.-е. об участии в скопище, устанавливается, что цель скопища 4-го апреля была захватить оружие солдат, смять их и разгромить прииски. (Голоса слева: Бессмыслица, кто подписал телеграмму?)

Председатель. Прошу не прерывать г. министра внутренних дел. Покорнейше прошу соблюдать тишину.

Министр внутренних дел Макаров. Согласитесь, г.г. члены Государственной Думы, что такие действия совершенно недопустимы. Воин и оружие нераздельны; потеря оружия—позор для воина. С войсками не шутят. Войско руководится в своих действиях исключительно принятой присягой, требованиями своих уставов и железной дисциплиной, сковывающей войска. (Голос справа: Браво, верно.) Когда потерявшая рассудок под влиянием злостных агитаторов толпа набрасывается на войско, тогда войску ничего другого не остается делать, как стрелять. (Голос справа: Верно.) Так было и так будет впредь. (Кузнецов, с места: Пока вы у власти. Голос слева: Кровопийцы. Рукоплескания справа; шум.)

Председатель (звонит). Член Государственной Думы Кузнецов, прошу вас соблюдать тишину и с места замечаний не делать.

Министр внутренних дел Макаров. Глубоко прискорбные события 4-го апреля должны лечь, по моему крайнему убеждению, тяжелым гнетом не на тех лиц, которые распоряжались воинской командой (голоса слева: Еще бы; на вас), а на агитаторов, сидящих уже в тюрьме,—Соболева, Думпе и Розенберга, на трусливо бежавшего Баташева (возгласы слева: Ох!) и на всех тех, кто с ними. (Слева голоса: И на Макарова. Шиканье и свист; справа рукоплескания; голоса слева: Кровопийцы радуются.)

Председатель. Министр торговли и промышленности желает дать об'яснение. (Кузнецов, с места: Мало вам крови было; Пуришкевич, с места: Кончатся полномочия, и к чорту вас, Кузнецов. Голоса слева: Хулиганы.) Член Государственной Думы Пуришкевич, прошу вас не шуметь.

Министр торговли и промышленности Тимашев. Г.г. члены Государственной Думы. В моих об'яснениях я буду строго держаться рамок пред'явленного мне запроса; он формулирован так: «известно ли министру, что отношения Ленского товарищества к рабочим на приисках товарищества не соответствовали требованиям закона». К крайнему сожалению, должен вперед сказать, что в данную минуту мои об'яснения не будут столь подробно исчерпывающими, как требовалось бы, в виду несомненно крупного значения происшедшего прискорбного события в Ленской тайге и в виду понятного напряжения, с которым и вы в этом зале и общество ждут об'яснений правительства. Я ограничусь представлением пока только фактического материала, очень сухого, иногда длительного, имеющегося в моем распоряжении и касающегося главным образом деятельности органов министерства торговли и промышленности. Прежде всего скажу несколько слов о положении дел на приисках Ленского товарищества до забастовки. Первое представление окружного инженера Тульчинского о неправильных действиях Ленского товарищества по отношению к рабочим получено было в январе 1911 г. В этом представлении указывалось несколько пунктов нарушений обязательных постановлений, между которыми особенного внимания вашего заслуживают три: неудовлетворительность жилищ, недостаточность медицинской помощи и задержка расчетов. (Движение справа.) Я указываю, собственно, те пункты, которые были заявлены не в последнее время, а в январе 1911 г. Что сделано было по этому предмету? Прежде всего по получении этих известий горное ведомство потребовало личных об'яснений у Ленского товарищества, признало их неудовлетворительными и поручило Ленскому товариществу исполнить требования окружного инженера. Вместе с тем 16-го марта горный департамент поручил окружному инженеру иметь постоянное, неуклонное наблюдение за точным исполнением Ленским товариществом закона и обязательных постановлений. 10-го мая департамент предложил Тульчинскому сообщить, приняты ли товариществом меры к устранению замеченных нарушений. В течение истекшего времени произошло следующее. После переговоров Ленское товарищество подчинилось требованиям горного ведомства и медицинский надзор увеличило. Второе—относительно расче-

тов. Должен вам пояснить, что в силу существующего закона расчет делается в конце кампании и не может переходить на кампанию следующего года; неправильность действий товарищества была в том, что оно допускало переход расчетов на следующую кампанию, при чем об'ясняло, что будто бы это делается с согласия рабочих, которые якобы не желают иметь в руках денег в тайге. Тогда было предложено товариществу следующее: если, действительно, есть опасность в отношении денег, то имеется прекрасный способ из этого выйти—учредить государственную сберегательную кассу. Это было пред'явлено Ленскому товариществу; оно долго колебалось, наконец, подчинилось, и касса учреждена на общих основаниях, существующих для государственных сберегательных касс. Третье—жилищная нужда; это самое серьезное из заявленных требований. Горный инженер произвел подробное обследование жилищ на всех приисках, установил кубическое содержание воздуха на каждого рабочего (Розанов, с места: Интересно знать кубическое содержание на человека?) и в ноябре пред'явил к Ленскому товариществу требование, чтобы в двухмесячный срок оно оборудовало жилища на группе Феодосиевских приисков, так как на других группах нужда была не столь велика. Это требование было пред'явлено в ноябре; после этого горный департамент неоднократно настаивал, чтобы Ленское товарищество требование исполнило, но должен констатировать, что к январю оно во всей полноте исполнено не было. Вот какие распоряжения были сделаны горным ведомством по представлениям горного инженера Тульчинского. Затем должен сказать, что заявлений и жалоб со стороны рабочих в горный департамент не поступало. В этом отношении я считаю своею обязанностью провести некоторую параллель между тем, что делалось на Лене и на Урале. Когда на Урале возникали какие-нибудь недоразумения между заводчиками и рабочими, то о них сейчас становилось известно в Петербурге; рабочие добивались своих прав у горного начальства, не получая их, жаловались в горный департамент, министру. Затем представители в Государственной Думе от Урала постоянно выступали за своих рабочих, и они подтвердят, что путем переговоров с высшей администрацией дело улаживалось. (Егоров, с места: Я констатирую, что ничего не получили.) Таких заявлений с Ленской тайги не посту-

пало, никаких жалоб не было, и поэтому, должен признаться, у нас не было ощущения, чтобы на Ленских приисках было какое-нибудь крупное неблагополучие, вне тех пунктов, которые я вам только что сообщил, и по которым были приняты известные меры. Вот при таких обстоятельствах и вспыхнула забастовка, которая, конечно, по этому самому явилась неожиданной. Забастовка случилась 29-го февраля и в короткое время охватила все прииски. В первом донесении окружного инженера Александрова, заменявшего Тульчинского, который был немедленно направлен на прииски, сообщалось, что рабочие формулируют свои требования позднее. В Петербурге требования эти получились 8-го марта в телеграмме рабочих на имя горного департамента. Я считаю своей обязанностью этот длинный перечень вам прочесть, ибо он довольно интересен. Этот перечень обнимает собой 15 пунктов. «Продовольствие доброкачественное. Гигиенические квартиры. Исполнение только тех обязанностей, на которые рабочие нанялись. Рассчитывать не зимой, а летом с бесплатным проездом до Жигалова. Восьмичасовой рабочий день в мокрых забоях и вахтах. Праздничный отдых. Плата за работу в праздники в полуторном размере. Прибавка жалованья 30%. Ежемесячная уплата деньгами, не талонами. Отмена штрафов. Безусловная медицинская помощь. Введение рабочих старост. Непринуждение женского труда. Вежливое обращение. Увольнение служащих, вызвавших забастовку». Но эти требования не совсем совпадают с теми требованиями, которые 3-го марта пред'явлены были управляющему приисками Теппану, ибо в тех требованиях были некоторые особенности. Здесь говорится о восьмичасовом рабочем дне в мокрых забоях, а в требованиях 3-го марта, что подтвердилось потом сношениями с горными инженерами, говорилось о восьмичасовом труде вообще. Потом было требование уплаты за дни забастовки, увольнение рабочих с ведома рабочей комиссии. Итак, вы изволите видеть, некоторое отличие последних требований от первоначальных имеется налицо. По поводу телеграммы, полученной горным департаментом 8-го марта, того же 8-го марта департамент телеграфировал горному надзору, чтобы он произвел расследование и принял меры к миролюбивому окончанию забастовки. Должен здесь сказать по поводу требований рабочих, что в последующем течении забастовки они постоянно менялись, одни

отпадали, возникали новые; но все же эти требования легко распределить на три совершенно определенные группы: во-первых, требования, вытекающие из нарушения товариществом закона, обязательных постановлений и контрактов; таковы требования, касающиеся качества пищи, жилищ, неназначение рабочих на такие работы, которые по договору не обусловлены, и т. п. Вторая категория требований иного порядка, требования из договора не вытекающие, являющиеся к договору дополнительными; таково требование об увеличении заработной платы, повышении платы за командировки и т. п. Наконец, третья категория уже чрезвычайных требований, которые хорошо всем известны, возникают обыкновенно при каждой забастовке и которые всегда решительно отвергаются промышленниками; таковы: требование увольнения рабочих не иначе, как с согласия комитета рабочих, затем увольнение неугодных рабочим служащих предпринимателя, далее, восьмичасовой рабочих день и плата за дни забастовки. Вот, собственно, какие три группы требований имеются налицо,— требования, как вы изволите видеть, совершенно различные, и понятно, что отношение к ним правительства было тоже различно. Что касается требований первой категории, то относительно их не может быть двух мнений. Совершенно ясно, что в той мере, в какой Ленское товарищество нарушало закон, обязательные постановления, контракты,—в этих пределах к поведению Ленского товарищества может быть только одно чувство, чувство глубокого возмущения и самого решительного осуждения. Голоса справа: Верно.) Несомненно, что правительство обязано заставить товарищество подчиниться всем требованиям этой категории. Бывают случаи, что слабое предприятие не в силах в точности исполнить требования закона. Это не оправдание, но об'яснение. В данном случае этого об'яснения нет, и Ленское товарищество могло и было обязано в точности исполнить то, что я отнес к первой категории. Иначе обстоит дело со второй категорией. Вам ясно, что вопрос о повышении заработной платы есть уже не исполнение договора, а изменение договора; это предоставляется соглашению предпринимателя с рабочими, и здесь, конечно, правительство не может приказывать. Правительство может советовать, влиять; это и было сделано, как вы увидите дальше, но распоряжаться оно не может. А требования третьей

категории, конечно, должны вызывать к себе совершенно отрицательное отношение, и в этом собственно смысле и давались указания местной администрации горного ведомства. Теперь я должен вам пояснить, указав отношение правительства к требованиям рабочих, также и отношение товарищества к этим требованиям, что важно для иллюстрации дальнейшего хода событий. Товарищество заявляет, что, конечно, требования первой категории для него обязательны, но по целому ряду этих требований товарищество представляет возражения, что, будто бы, жалобы рабочих несправедливы. Здесь я буду говорить только то, что говорит товарищество, нисколько не доказывая правильности этих об'яснений, ибо дело еще не выяснено. Товарищество утверждает, что обвинение в дурной пище в общем неправильно; бывали отдельные случаи, случаи исключительные; товарищество желает, чтобы их назвали, оно обещает расследование, но такое общее осуждение качества пищи оно отвергает. Далее, относительно медицинской помощи, оно говорит, что после того, как медицинский персонал был усилен до шести врачей, двенадцати фельдшеров и пяти фельдшериц, он оказывается достаточным. Затем Ленское товарищество решительно отрицает одно из очень тяжких обвинений, которое было пред'явлено товариществу, и которое произвело сильное впечатление и в печати, и в обществе. Вот в чем оно заключается. В числе требований, пред'явленных рабочими, одно гласит следующее: «предоставить рабочим право жаловаться на администрацию и вчинять иски», т.-е. как будто бы этого права до сих пор не было. Товарищество это отрицает и утверждает, что в этом отношении не было стеснений. И, наконец, еще один важный пункт, который опять-таки произвел, несомненно, большое впечатление, это—вопрос о принудительности женского труда. Ведь получилось, действительно, впечатление поражающее:—рабочие просят отменить принудительность женского труда, т.-е. как будто бы на приисках женщин заставляют насильственно работать. (Г о л о с с л е в а: Верно, заставляют.) По этому поводу вот что об'ясняют: повторяю, это об'яснение не мое, это есть об'яснение Ленского товарищества. Несомненно, здесь имеется в виду следующий случай: по контрактам с женатыми рабочими одновременно нанимаются и муж и жена, муж для работ горных, а жена для домашних услуг—стирки, мытья и проч.

Вот эти договоры и имеются здесь в виду. Нередко женщина, прибыв на прииск, отказывается от работы, на которую она подписала контракт. Речь идет только об этих женщинах, т.-е. можно ли требовать от них исполнения контракта или нет. Так дело представляется по об'яснению «Лены». (Кузнецов, с места: А по об'яснению вашему, как?) В настоящее время я резюмирую этот фазис дела следующим образом. Все требования, которые были пред'явлены к «Лене», в конце концов были формулированы инженером Александровым и были предложены рабочим. «Лена» все эти требования приняла с оговоркой, что сюда, в этот перечень, входят, между прочим, и такие требования, которые «Леной» без того исполнялись, и, стало быть, к введению их в этот перечень, в сущности, нет необходимости. Согласно сему вот какое получается окончательное соглашение 18-го марта, принятое «Леной» и предложенное рабочим: продовольствие кухни дается на равных условиях со служащими, хлеб будет из просеянной муки, казармы будут устраиваться согласно обязательным постановлениям присутствий. Середина казарм и коридоры будут освещаться. Горнорабочим устанавливается очередная сменяемость рабочих. На работы рабочие будут назначаться согласно профессии, отмеченной в контракте. Увольняемые рабочие будут удовлетворяться расчетом по закону. Каждый день будет вывешиваться табель с отметками проработанного каждым рабочим дня. Рабочим будут выдаваться ярлыки ежедневной выработки. Медицинская помощь будет оказываться без промедления. Женщин не будут наряжать на работы принудительно; последнее будет делаться только в случае недостатка желающих. Служащим будет вменено в обязанность обращаться с рабочими вежливо, жалобы их внимательно выслушивать, претензии удовлетворять. Таковы собственно те требования, которые были формулированы горным инженером. Требования эти «Леною» были приняты к исполнению. Но затем, одновременно, другая часть требований была отвергнута товариществом; между ними следующие: «восьмичасовой рабочий день; всем без исключения рабочим, мастеровым, добавить 30%; неувольнение рабочих по личному капризу администрации, а с ведома рабочей комиссии; устранение служащих Ленского товарищества по требованию рабочих; уплата за дни забастовок». Эти требования отвергнуты.

Пред'явленные требования рабочие уменьшить отказывались и соглашались приступить к работе лишь при исполнении всех их требований. Вот, собственно, как шли переговоры. Затем к этим переговорам примешался вопрос о выселении рабочих. По этому поводу 20-го марта в министерстве торговли и промышленности было совещание, на которое пригласили для об'яснений представителя Ленского товарищества. Оказалось, что до этого времени было пред'явлено 300 исков о выселении. (Розанов, с места: Макаров забыл об этом.) 42 иска были просмотрены мировым судьей и присуждены в пользу товарищества, при чем мировой судья нашел, что нарушило контракт не товарищество, а рабочие. По поводу этого выселения рабочих товарищество дало об'яснение, которое ясно само по себе; оно указывало, что при отсутствии путей сообщения все бастующие рабочие, очевидно, остаются на приисках. Там жилых помещений нет, кроме домов Ленского товарищества, и засим нет припасов, кроме припасов товарищества. Ясно, что рабочие не могли быть обречены на голодную смерть и на жизнь на улице. Поэтому получилось такое положение, при котором рабочие, продолжая бастовать, жили в домах товарищества и питались его запасами. Явилось опасение, что при этих условиях забастовка может протянуться до бесконечности, почему Ленское товарищество решилось принять меры, чтобы положить этому конец. Но вопрос о выселении скоро отпал. Оно вызвало на месте большое беспокойство среди рабочих; была получена об этом телеграмма от горного инженера как в Петербурге, так и в Иркутске, и губернатор немедленно выселение приостановил. В этом же заседании совещания обсуждался также вопрос относительно заработной платы, ибо Ленское товарищество продолжало отказываться от ее повышения; в частности, как известно, ходатайство о повышении заработной платы находилось в связи с заявлениями рабочих, что будто бы та дополнительная плата, которую они получали вследствие пользования под'емным золотом, сократилась вследствие резкого упадка под'емного золота. Ленское товарищество по этому поводу представило ведомость, из которой видно, что за операцию 1909—10 г.г. по сведениям товарищества было под'емного золота 36 пуд., а за операцию 1911 г.—40 пуд., так что сокращение золота отрицалось. Тем не менее в совещании было

рекомендовано товариществу подумать, не следует ли ему решиться на повышение заработной платы, ибо убытки, которые оно может от сего получить, будут для него все-таки меньше, чем продолжение забастовки, но товарищество от увеличения платы уклонилось. В это время состоялось в Иркутске известное вам постановление, которое пришло к заключению, обратному решению мирового судьи на приисках; именно, присутствие признало, что виновной стороной нарушения контракта являются не рабочие, а Ленское товарищество, и в своем журнале привело целый ряд указаний, которые, по мнению присутствия, следовало бы осуществить для того, чтобы положить конец забастовке. Эти указания присутствия были переданы губернатором горному инженеру Тульчинскому. Затем, идя в порядке хронологического изложения, отмечу, что после этого постановления, состоявшегося 19-го марта, 21-го марта получена была телеграмма в Петербурге от начальника иркутского горного управления, которая сообщает, что начинается «шатание» подстрекаемой 4.000 толпы рабочих, требующих расчета по 10 сентября. Это было 21-го марта. 23-го марта состоялось совещание горного инженера Тульчинского с рабочими; в совещании Тульчинский предложил рабочим стать на работу с 1-го апреля и при этих условиях гарантировал им исполнение со стороны товарищества целого ряда требований рабочих. В этом перечне имеются такие, напр., условия: прием товариществом всех рабочих по новым договорам; исполнение всех тех претензий, которые я указывал раньше, и которые «Леной» уже приняты; оставление права за рабочими пред'являть иски о нарушении прежних договоров, ходатайство о восьмичасовой работе в мокрых забоях и т. д. Таков ряд условий, которые Тульчинский формулировал рабочим 23-го марта. В заключение он обещал неуклонное наблюдение окружным инженером за точным выполнением товариществом подлежащих законов и постановлений. Тульчинский доносит, что после сообщения этих условий выборные рабочих, видимо, удовлетворились, наступило как бы некоторое колебание, но 1-е апреля наступило, они на работу не встали. (Розанов, с места: Это в воскресенье.) Дальнейших переговоров окружного инженера с рабочими уже не было. При таком положении дела и получилась та ужасная кровавая телеграмма Тульчинского, которая была оглашена г. министром внутренних дел.

Вот те фактические данные, которые имеются в настоящее время в моем распоряжении. Как вы видите, они довольно недостаточны, в них есть противоречия и много неясного. Необходимо самое тщательное расследование этого действительно исключительного дела во всей совокупности на месте, и это расследование будет незамедлительно произведено. Дальнейшее будет зависеть от того, что расследование даст. Но теперь я могу заверить вас, что правительство относится к этому прискорбному делу с тем полным вниманием, которого оно заслуживает и которое ответит вашему общему желанию. (Рукоплескания справа.)

Председатель. Об'являю перерыв.

Перерыв от 10 ч. 7 м. до 10 ч. 28 м. вечера.

Председатель. Заседание возобновляется. На основании § 123 наказа предлагаю Государственной Думе разрешить: желает ли она приступить к обсуждению об'яснений г.г. министров внутренних дел и торговли и промышленности в настоящем заседании? (Баллотировка.) Принято. Слово принадлежит члену Государственной Думы Кузнецову.

Кузнецов (Екатеринославская губ.) Г.г. члены Государственной Думы. Я от имени рабочего класса выражаю свою глубокую благодарность министру внутренних дел за сказанную им сегодня речь с думской трибуны. Эта речь является одной из лучших прокламаций, которую никогда ни одна из социалистических партий не печатала в своих воззваниях. Я рекомендую рабочему классу сегодняшнюю речь печатать и распространять усиленно, как ни одну социал-демократическую прокламацию, как ни одно социал-демократическое воззвание. Его речь заключалась в том, что он подтвердил все то, что было сказано мной с думской трибуны в прошлом заседании, т.-е. что это так было и так будет впредь. Мы это категорически утверждаем, что рабочий класс расстреливался и будет расстреливаться впредь до тех пор, пока будет существовать тот политический строй во главе с г.г. Макаровыми. (Голоса слева: Правильно. Звонок председателя; рукоплескания слева.) Ведь, г.г., это особенно характерно подчеркивает всю сущность современного политического управления, когда в таких серьезных и важных вопросах, когда расстреливается правительством около 500 чел., тогда глава правительства в Москве, говорящий перед Евро-

пой о культурном управлении страной, высылает своего стрелочника, министра внутренних дел, известного не только нашей стране, но и Европе, который был главным виновником осуждения социал-демократических депутатов второй Государственной Думы на каторгу. В самом деле, что сказал министр внутренних дел? Вы слышали категорическое заявление от министра торговли и промышленности о тех требованиях, какие были пред'явлены рабочими Ленских приисков. Ни одно из всех этих требований не имело политического характера. Однако, несмотря на это, министр внутренних дел утверждает, что все-таки в трех пунктах были политические требования. В каких же этих трех пунктах были политические требования? Между прочим, он говорит, что в одном из этих трех пунктов было политическое требование, в котором рабочие требовали, чтобы администрация не имела права увольнять рабочих без согласия на то выборных из своей среды рабочих. Но, спрашивается, какое же это политическое требование, когда сам закон признает за рабочими право выборов старост, которые на некоторых заводах у нас в России устанавливают расценку вместе с администрацией и заведуют приемом и увольнением рабочих. Таким образом, это уже не может отнестись никоим образом к числу политических требований. Что касается восьмичасового рабочего дня, на который особенно упирали как тот, так и другой министры, то ведь г.г. министры знают, что в России на многих заводах существует восьмичасовой рабочий день, и рабочие работают по три смены, так что и это требование не относится к числу политических, коль скоро эти требования во многих предприятиях в России уже осуществлены. Теперь, что касается об'яснений по существу, то они не выдерживают ни малейшей критики. Это явствует из того, что министр говорит, что рабочие через минуту могли бы, по донесению г.г. провокаторов Трещенкова, смять солдат. Спрашивается: на каком же расстоянии находились рабочие от солдат? Официальные донесения говорят—100 сажен (голоса справа: 100 шагов), но если допускать это, то с какой же быстротой, значит, верст 10 или около 15 вер., рабочие должны были итти, чтобы пройти в течение одной минуты такое расстояние. Вы видите, какая собственно здесь натяжка (голос справа: Расчет непонятен), в таких вопросах... да, очень понятен. (Голос справа: Вы вздор говорите.)

Председатель. Покорнейше прошу не прерывать оратора.

Кузнецов. Министр внутренних дел говорил, что хотели обезоружить собственно солдат для того, чтобы разгромить рудники, но, г.г., это настолько наивно, что сибирские депутаты отсюда, очевидно, подтвердят, что, если бы рабочие разгромили рудники, в этой местности, которая, как он сам уверял, весной отрезана в течение нескольких месяцев от гор. Иркутска, то рабочие, значит, сами себя подвели бы под голод и в течение этих месяцев вымерли от голода. Да, им не нужно было обезоруживать солдат, так как у рабочих для того, чтобы разгромить шахты, были другие средства—затопить шахты. Но рабочие не встали на этот путь. Это нужно приписать тем агитаторам, о которых здесь говорил министр внутренних дел, ибо только благодаря им стачечный комитет, руководивший столь организованно и удачно в течение каких-нибудь полутора месяцев забастовки, не дал возможности разразиться эксцессам при том разношерстном составе рабочих, которые находятся на этих приисках. И вот при этих условиях в этом комитете видят заведомо политических деятелей и указывают отсюда для характеристики этого комитета, что член второй Государственной Думы Баташев является главным руководителем забастовки на Ленских приисках. Поэтому сама забастовка, раз там был осужденный правительствующим сенатом за принадлежность к социал-демократической партии член второй Государственной Думы Баташев, сама забастовка и сами рабочие носят политическую окраску, т.-е. социал-демократическую. Однако министр внутренних дел не сказал отсюда, за что был осужден и каким судом был осужден депутат Баташев. (Голоса справа: Коронным.) Он был осужден за то только, что в течение короткого периода существования второй Государственной Думы смело и открыто заявлял с этой трибуны врагам рабочего класса, что они не честно, а подло борются с рабочим классом за свое существование. (Рукоплескания слева.) И вот за это он был осужден. (Голоса справа: Вздор. Шум; звонок председателя.) Да, путем провокации; и сам суд, тот суд, на авторитет которого ссылался министр внутренних дел, почему же он, бросивши гласное обвинение действительным народным представителям, убоялся гласно получить ответ на брошенное

обвинение? Он двери суда закрыл, как и вы закрыли двери для того, чтобы страна не услышала правды о том, какой суд осудил представителей рабочего класса. (Шум справа; голоса слева: Руки в крови у вас.) И, г.г., рабочий класс прекрасно понимает, и прекрасно понимает вся страна,—вся демократия нашей огромной страны дает вам надлежащую оценку. Вы всегда шли и идете вместе с правительством, ибо вы должны оказать ему услугу за услугу и известное доверие. Ведь правительство при помощи штыков посадило вас на скамьи третьей Думы. (Голоса справа: Что за вздор; шум; звонок председателя.)

Председатель. Покорнейше прошу соблюдать тишину.

Кузнецов. Министр внутренних дел говорил отсюда, что войско, т.-е. не этот офицер Трещенков, а что будто бы сами солдаты рвались на бой, хотели расстреливать, но, г.г., пройдет несколько времени и немного времени (шум справа, голоса слева: Нахалы. Звонок председателя), пока мы узнаем всю правду; и я глубоко убежден, что войско не рвалось в бой, а войско вынуждено было по приказу этого провокатора расстрелять своих братьев и отцов, и что впоследствии это войско безусловно поймет свою ошибку, поймет то, что было ими сделано. (Рукоплескания слева.)

Председатель. Член Государственной Думы Кузнецов, покорнейше прошу вас не касаться армии. (Егоров, с места: А разве армия не была в деле?) Член Государственной Думы Егоров, призываю вас к порядку. (Шум справа.) Член Государственной Думы Пуришкевич, прошу вас не шуметь.

Кузнецов. Министр внутренних дел говорил: как же в самом деле было не стрелять в эту толпу праздношатающихся, по его мнению, на приисках. Я бы спросил министра внутренних дел: да, министр, вы не будете шататься, вам прекрасно за народные деньги занимать скамьи г.г. министров и получать весьма солидные оклады, а они вынуждены были шататься, потому что вместо (Шум справа.)

Председатель. Член Государственной Думы Пуришкевич, прошу вас не прерывать оратора.

Кузнецов ...потому, что им вместо мяса, которое кушают люди, выдавали конину, из-за чего забастовка в первое время вспыхнула, потому что рабочие отказались кушать падаль. Вот за это-то, как первый, так сказать, толчок к об'явлению экономической стачки, вы, г.г., вместо хлеба дали им свинец. Рабочий класс прекрасно понимает это. Они заявляют в телеграммах, получаемых нами каждый день, они говорят: расстрел ленских рабочих является также расстрелом и нас. Дело ленских товарищей, заявляет весь рабочий класс России, является делом нашим. Вы видите, г.г., что расстрел ленских рабочих и сейчас уже служит известным, так сказать, толчком к организации рабочего класса. По всей России, на всех заводах начинаются протесты против кровавой расправы над рабочими, честно боровшимися в течение полутора месяца, мирно боровшимися за свое экономическое улучшение. Но как только начинается столкновение труда и капитала, так на авансцену этой борьбы между трудом и капиталом выступает некий третий элемент. Кто? Правительство. Оно разрешает этот вопрос штыком. Кому этот штык? Рабочему. И после таких картин, после таких повседневных случаев в области нашей экономической борьбы труда с капиталом г.г. министры выходят на думскую трибуну и заявляют отсюда: «Да ведь забастовка носила политический характер». А того не знают, что сами-то они первые вносят политику в эту забастовку. Ведь в самом деле: с половины 1910 г. в России, в связи с вопросом об экономическом улучшении, было уже несколько десятков стачек. Найдете ли вы хоть одну экономическую стачку типографов или рабочих металлических заводов, когда бы не было арестовано 10—20 чел. того или другого завода, принимавших участие исключительно в экономической стачке? Спрашивается: кто их арестует? Арестует их та же правительственная власть, которая выходит сюда и заявляет лицемерно, что если бы не было политики в забастовке, тогда, конечно, никаких подобных ужасных событий, которые имели место на Ленских приисках, не могло бы быть. Так вот, г.г., теперь вы никого этим не обманете и рабочий класс в заблуждение не введете,—не введете в заблуждение всю нашу страну и всю Западную Европу. Г.г., вы об этом можете беседовать с г.г. Гучковыми на Ильинке, но вот выйдите сюда, вместо Ильинки на думскую трибуну, г. Коковцев, с вашим новым

курсом, сказать: Вот какой мой дебют, первый дебют культурного управления государством. Он заключается в расстреле 500 рабочих, мирно боровшихся за экономическое улучшение своего быта. Однако, г.г., он трусливо и лицемерно спрятался и не вышел сюда на трибуну, а прислал известного всей Европе и всей стране г. Макарова. Мы благодарим г. Макарова от имени рабочего класса, что лучшей речи ожидать нельзя было. Он повторял все то, что было сказано нами, что рабочие расстреливаются и будут впредь расстреливаться за экономические стачки, и пусть рабочий класс знает: для того, чтобы он не расстреливался впредь, он должен организоваться, сомкнуть свои ряды и итти дружной организованной борьбой на уничтожение современного режима и для водворения социалистического строя. (Рукоплескания слева.)

(Затем с речью выступает гр. Уваров и заседание закрывается в 11 час. вечера). *Ред.*

ЗАСЕДАНИЕ СТО ДЕСЯТОЕ, СРЕДА 18 АПРЕЛЯ 1912 ГОДА.

Заседание открывается в 8 ч. 58 м. вечера.

Председатель. Об'являю заседание Государственной Думы открытым. Журнал прошлого заседания находится у г. секретаря. Желающие сделать на него замечания благоволят обращаться к председателю. Приступаем к повестке; п. I: а) продолжение обсуждения раз'яснений министров внутренних дел и торговли и промышленности на обращенный к ним и министру юстиции, в порядке ст. 33 учр. Гос. Думы, запрос по поводу применения огнестрельного оружия во время возникших на Ленских золотых приисках среди рабочих волнений; б) заявление 31 члена Государственной Думы об обращении к министру внутренних дел, в порядке ст. 40 учр. Гос. Думы, за раз'яснениями по вопросу о принятии соответствующих мер в целях успокоения русского общества, взволнованного событиями на Ленских приисках. Член Государственной Думы гр. Уваров продолжит свою речь, начатую в заседании от 11-го сего апреля.

(Далее следуют речи Уварова, Маркова 2-го и Маклакова).

Ред.

Председатель. ...Министр торговли и промышленности желает дать об'яснение.

Министр торговли и промышленности Тимашев. Г.г. члены Государственной Думы. Я предполагал подняться на эту трибуну с единственной целью сделать одно заявление от имени правительства по поручению председателя совета министров, который вынужден был по неотложному делу уехать из Петербурга; но, выслушав речи предшествующих ораторов, я не могу не сказать несколько слов по поводу упреков и обвинений, пред'явленных к ведомству министерства торговли и промышленности. Я коснусь кратко, в двух словах, речи члена Государственной Думы Маркова 2, который указывал на попустительства в течение 1911 г. со стороны горного надзора на Ленских приисках по отношению к Ленскому товариществу. Я не буду повторять моих об'яснений, данных в прошлую среду, напомню только кратко, что в течение 1911 г. до Петербурга докатились три основные требования горного надзора, и затем утверждаю, что правительство не ограничилось лишь пожеланиями и перепиской. Я положительно вам заявил, что два основных требования были исполнены товариществом, и вопрос был ликвидирован; третье требование приводилось в исполнение, ведомство постоянно за этим наблюдало, но, к сожалению, исполнялось оно медленнее, чем бы это следовало. Итак, заявлять, что ведомство в течение 1911 г. ограничивалось только пожеланиями, неправильно. Затем то, что случилось в 1912 г., все это было уже неожиданностью, и в 1911 г. эти вопросы совершенно не возникали. Второе мое краткое об'яснение касается следующего пункта. Приходится и здесь и за этими стенами постоянно слышать, что между об'яснениями двух представителей правительства существует полное и непримиримое противоречие. (Голос слева: Совершенно верно.) Должен сказать, что, само собою разумеется, в этом важном, выдающемся деле члены кабинета не могли обойтись без сношения друг с другом, и что те данные, которые министр внутренних дел сообщил Государственной Думе, были прежде того сообщены министру торговли и промышленности, и обратно: те материалы. которые я здесь докладывал в Государственной Думе, были известны министру внутренних дел. Засим, собственно, исход-

ная точка обоих об'яснений была одинакова. Я, как вы помните, совершенно точно распределил требования рабочих на три категории. Я не скрыл от вас, что была третья категория требований, которые я здесь назвал требованиями чрезвычайными; это я сказал, и это вы помните. Но затем в дальнейшем, конечно, наши пути разошлись, ибо министр внутренних дел давал об'яснения в пределах своей компетенции; он касался, собственно, той агитационной деятельности, которая вызвала требования этой третьей категории. Министру торговли и промышленности, очевидно, этого касаться не приходилось, и он ограничился пределами поставленного ему запроса, т.-е. выяснением, по мере имевшихся материалов, тех отношений, которые создались на Лене между рабочими и предпринимателями. Стало быть, здесь есть не противоречие, а есть только выяснение вопроса с совершенно двух разных точек зрения, больше ничего. Этим я кончаю мои краткие предварительные об'яснения и перехожу прямо к сущности того заявления, о котором я раньше сказал.

Если разобраться в тех настроениях, в тех речах и газетных статьях по этому поводу, которые приходится слышать и читать, то, несомненно, там чувствуется, во-первых, огромное нетерпение узнать правду и, во-вторых, чувствуется опасение, сомнение, что эта правда не будет обнаружена (голоса слева: Верно), что правительство имеет намерение что-то скрыть, что-то замолчать. (Голоса слева: Правильно). И вот эти сомнения, эти опасения являются поводом моего сегодняшнего выступления, и я искренно рад, что на мою долю выпало сделать здесь, от имени правительства, самое определенное заявление, категорически опровергнуть все эти слухи и самым решительным образом заявить вам, что правительство твердо решилось произвести подробное и всестороннее обследование этого прискорбного дела. Это обследование должно быть поставлено широко. Во-первых, конечно, нужно выяснить деятельность всех должностных лиц, так или иначе прикосновенных к этому делу; во-вторых, нужно выяснить общий экономический уклад, условия работы, которые созданы на приисках Ленским товариществом (голоса справа: Вот это правильно); в-третьих, нужно выяснить всю обстановку, в которой началась и протекала забастовка,

и в которой произошло ужасное событие 4-го апреля. Вот как широко ставится предмет обследования, и оно будет сделано. Но как? (Шум слева; звонок председателя.) В прошлый раз министр внутренних дел сделал здесь заявление, что в этом обследовании примут участие: иркутский генерал-губернатор, как главный начальник края, затем прокурор иркутской судебной палаты и, наконец, представитель министерства торговли и промышленности. В настоящее время правительство решило повергнуть на высочайшее благовоззрение государя императора о необходимости поставить это обследование возможно широко и просить высочайшего соизволения на то, чтобы это обследование было поручено высоко-авторитетному, независимому, облеченному особым доверием монарха лицу, и чтобы этим было обеспечено полное беспристрастие этого обследования. (Рукоплескания центра; справа и слева голоса: Браво.) Засим, я вам заявляю, что результаты этого обследования правительства получат широкую огласку. Что касается времени обследования, то, хорошо понимая, г.г., все ваше нетерпение и нетерпение общества, я однако же должен сказать, что правительство бессильно ускорить дело. Вы знаете, что в настоящее время всякое сообщение между иркутским и ленским районами прервано, попасть туда нельзя, а между тем, выяснить дело по телеграммам совершенно немыслимо. Я заявляю, что как только пути сообщения восстановятся, эта комиссия отправится на место. Затем, г.г., я, в заключение, хотел бы еще коснуться того пожелания, которое было формулировано Государственной Думой при принятии настоящего запроса. Это пожелание формулировано так: «Государственная Дума признает необходимым внесение правительством в Государственную Думу проекта закона, установляющего правила о найме рабочих на золотые и платиновые прииски, нормирующие рабочее время и жилищные условия на этих приисках, а также о распространении на приисковые районы Сибири закона о страховании рабочих от несчастных случаев, болезни, инвалидности, и переходит к очередным делам». (Голос слева: В особенности от расстрелов.) Я заявляю, что правительство идет всецело навстречу вашим пожеланиям. (Голос в центре: Браво.) Эти пожелания разделяются на две части. Вторая часть касается так называемых страховых законов. Здесь

дело облегчается чрезвычайно. Государственная Дума, как вы, вероятно, помните, ввела в проект поправку, в силу коей совету министров предоставляется полномочие страховые законы распространять на районы, лежащие за пределами Европейской России, и даже на отдельные предприятия. Государственный Совет приступил к обсуждению этих законопроектов, и, как только они будут утверждены, правительство имеет полную возможность распространить на ленский район все эти новые благие законы, и этим правом оно, конечно, не преминет воспользоваться. Рукоплескания в центре.) Затем, второе—это правила о найме рабочих на золотые и платиновые прииски; хотя соответствующий закон существует, но он был издан в то время, когда золотая промышленность находилась совершенно в иных условиях. Закон этот требует настоятельного пересмотра, пересмотр этот лежит на обязанности правительства, и правительство эту обязанность исполнит. (Рукоплескания в центре; справа и на отдельных скамьях слева голоса: Браво.)

Председатель. Внесено предложение за надлежащими подписями о том, чтобы завтра было назначено дневное заседание для окончания прений по поводу об'яснений правительства по ленскому запросу. Позвольте проголосовать настоящее предложение. (Голоса: А перерыв.) Прошу не оставлять зал заседания в виду предстоящего голосования. Слово принадлежит члену Государственной Думы Ефремову.

Ефремов (обл. Войска Донского). Г.г. члены Государственной Думы. Вы изволите припомнить, что вчера я перед вами ходатайствовал о рассмотрении этого запроса сегодня, с утра; одним из мотивов этого ходатайства было именно то, что завтра день занят работами комиссий. Вам не было угодно исполнить наше ходатайство, и это вынуждает нас ходатайствовать теперь пред вами о том, чтобы, несмотря на то, что день занят работами комиссий, что откладывать работы комиссий чрезвычайно трудно и нежелательно, тем не менее, нельзя оставлять вопрос о ленских событиях незавершенным, оставлять его без вотума Государственной Думы, и поэтому я вынужден все-таки ходатайствовать о том, чтобы завтра утром было назначено заседание для рассмотрения этого же запроса.

Председатель. Итак, угодно, согласно сделанному предложению, назначить на завтра заседание? (Баллоти-

ровка.) Отклонено большинством 110 голосов против 72. Об'являю заседание Государственной Думы закрытым.

Заседание закрывается в 10 ч. 55 м. вечера.

ЗАСЕДАНИЕ СТО ШЕСТНАДЦАТОЕ, СРЕДА 25 АПРЕЛЯ 1912 ГОДА.

Заседание открывается в 8 ч. 58 м. вечера.

Председатель. Об'являю заседание Государственной Думы открытым. Журнал прошлого заседания находится у г. секретаря. Желающие сделать на него замечания благоволят обратиться к председателю. В порядке § 117 наказа поступило заявление. Слово принадлежит первому подписавшему члену Государственной Думы Звегинцову.

Звегинцов (Воронежская губ.). Когда дошло до нас первое известие, скажу лучше, когда ошеломило нас первое известие о кровавых событиях на Лене, то члены Государственой Думы, принадлежащие к союзу 17 октября, внесли двоякий запрос,—министру внутренних дел о мерах, кои приняты были для устранения беспорядков, и министру торговли о тех обстоятельствах, кои создали возможность таких беспорядков. В эту минуту сведения, конечно, были крайне противоречивы, крайне туманны. Одно было ясно—пролитая кровь, одна была необходимость—выяснить обстоятельства, которые привели к этому ужасу, и цель нашего запроса сводилась к тому, чтобы вызвать возможно быстрое и беспристрастное расследование. Мы желали того, чтобы было действительно беспристрастное расследование, потому что мы ясно понимали, что сведения, поступающие с мест, могли быть только сведениями сторон; на месте не было такого органа, который был бы выше сторон и который мог бы быть беспристрастен. С тех пор наши предположения более чем подтвердились. В той массе сведений, которые поступали, ясности не добавилось. Известия прибывали в количестве, едва ли уступающем их противоречивости. Приветствуя поспешность, с коей представители правительства поделились с нами первыми полученными ими сведениями, мы тщетно ждали тогда же указаний о назначении авторитетного расследования. Казалось, что правительство удовлетворилось полученными сведениями, казалось, что раз войска честно, действительно честно, исполнили свой тяжелый долг, то этого было довольно, и нечего, и не для кого было знать, почему и как сложились

эти обстоятельства, и правильно ли были использованы войска. Прислушиваясь ко многим из речей, здесь сказанных, получалось то же впечатление: казалось, что и здесь эти сведения удовлетворяют иных, казалось, что совсем не важно выяснить существо дела для того, чтобы устранить в будущем возможность повторения таких обстоятельств, возможность повторения обстоятельств, губящих в корне важную отрасль народного труда; казалось ненужным расследование, при осуществлении которого только можно было надеяться на оздоровление этой существенной отрасли государственного богатства; чувствовалось в этих речах, что здесь имеется удачный материал, чтобы, с одной стороны, заявлять, что власть права, ибо она там была, толпа уже не права по одному тому, что она там находилась, а с другой стороны, полагать, что толпа права, а власть не права, только потому, что она власть. (Гегечкори, с места: Где же логика? Покровский 2, с места: Макаровские подголоски.)

Председатель. Член Государственной Думы Покровский 2, прошу вас не шуметь. (Гегечкори, с места: А где же толпа могла быть?) Член Государственной Думы Гегечкори, прошу вас не разговаривать.

Звегинцов. Нет логики,—я это и докладываю, говоря, что слышались слова, что уж по одному тому, что толпа была, значит, она не права. Наше желание гораздо скромнее: мы не думаем, что на основании противоречивых сведений, сведений сторон, можно бы составить какое бы то ни было правильное суждение. Мы думаем, что степень неправоты агентов или их правоты только тогда выяснится, когда расследование будет произведено должным образом. Вот почему в настоящее время, когда мы, наконец, от имени правительства услышали заявление, что будет произведено расследование, то мы видим и чувствуем, что запрос наш, имевший целью поставить правительство именно на этот путь, в настоящую минуту достигает хотя бы первой намеченной нами цели: расследование будет, расследование должно быть. Но мало того, что это расследование будет, надо, чтобы результаты этого расследования поступили к нам, надо, чтобы, когда этот материал расследования поступить к нам, мы действительно могли обсудить то, что будет выяснено во всей совокупности с накопившимися к тому времени сведениями, могли бы по этому тяж-

кому вопросу вынести веское суждение. В виду этого мы думаем, что дальнейшее продолжение прений по запросу может только затемнить и без того запутанный материал, который только затруднит раскрытие, правильное раскрытие этой картины, по глубокому моему убеждению, печальной, по глубокому моему убеждению, возмутительной, которая рисует то отсутствие всякой осведомленности, то отсутствие всякого проявления государственной власти на месте, тогда, когда она должна защищать интересы малых против посягательства крупных. Эти соображения и приводят моих друзей к тому решению, чтобы предложить вам нижеследующее: на основании § 117 наказа отложить дальнейшие обсуждения по данному вопросу. Формула, которую мы выносим, такова, что, отлагая суждения без определения какого-либо срока или каких-либо предшествующих возобновлению обстоятельств, мы оставляем в своих руках возможность возобновить прения по этому вопросу во всякую данную минуту в то время, когда обстоятельства этого потребуют, или когда накопится достаточное количество достоверных сведений. (Пуришкевич, с места: В пятую Государственную Думу.) Но так как это предложение не исчерпывает желания получить ответ, получить в наши руки сведения о расследовании, то мы его сопровождаем нижеследующей формулой перехода к очередным делам: «Не удовлетворяясь об'яснениями министра внутренних дел.... (Шум справа; Пуришкевич, с места: Откуда вы знаете, что они неудовлетворительны?)

Председатель. Покорнейше прошу соблюдать тишину в зале.

Звегинцов. «Не удовлетворяясь об'яснениями министра внутренних дел, но принимая во внимание заявление, сделанное министром торговли и промышленности от имени правительства о всестороннем расследовании обстоятельств события на Ленских приисках чрез авторитетных лиц, Государственная Дума выражет пожелание, чтобы результаты этого расследования были доведены до ее сведения в течение текущей сессии». (Голоса справа: Это невозможно.)

Председатель. Слово принадлежит члену Государственной Думы Гегечкори по нарушению наказа.

Гегечкори (Кутаисская губ.). Мне кажется, что то предложение, которое было сейчас внесено, противоречит на-

казу Государственной Думы и практике Государственной Думы, потому что формула перехода к очередным делам есть логическое завершение прений, происходивших по данному тому или другому вопросу, и фракции 17 октября, занимающей центральное место в законодательной палате, по-моему, в течение пяти лет следовало бы научиться этой азбучной истине. В виду того, что прения наши до сих пор еще не прекращены, по-моему, следовало бы продолжать прения до конца, выслушать всех ораторов, а потом уже поставить на голосование формулу перехода к очередным делам. Это требование, по-моему, на котором мы настаиваем, находится в полном соответствии с формальным требованием наказа, с интересами дела, и я надеюсь, что благомыслящие и действительно заинтересованные этим кровавым преступлением, которое было совершено в далекой тайге, все члены Государственной Думы нас поддержат. Тот пафос, деланный пафос, с которым член Государственной Думы Звегинцов говорил о расстрелах на Ленских приисках, по-моему, в достаточной степени говорит за то, как относятся эти господа к этому кровавому преступлению. Мне кажется, г.г., что то предложение, которое сейчас было сделано, опять-таки находится в полном соответствии с тем настроением, которое сейчас по данному вопросу царит в рядах октябристской фракции. Поэтому, обращаясь к Государственной Думе и к отдельным членам от имени фракции социал-демократической, я предлагаю отклонить предложение фракции союза 17 октября, как находящееся в полном противоречии с требованием наказа и вместе с тем в полном противоречии с интересами тех рабочих, которые так безжалостно были расстреляны. (Рукоплескания слева.)

Председатель. Я не усматриваю нарушения наказа (голоса справа: А, конечно) в обсуждении предложения, только что внесенного на основании § 117 наказа, который гласит: «До разрешения обсуждаемого Государственною Думою вопроса переход к иным вопросам не допускается. Для приостановления прений по обсуждаемому вопросу и перехода к иному необходимо особое об этом постановление Государственной Думы, которое она может принять по предложению председательствующего или не менее 30 членов Думы. По такому предложению допускаются две речи за и две речи против предложения». Что касается формулы перехода, то, на осно-

вании наказа, подобная формула может быть вносима и применяема ко всяким постановлениям Государственной Думы. На основании наказа это предложение подлежит обсуждению по выслушании двух речей за и двух речей против. Слово принадлежит члену Государственной Думы Покровскому 2 против предложения. (Гегечкори, с места: Вы неправильно соединили.) Член Государственной Думы Гегечкори, покорнейше прошу вас соблюдать тишину.

Покровский 2 (Кубанская и Терская обл. и Черноморская губ.). Господа! Предложение г.г. октябристов или формула перехода называет об'яснения министра внутренних дел Макарова неудовлетворительными, а мы называем и почитаем их возмутительными и отвратительными. (Новицкий 2, с места: Вы нам отвратительны.) Мы думаем, что это не только наша оценка, а прежде всего оценка всего русского пролетариата, который мы здесь представляем, да и всего общественного мнения, по крайней мере всего честного, что есть в русском обществе. Но вы, октябристы, соблазнились выступлениями другого министра—Тимашева, который выступал на этой трибуне через неделю после Макарова, неделю пролетарского гнева по поводу возмутительной речи Макарова. (Смех справа.) И вот после этой речи Тимашева, примирительной, ласковой речи, вы предлагаете оставить в покое министра Макарова с его речью и предаться тихому перевариванию музыкальной речи г. Тимашева и мирно ожидать результатов сенаторской ревизии, которую имеет назначить правительство. Но, г.г., эта речь Тимашева нисколько не поколебала нас в нашем настроении и нисколько не изменила нашей оценки поведения правительства в этом ужасном кровавом ленском деле. Мы, г.г., прекрасно знаем, что у мундирных волков есть волчья пасть и лисий хвост. И вот, г.г., если раз они показали волчью пасть и оскаленные зубы, то, я думаю, своим лисьим хвостом, как бы ни махали, этих оскаленных зубов от нас, пролетариата, они не скроют. Я спрашиваю вас, почему вы, г.г. октябристы, во имя красивых слов Тимашева предлагаете отказаться от оценки выступления Макарова по поводу ленских событий. Разве Макаров не министр внутренних дел, разве он в отставке теперь, или разве мы можем презрительно игнорировать его заявления с этой трибуны? Нет, мы знаем, что он остается министром внутренних дел. А мало

ли что говорят здесь, с этой трибуны, его сподручные или, может быть, подчиненные, хотя бы тот же министр торговли и промышленности. (Новицкий 2, с места: Это необходимо для вас.)

Председатель. Член Государственной Думы Новицкий 2, прошу вас не нарушать тишину. (Новицкий 2, с места: Он говорит дерзости; Егоров, с места: Новицкий, молчите.) Член Государственной Думы Егоров, прошу вас не шуметь.

Покровский 2. Тот же министр Тимашев выступил вслед за министром Макаровым, и мы знаем, что всей своей речью, всем своим фактическим сообщением он опровергал все програмные заявления г. Макарова. Но разве после первой речи Тимашева Макаров вышел на эту трибуну и отказался от своей лжи, которую он говорил по поводу рабочих? (Рукоплескания слева; шум справа.)

Председатель. Член Государственной Думы Покровский 2, призываю вас к порядку. (Голос слева: Правильно сказано.)

Покровский 2. Разве он отказался от той наглости, которую он позволил себе в своих заключительных словах? (Шум справа; рукоплескания слева; Кузнецов, с места: Перестаньте, Новицкий.)

Председатель. Член Государственной Думы Покровский 2, будьте осторожнее в ваших выражениях, а то я буду принужден лишить вас слова. (Шум слева.) Член Государственной Думы Кузнецов, призываю вас к порядку. (Шум слева.) Член Государственной Думы Егоров, призываю вас к порядку.

Покровский 2. Кто же, спрашиваю вас, сказал вам, что министр Макаров изменил свое мнение и отказался от своих слов, сказанных всенародно с этой трибуны? Никто. И вы в этом заверить нас не можете, и если вы теперь верите заявлению Тимашева, который входит в об'единенный кабинет, где хозяином является Макаров, как министр внутренних дел, значит ваше предложение сделано сознательно и представляется злонамерением. Ясно, что вы хотите отвести от Макарова заслуженный и справедливый гнев общественного мнения, отвратить позор, которым громят его за его отвратительное выступление. Если вы, г.г., так настроены примирительно

по отношению к правительству и хотите примирить с ним общественное мнение, то потрудитесь заявить правительству только одно, что можно с достоинством заявить, это, чтобы оно немедленно убрало г. Макарова, министра внутренних дел. (Рукоплескания слева; справа шум и голоса: Вот скоро тебя уберут.) Но вы, г.г., этого не сделаете, вы говорите нам о каких-то проектируемых сенаторских ревизиях, предлагаете подождать результата этих ревизий. Но, г.г., вы можете верить в эти самые сенаторские ревизии, но не морочьте голову, как говорят, ни нам, ни русскому пролетариату, ни русскому общественному мнению. Мы знаем цену этим сенаторским ревизиям. Разве ревизии еврейских погромов искупили море крови русских граждан, пролитой во время этих погромов; разве эти сенаторские ревизии устранили в последующее пятилетие, которое мы здесь пережили, во время деятельности третьей Государственной Думы, ту содружескую, союзническую работу между правительством и темными силами союза русского народа и другими подонками русского общества, которые мнят себя закулисными инспираторами правительства? (Рукоплескания слева; шум справа). И разве, г.г., не все погромщики за эти пять лет помилованы? (Голос в центре: Это не ваше дело.) Перейдем к другим сенаторским ревизиям, которые были еще, были во время более близкое к нам. Разве ряд сенаторских ревизий устранил казнокрадство, разве г. Рейнбот, ваш приятель, на каторге за свое казнокрадство, и разве после Рейнбота не крали народных денег г.г. Курловы, Кулябки и Спиридовичи? (Голос слева: Все воровали.) Они, кажется, тоже все не на каторге и, кажется, состоят на казенной пенсии за счет народных грошей. И разве, г.г., эти соучастники убийства Столыпина—Курловы, Спиридовичи и Кулябки после сенаторской ревизии их товарища по полицейской деятельности Трусевича понесли какую-нибудь кару? (Голос в центре: Да, они преданы суду.) Вы, кажется, помните прекрасно, что этот ревизующий сенатор Трусевич через того же пресловутого Макарова доложил Государственной Думе и стране единственный результат своей ревизии сентябрьских киевских событий: «это,—говорит он,—прошу в убийстве Столыпина никого не винить кроме циркуляра за номером таким-то и от такого-то числа». (Челноков, с места: Правильно.) Так

после такого опыта мы, кажется, в праве сказать, что нам не надо сенаторских ревизий из сенаторов, бывших полицейскими и сыщиками, хотя бы и высшего порядка, не надо ревизий сенаторов, господ, которые когда-то, может быть, сами и очень недавно проливали пролетарскую кровь. В самом деле, кого вы дадите нам из казенных Пинкертонов? Брата Трепова или Селиванова или Зуева? Благодарим за такое предложение; можете доверять вы, но не будет доверять им русский пролетариат и общественное мнение. Но вам, г.г. октябристы, сделано предложение с этой кафедры от оппозиции,—это предложение назначить ревизующую думскую комиссию, с непременным участием, конечно, представителей рабочего класса. (Справа голоса: Кузнецова.) Да, того же Кузнецова. И это мы предлагаем даже вам, третьей Государственной Думе. (Пуришкевич, с места: Какая честь.) Так, если, г.г., вы захотите засвидетельствовать, что вы не поддерживаете всецело и всемерно политику Макарова, в такой наглой, циничной форме выраженную здесь в знаменитой фразе: так было и так будет после Ленского расстрела... (голоса справа: И будет и должно быть)... так вот, г.г., примите это предложение оппозиции. Но, г.г. октябристы, вы, кажется, не склонны это сделать. Да, ваша задача совсем другая, ваша задача оградить репутацию Макарова, но, г.г., вам бы не об ограждении чужих репутаций пора подумать пред выборами в четвертую Думу, а пора подумать о восстановлении своей сильно подмоченной за эти пять лет репутации. (Рукоплескания слева.) Я, г.г., не знаю, кто будет голосовать с нами за наше предложение, но все, кто будет голосовать с вами, те будут вместе с вами и г. Макаровым, а защита Макарова, я думаю, никому не простится после его знаменитого выступления с этой трибуны. Мы, с своей стороны, с негодованием отвергаем ваше предложение, как злонамеренное предложение, мы требуем продолжения свободного обсуждения об'яснений г. министра внутренних дел Макарова, потому что надо дать возможность высказаться, вылиться общественному негодованию до конца. Надо дать почувствовать, г.г., что такие выступления с речами стоят кровавых выступлений и даром проходить не должны, и если «господа в министерских мундирах» позволяют себе всенародно с этой трибуны делать дикие выкрики, что «мы стреляли и будем стрелять», то на волчью пасть таких господ обще-

ственное мнение и народное представительство не только может, но и обязано надеть надлежащий собачий намордник. (Рукоплескания слева; шум справа.)

Председатель. Член Государственной Думы Покровский 2, призываю вас к порядку. (Пуришкевич, с места: Выгоните его.) Член Государственной Думы Пуришкевич, я уже призвал к порядку оратора. Покорнейше прошу не шуметь. (Новицкий 2, с места: Оскорбляет министров императорского правительства.) Член Государственной Думы Новицкий 2, покорнейше прошу вас не шуметь. (Шум; звонок председателя.) Слово принадлежит члену Государственной Думы Булату за предложение.

Булат (Сувалкская губ.). Г.г. члены Государственной Думы. Я вышел для того, чтобы поддержать предложение октябристов. Октябристы предлагают, в виду чрезвычайной важности... (Шум справа; Кузнецов, с места: Подождите, пусть уймутся.)

Председатель. Член Государственной Думы Кузнецов, покорнейше прошу вас не шуметь и не мешать мне председательствовать. Призываю вас к порядку. А вас, член Государственной Думы Булат, прошу продолжать речь.

Булат. Я вышел для того, чтобы поддержать предложение, внесенное октябристами. Конечно, я его буду поддерживать под известными условиями, которые я и изложу в моей речи. Я, г.г., делаю это не в виде какого-нибудь подхода, не в виде шутки, а делаю серьезно. Прежде всего скажу, почему я поддерживаю это предложение. Все находящиеся в этой Думе от права до лева и в центре, все говорят, что вопрос еще недостаточно выяснен, и что для вынесения окончательного, основанного на убеждении решения, необходимо получить достоверные сведения, которые бы осветили этот вопрос всесторонне. А так как этих сведений еще нет, то я считаю совершенно справедливым, чтобы мы сегодня или через неделю вопроса этого не кончали, не принимали окончательного решения, а подождали того времени, если бог нам поможет, когда мы получим надлежащее освещение. Но, г.г., я присоединяюсь к этому предложению только под двумя условиями и вот какими. Мое первое условие, без которого, я, конечно, не могу присоединиться к предложению октябристов: в виду того, что вопрос всеми признан чрезвычайно важным, в виду того, что

еще ряд записавшихся ораторов не выслушан, в виду того, что мы еще не знаем, какие телеграммы, какие письма и какие данные, присланные, между прочим, нам сегодня Ленским золотопромышленным товариществом, могут быть оглашены теми или другими ораторами, то мы должны не прежде вынести наше решение по вопросу, чем заслушав всех тех ораторов,—их уже немного,—которые записались и которые еще могут нам сообщить теперь же фактические данные. Поэтому одно из моих условий есть то, что сначала выслушать всех записавшихся ораторов, а потом отложить постановление нашего решения до тех пор, пока будут получены фактические данные, со стороны ли правительственных ревизоров, или со стороны общественных деятелей, о которых я буду говорить дальше. Я, г.г., не хочу употреблять здесь никаких громких фраз, ни красивых выражений, не хочу действовать на чувства; я, г.г., не буду критиковать и разбирать утверждение члена Думы Звегинцова о том, честно ли, или не честно солдаты, неизвестно как, неизвестно по чьему приказу, расстреливали работников на Ленских приисках. Если член Государственной Думы Звегинцов говорил, что вопрос подлежит еще расследованию, то как же он позволяет себе сегодня с этой трибуны говорить, что расстреливание было произведено честно. Я думаю, что если бы член Государственной Думы Звегинцов честно относился к делу, то он прежде всего воздержался бы теперь выдавать кому бы то ни было из деятелей кровавой эпопеи, которая там произошла, диплом на честность или бесчестность. Я думаю, что, если бы честно, правильно и открыто поступали депутаты центра и справа или представители правительства, которые сюда выходили, то они прежде всего из-за этой честности воздержались бы от своего заранее предуготованного решения о том, что расстрел был произведен правильно, о том, что там были политические требования, что там был такой-то со стороны рабочих произвол и неправильности. Я перехожу к изложению мотивов другого нашего предложения. Все, г.г., согласны, что те фактические сведения, которые мы имеем, крайне неполны и не соответствуют действительности. Все требуют освещения. Все согласны в том,—и в Думе, и в обществе—везде говорилось,—что об'яснения двух министров друг другу противоречат. Правда, мы слышали в прошлом заседании, что министр тор-

говли и промышленности говорил, что оба министра освещают тот же вопрос, но только с разных точек зрения. Конечно, ни из нас никто не поверил этому утверждению, ни сам министр менее всего верил тому, что говорил. А говорил так лишь потому, что он член об'единенного правительства, и поневоле пришлось сглаживать то невозможное противоречие, которое два министра допустили в своих предыдущих об'яснениях. Итак, г.г., необходимо сделать расследование беспристрастное, необходимо, чтобы такое расследование было произведено,— я повторяю слова члена Думы Звегинцева,—«должным образом, беспристрастно». Но спрашивается, г.г., кто же произведет это расследование, кто может произвести это расследование должным образом и беспристрастно? Неужели, г.г., это расследование может произвести сенаторская ревизия? Г.г. сенаторы, в роде Трусевича, г.г. сенаторы, в роде уже высказавшегося по этому вопросу сенатора Макарова, оценка которого и его заявления по этому вопросу уже достаточно были сделаны с этой трибуны в прошлом заседании, поэтому я заниматься этим не буду. Этот сенатор, г. Макаров, заранее сказал, какой ответ должен быть получен от тех лиц, которые будут расследовать это дело. Итак, г.г., можно ли говорить о какой бы то ни было сенаторской ревизии, когда мы уже давно знаем цену всяким сенаторским ревизиям? Г.г., с этой трибуны устами правительства было заявлено, что будет послано для расследования лицо, облеченное высочайшим доверием. Не следовало бы, но, к сожалению, в нашей Думе очень принято постоянно по всем вопросам прятаться за высочайшее доверие, укрываться за имя монарха, но если, тем не менее, это сделано, так позвольте, г.г., на это сказать: если бы у нас было такое положение, что высочайшего доверия удостоивались только лица, которые никогда его потом не обманывали бы, если бы это было так...

Председатель. Член Государственной Думы Булат, я покорнейше прошу вас в эту область не вторгаться.

Булат. Я не буду вторгаться, совершенно верно, я только указываю, что у нас редко ведь какой министр остается на своем посту до смерти, а уходит обыкновенно потому, что оказывается зачастую обманувшим то высочайшее доверие, которым он когда-то был облечен. Так что я, как видите, никаких особенных областей здесь не затрагиваю, а только

указываю, что, к сожалению, особенно для вас, при настоящих порядках в России высочайшее доверие сплошь и рядом бывает обмануто, и поэтому из того, что один из г.г. министров, предшественника которого вы все теперь поносите, сказал, что туда посылается лицо, облеченное высочайшим доверием, то мы далеко еще не знаем, кого сенатор Макаров рекомендует, кого представит облечь этим высочайшим доверием.

Председатель. Член Государственной Думы Булат, я вторично прошу вас не касаться этого вопроса.

Булат. Поэтому, г.г., есть единственное средство при настоящих условиях—я говорю все время серьезно... (смех справа),—чтобы получить оттуда верные сведения, такие сведения, которые мы сами могли бы поверить, это послать туда не лиц от правительства, не лиц, отправляемых в порядке административном, хотя бы и облеченных высочайшим доверием, но послать туда на исследование лиц, облеченных народным доверием. За невозможностью в настоящее время иметь лиц, облеченных народным доверием,—ведь я не могу сказать, что эта Государственная Дума является народной представительницей, — для того, чтобы хоть для себя мы могли получить сведения, которым мы могли бы доверять, необходимо, чтобы на это расследование были посланы лица из состава Государственной Думы. (Пуришкевич, с места: Кропотова.) И, г.г., если правительство, которое здесь говорило, что оно собирается дать делу возможно широкое освещение, что оно идет навстречу этому освещению, было искренно, то оно, не ожидая предложений справа или слева, должно было бы сказать: мы исходатайствовали свыше и мы получили разрешение, чтобы было предоставлено Государственной Думе послать из своей среды по своему усмотрению несколько лиц для исследования этого дела. (Пуришкевич, с места: Кропотова.) Г. Пуришкевич, ведь и вы будете выбирать и, может быть, вы пошлете своих товарищей, а может быть, даже самого себя.

Председатель. Прошу не разговаривать с мест, а вас, член Государственной Думы Булат, прошу продолжать вашу речь без переговоров.

Булат. Я указываю, что, если бы правительство искренно желало пролить свет на это дело, если бы оно желало добыть тот материал, которому могла бы доверять,

если не страна, которая не особенно доверяет Государственной Думе, но хоть вы, члены Государственной Думы, то правительство должно было бы предложить избрать комиссию из членов Государственной Думы, которые могли бы поехать туда, вместе или параллельно с комиссией правительства, и разбираться в этом деле на месте. Это я, г.г., освещал вопрос, как надо бы поступить правительству с вашей точки зрения, когда вы утверждаете, что Государственная Дума сама от себя подобную комиссию никоим образом посылать не может. Но я утверждаю и сейчас это докажу, что, помимо самого правительства, которое вольно делать, вольно и не делать нам подобного предложения, сама Государственная Дума имеет полное право посылать от себя подобную комиссию. Прежде всего я отброшу одно небольшое возражение, которое высказывалось по поводу подобной комиссии, что все равно она не успела бы сделать своего дела, — ведь дни Государственной Думы сочтены. Может быть, эта комиссия еще не доехала бы на место, а уже Государственная Дума была бы распущена. Позвольте вам, г.г., сказать, во-первых, по закону предполагается, что наши полномочия должны продолжаться до 1 ноября, других указаний мы не имеем, а следовательно, не должны с подобными указаниями считаться. Но если бы даже так, если бы Государственная Дума была распущена раньше, то что из этого? Члены Думы, облеченные доверием этого собрания, все что они сделают, какой материал они добудут, этот материал послужит для работ четвертой Государственной Думы, которая будет знать, что такие-то члены Думы отправились туда и собрали достоверные материалы. Поэтому, г.г., это соображение о краткости времени я отбрасываю. Дальше указывают, что подобного рода комиссия оказалась бы не основанной на законе; г.г., я выражаю мое крайнее удивление подобному заявлению. Это, г.г., приходится слышать в первый раз, что все то, о чем не сказано, что оно дозволено, запрещено. Г.г., возражать на это было бы прямо смешно, потому что вы помните каррикатуру на депутата Крупенского, который однажды махнул подобную фразу с этой трибуны, как осмеяли его, что он стоит перед какой-то дверью.

Председатель. Член Государственной Думы Булат, вы просили слова, чтобы говорить за предложение, внесенное

фракцией октябристов, между тем вы изволите здесь развивать совершенно новое предложение, не подлежащее здесь обсуждению. Позвольте просить вас вернуться к вопросу.

Булат. Я начал свою речь с того, что голосую за предложение октябристов при двух условиях: первое условие я уже изложил и надеюсь, что вы дадите сказать мне несколько слов по второму условию, и если будут эти мои условия приняты, то это даст мне возможность голосовать за предложение октябристов. Я указывал, что, если Государственная Дума изберет комиссию для исследования этого дела, в таком случае следует отложить обсуждение этого вопроса, а именно вынесение нашей резолюции по запросу до тех пор, пока нам не удастся получить доклад этой комиссии. Думаю, что в моем предложении, связанном безусловно с возможностью голосовать за или против предложения Звегинцова, нет ничего незаконного. А в том, что в таком предложении нет ничего незаконного, позвольте сослаться на авторитет не только первой Государственной Думы, которую вы считали крамольной, но на авторитет такого лица, как П. А. Столыпин, бывший министр внутренних дел в первую Государственную Думу и бывший в заседании Думы, когда подобное предложение первой Думы делалось и принималось. Тогда, г.г., подобные предложения,—я укажу два подобных предложения по поводу проверки выборов по Волынской губ. и по поводу поездки в Белосток,—делались и тогда подобные предложения принимались и исполнялись, и министр внутренних дел Столыпин сидел на этих скамьях и не возражал. И не только, г.г., он не возражал против подобного рода постановлений, против их исполнения, но, г.г., скажу больше: эти члены Государственной Думы, которые отправлялись в подобные командировки, согласно постановлению либо того XI отдела, который рассматривал дело о выборах по Волынской губ., либо по постановлению самой Государственной Думы по делу о Белостокском погроме, эти члены Государственной Думы, г.г., получали даже казенные деньги по ассигновкам казначейства Государственной Думы, и, г.г., эти ассигновки на проезд их на место для расследования событий никогда не были оспариваемы государственным контролем, хотя уже проверка расходов за те времена давно прошла. Поэтому, г.г., я говорю, не первая Дума, которую вы называете крамольной, выдумала это и

сделала, а и правительство вполне соглашалось на посылку на места думских комиссий. Итак, г.г., значит, нечего говорить о том, что в законе нет прямых указаний о том, что Дума должна исследовать свои дела так, как она хочет. Подобного указания, г.г., в законах никогда не может быть. Подобные комиссии возможны, они не запрещены, Государственная Дума вольна исследовать дело всеми средствами, которые она найдет нужными и которые законом не запрещены. Ни в законе, ни в нашем наказе нет запрещения выбирать комиссии, которые бы отправились на место. Поэтому я говорю, что если Государственная Дума, особенно центр ее, который хочет поправить свою репутацию, действительно желает, чтобы дело было по настоящему освещено, то для вас, г.г., единственный выход, даже помимо того, что скажет потом правительство, избрать подобную комиссию, а закон вам этого не запрещает. Вы изберите эту комиссию, пошлите ее на место, и вот тогда, когда члены комиссии дадут вам ответ, вы будете знать, что произошло на Лене, от таких лиц, которым вы сами доверяете. Если же правительство будет чинить препятствия посылке подобной комиссии, если не допустит вас,—ведь у него в руках нынче и штыки, и пулеметы,—тогда вы только, г.г. из центра, будете иметь полное право сказать: «в других случаях мы были грешны, но в этом случае мы хотели осветить дело по настоящему, в этом случае мы хотели послать из состава самой Думы комиссию; правительство не позволило нам это сделать, следовательно, мы теперь совершенно уже искренно, ничего не сумняшеся, можем сказать, что у правительства здесь дело не чисто, и что оно заслуживает всякого порицания». Это именно, г.г., я обращаюсь к вам, к центру, чтобы доказать, что если вы действительно хотите хоть в этом деле поправить свою репутацию, то вам единственый исход принять мое предложение, — мое второе условие, под которым можно только отложить обсуждение дела, послав туда комиссию. Таким образом я, г.г., кончаю и предлагаю, чтобы в ту формулу, которая от имени г.г. октябристов здесь нам роздана и, кажется, оглашена с этой трибуны, было вставлено следующее условие, которое должно быть голосовано прежде самого предложения г.г. октябристов, именно потому должно быть голосовано прежде самого предложения, что только если это мое предложение будет

принято, можно будет голосовать за резолютивную часть формулы октябристов. Я предлагаю первые слова «Государственная Дума» вычеркнуть, а потом у октябристов идет так: «не удовлетворяются теми раз'яснениями, которые были даны министром внутренних дел в заседании 11 апреля о событиях на Ленских приисках». Эти слова оставить, а далее я предлагаю вычеркнуть предложение относительно авторитетного лица и того, что от него надо ждать, а вставить мои следующие слова: «в виду того, что об'яснения министра внутренних дел Макарова и министра торговли и промышленности Тимашева, данные в ответ на запрос о зверской бойне на Ленских приисках, устроенных правительственной властью, не только крайне неполны, но, очевидно, совершенно не соответствуют истине (голос справа: Преждевременно) и даже решительно расходятся между собою в весьма существенных пунктах; в виду того, далее, что неоднократно назначаемые сенаторские ревизии оказались непригодными для освещения злоупотреблений, производимых органами власти, и совершенно себя дискредитировали в глазах общественного мнения; что только независимые люди могут беспристрастно, полно и добросовестно осветить происшедшее событие во всей его полноте и деталях,—Государственная Дума постановляет: 1) выслушать всех записавшихся ораторов, 2) избрать особую комиссию из семи членов Государственной Думы и возложить на нее обязанность изучить на месте причины и обстоятельства событий 4-го апреля и выяснить степень ответственности отдельных лиц, как правительственных, так и частных, участвовавших в нем. Затем, Государственная Дума прерывает обсуждение и т. д. по формуле октябристов. Это я, г.г., вношу предложение вам от имени трудовой группы, а также от имени более чем 30 лиц, подписавших это предложение, и прошу его проголосовать раньше, потому что только тогда, когда вы примите наше предложение, мы можем голосовать за него, и только тогда, когда вы отвергнете это наше предложение, мы будем знать, г.г., насколько вы были искренни во всем этом деле. Это, г.г., поставленный вам нами экзамен, который вы благоволите пройти. Может быть, в виду поставленного нами предложения, г. председатель опять сошлется на какой-нибудь несуществующий закон и скажет, что это не подлежит голосованию. Но, г.г. октябристы, вы можете сообщить ему, что вы

требуете этого голосования, если вы хотите принять это предложение. Если вы хотите принять это предложение, то, г. член Думы Звегинцов, конечно, вы пойдете переговорить с председателем, и это предложение им не будет снято, будет проголосовано и будет принято. А затем, г.г., мы, трудовая группа, внесли тоже, чтобы показать, насколько вы неискренно относитесь к этому делу, еще законопроект, на котором вы можете показать, искренно ли и чистосердечно жалеете тех рабочих, которые были там расстреляны, или же вы только проливаете так называемые крокодиловые слезы. Если вы жалеете рабочих и их семьи, то должны принять все меры и просить правительство, с которым вы имеете близость, чтобы оно этот законопроект, внесенный нами, поскорей приняло к своей разработке и затем вознаградило семьи рабочих и самих раненых рабочих, которые потерпели от расстрела, произведенного во всяком случае правительственными агентами. Так вот, г.г., на этом предложении позвольте мне и окончить свою речь (Слева рукоплескания и голоса: Правильно, Булат.)

Председатель. В виду отказа от слова члена Государственной Думы Пуришкевича, еще два члена Государственной Думы могут высказаться, один—за предложение, и другой—против. (Пуришкевич, с места: Я никому своей очереди не уступаю.) Вы отказались. (Пуришкевич, с места: Да.) Слово принадлежит члену Государственной Думы Чхеидзе против предложения.

Чхеидзе (Тифлисская губ.). Господа. Я буду очень краток. Дело в том, г.г., что запрос о ленских событиях, это собственно запрос, по существу говоря, о современном положении вещей у нас в России; запрос о ленских событиях, это запрос о современном политическом моменте; запрос о ленских событиях—это, так сказать, только место происхождения, он запрос конкретный, он касается явления, события, которое произошло в известной территории России. Между тем, повторяю я, запрос этот по существу, как я сказал, это есть запрос о том, к чему нас привела политика правительства за пять лет существования законодательных учреждений, и к чему привела политика Государственной Думы. Я подчеркиваю, что ленские события в день 4-го апреля—это продолжение 3 июня 1907 г., и когда министр внутренних дел г. Макаров с этой трибуны заявил, что «так было, так есть в настоящее время и так будет в буду-

щем»—это не была вовсе обмолвка, это не был lapsus linguae, это была совершенно продуманная формула, вполне соответствующая политике правительства, которую поддерживали и вы в продолжение пяти лет. Вы припомните, г.г., что говорил покойный министр внутренних дел Столыпин в своей декларации, обращенной к вам в начале вашей законодательной работы. Он сказал, что бунт подавляется силой и будет подавляться силой, и с тех пор эта формула применяется к жизни с железной последовательностью, при чем надо, г.г., припомнить пройденное. Надо признать, что бунтом признавалось все, что только выходило из пределов предначертаний и желаний правительства. Бунтом считалась всякая попытка людей собраться в группы, поговорить об общих вопросах. Бунтом считалось поползновение на свободу слова. Бунтом считалось среди рабочих поползновение на свободу коалиции, словом, все, что было связано с манифестом 17 октября. Всякая попытка хоть сколько-нибудь осуществить эти обещания и эти свободы считалась бунтом и подавлялась самой грубой силой. Но из всех слоев общества наибольшие репрессии были направлены против рабочего класса, и это понятно, ибо правительство отлично знало и из практики, и из теории, что наиболее опасным врагом существующего положения вещей в России является наименее податливый в смысле какихнибудь уступок, это именно рабочий класс, и правительство старалось подавлять рабочий класс и нагайками, и штыками, и пулеметами, и всеми средствами, которые находились в его распоряжении. Правительство так или иначе справилось с другими слоями общества; оно внесло дезорганизацию, внесло распыление, подавило всякий дух протеста, подавило всякое сопротивление, но только рабочий класс не поддавался этим репрессиям. Чем дальше шло, тем больше обнаруживалось, что рабочий класс все-таки так или иначе дает о себе знать. За последние два года вы замечали, что с момента проявления симптомов оживления экономической жизни страны рабочий класс начинает мало-по-малу проявлять себя, как сознательный противник той реакционной политики, которую практиковало правительство при вашем содействии. Но, помимо того, г.г., вы отлично понимаете, что события, не только имевшие место за это время благоприятные события в пользу рабочих, но и заграничные события

заставляли призадуматься у нас. Несколько дней тому назад я имел разговор с одним из вас в кулуарах Государственной Думы; мой собеседник мне говорил, что движение среди рабочих, которое наблюдается в Англии, должно заставить призадуматься самые тупые головы. Помните ли вы, г.г., что не раз вы указывали на английских рабочих, как на образчик того, как английские рабочие борются только за экономические интересы, не вмешиваясь в политику, но и вы, и правительство отлично поняли, что прошло то время, когда можно было разграничивать экономическую борьбу от борьбы политической. Вы отлично чувствовали, и официальная Россия отлично чувствовала, что движение рабочих, даже в тех странах, где якобы рабочие политикой не занимались, перешло уже эту грань, и величайшая держава, величайшее культурное государство стало трястись именно от того, что рабочий класс перешел эту грань. Это, конечно, не могло не заставить задуматься правительство, которое прежде всего направило свои удары против рабочего класса России. За все это время, г.г., были и другие обстоятельства, которые привели к событиям 4-го апреля на берегах р. Лены. Это именно приближение выборов. Правительство отлично знает, г.г., что как бы ни был подавлен рабочий класс, он во все политические моменты всегда скажет свое слово, всегда вынесет свои требования. Вот, взяв все эти обстоятельства, правительство как раз искало случая, чтобы еще раз показать пролетариату, что для него у правительства есть средство: железо и кровь. Поэтому для нас, г.г., в ленских событиях абсолютно ничего тайного, ничего недоследованного, ничего неясного, ничего скрытного нет. Что этот акт кровопролития был симпатичен, был нужен не только правительству, но и большинству третьей Государственной Думы, это, г.г., явствует из речи, которую держал перед нами министр внутренних дел. Помните, г.г., как он изображал этот акт кровопролития, помните, кого он называл виновником этих событий? Припомните, что там, по указанию, — еще вопрос, верно или нет,—министра внутренних дел, участвовал Баташов. А вы знаете, кто такой Баташов? Ведь с именем Баташова, г.г., вы отлично знаете, и знает это г. Макаров, у вас связывается ассоциация еще о социал-демократической фракции второй Думы.

Председатель. Член Государственной Думы Чхеидзе, прошу вас держаться поближе к вопросу.

Чхеидзе. Вопрос, г.г., по моему мнению, сейчас сводится к тому, что вам якобы нужно расследовать, что еще произошло 4-го апреля. Я хочу вам сказать, что решительно ничего в этом обстоятельстве непонятного, неясного нет. Следовательно, и откладывание вопроса—это есть только маневр. Поэтому позвольте привести соображения и доводы, которые с очевидностью вам докажут, что здесь решительно нечего откладывать. Я утверждаю, что это только маневр, и что для вас, г.г., в особенности, это кровопролитие должно быть совершенно понятным. Почему? Потому, что оно находится в зависимости, оно логически вытекает из всей вашей деятельности в третьей Государственной Думе, из той политики, которую вы питали за пять лет. Действительно, спрошу я вас, что тут непонятного, что тут надо еще расследовать? Позвольте мне указать на некоторые черты, которые делают еще более несомненным этот вопрос. Так вот я говорю, что, упоминая о Баташове (Пуришкевич, с места: Это уже по существу), Макаров отлично знал, что у вас с ним связывается и воспоминание о второй Думе, о народном движении, о манифесте, о 1905 г., о красных флагах и т. д. Я уверен, что Макаров лучше знал вашу психологию, чем кто-нибудь другой. Достаточно было нарисовать такую картину, и он действительно произвел на вас известное впечатление, он достиг известного результата. Вы знаете, что мне говорил один из ваших товарищей в кулуарах на днях. Макаров,—говорил он,—не должен был этого говорить, хотя он должен был так поступать, но он не должен был говорить то, что он говорил.

Председатель. Член Государственной Думы Чхеидзе, прошу вас ближе держаться вопроса.

Чхеидзе. Слушаю. Так вот, г.г., он произвел такое воздействие, что вы признали необходимым совершенно уклониться от первоначальной постановки вопроса, которую вы дали. И что же? В конце концов вы сводите к тому, чтобы поручить доследование этого дела лицу доверенному. Но кем, спрашиваю я? Облеченному ли доверием тех, которых кровь была пролита, или семействами тех, которых уложили выстрелами из ружей; или вы хотите поручить расследование этого дела человеку, облеченному общественным доверием? (Пури-

шкевич, с места: Это по существу.) Нет, г.г., я повторяю, что в этом вопросе нет решительно абсолютно ничего неясного. Эти ленские события—это плод вашей деятельности, и будьте мужественны, попробуйте вот здесь откусить этот плод, скажите, насколько действительно этот плод созрел, прежде всего, в стенах Государственной Думы, скажите откровенно, скажите ясно, что это есть финал пятилетней деятельности Государственной Думы, которая шла рука об руку с тем же Макаровым, к ответу которого в настоящее время вы относитесь якобы отрицательно. Вот, г.г., в виду всех этих соображений мы не только не можем присоединиться к вашему предложению, но от всей души протестуем против него, как против приема, имеющего целью затушевать тот кровавый акт, который вверг в ужас не только лучшую часть русского общества, но и весь культурный мир. (Рукоплескания слева.)

Председатель. Слово принадлежит члену Государственной Думы Мотовилову за предложение.

Мотовилов (Симбирская губ.). Г.г. члены Государственной Думы! Все разговоры, возникшие около ленских событий, ясно свидетельствуют, что в настоящее время об этом вопросе, о том, что там было, в открытую судить трудно, и мы судим все равно; что с закрытыми глазами, потому что мы не имеем тех данных, которые нам обещаны правительством и которые, мы не сомневаемся, будут нам даны. Поэтому мне представляется, что это трата дорогого нашего времени—дальнейшие рассуждения по этому вопросу, но некоторые новые для нас вещи выплыли здесь, в этой зале. Пока мы не слыхали речей слева, пока мы не слыхали речи представителя социал-демократов Покровского, мы могли ко многим вопросам относиться с сомнением, теперь это сомнение растет, но оно уже в другом направлении. (Гегечкори, с места: Выслужиться хочет; Кузнецов, с места: Пенсионер, за пенсию работаете.) До его выступления мы думали, мы были уверены, что из этих об'яснений, которые здесь происходят, трудно себе выяснить, мы даже думали, что, может быть, и об'яснение министра Макарова или было не так понято, или оно страдало известными недостатками—односторонностью освещения, поэтому мы всемерно жаждали правильного и

подробного освещения этого вопроса, но вот выступления слева, та беззастенчивость, та, больше скажу, чуть не наглость, которая применяется для определения действия правительственных лиц, нас познакомила кое с чем другим. И вот поэтому, может быть, почем мы знаем, придется применить меры против тех лиц, которые хотят подарить собачьи намордники волкам, может быть, придется применить к ним хлысты и арапники, которыми преследуют волков. Вот, г.г., ведь суждения у людей бывают разные, и когда они видят действительно диких зверей, может быть, превосходящих волка, то тогда они становятся осторожными в своих суждениях. И вот поэтому, г.г., национальная русская фракция пришла к убеждению, что действительно для правильности суждения о вопросе следует прежде выслушать обещанные правительством подробные сведения, и поэтому на отложение рассмотрения запроса она безусловно соглашается, но она не может разделить первой части предложенного сейчас октябристами перехода, потому что она еще не усвоила себе, насколько неправильны или правильны действия которого-либо из министров, и в особенности злостные выступления слева нас заставили предположить, что и в самом деле—нет ли там таких неожиданных обстоятельств, которые, может быть, нам неизвестны, а министру были известны. Вот как полезно иногда выслушать таких смелых охотников, которые очень рано собираются надевать намордники. (Голос слева: Наденем на вас первого.) И вот формула наша следующего содержания: «Признавая необходимым для правильности суждений иметь более исчерпывающие сведения и принимая во внимание заявление правительства о всестороннем расследовании событий на Ленских приисках через авторитетных лиц, Государственная Дума выражает пожелание, чтобы результаты этого расследования были доведены до ее сведения в наикратчайший возможно срок».

Председатель. Приступаем к голосованию. Итак, фракцией союза 17 октября внесено следующее предложение: «на основании § 117 наказа предлагаем отложить дальнейшие суждения по данному запросу». По постановке вопроса на голосование слово принадлежит члену Государственной Думы Булату.

Булат (Сувалкская губ.). Я, г.г., по постановке вопроса заявляю следующее: ведь я внес предложение и заявил, что только тогда могу голосовать за предложение октябристов, которое сейчас оглашено председателем, когда будет принято или отвергнуто то предложение, которое я сделал. Очевидно, что надо мое предложение голосовать первым, а потом это. Если вы его отвергнете, я буду голосовать против, если примете, я буду голосовать за него. Поэтому я прошу г. председателя,—это совершенно согласно с наказом,—проголосовать сначала мое предложение.

Председатель. Итак, голосованию подлежит оглашенное предложение фракции союза 17 октября. (Голоса: А поправка Булата?) Поправка эта внесена к формуле перехода к очередным делам, а потому она будет голосоваться перед голосованием самой формулы. Ставлю на голосование предложение фракции союза 17 октября. (Баллотировка.) Принято большинством 102 голосов против 91. (Голоса: В двери.) Угодно произвести проверку голосования выходом в противоположные двери? (Баллотировка.) Принято. Приступаем к проверке голосования. (Производится проверка голосования путем разделения голосующих.) Позвольте об'явить результат голосования: предложение, внесенное фракцией союза 17 октября, принято большинством 101 голоса против 96, при 9 воздержавшихся. (Голос слева: Очень жаль.) Приступаем к голосованию внесенных формул перехода к очередным делам. Итак, к формуле перехода к очередным делам, внесенной фракцией союза 17 октября, имеется поправка члена Государственной Думы Булата, распадающаяся на две части. В виду об'яснения мотивов, которые были доложены, член Государственной Думы Булат предлагает: 1) выслушать всех записавшихся ораторов и 2) избрать особую комиссию из семи членов Государственной Думы и возложить на нее обязанность изучить на месте причины и обстоятельства события 4-го апреля и выяснить степень ответственности отдельных лиц, как правительственных, так и частных, участвовавших в нем. Вторую часть настоящей формулы я признаю не подлежащей голосованию (Пуришкевич, с места: Правильно. Голос слева: Почему?), первая же часть отпадает в виду принятого уже Государственной Думой предложения о прекращении прений.

(Булат, с места: Прошу слова по нарушению наказа.) По нарушению наказа слово принадлежит члену Государственной Думы Булату.

Булат (Сувалкская губ.). Г. председатель заявил, что внесенная мной формула относительно посылки комиссии не подлежит голосованию. Сегодня он даже не изволил сослаться, на каком основании она не подлежит голосованию. В одном из предыдущих заседаний г. председатель говорил, что она не основана на законе. Я думаю, что закон вообще может только запрещать что-нибудь делать, но закон никогда не занимается тем, что перечисляет те деяния, которые можно делать, потому что если бы закон занялся перечнем тех деяний, которые можно делать, так ведь это, г.г., надо было бы в законе перечислить, что человек утром может встать, может мыться, может богу молиться, может итти в церковь, может итти в Думу, может вынимать носовой платок из кармана и т. д., и т. д. Неужели, г.г., если это законом не разрешено, то все это законом запрещено? Согласитесь, г.г., что это что-то анекдотическое. Г.г. октябристы, я предлагаю вам,—вы избирали вашего председателя,—если вы дорожите своей честью, своим именем, то об'ясните вашему, г.г., председателю, что вы не видите в этом ничего незаконного, что уже во времена Столыпина и министр внутренних дел, и государственный контролер, бывший тогда в составе об'единенного правительства, считали это законным. Поэтому подобное предложение подлежит голосованию, поэтому я устранение г. председателем моего предложения считаю самым вопиющим нарушением не только наказа, а нарушением вообще всяких правил любого собрания, где можно предлагать то или другое предложение на голосование. И если г. председатель так поступает, то этим обнаруживает полную солидарность с вами, которые хотите проявить свою солидарность с теми убийцами, которые произвели убийство на Лене. (Слева рукоплескания; справа шум.) Кто эти убийцы—я не говорю (рукоплескания слева), но убийцы были. Кто виноват в этом, мы пока не знаем, но, г.г., нельзя же, чтобы председатель Государственной Думы помогал скрывать такого рода деяния. (Рукоплескания слева.)

Председатель. Совершенно не разделяя воззрения члена Государственной Думы Булата относительно условий

нарушения мною наказа (голоса в центре: Он плохой юрист), я настаиваю на том, что предложение это не подлежит голосованию (в центре рукоплескания и голоса: Правильно), и перехожу к голосованию внесенного членом Государственной Думы Андрейчиком добавления к формуле перехода к очередным делам, предложенной фракцией союза 17 октября. Позвольте доложить это добавление? (В центре голоса: Знаем. Слева голоса: Прочесть, просим читать.) Добавление это следующее... (Гегечкори, с места: Доложите сначала нашу формулу)... Итак, добавление, внесенное членом Государственной Думы Андрейчиком к формуле перехода к очередным делам, предложенной фракцией союза 17 октября, следующего содержания: «чтобы правительство заставило Ленское товарищество немедленно обеспечить материальное существование семейств убитых и раненых рабочих». На основании §§ 178 и 184 наказа формулы перехода к очередным делам будут голосоваться в порядке их поступления. Прошу г. секретаря огласить внесенные по этому предмету формулы перехода к очередным делам.

Секретарь Государственной Думы. Формула перехода к очередным делам, предложенная фракцией союза 17-го октября: «Не удовлетворяясь об'яснениями министра внутренних дел, но принимая во внимание заявление, сделанное министром торговли и промышленности от имени правительства о всестороннем расследовании обстоятельств событий на Ленских приисках через авторитетных лиц,—Государственная Дума выражает пожелание, чтобы результаты этого расследования были доведены до ее сведения в течение текущей сессии». Формула перехода к очередным делам, предложенная фракцией националистов: «Признавая необходимым для правильного суждения иметь более исчерпывающие сведения и принимая во внимание заявление правительства о всестороннем расследовании события на Ленских приисках через авторитетных лиц,—Государственная Дума выражает пожелание, чтобы результаты этого расследования были ей доложены в наикратчайший возможно срок». Формула перехода к очередным делам, предложенная социал-демократической фракцией: «Выражая свое возмущение по поводу расстрела рабочих на Ленских приисках, произведенного, если не по прямому распоряжению, то при явном попу-

стительстве высшей правительственной власти, и признавая об'яснения министра внутренних дел, данные им по поводу этого случая, поощрением подобных зверств, Государственная Дума переходит к очередным делам». Формула перехода к очередным делам, предложенная трудовой группой: «Выражая глубокое возмущение тому, что государственная власть насильственно вмешалась в разрешаемую законом борьбу рабочих путем стачки за свои справедливые требования и для защиты частных интересов враждебной рабочим стороны привлекла войско; что она подвергла расстрелу мирных рабочих, вынужденных явиться к приисковой администрации толпою, в виду ареста их официальных представителей; что высшие представители об'единенного правительства, в лице выступавших с раз'яснениями министров, не остановились перед оправданием явного преступления подчиненных им органов,—Государственная Дума признает об'яснения представителей правительства неудовлетворительными и недопустимыми и переходит к очередным делам». Формула перехода к очередным делам, предложенная группой прогрессистов: «Государственная Дума, выслушав об'яснения министра внутренних дел и министра торговли и промышленности и констатируя, что ей не представлено вовсе об'яснений министром юстиции, к которому также был пред'явлен запрос, находит: 1) что данные, представленные министром торговли и промышленности о роли Ленского товарищества в деле возникновения и течения забастовки, устанавливают основательность требований рабочих и совершенно достаточны, чтобы побудить правительство немедленно принять самые суровые меры к принуждению названного товарищества неуклонно исполнять закон; 2) что скудные данные, представленные министром внутренних дел, безусловно недостаточно и неверно освещают настоящую картину событий, а особенно ответственность отдельных чинов администрации и 3) что расстреляние сотен рабочих, мирно отстаивавших свои права, глубоко возмущает общественную совесть и требует наказания виновных,—Государственная Дума признает об'яснения министра внутренних дел неудовлетворительными и переходит к очередным делам».

Председатель. Добавление, внесенное членом Государственной Думы Андрейчиком, к формуле перехода к оче-

редным делам, предложенной фракцией союза 17 октября, мною уже оглашено. На основании §§ 184 и 178 наказа формулы перехода к очередным делам подлежат голосованию в порядке их поступления. По мотивам голосования слово принадлежит члену Государственной Думы Бабянскому.

Бабянский (Пермская губ.). Фракция народной свободы присоединяется к этой формуле группы прогрессистов, которая сейчас была оглашена (Голос справа: Конечно, одним миром мазаны).

Председатель. В виду того, что формула перехода к очередным делам внесена прогрессивной группой ранее всех в предвидении прений по запросу, она на основании наказа, подлежит голосованию первою. Приступаем к голосованию. Члены Государственной Думы Маклаков и Звегинцев, прошу вас занять места. Ставлю на голосование формулу перехода к очередным делам, предложенную группой прогресистов (Баллотировка.) Отклонено большинством 126 голосов против 89. Затем следует формула перехода к очередным делам, предложенная фракцией союза 17 октября. Позвольте доложить добавление, внесенное к этой формуле членом Государственной Думы Андрейчиком. Оно гласит: «чтобы правительство заставило Ленское товарищество немедленно обеспечить материально существование семейств убитых и раненых рабочих». (Шум.) Покорнейше прошу не шуметь. При таком шуме никакое голосование невозможно. Член Государственной Думы Пуришкевич! Прошу вас не нарушать тишины. Ставлю только что доложенное добавление на голосование. (Баллотировка.) Отклонено большинством 89 голосов против 75 при 40 воздержавшихся. Ставлю на голосование формулу перехода к очередным делам, предложенную фракцией союза 17 октября. (Баллотировка.) Отклонено. (Шум.) Прошу соблюдать тишину, иначе я должен буду сделать перерыв. Член Государственной Думы Лерхе! Прошу вас занять место. Ставлю на голосование формулу перехода к очередным делам, предложенную социал-демократической фракцией. (Баллотировка.) Отклонено большинством 125 голосов против 76. Ставлю на голосование формулу перехода к очередным делам, предложенную фракцией националистов. (Баллотировка.) Отклонено. Ставлю на голосование формулу перехода к очередным делам трудовой группы. (Баллотировка.)

Отклонено большинством 125 голосов против 85. На основании § 186 наказа об'являю вопрос исчерпанным. Переходим к п. 2 повестки: продолжение обсуждения раз'яснений министра народного просвещения на обращенный к председателю совета министров и министру народного просвещения запрос по поводу распоряжений совета министров от 10-го декабря 1910 г. и 11-го января 1911 г., нарушивших правила 27-го августа 1905 г. и высочайший указ 11-го июня 1907 г., и последствий этого нарушения для высших учебных заведений. (Петров 3, с места: От сегодняшнего вечера остался только один намордник; хороший знаменатель для октябристов.)

Заседание продолжается под председательством товарища председателя Государственной Думы М. Я. Капустина.

Голоса: Просим закрыть заседание.

Председательствующий. За поздним временем об'являю заседание Государственной Думы закрытым.

Заседание закрывается в 10 ч. 39 м. вечера.

VIII.

ОТЗВУКИ ЛЕНСКИХ СОБЫТИЙ В РОССИИ И ЗА-ГРАНИЦЕЙ

№ 126.

«ЛЕНСКАЯ БОЙНЯ И 3-ИЮНЬСКАЯ МОНАРХИЯ» [1].

В кровавых преступлениях зачата III Дума, кровавым преступлением кончаются ее дни. Правительство, либеральные купцы и либеральные помещики в один голос стараются уверить и русский народ, и европейскую биржу, что III Дума была первым действительным представительным собранием в России, что она укрепила «конституцию», что ее пятилетнее существование оказало неоценимые услуги народу и идее конституционного правления. Но одно забывают они добавить, что III Думу Романовы, Столыпины и Гучковы могли создать только перебивши десятки тысяч борцов за народное освобождение; что в основе ее лежит государственный переворот, увенчанный провокаторским заговором против с.-д. фракции II Думы; чтобы удержать эту Думу, понадобились тысячи и тысячи виселиц, не перестававших работать во все время ее существования. Кровавая бойня на Лене—лишь достойное детище того «обновленного режима», в котором палач и провокатор являются истинными хозяевами государства. Из 3.000 толпы расстреляно 500, это значит, что под солдатскими пулями пал каждый шестой рабочий: жестокость и меткость стрельбы невиданная даже в России, где научились «не жалеть патронов» с самого момента возникновения рабочего движения.

И надо же было случиться, чтобы во главе расстреливающих рабочих солдат стала какая-то человекообразная машина в жандармском мундире, которая при ближайшем рассмотре-

[1] Газ. „Социал-Демократ“ № 26 от 25 апреля (8 мая) 1912 года. Статья Л. Б. Каменева, напечатанная без подписи.

нии оказалась точнейшим воплощением всей романовской монархии. Газеты сообщили, что в Киеве он был провокатором, а в Сормове палачом, повесившим 80 рабочих. Провокатор и палач в ротмистре Трещенкове скрывался под мундиром начальника охранного отделения. Но под министерским мундиром Столыпина не скрывался ли тот же провокатор и палач лишь во всероссийском масштабе? И под императорской мантией Николая Романова не живет ли тот же провокатор и палач? Трещенков расстрелял сотни, но Столыпин и Романов не расстреляли ли тысячи? Трещенков подкладывал провокаторские бомбы рабочим, но Романовы и Столыпины, Макаровы, Курловы и Трусевичи не на Азефах ли и Бродских построили они свое благополучие?

Не в том дело, мирная или немирная, экономическая или политическая стачка протекала на рудниках золотопромышленной компании, а в том дело, что на берегах Лены действовал точнейший и достойнейший представитель всей сущности романовской монархии, всех методов ее управления, один из тех, на ком она реально держится.

Думе предоставлено одобрять бюджет, парадировать перед Западной Европой и подробно обсуждать проекты законов, которые одним росчерком Николая или Государственным Советом уничтожаются в корне. Гучкову предоставлено выражать «пожелания» и аплодировать министрам. Милюкову предоставлено рядиться в английские обноски «оппозиции его величества». Но действительная власть в России принадлежит Трещенковым. И они властвуют над народом штыком и пулей. И потому не в том сейчас заключается задача русского народа и пролетариата, чтобы отвоевать от Трещенкова какие-либо права, а в том, чтобы вырвать у него его штык, его власть.

4-го апреля этот Трещенков расстрелял 500 стачечников, а 11-го, не отмывши рук, он—в лице министра его императорского величества, самодержца всероссийского—взошел на трибуну Государственной Думы и заявил: «так было и так будет».

Но еще раньше, чем царский слуга Трещенков заявил свою волю и впредь, несмотря ни на какие Думы, отстаивать свою власть расстрелами народа, социал-демократический депутат Кузнецов напомнил русским рабочим, что «нас всегда

расстреливали», и что 9-го января на площади Зимнего Дворца нас расстреливал царь. «Царя не касайтесь», крикнула рабочему депутату III Дума. «Я вас покорнейше прошу здесь высочайшей власти не касаться»,—заявил ее председатель.

III Дума защищает царя; рабочий класс не может не касаться трещенковского царя, когда царский Трещенков касается рабочего класса. С думской трибуны с.-д. депутат Кузнецов выразил то негодование и ту жажду борьбы, которые охватили рабочий класс России при известии о кровавой бане на Лене. И он правильно выразил мысль всех рабочих России, когда заявил: «Для нас, рабочих, не нужно никакого вашего расследования. Для нас причина ясна: мы знаем, кто является главными виновниками массового убийства рабочих на Лене», и когда возложил эту вину не только на капиталистов, не только на Трещенкова, но и на самое III Думу.

По горло стояла III Дума в крови рабочих и крестьян, теперь она предстанет на суд народный покрытая кровью по макушку. И не станет рабочий класс под этой кровавой замазкой искать оттенков различия между Коковцевыми и Столыпиными, Макаровыми и Курловыми, Гучковыми и Балашовыми. Вся шайка контр-революции, превратившаяся под верховенством царя в золотопромышленную компанию, а Россию превратившая в свой рудник, из которого золото добывается обильно смоченное не только потом, но и кровью рабочих, вся царская монархия, монархия провокаторов и палачей, должна быть сметена с лица земли.

Далеко от центров поднялось зарево, но стоило ему подняться, чтобы разом вскрылись все внутренние пружины современного строя, и чтобы кровавым светом окрасилась длинная цепь как будто бы разнородных фигур.

Английские капиталисты (надо думать, просвещенные либералы у себя дома) и начальник русского охранного отделения, истинно-русские царские губернатор и прокурор и истинно-биржевой барон Альфред Гинцбург, члены Государственного Совета, гвардейские офицеры, придворные лакеи в генеральских мундирах и биржевой заяц Жданов, либеральный экс-министр Виттевского кабинета Тимирязев и заведывавший департаментом полиции Макаров, Лондон и Петербург, дворец и биржа, охранка и Дума,—все и вся оказались свя-

занными крепкими узами взаимных услуг и взаимной поддержки в деле эксплоатации рабочих.

Ленский расстрел с ясностью, бросающейся в глаза каждому, сразу вскрыл, как во имя эксплоатации рабочих сплетается в один отвратительный, кровью напитанный клубок— международный капитал, царский дворец, охранные отделения; как биржевой курс в Лондоне распоряжается жизнью рабочих на Лене, а истинно-русский царский министр в «национальной» Думе защищает барыши предприятия истинно-еврейского барона.

Тот ответ, который дали на Ленский расстрел рабочие Петербурга, Риги, Саратова, Киева, Одессы, Екатеринослава, Харькова, Херсона, Николаева, Сормова забастовками, митингами и демонстрациями, показывает, что единство всех эксплоататоров рабочий класс России готовится противопоставить единение рабочих в борьбе с современным строем.

Низвержение романовской монархии в России должно быть лишь первым этапом в борьбе рабочих со всей буржуазией за уничтожение капитализма, за социализм.

№ 127.

ПЕРЕЧЕНЬ ЗАБАСТОВОК, ВЫЗВАННЫХ СОЧУВСТВИЕМ ЛЕНСКИМ РАБОЧИМ (ПО ДОКЛАДУ ОХРАНКИ) [1].

По поводу событий на Ленских золотых приисках об'явлены и проведены однодневные забастовки:

В С.-Петербурге:

14-го апреля на механическом заводе русского общества для изготовления снарядов и военных припасов; бастовало 400 человек.

16-го апреля на 15 разных фабриках и заводах не работало 7.816 человек.

17-го апреля в 134 предприятиях с составом рабочих в числе 31.726 человек. Забастовщики в нескольких местах на улицах столицы пытались петь «вечную память» и снимать с работ не примкнувших еще к забастовке

[1]) Истор.-рев. архив. Фонд д-та пол., д. 23, ч. 2, т. 2.

рабочих, а также собираться в толпы, но были немедленно разгоняемы нарядами полиции. Собравшиеся у железопрокатного завода (на Большой Зеленной улице) забастовщики пытались снять с работ мастеровых, и когда последние отказались, то забастовщики начали бить окна. Толпа вскоре была рассеяна полицией.

18-го апреля в 85 предприятиях с количеством 53.534 рабочих, при чем забастовавшие рабочие фабрики механического производства обуви «Скороход» вышли из фабрики с пением «рабочей марсельезы», и один из них выкинул красный флаг, успев скрыться.

19-го апреля на 30 фабриках и заводах с общим составом рабочих в 6.124 человека. Забастовавшие рабочие сахарного завода Кенига накануне забастовки пред'явили ряд экономических требований и, между прочим, требуют увольнения помощника управляющего заводом и смены трех рабочих, а некоторым служащим об'явить выговор. Забастовка на этом заводе продолжается.

В г. Риге:

12-го апреля на ножевой и проволочной фабрике.

13-го апреля на вагоностроительном заводе Феникса и ленточной фабрике.

14-го апреля на заводах—судостроительном Ланге, машиностроительном Поля и чугунолитейном Бартушевича.

16-го апреля на 8 разных заводах и 17 апреля на 17 заводах.

В Нижегородской губернии:

16-го апреля в Нижнем-Новгороде, в 5 портновских мастерских. После ареста 7 зачинщиков работы вскоре возобновились.

20-го апреля на Сормовском заводе. Забастовка происходила мирно, но в случае арестов рабочие решили бастовать до освобождения арестованных.

В С.-Петербургской губернии:

19-го апреля бастовала четвертая часть рабочих Адмиралтейских, Ижорских заводов в Колпине.

В г. Киеве:

9-го апреля на Южно-русском машиностроительном заводе и на машиностроительном заводе «Млошевский и К°».

11-го апреля на машиностроительном заводе акционерного общества «Гретер и Криванек».

11-го апреля в типографиях «Товарищество печатня Яковлева», Чоколова, «Прогресс», газеты: «Киевская Мысль», газеты «Последние Новости», газеты «Киевская Почта», газеты «Южная Копейка», польской газеты «Киевский Дневник» и на чугунолитейном заводе Неедли.

12-го апреля на ювелирной фабрике Маршак, в типографии Штерензона, на кабельном заводе и на фабрике весов.

В г. Одессе:

12-го апреля на доке и эллинге Русского общества пароходства и торговли.

13-го апреля в порту и на заводах и в 14 типографиях.

В Бессарабской губернии:

17-го апреля в Кишиневской типографии Лемперта.

В Екатеринославской губернии:

11-го апреля в Екатеринославе на лопаточной фабрике «Игла».

13-го апреля там же на трубопрокатном заводе.

14-го апреля в поселке Нижнеднепровске на заводе Гантке.

В Иркутской губернии:

12-го апреля в Киренске на пристанях Громовой, Глотовой и Кушнарева.

В Московской губернии:

19-го апреля на Коломенском заводе.

В Саратовской губернии:

13-го апреля в Саратове, на механическом заводе, гвоздильном, четырех чугунолитейных заводах, котельной мастерской, столярной фабрике.

В Таврической губернии:

12-го апреля в г. Мелитополе на чугунолитейном заводе Либермана и Захермана.

В Харьковской губернии:

10-го апреля в харьковском паровозостроительном заводе.

В Херсонской губернии:

12-го апреля в Елисаветграде, на заводе сельско-хозяйственных машин Бургарда.

11-го апреля там же на заводе земледельческих орудий Эльворти.

В г. Николаеве.

9-го апреля на судостроительном заводе общества Николаевских заводов и верфей.

18-го апреля в г. Варшаве на окраинах города чинами полиции сняты три красных флага, а с 12 часов того же дня (1-го мая) забастовало на разных фабриках, заводах и мастерских свыше 11.000 рабочих. Кроме того, бастовали почти все сапожные мастерские и рабочие на постройках некоторых домов.

23-го апреля 1912 г.

№ 128.

ТЕЛЕГРАММА РИЖСКОГО ГУБЕРНАТОРА В ДЕПАРТАМЕНТ ПОЛИЦИИ ОТ 19-го АПРЕЛЯ [1]).

Вчера забастовали 21.000 рабочих на 52 заводах из общего числа 304 фабрик при 65.000 рабочих. На окраинах города обнаружены несколько красных флагов, также разбросаны прокламации. Задержаны двое рабочих, вывешивающих флаги. 9, вечером, Ревельской улице наряд полиции рассеял толпу 300 человек, шедшую красным флагом, пением революционных песен; несший красный флаг задержан. 10, вечером, рассеяны две толпы в 300 и 100 человек, шедшие с флагом и пением по Звездововой и Романовской улицам. Всего задержано 50 человек,—39 по установлении личности освобождены, выяснении виновности будут подвергнуты взысканиям, 11 арестовано. Сегодня все фабрики работают обычным порядком. Подробности почтой. № 129.

Губернатор *Звегинцов.*

№ 129.

АГЕНТУРНЫЕ СВЕДЕНИЯ ОСОБОГО ОТДЕЛА ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦИИ О ПОСЛЕДСТВИЯХ ЛЕНСКИХ СОБЫТИЙ [1].

Протесты по поводу ленских событий были разновременно посылаемы в социал-демократическую фракцию Государственной Думы:

1) От 116 сознательных рабочих Донецко-Юрьевских металлургических заводов Екатеринославской губернии с требованием свободы коалиции, стачек и т. д.; 2) от 41 работницы одесских мастерских портняжского цеха с призывом к борьбе против капиталистического строя; 3) от рабочих Константиновских заводов Екатеринославской губернии с требованием уголовной кары над виновниками этих событий; 4) от 300 еврейских рабочих гор. Бобруйска с призывом к вооруженной борьбе за права рабочего класса; 5) от рабочих Сураханских промыслов Бакинской нефтяной промышленности; 6) от рабочих завода Московско-Казанского товарищества той же промышленности; 7) от 143 рабочих лесопильного завода товарищества «Экономия» в Маймаксе гор. Архангельска; 8) от 33 киевских еврейских рабочих; 9) от 400 московских портных; 10) от 40 делегатов ткацких фабрик гор. Белостока с призывом к борьбе за свободу союзов и т. д. и за полное уничтожение существующего режима; 11) от 45 еврейских рабочих гор. Брест-Литовска; 12) от екатеринославского социал-демократического коллектива; 13) от рабочих харьковского паровозо-строительного завода с призывом к об'единенной борьбе против правительства и капиталистов; 14) от студентов Киевского коммерческого института с требованием свободы собраний и т. д. и избирательного права по 4-членной системе; 15) от горнорабочих Успенского рудника Рутченковских каменноугольных копей Екатеринославской губернии с приложением 11 руб. в пользу семейств пострадавших; 16) от 80 учащихся высших учебных заведений гор. Юрьева; 17) от русских студентов в Гейдельберге с приложением 100 марок в пользу семейств пострадавших; 18) от товарищества Рутченковских копей Екатеринославской губернии с приложением 4 руб. 70 коп. в пользу семейств пострадавших; 19) от рабочих Мото-

[1]) Истор.-рев. архив. Фонд деп. пол., д. 342, т. I.

вилихинского завода Пермской губернии; 20) от 7 мастеровых бакинского технического училища; 21) от правления гомельского профессионального союза рабочих печатного и переплетного дела; 22) от 102 рабочих одесского портняжного цеха, 23) от московских рабочих завода «Гужон»; 24) от группы жителей гор. Екатеринослава; 25) от 100 рабочих Невского района в С.-Петербурге; 26) от виленской организации партии «Бунд»; 27) от рабочих трубопрокатного завода в С.-Петербурге, с призывом к организованной и решительной борьбе рабочего класса с политическим режимом; 28) от 135 рабочих гор. Гомеля; 29) от уполномоченных рабочих Люберецкого, Московско-Казанской железной дороги, завода с приложением 89 рублей пожертвований; 30) от 138 членов еврейской революционной партии «Поалей-Цион» в Ченстохове; 31) от 97 гомельских приказчиков и рабочих; 32) от собрания 40 делегатов 27 ткацких еврейских фабрик гор. Белостока с требованием свободы собраний и т. д. и полного уничтожения существующего политического режима; 33) от 120 еврейских рабочих гор. Гродны такого же содержания; 34) от 47 еврейских рабочих гор. Бреста того же содержания; 35) от 60 евреев-портных, рабочих в гор. Белостоке, того же содержания; 36) от 27 еврейских рабочих гор. Слонима того же содержания; 37) от женевского идейного кружка «Вперед» с приложением 15 франков 60 сантимов; 38) от рабочих машиностроительного завода Боссе в м. Юзовка, Екатеринославской губернии, с приложением 44 руб. 50 коп. в пользу семей пострадавших; 39) от жен названных рабочих с приложением 4 руб. 15 коп.; 40) от группы вятской интеллигенции с приложением 36 рублей.

Подобного же характера протесты поступали из разных городов в редакции легальных социал-демократических органов «Звезда», «Живое Дело» и «Правда»:

1) от одесской социал-демократической организации; 2) от 146 русских рабочих г. Гельсингфорса; 3) от «митинга-протеста в Париже» социал-демократов и социалистов-революционеров; 4) от рабочих армавирских, Кубанской области, типографий; 5) от батумских рабочих завода Нобеля и других; 6) от 40 рабочих различных предприятий в селе Армавире с призывом к «сокрушению устоев».

Кроме того, по имеющимся в особом отделе агентурным данным в социал-демократическую фракцию Государственной

Думы, а также в редакции вышепоименованных газет, поступали от отдельных лиц в значительном количестве выражения возмущения по поводу ленских событий и сочувствия жертвам таковых.

По тем же агентурным сведениям укрывающиеся за границей русские эмигранты, как отдельные лица, так и политические революционные организации, группы и партии, проявили оживленный интерес к Ленским событиям, а равно к тому, как именно отразились эти события на настроении рабочих масс и пролетариата в пределах России, и, с своей стороны, не преминули высказать свое отношение к этим событиям.

Так, например, в Льеже (Бельгия) во время празднования 1 мая был на демонстрации поднят русскими эмигрантами (евреями) флаг с надписью «по поводу расстрела ленских рабочих русским правительством». В Гейдельберге (Германия) в русской эмигрантской колонии состоялось по поводу Ленских событий, с участием около 60 человек, «собрание протеста», принявшее соответственную резолюцию и произведшее сбор в пользу семей пострадавших в общей сумме около 150 марок. Затем в Париже 27-го апреля всеми группами и секциями партии российской социал-демократической и социалистов - революционеров был организован митинг протеста, сопровождавшийся принятием резолюции, опубликованной вскоре в радикальной Жоресовской газете «Humanité» и предлагавшей всем заграничным партийным организациям устраивать повсеместно собрания и митинги протеста, входить в соглашение с «Интернационалом» и иностранными социалистическими партиями, производить денежные сборы, развить широкую агитацию в прессе и вообще «принять все меры к широкому освещению перед западно-европейским рабочим классом зверской политики русского правительства». Женевскими идейными кружками «Вперед» и «Русским Клубом» был устроен 17-го апреля реферат бывшего члена 2-й Государственной Думы социал-демократа Алексинского в пользу семей пострадавших.

Май 1912 года.

За начальника отд. *Курочкин-Шиллер.*

№ 130.

ПРОКЛАМАЦИЯ КИЕВСКИХ С.-Д. ПО ПОВОДУ ЛЕНСКОГО РАССТРЕЛА [1]).

Российская Социал-Демократ. Рабочая Партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Товарищи! Неужели и теперь молчать? Товарищи, ужасное, кровавое дело свершилось в далекой Сибири. На Ленских приисках в толпу забастовавших рабочих, требовавших освобождения арестованных товарищей, войсками было дано несколько залпов и убито и ранено около 500 человек.

Забастовка на Ленских приисках тянется уже давно... ее породили ужасные условия труда, введенные «Ленским золотопромышленным товариществом»...

Заработная плата подымалась редко выше рубля, предметы первой необходимости (хлеб, чай, сахар) рабочие должны были покупать по страшно дорогой цене в лавках «товарищества», жили в грязных и сырых землянках... Долго терпели они—но, наконец, решили забастовать... Все рабочие потребовали увеличения заработной платы на 30 процентов, установления 8-часового рабочего дня, уплаты жалованья деньгами, а не товаром, как это делалось раньше, улучшения жилищ и вежливого обращения... Забастовка протекала спокойно, все рабочие держались дружно и не становились на работу... Начальство всеми силами, конечно, старалось сломить упорство рабочих... Оно сначала уговаривало их прекратить забастовку, а потом начало стращать... жандармский ротмистр Трещенков прямо заявил, что он всех переарестует и расстреляет, а добьется прекращения забастовки.

Для первого начала было арестовано 11 товарищей-делегатов.

Узнав об этом, все рабочие потребовали освобождения своих арестованных выборных.—И вот, когда толпа вела переговоры с инжен. Тульчинским, внезапно солдаты открыли стрельбу и убили наповал 210 человек, а ранено более 250.

Товарищи! Кровавый туман снова заклубился над многострадальной Русью, ведь старые исконные враги снова подошли вплотную друг к другу, уже начались частичные стыч-

[1]) Истор.-рев. архив. Фонд сен. Манухина, д. 44/3.

ки—предвестники грядущих битв, и уже течет кровь наших братьев-рабочих, сотни рабочих расстреляны только за то, что хотели добиться у хозяев лучших условий труда и что не предали они своих товарищей, арестованных за общее дело. Да оно и понятно, правительство видит, что рабочие опять начинают просыпаться, и оно всеми силами хочет остановить начинающееся движение, ради чего пускает в ход все средства вплоть до военной силы... Когда же кончится, наконец, это подлое насилие!?.

Опять пролита кровь, опять свершилось ужасное злодеяние!

Неужели и теперь мы будем молчать? Неужели при известии о кровавой бойне на Ленских приисках не закипит гневом сердце каждого из нас? Неужели не вырвется из нашей груди дружный крик негодования и протеста! Нет, товарищи! Стыдно, преступно молчать! Теперь, когда еще не засохла кровь убитых товарищей, пусть пронесется по всей стране, вихрем пронесется по всей стране грозный протест. Пусть везде прогремит наш клич: «Долой палачей! Долой насильников! Да здравствуют борцы за рабочее дело!»

Вечная память погибшим борцам.

Товарищи! На этот гнусный акт насилия мы должны ответить так, как уже неоднократно отвечали на подобные злодейства: бросим станки и горны, бросим фабрики и заводы и мастерские, бросим на один день работу и тем выразим свое негодование и возмущение!...

Да здравствует однодневная забастовка! На борьбу, товарищи!

Ком. Киев. Орг. Рос. Социал-Демокр. Рабочей Партии.

Апрель 1912 г. М. П.

№ 131.

ПРОКЛАМАЦИЯ ПРИУРАЛЬСКОГО С.-Д. СОЮЗА О ЛЕНСКИХ СОБЫТИЯХ [1]).

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.

К рабочим Сибири.

В далеком краю «за дикими степями Байкала, где золото роют в горах», слуги царской власти расстреляли мирно шедшую для об'яснений с приисковой администрацией толпу.

[1]) Истор.-рев. архив. Фонд сен. Манухина, д. 44/3.

Убито и ранено около 500 человек. Кровопролитнейшая из битв между двумя враждующими армиями не всегда кончается таким огромным количеством жертв. Роковой подсчет теперь уже сделан: на каждую сотню бастующих рабочих приходится 10 человек убитых и раненых. Из разных голодных уголков многострадальной России свезли в далекую Сибирь рабочих и крестьян и заставили их работать на капиталистов в таких условиях, в которые далеко не везде поставлены даже каторжники. Когда же рабочие потребовали более человеческих условий труда, их провозгласили «бунтовщиками» и голодных, находящихся на расстоянии нескольких сот верст от жилых мест, стали гнать с приисковых квартир: иди, куда глаза глядят. А когда они отказались переселиться на улицу, их расстреляли.

Среди бела дня от руки тех же детей деревни погибло около 500 человек. Рекой собственной крови увлажнили они землю, рождающую золото и обогащающую капиталистов и наших бюрократов — владельцев Ленских приисков. Целую неделю томилась страна под кровавым кошмаром ленской трагедии; народ мучился неизвестностью, с трепетом ужаса хватал он отрывочные сведения о подробностях этой дикой расправы.

Но наступили дни выступления министра в Государственной Думе, и всем стало ясно. Преемник Столыпина Макаров дал стране ясный, не вызывающий сомнений ответ: «Так было, так и будет»...

Но напрасно царский холоп распинается. Все хорошо знают, что беда России заключается именно в том, что у нас всегда «так было», что расправы и расстрелы стали у нас бытовым явлением.

Вспомните 5-е мая 1892 г. в Лодзи, когда знаменитый Гурко впервые приказал: «патронов не жалеть» и расстрелял 108 рабочих.

Вспомните усмирение в 1892 году в Юзовке с сотнями жертв.

Вспомните расстрел «молодцами фанагорийцами» в 1895 г. рабочих Карзинкинской мануфактуры в Ярославле.

Вспомните, как 3-го октября 1900 г. 300 донецких рудокопов были прогнаны сквозь строй.

Вспомните златоустовскую бойню 23-го января 1903 года, когда пало 63 убитыми и 100 человек ранеными.

Вспомните расстрел в 1905 г. Меллером-Закомельским рабочих на станции Еланской, Сибирской ж. д., где было убито 30 человек.

Вспомните памятное «кровавое воскресение» 9-го января 1905 года, когда по царскому приказу было убито свыше 500 рабочих.

Москва, Белосток, Ростов и т. д.—всюду расстрелы, всюду кровь...

Наконец, вспомните наше собственное сибирское 9-е января—ленскую трагедию 4-го апреля 1912 года с рекой крови, 500 убитыми и ранеными.

И когда мы все это вспомним, нам станет ясно, что при царском самодержавии всегда «так было, так и будет».

А чтобы этого не было, нужна новая общая борьба, борьба всего рабочего народа с капиталистами и царским правительством.

И рабочие всей России дружно ответили однодневной забастовкой и демонстрациями на кровавое сибирское 9-е января.

Товарищи рабочие! Скоро первое мая—праздник рабочих всех стран. Везде на Западе в этот день трудовая жизнь замирает. Рабочие стройными колоннами шествуют по улицам со знаменами, на которых написаны заповеди рабочего движения:

8-часовой рабочий день.

Разоружение постоянной армии и замена ее всенародным ополчением.

Но у нас в России праздник первого мая проходит под звон похоронных колоколов, под стоны и вопли рабочих, расстрелянных на Ленских приисках. Вместо красных знамен у нас реки алой крови; вместо радости—всероссийский траур.

Сомкните же ряды. Пусть дни траура и печали будут грозным протестом против расправ и расстрелов, против власти капитала и самодержавного правительства.

Пусть однодневная первомайская забастовка будет протестом и против палачей ленских рабочих

Докажите врагам, что столбняк всероссийской реакции уже прошел, что рабочий класс снова готовится к борьбе!

Издание Приуральского Соц.-Дем. Союза.

№ 132.

ПРОКЛАМАЦИЯ ГРУППЫ С.-Д. ПО ПОВОДУ ЛЕНСКИХ СОБЫТИЙ, ВЫПУЩЕННАЯ В ЧЕРНИГОВЕ [1]).

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Товарищи!

Правительство Николая Кровавого снова устроило кровавую бойню: больше 500 рабочих убито ни за что, ни про что. На этот раз резня рабочих произошла не в Петербурге, как 9-го января, а в далекой Сибири, на Ленских приисках.

5.000 рабочих находились на этих приисках. Своей тяжелой, изнуряющей, высасывающей здоровье и жизнь работой они доставляли хозяевам этих приисков по несколько миллионов рублей чистой прибыли в год. И за эту работу они получали гроши: получаемый заработок был недостаточен, и они вели полуголодную жизнь. Помещения, в которых жили рабочие, не только не были похожи на огромные роскошные квартиры хозяев, но они даже не имели тех маленьких удобств, которые требуются от всякой квартиры, предназначенной для людей, а не для свиней. Теснота, холод, сырость,—вот те удобства, которые были на квартирах рабочих, тех рабочих, которые добывали золото на Ленских приисках. При этом еще каждый из служащих в правлении Ленских приисков издевался над ними: обращался с ними грубо, на «ты», увольнял их, когда ему заблагорассудится. Терпение рабочих, наконец, лопнуло, и они забастовали, выставив целый ряд законных и справедливых требования, как-то: увеличения заработной платы, 8-часового рабочего дня, вежливого обращения, удаления тех из служащих, которые особенно нагло и грубо обращались с ними и некотор. друг. Целый месяц прошел, а стачка не прекращалась: ни одна, ни другая сторона не уступала. Но вот, как это всегда бывает, на помощь хозяевам Ленских приисков приходят агенты Николая II Кровавого и прежде всего арестуют стачечный комитет. Рабочие справедливо возмутились и потребовали немедленного освобождения товарищей. И когда они не с револьверами и бомбами в руках, а мирно, без всякого намерения драться, вели переговоры с главным инженером об арестованных товарищах, без всякого преду-

[1]) Истор.-рев. архив. Фонд деп. пол., д. 342. т. I. (Прокламация написана на гектографе).

преждения раздались два залпа: то жандармский ротмистр Трещенков приказал стрелять. И площадь, где стояли рабочие, превратилась в кровавое море... Больше 500 рабочих расстреляли за то только, что они заявили, что хотят жить по-людски. Товарищи! неужели тени расстрелянных рабочих не будут преследовать вас, как тяжелый кошмар, и дадут вам спокойно спать? Неужели кровь товарищей, погибших «в борьбе роковой», не жжет вас и не кричит об отмщении?

Товарищи, покуда существует царский режим, вы не гарантированы, что завтра не повторится такая же бойня на любом заводе, на любой фабрике. Вдумайтесь только.

Ваша жизнь находится в руках кучки воров и грабителей, которые зовутся капиталистами; эксплоататорами, ваша жизнь находится в руках кучки палачей и вешателей, которые зовутся правительством Николая II. Довольно! Надо устранить эту мерзость и сволочь из жизни. Об'единяйтесь же, товарищи, соберите свои разрозненные силы, организуйте профессиональные союзы, клубы рабочих, вступайте в члены Р. С.-Д. Р. П., ибо только она—истинная рабочая партия. Готовьтесь к великой борьбе, к борьбе, которая освободит вас от черных костистых лап самодержавия. Уж близок час: вторая русская революция за плечами. Уже в Петербурге, Москве, Киеве и др. центрах России рабочие давно об'единились под знаменами Р. С.-Д. Р. П. и образовали могучую силу. Пусть эта дикая резня на Ленских приисках послужит грозным уроком для тех, кто все еще ждет улучшения своей участи от батюшки-царя и от от'евшихся толстпузых буржуев. Пусть эта резня образумит вас и выжжет в ваших сердцах один лозунг, один девиз: Долой царский режим! Да здравствует II Русская революция! Да здравствует Р. С.-Д. Р. П.!

Группа с.-демократов.

№ 133.

«КРОВАВАЯ БОЙНЯ НА ЛЕНЕ».

Не будем рассказывать историю основания «Ленского золотопромышленного общества». Достаточно, если я скажу, что настанет день, когда оно даст «изобличателям» богатый

[1]) Истор.-рев. архив. Фонд Ч. С. К., д. 7. Выдержка из статьи в газ. „Taegliche Rundschau“ от 26 апреля.

материал довольно пикантного свойства. Учрежденное много лет тому назад в скромных размерах общество было близко к банкротству, когда высокопоставленные в административном мире и в обществе лица переделали его «при содействии приглашенных англичан». Тогдашний министр торговли В. И. Тимирязев подал в отставку, чтобы занять пост председателя общества. Пользовавшийся более чем сомнительной репутацией владелец кофейни взял на себя, если так можно выразиться, биржевое воспитание подновленных акций. С тех пор «Лены» сделались проклятием России. Благодаря им петербургская биржа превратилась в игорный притон низкого пошиба, где все, начиная с самого старого превосходительства и кончая молоденькой нянькой, спекулируют, и тысячи людей погибли, благодаря ей, и в материальном и в нравственном отношениях. Как о мошенническом предприятии на р. Ялу по известным причинам можно было писать, лишь когда окончилась русско-японская война, так и столь же грязную и кровавую историю «Лены» можно будет опубликовать лишь современем.

В России более чем достаточно кругов, хорошо знакомых с этой таинственной историей, чем и об'ясняется сильное волнение, вызванное кровавой бойней на берегах Лены. Все фракции Гос. Думы, начиная с правых и кончая левыми, присоединились к запросу, который займет русский парламент сегодня и завтра. Но будет ли успех? Я сильно сомневаюсь в этом. Насколько я знаю русских, вероятно, в этой катастрофе окажется виновным стрелочник, вместо того, чтобы искать истинных причин этого несчастья гораздо ниже и гораздо выше. Заниматься разоблачениями в России все еще неблагодарная и не вполне безопасная вещь.

№ 134.

«РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ ПРОСЫПАЕТСЯ»[1].

Берлинская газета «Vorwärts» 15-го мая пишет:

Почему стреляли? Потому что местные Трещенковы, содержимые на средства приисковой администрации, стараются выслуживаться. Потому что нетерпеливые акционеры желали

[1]) Истор.-рев. архив. Фонд Ч.С.К., д. 7. Статья из газ. „Vorwärts“ от 15 мая

ускорить слишком медленно шедшие переговоры с бастующими при помощи свинца. Или, может быть, правительство чувствовало потребность устроить как можно дальше от крупных центров, в виде предостережения другим, суд над бастующими и, таким образом, запугать снова оживающий рабочий класс? А может быть, как намекают газеты, какая-нибудь придворная клика, спекулировавшая на падение ленских акций, решила устроить кровавую баню и вызвать во что бы то ни стало смуту? Или, может быть, хотели обеспечить себе таким образом дружбу английской биржи, в руках которой находятся почти 75% всех ленских акций? Может быть, к этим английским капиталам прибавляются и миллионы, которые царь хранит, на всякий случай, в английских банках, и тут идет речь о барышах самого царя?

Почему стреляли?

Приходится думать, что тут соединились все причины: Трещенкову понадобилось похоронить в огне «успокоения» несуществующего восстания свой воровской отчет, бар. Гинцбург был не прочь наставить рабочих на путь «истины» посредством умеренного количества свинца, крупные спекулянты, напротив, могли быть заинтересованы в росте смуты,—все эти причины могли соединиться, скрещиваться, а в результате: 270 убитых, 250 искалеченных.

Какая часть всех их приходится непосредственно на поддержание славы и величия царской монархии и какая на косвенное увеличение высочайших прибылей, сколько трупов приходится на акцию барона Гинцбурга и сколько продырявленных черепов на местных Трещенковых,—не сумеет высчитать ни один ученый бухгалтер. Слагаемые всегда будут неясны, но зато ясен недвусмысленный результат: 270 трупов, 250 калек.

Ход событий был ужасно прост. Но самые простые факты и их действия: голод, переутомление, забастовки, арест, выстрелы и предсмертный крик задыхающихся в собственной крови,—вся эта ужасная простота дает нам картину экономики и политики, этики и философии этого общества, находящегося под покровительством освященной богом иерархии, которая начинается с самодержца Трещенкова на берегах Лены и заканчивается жандармским ротмистром Николаем Романовым в Петербурге. Разбойники, военные и штатские,

духовные и светские, свои и иностранные, приковали к содержащему золото клочку земли, который отрезан весной и осенью, благодаря расстоянию, суровому климату, разливам рек, от всего мира, несколько тысяч голодных и бесправных людей, вогнали их в холодные, постоянно грозящие обвалиться пещеры, по стенам которых капает вода, доходящая на полу выше колен рабочих, платят 1—1½ р. в день, но не наличными деньгами, а талонами на плохой товар. Из запекшейся крови, от исковерканных ревматизмом членов, из сифилитических нарывов, из рахита младенцев, из истощенных кровоточивых грудей матерей течет благотворный поток ленского золота, обогащая всех на своем пути, кроме тех, которые его добывают.

Во время прений в Думе по поводу Ленских событий некоторые делегаты указали министру Макарову на то, что русские законы запрещают забастовки только в тех предприятиях, которые имеют государственное или общественное значение, и к числу которых не принадлежат частные золотые прииски. «Разве они не принадлежат к этому числу?— удивлялись Макаровы и Гинцбурги в глубине души. Разве не ясно, что золотой ленский фонтан, дающий ежедневно 3 пуда чистого золота, т.-е. 1.000 пудов в год, в 100 раз важнее и куда священнее всех государственных предприятий—стратегических дорог и броненосцев, штандартов, зерцал, церковных хоругвей, икон и мощей? Ведь все государственные учреждения и предприятия, в конце концов, существуют лишь для того, чтобы защитить, обеспечить и освятить накопление капиталистического богатства, — богатства, которое выражается наиболее полно, ясно, убедительно и многосторонне в золоте.

Когда 6.000 ленских рабочих, не будучи больше в состоянии питаться падалью, перестали в течение месяца выцарапывать золото окровавленными ногтями, железный кулак государственной власти с страшным треском опустился на их головы. 500 человеческих тел остались на земле... «Так было», сказал в Думе Макаров, «и так будет и дальше». «Так будет,—ответили ему уже 200.000 бастующих и демонстрантов,— но только до тех пор, пока мы не сравняем с землей разбойничий притон царской монархии и не добудем себе свободы, воздуха и света».

Библиографический указатель.

РАБОТЫ, В КОТОРЫХ ОПУБЛИКОВАНЫ ДОКУМЕНТЫ.

I. Документы, опубликованные в кн. «Правда о Ленск. событиях». изд. П. Н. Баташева. М. 1913 г.

Отдел I. Законы, обязательные постановления, договоры, акты осмотров, статистич. данные.

1) Правила о найме рабочих на частн. зол. и плат. промысла (прил. к ст. 661 уст. горного).

2) Из обязательного постановления присут. по горнозаводским делам при иркутском горном управлении о мерах к охранению жизни и здоровья рабочих на горных заводах, горных и золот. промыслах, изд. 12 июля 1908 года.

3) Из обязательного постановления о врачебной помощи рабочим на частн. горн. зав. и пр. Вост.-Сиб. горн. обл., изд. присут. по горнозав. делам при иркутском горном управлении, 18 марта 1910 года.

4) Договор Ленского золотопромышленного товарищества с рабочими на операцию 1911—12 г.г.

5) Договор Ленск. зол. т-ва с рабочими, выработанный при содействии сенаторской ревизии.

6) Такса поденной и задельной платы рабочим Ленского золотопромышленного товарищества.

7) Правила внутреннего распорядка на приисках акционерного общества Ленского золотопромышленного товарищества в Витимском горном округе (на операцию 1911—12 г.г.)

8) Правила, учрежд. в начале июля 1912 г. окр. инженером на срок по 1 октября 1913 г.

9) Такса припасам, фуражу, товарам, материалам и имуществу при отпуске лицам, состоящим на службе или в работе у акционерного об-ва Ленского золотопромышленского товарищества, из амбаров 2-й дистанции. Такса утверждена окр. инженером на срок с 1 октября 1911 г. по 30-е сентября 1912 года.

10) Акты осмотра чиновн. особ. пор. Майшем Андреевск. больницы от 17 мая и осмотра больниц и приемных покоев от 18 мая.

11) Акты от 9 и 6 июня об осмотре шахт ревизией сен. Манухина.

12) Таблица потери трудоспособности некоторыми рабочими Ленского товарищества.

13) Временные правила об устройстве общих и местных с'ездов золотопромышленников и платинопромышленников.

14) Из отчета окружн. инженера Витимского горн. округа за 1910 г.

15) Акт от 9—12 июля об осмотре жилищ рабочих комиссией по распоряжению иркутского губернатора.

16) Казармы Ленского золотопромышленного товарищества и их населенность.

17) Цены на акции Ленского золотопромышленного товарищества на петербургской бирже.

Отдел II. Об'явления и распоряжения правления и промыслового упр. Ленского золотопромышленного товарищества, чинов администрации и лиц сенат. ревизии; прошения, заявления, телеграммы и докладные записки рабочих.

1) Протокол допроса горно-полицейского урядника от 5 марта о получении рабочими из продов. лавки Андреевского прииска мяса.

2) Об'явление Теппана рабочим от 29 февраля.

3) Требования рабочих Андреевского, Васильевского и Утесистого приисков от 1 марта.

4) Требования рабочих семи приисков от 3 марта.

5) Полномочие выборным от рабочих 3 марта за подписью 423 лиц.

6) Полномочие выборному Вязову от 2 марта.

7) Полномочие Баташову от рабочих Александровского прииска.

8) Телеграммы Эльзото Теппану от 4 марта, № 2293, и от 8 марта, № 876, телегр. № 2754.

9) Об'явление Теппана рабочим от 5 марта.

10) Об'явление Александрова от 7 марта.

11) Об'явление Теппана с предложением рабочим явиться за расчетом не позднее 10 марта.

12) Об'явление Александрова от 8 марта.

13) Об'явление исправн. Галкина от 10 марта.

14) Телеграмма из Иркутска исправнику Галкину от 11 марта.

15) Об'явление Александрова от 15 марта.

16) Постановление мир. судьи Хитуна от 15 марта о выселении рабочего Остапина и Журавова-Иванова.

17) Заявление рабочих 2-й дистанции окр. инженеру от 20 марта.

18) Об'явление Александрова рабочим 2-й дистанции от 20 марта.

19) Телеграмма 8.000 рабочих горному департаменту.

20) Прошение рабоч. 2-й дистанции окр. инженеру и горн. исправнику от 21 марта.

21) Заявление рабочих 2-й дистанции от 22 марта о невыдаче расчетных книжек.

22) Первое по приезде об'явление инж. Тульчинского рабочим.

23) Прошение рабочих 4-х приисков инж. Тульчинскому.

24) Жалоба рабочих тов. прокур. Преображенскому.

25) Заявление рабочих 3-х приисков инж. Тульчинскому о набегах полиции.

26) Одно из типичных заявлений рабочих о причинах забастовки.

27) Телеграмма рабочих иркутскому генерал-губернатору.

28) Ответная телеграмма губерн. Бантыша рабочим № 27.

29) Телеграмма рабочих о расстреле, посланная имп в 6 адресов.

30) Телеграмма раненого рабочего Михаила Лебедева, посланная в 5 адресов.

31) Телеграмма Баташова о расстреле, посланная в 7 адресов.

32) Об'явление инжен. Тульчинского рабочим от 5 апреля.

33) Прошение рабочих тов. прок. Преображенскому о производстве следствия от 5 апреля.

34) Прошение рабочих в бодайбинскую городскую управу от 5 апреля.

35) Об'явление ротм. Трещенкова от 5 апреля.

36) Прошение рабочих Феодосиевского прииска от 6 апреля.

37) Прошение рабочих Лензото в бодайбинское общественное городское управление от 7 апреля.

38) Прошение рабочих Феодосиевского прииска от 7/IV о выборе мест могилы и ответ ротм. Трещенкова.

39) Об'явление инж. Тульчинского от 20 мая.

40) Заявление рабочих Феодосиевского прииска иркутскому генерал-губернатору.

41) Прошение рабочих чин. особ. поруч. Майшу.

42) Об'явление генерал-губернатора о принудительном выселении рабочих в случае невыхода на работу.

43) Два об'явления Оранского (начал. горн. округа) от 30 мая.

44) Прошение рабоч. Александровского прииска генерал-губер. от 30 мая.

45) Ответ генер.-губер. Князева от 31 мая.

46) Доклад рабочих чин. Майшу о состоявшемся 1 июня совещании выборных с управл. Белозеровым.

47) Об'явление Оранского (нач. горн. окр.) от 2 июня.

48) Обращение сенат. Манухина к рабочим от 4 июня.

49) Выдержка из газеты „Горные и золотопр. известия“ № 13, 1912 г.

50) Записка 30 торговцев сен. Манухину от 12 июня.

51) Докладная записка рабочих Андреевского прииска сенат. Манухину.

52) Пожелания выборных рабочих о пунктах изменения договора.

53) Об'явления вдовам и раненым о размере пособия.

54) Три об'явления управл. Белозерова от 30 июня.

55) Заявление рабочих Феодосиевского прииска сен. Манухину о непринятии договора и от'езде.

56) Верноподданнейшая резолюция, предложенная чин. Майшем (через выборного Петухова) и отвергнутая общим собранием рабочих Феодосиевского прииска 5 июля.

57) Благодарность юристам, принятая командою Утесистого прииска.

58) Благодарность юристам от бывших рабочих Ленского золотопромышленного товарищества,

Отдел III. Переписка министерства внутренних дел, министерства торговли, иркутского губернатора, инж. Тульчинского, ротм. Трещенкова и др. прав. лиц, а также Ленского золотопромышленного товарищества.

1) Письмо и. д. директора горн. деп. инж. Тульчинскому от 11 июня.

2) Телеграмма губерн. Бантыша департаменту полиции от 2 марта.

3) Телеграмма Оранского (н-ка горн. окр.) губерн. Бантышу от 3 марта № 3627.

4) Телеграмма управляющего акцизными сборами губерн. Бантышу от 5 марта, № 3627.

5) Телеграмма н-ка иркутского почтово-телеграфн. округа губерн. Бантышу от 5 марта, № 24.

6) Телеграмма нач-ка бодайбинской почтово-телеграфной конторы на имя н-ка ирк. почт.-телеграфн. округа от 5 марта.

7) Телеграммы Эльзото губерн. Бантышу от 5 марта, №№ 2386, 2799 от 14 марта, № 957, 18 марта, № 996, 20 марта, № 1017, 22 марта, № 12642, 23 марта, № 13062.

Телеграммы Эльзото Карзакову от 19 марта, № 998, от 2 апреля, № 121,

8) Телеграмма ген.-губ. Князева губернатору Бантышу от 5 марта за № 2587.

9) Телеграммы губерн. Бантыша Эльзото от 6 марта, от 13 марта, № 2335, от 20 марта, № 2602.

Его же департаменту полиции от 2 марта, от 9 марта, от 12 марта, от 14 марта, от 16 марта, № 2462, от 17 марта, № 2503, от 21 марта №№ 3, 16, 64.

Его же министру внутренних дел от 20 марта, № 2604, от 22 марта, № 5, от 23 марта, № 8, от 24 марта, № 9, от 29 марта, № 815, от 4 апреля, № 26, от 5 апреля, № 30, от 10 апреля, № 55, от 12 апреля.

Его же исправнику Галкину от 21 марта, № 4.

Его же в штаб иркутского военного округа от 21 марта, № 2611.

Его же рабочим Лензото от 4 апреля, № 27.

Его же прокурору окружного суда от 8 мая, № 1816.

10) Телеграмма мин.-торг. и пром. Тимашева команд. войсками иркутск. воен. округа от 7 марта.

11) Телеграмма шт.-кап. Лепина нач-ку штаба иркутск. воен. округа от 8 марта.

12) Телеграмма вице-губернатора Римского-Корсакова управляющему акцизными сборами от 8 марта, за № 2126.

Его же нач-ку иркутск. почтово-телеграфного округа от 8 марта, № 2127.

13) Его же министру внутр. дел от 9 и 10 марта.

Его же департаменту полиции от 9 марта, за № 2178.

14) Телеграмма и. д. директора департамента полиции губерн. Бантышу от 8 марта, за № 1936.

15) Телеграмма Кашкарева губерн. Бантышу от 10 марта, № 2020.

16) Телеграммы департамента полиции Бантышу от 11 марта, от 13 марта, № 3273, от 18 марта, № 145, от 25 марта, № 108, от 27 марта № 160, от 14 апреля, от 17 апреля, № 204.

Телеграммы департам. полиции н-ку иркутского жандармского управления от 30 марта № 167, от 31 марта, № 175.

17) Телеграммы т. мин. вн. д. Золотарева губерн. Бантышу от 22 марта, №№ 105, 153, от 23 марта, № 157, от 25 марта, № 222, от 5 апреля, № 118.

18) Телеграмма штаба иркутского военного округа нач-ку бодайбинской команды от 21 марта.

19) Телеграмма инж. Тульчинского иркутскому горному начальнику от 5 апреля, № 360.

Его же губерн. Бантышу от 13 апреля, № 47.

Его же генерал-губернатору от 14 апреля.

20) Телеграммы пред. судеб. палаты Нимандера министру юстиции от 7 апреля, в первый департамент юстиции от 15 мая, № 127.

Его же прокурору иркутской судебной палаты от 10 мая, № 120.

Его же тов. прокур. Преображенскому от 30 марта, № 396.

21) Телеграммы Познанского ротмистру Трещенкову № 1350, от 2 апреля, № 1436.

Его же департаменту полиции от 3 апреля, № 1439.

22) Телеграммы тов. прокур. Преображенского прокурору иркутского окружного суда от 28 и 29 марта и от 3 мая.

23) Телеграммы из горного департамента (Иванова) инж. Тульчинскому от 29 марта, от 6 и 19 мая.

24) Телеграммы Саладилова Эльзото от 1 и 2 апреля, №№ 2 и 6.

25) Телеграмма мин. внутр. дел Макарова губернатору Бантышу от 10 апреля, № 34.

26) Телеграмма чиновн. Майша губернатору Бантышу от 3 мая.

Отдел IV. „Из летописи церкви Благовещенья, что на Благовещенском прииске“.

Отдел V. Показания, данные адвокатам, приехавшим на Ленские прииски для расследования событий 4 апреля 1912 года:

а) показания выборных,

б) жалобы женщин.

(Х-а Фекла, М-а Анна, Е-а Анна, К-а Ксения, С-а Т., П-а Екатерина, Т. С-а, Анисья К-а, Александра Б-а, Анна С-а, Матрена П-а, Анастасия Р-а, Марья Т-а, Александра Г-а, Матрена М-а.)

Отдел VI. Показания свидетелей о событиях 4 апреля.

Отдел VII. Показания раненых.

Отдел VIII. Показания вдов.

II. Документы, опубликованные в кн. А. М. Никитина «Правда о Ленских событиях», изд. «Пролетарий», 1924 г.

1) Из отчета окружного инженера Витимского горного округа за 1910 год.

2) Письмо и. д. директора горного департамента инж. Тульчинскому от 11 июня, № 9.

3) Акт ревизии Андреевской больницы от 17 мая.

4) Акт осмотра жилых помещений рабочих на 10 приисках от 9—12 июля.

5) Протокол дознания о полученном из продов. лавки Андреевского прииска мясе от 5 марта.

6) Требования рабочих семи приисков от 3 марта.

7) Полномочия выборным от рабочих Пророко-Ильинского прииска от 3 марта.

8) Полномочия механической мастерской Надеждинского прииска выборному Вязову.

9) Телеграммы Эльзото Теппану от 8 марта, за № 876 и № 2754.

То же губер. Бантышу от 5 марта, за № 2799.

10) Телеграмма от 8.000 рабочих в горный департамент.

11) Прошение рабочих Андреевского, Утесистого, Васильевского и Иннокентьевского приисков инж. Тульчинскому.

12) Заявление рабочих Андреевского, Пророко-Ильинского и Александровского приисков инж. Тульчинскому.

13) Телеграмма «бывших рабочих» Лензото второй дистанции губерн. Бантышу.

14) Об'явление ротм. Трещенкова от 5 апреля.

15) Обращение сен. Манухина к рабочим от 4 июня.

16) Телеграмма губерн. Бантыша Эльзото от 6 марта.

Его же мин. вн. д. Макарову от 10 апреля, № 55.

Его же в департамент полиции от 16 марта, № 2462.

17) Телеграмма мин. тор. и пром. Тимашева командующему войсками иркутск. воен. округа от 7 марта.

18) Телеграмма дир. департамента полиции Белецкого губерн. Бантышу от 13 марта, № 3273.

Его же н-ку иркутского губернского жандармского управления от 30 марта, № 167, от 31 марта, № 175.

19) Телеграмма горного департамента инжен. Тульчинскому от 29 марта.

20) Телеграмма Познанского ротм. Трещенкову от 2 апреля, № 1436.

21) Телеграмма прок суд. палаты Нимандера министру юстиции от 7 апреля, № 406.

22) Телеграмма чиновн. Майша губерн. Бантышу от 3 мая.

23) „Из летописи церкви Благовещенья, что на Благовещенском прииске“.

III. Документы, опубликованные в книге: «Ленское «9 января» —4 апреля 1912 г.», издан. бодайбинского районного комитета РКП (б). Бодайбо, 1924.

1) Прошение рабочих Андреевского, Васильевского и Утесистого приисков от 3 марта горному инженеру Витимского округа.

2) То же от 6 марта.

3) Жалоба рабочих Пророко-Ильинского прииска окружному инженеру Витимского округа от 6 марта.

4) Жалоба рабочих Утесистого прииска горному инженеру и горному исправнику Витимского округа от 6 марта.

5) Заявление совета выборных рабочих ленских приисков от 6 марта.

6) Заявление рабочих 2-й дистанции окружному инженеру от 20 мар.

7) То же от 21 марта.

8) Письмо части выборных рабочих инж. Тульчинскому с просьбой уговорить рабочих Феодосиевского прииска стать на работу.

9) Заявление бывших рабочих Лензото, поданное ими инж. Тульчинскому во время шествия перед расстрелом 4 апреля.

10) Заявление рабочих Феодосиевского прииска инж. Тульчинскому от 7 апреля.

11) Условия Александровского (май) и Феодосиевского (от 18 мая) приисков, на которых они согласны приступить к работам.

12) Об'явление окружного инженера рабочим 2-й дистанции от 20 марта.

13) Акт о выдаче продовольствия рабочим-должникам, составленный Александровым и Галкиным 21 мар.

14) Телеграмма Теппана, Смита-Цинберга, Самохвалова, Кобылянского и Савельева к Эльзото от 5 марта.

15) Телеграмма Теппана управл. Белозерову от 4 апреля, № 83.

16) Письмо Теппана инж. Тульчинскому от 3 апреля.

17) То же от 5 апреля.

18) Доклад инж. Тульчинского сенатору Манухину от 20 июня.

19) Воспоминания окружн. инжен. Тульчинского. Воспоминания эти напечатаны также в „Сибирском горнорабочем", № 4—6 за 1922 г.

20) Телеграмма инж. Тульчинского ротм. Трещенкову от 17 марта.

21) Телеграммы инж. Тульчинского иркутск. губернатору, от 17 марта за № 2365, от 27 и 29 марта (без номеров), от 2 апреля, № 336, от 3 апреля, две телеграммы от 4 апреля, от 6, 7, 12, 22 и 23 апреля.

22) Об'явление инж. Тульчинского рабочим от 29 марта.

23) Телеграммы инж. Тульчинского горному департ. от 30 марта, от 2, 3, 14, 15 и 18 апреля, от 5, 7, 12 и 14 мая и от 1 июня.

24) Телеграммы инж. Тульчинского начальнику иркутского горного управления от 1 и 27 апреля.

25) Письмо инж. Тульчинского Теппану от 18 апреля.

26) Письмо инж. Тульчинского ротм. Трещенкову от 19 апреля.

27) Об'явление инж. Тульчинского рабочим от 19 апреля.

28) Воспоминания о забастовке 1912 года чл. стач. к-та Э. Думпе.

29) Беседа с т. Бавыкиным 3 декабря 1923 года по вопросам, касающимся 4 апреля 1912 года.

30) Телеграмма губерн. Бантыша инж. Тульчинскому от 25 апреля.

31) Его же исправнику Палкину от 21 марта, № 2.

32) Его же ротм. Трещенкову от 18 апреля.

33) Журнал совещания администрации Ленских приисков и местных властей от 23 марта.

34) То же от 26 марта.

35) То же от 11 апреля.

36) То же от 22 апреля.

37) Телеграмма Эльзото Теппану от 23 апреля.

38) Телеграмма горного департамента инж. Тульчинскому от 5 мая.

39) То же от 12 мая.

40) То же от 16 мая.

IV. Документы, опубликованные в ст. Н. Ростова «Новое о Ленских событиях», «Былое» № 20 за 1922 г.

1) Телеграмма начальника иркутского жандармского управления полк. Васильева директору департамента полиции от 6 июня 1912 г., № 24.

2) То же от 3 июля, № 46.

3) Письмо агента охранки № 12 тов. Михаилу.

4) То же полковнику Васильеву от 15 июля 1912 г.

5) Отношение полк. Васильева от 28 июня 1912 г., № 36.

6) Телеграмма пом. нач. иркутского губернского жандармского управления ротмистра Кулинского ротм. Трещенкову 29 июля, № 2714.

7) Телеграмма полк. Васильева № 39 иркутскому губернатору.

8) Его же ротмистру Кулинскому, № 47.

Его же директору деп. жел. д., № 50.

9) Телеграмма зам. директора деп. полиции Кафафова от 3 июля, полк. Васильеву.

10) Письмо Федора Ив. Молотова сен. Манухину.

V. Лелевич. «Ленский расстрел». Ж. «Пролетарская Революция» № 5. М. 1922.

Опублик. статья, напечатанная 8 апреля 1912 г. в газ. «Звезда» под названием «Ленская стачка», и телеграмма от бывших рабочих Ленского товарищества 2-й дистанции от 6 апреля.

VI. И. Волковичер. «Отклики Ленских событий (1912 г.) в Москве». Ж. «Пролетарская Революция» № 3. 1923.

Опубликован полностью в тексте протокол заседания иркутского по горнозаводским делам присутствия от 17—18 марта. Список убитых с 4 приисков.

В приложении к статье опубликованы:

1) Телеграмма тов. мин. вн. дел Золотарева на имя моск. градоначальника от 7 апреля, № 181.

2) Секретное прибавление к приказу по московскому градоначальству, № 84.

3) Прокламация РС-ДРП в Москве по поводу 1 мая.

4) Донесения московского градоначальника министру внутренних дел о ходе стачечного движения в Москве от 24, 25, 27, 28, 29, 30 апреля и 1, 3 и 4 мая.

5) Доклад охранки о стачках 1 мая московскому градоначальнику.

6) Сообщение департамента полиции московской охранке от 3 мая, за № 100641.

7) Доклад охранки о настроении учащейся молодежи в Москве за апрель 1912 года.

8) Агентурная записка московской охранки о РС-ДРП от 27 мая.

VII. Невский. «К десятилетию Ленского расстрела». Ж. «Красная Летопись», № 2—3, Л. 1922.

Приложение к статье: выдержка из доклада сен. Манухина, главы: 1) событие 4 апреля 1912 г., 2) причина забастовки 1912 г., 3) оценка событий 4 апреля 1912 года.

VIII. «Ленский расстрел 1912 г.» изд. «Молодая Гвардия.» М. 1923.

Опубликован запрос соц.-дем. фракции Гос. Думы о Ленских событиях и выдержки из речей некоторых ораторов.

IX. «ЛЕНСКИЕ СОБЫТИЯ» Центрархив. М. 1925 [1]).

№ 1. Договор найма рабочих Ленским золотопромышленным товариществом 1911—1912 г.г.

№ 2. Отчет сен. Манухину фабрич. инспектора Горбунова об условиях труда и жизни ленских рабочих.

№ 3. Докладная записка рабочих сен. Манухину о причинах забастовки.

№ 4. Протокол осмотра Феодосиевского прииска.

№ 5. Обозрение Александровского прииска.

№ 6. Жалоба женщин—жен ленских рабочих, полученная инж. Тульчинским 24 марта.

№ 7. Заявление собрания жен ленских рабочих от 20 марта.

№ 8. Протокол допроса бодайбинского нотариуса Свириденко.

№ 9. Протокол допроса частного торговца в Бодайбо Толоконского.

№ 10. Протокол допроса рабочего Петрова.

№ 11. Отношение горного департамента к Эльзото от 16 апреля.

№ 12. Сведения о количестве бастовавших рабочих.

№ 13. Протокол допроса старосты рабочих Болотова.

№ 14. Воззвания стачечного комитета ленских рабочих.

№ 15. Телеграмма ирк. губ. Бантыша ротм. Трещенкову от 28 марта.

№ 16. Телеграмма тов. мин. вн. дел Золотарева мин. вн. дел Макарову от 30 марта.

№ 17. Телеграмма мин. вн. дел Макарова тов. мин. вн. дел Золотареву от 31 марта.

18. Телеграммы Белецкого начальнику иркутского губернского жандармского управлен., от 30 марта 4 апреля.

№ 19. Телеграмма директора департамента полиции нач. ирк. жандармск. управления от 4 апреля.

№ 20. Телеграмма полк. Познанского дир. деп. пол. Белецкому от 6/IV.

№ 21. Телеграмма нач. иркутск. губ. жандарм. управл. ротм. Трещенкову от 2 апреля.

№ 22. Телеграмма инж. Тульчинского губерн. Бантышу от 2 апр.

№ 23. Письмо мин. торг. и пром. Тимашева тов. мин. вн. дел Золотареву от 2 апреля.

№ 24. Список арестов. в ночь на 4 апреля членов стачечного к-та.

№ 25. Телеграмма рабочих из Бодайбо начальнику иркутского горного управления от 5 апреля, за № 398.

№ 26. Заявление рабочих Андреевского, Утесистого, Васильевского и Иннокентьевского приисков сенатору Манухину.

№ 27. Протокол допроса бодайбинского мирового судьи Рейна.

№ 28. Заявление группы арестованных по делу о Ленской стачке.

№ 29. Выдержки из показаний раненых рабочих.

№ 30. Список раненых рабочих во время расстрела 4 апреля.

№ 31. Список убитых рабочих во время событий 4 апреля.

№ 32. Телеграмма рабочего Лебедева иркутскому генерал-губернатору от 14 апреля.

№ 33. Телеграмма директ. депар. полиции Белецкого иркутскому

[1]) Номера, помещенные перед названием документов, указывают порядок их расположения в книге.

губернат. от 14 апреля. Переписка Бантыша:

а) №№ 34, 78. С департаментом полиции от 14 марта, от 21 марта.

б) №№ 35, 36. Исправнику Галкину от 15 марта, №№ 2350, 2355.

в) №№ 61, 64. Майшу от 16 мая № 128, от 19 мая № 134.

г) № 37. Телеграмма Карзакова Эльзото от 18 марта.

д) 38. Телеграмма Иванова иркутскому губернатору от 21 марта.

е) № 39. Телеграмма испр. Галкина иркутск. губерн. от 3 апреля.

ж) № 46. Инж. Тульчинскому от 7 апреля, № 42.

з) №№ 40, 41, 44, 48, 51, 52. Мин. вн. д. Макарову от 25 марта №№ 5и 9; от 4 апреля, № 25; от 5 апреля № 30, от 12 апреля № 58; от 21 апреля № 81 и от 3 июля.

и) 65. Генерал-губернатору от 20 мая, № 135.

к) № 76. Предписание губернат. Бантыша ротм. Трещенкову от 13 марта.

л) №№ 15, 42, 43, 47, 49. Телеграмма губерн. Бантыша ротм. Трещенкову от 28 марта, и 4 апреля № 25, 6 апреля № 35, 7 апреля № 43, 19 апреля № 74.

м) Телеграмма исправн. Галкина и инж. Александрова иркутскому губернатору от 15 марта.

№ 81. Письмо начальника иркутского жандармского управления директору департамента полиции от 25 апреля № 1901.

№ 77. Телеграмма Познанского директору департамента полиции от 15 марта № 1186.

№ 80. Его же Трещенкову от 23 марта, № 1343.

№№ 70, 71, 79. Телеграммы Золотарева губерн. Бантышу от 21 марта, от 22 марта № 153, от 23 марта № 167.

№№ 50, 53. Телеграмма Макарова Бантышу от 20 апреля № 213, от 4 июля № 773.

№№ 54, 92, 116. Телеграммы Манухина Макарову от 2 6, и 18 июля.

№ 97. Его же иркутскому генерал-губернатору от 1 июня.

№ 98. Его же Коковцеву от 2 июня.

№ 56. Телеграмма Тульчинского губерн. Бантышу от 26 апреля № 540.

№ 55, 114. Телеграммы Тульчинского в горный департамент от 9 апреля № 375, от 27 июня.

№ 57. Протокол допроса Майша сенатором Манухиным.

№№ 58—60, 62, 63, 66—68. Телеграммы Майша губерн. Бантышу от 14 мая № 15, от 16 мая №№ 16 и 17, от 18 мая № 19, от 19 мая № 20, от 23 мая № 22, от 26 мая № 23, от 28 мая № 24.

№ 69. Секретное письмо мин. торг. и пром. Тимашева тов. мин. вн. дел Золотареву от 22 марта № 452.

№ 72. Письмо Гинцбурга на имя и. об. директора горного департамента.

№ 73. Телеграмма начальника горного управления Оранского в горный департамент от 21 марта.

№№ 74, 75. Телеграммы горного департамента иркутского горного управления от 22 марта № 1099, от 2 апреля № 1138.

№ 83. Телеграмма Белецкого губерн. Бантышу от 14 апреля, № 279.

Его же иркутскому губернскому жандармскому управлению от 16 мая № 279.

№ 87. Телеграммы ротм. Трещенкова начальн. жандармского управления от 27 марта № 308, от 31 марта № 313, от 2 апреля № 322, от 3 апреля № 323, от 4 апреля № 328, от 6 апреля № 333.

№ 88. Его же Бантышу от 9 апреля № 352.

№ 89. Его же Познанскому от 22 мая № 579.

№ 90. Сообщение начальника бодайбинской почтово-телеграфной

конторы сенатору Манухину от 5 июня № 1541.

№ 91. Телеграмма его же начальнику иркутского округа № 71.

№№ 93, 95. Телеграмма Князева Манухину от 2 мая № 3702, от ая № 10.

№№ 99, 117. Его же Макарову от 6 июня, № 104, от 5 июля, № 5347.

№ 118. Отношение Князева к командующему войсками иркутского военного округа от 13 июля.

№ 82. Телеграмма Васильева директору департамента полиции от 10 мая № 2145.

84, 85. Его же Трещенкову от 21 мая № 2271, от 2 июня № 2412.

№ 86. Телеграмма Васильева начальнику томского жандармского управления от 28 июля № 2971.

№ 94. Телеграмма Скороходова Коковцеву от 10 мая.

№ 96. Телеграмма представителей петр. адвокатуры сенатору Манухину от 31 мая.

№ 100. Протокол допроса Гинцбурга.

№ 101. Протокол допроса чл. прав. Лензото Бояновского.

№ 102. То же П. М. Саладилова.

№ 103. Телеграммы Саладилова, посланные из Иркутска, с № 1 по № 34. Письмо Саладилова губерн. Бантышу от 18 апреля.

№№ 104, 107. Телеграммы Теппана к Эльзото от 4 марта (2 тел.), от 8 марта, от 21 марта № 37, от 21 марта № 39, от 22 марта № 40, от 27 марта № 46, от 30 марта № 51, от 23 апреля.

№ 105, 106. Телеграммы Эльзото Теппану от 4 марта (3 телеграммы) и от 7 марта.

Его же Бантышу от 19 марта № 967.

№ 54. Телеграмма Карзакова к Эльзото от 18 марта.

№ 55. Телеграмма Иванова Бантышу от 21 марта.

№ 108. Телеграмма Гинцбурга и Саладилова к Эльзото от 5 июля.

№ 109. Совещание выборных рабочих с управл. Белозеровым 1 июня.

№ 110. Заявление рабочих о временном их выходе на работу 7 июня.

№ 111. Список выборных рабочих, вызванных на совещание 20 июня Манухиным для выработки проекта нового договора.

№ 112. Заявление рабочих Светлого прииска от 25 июня.

№ 113. Заявление рабочих Феодосиевского прииска сенатору Манухину от 27 июня.

№ 115. Телеграмма Лобунченко иркутскому генерал-губернатору от 28 июня.

№ 119. Сведения об эвакуированных рабочих.

№ 120. Телеграмма Аге Эльзото от 6 августа № 44.

№ 121. Телеграмма пред. иркутск. суд. палаты Нимандера министру юстиции.

№ 122. Телеграмма министр. юстиции прокур. иркутск. судебной палаты от 19 января 1913 г.

№ 123. Состав комиссии сенатора Манухина.

№ 124. Ленская забастовка по докладу сенатора Манухина (выдержка из отчета).

№ 125. Выдержка из стенографического отчета Государственной Думы по поводу Ленских событий.

№ 126. Статья Каменева в газ. «Соц.-Демократ».

№ 127. Перечень забастовок по докладу охранки.

№ 128. Телеграмма рижского губернат. в департамент полиции от 19 апреля.

№ 129. Агентурные сведения особого отдела департамента полиции о Ленских событиях.

№ 130. Прокламации киевских с.-д. по поводу Ленского расстрела.

№ 131. Прокламации Приуральского с.-д. союза по поводу Ленских событий.

№ 132. Прокламации с.-д. по поводу Ленских событий, выпущенные в Чернигове.

№ 133. «Кровавая бойня на Лене» выдержки из газеты «Tägliche Rundschau» от 26 апреля.

№ 134. «Русская революция просыпается», ст. из газ. «Vorwärts» от 15 мая.

СТАТЬИ И ИССЛЕДОВАНИЯ.

М. Ольминский. «Общий очерк эпохи», гл. 3, «Ленские дни»—в книжке из эпохи «Звезды» и «Правды».

«Ленский расстрел, 4—17 апреля 1912 г.» Иваново-Вознесенск. Издат. «Основа», 1924 г. Сборник статей и воспоминаний участников событий.

Викторов. «Лена». Издат. «Красная Новь» 1922 г.

Плетнев. «Лена». Издат. Пролеткульт, 1923 года.

Ш. Левин. «К истории забастовки на Ленских золотых приисках», Ж. «Былое», № 20 за 1922 г.

Е. И. «Лики отошедших», сб. «Каторга и ссылка». Изд. О-ва б. политкаторжан, № 5, 1923 г.

В. Муркин. «Ленское дело» Изд. рабочей библиотеки петроградской «Правды» № 4, 1923 г.

Б. Николаевский. «Заметки о Ленских событиях», «Былое», № 15, 1920 г.

В. Водовозов. «По поводу Ленских событий». Ж. «Современник», 1912 г.

А. Маевский. «Лена». Ж. «Наша Заря», № 4, 1912 г.

А. Петрищев. «Хроника внутренней жизни». Ж. «Русское Богатство», № 5, 1912 г.

А. К-ий. «О том, что было» «Заветы», № 5, 1912 г.

А. Невский. «Ленские события и их причины» 1912 г.

Ст. «Ленский расстрел» Ж. «Спутник Коммуниста», № 14, 1922 г.

И. Волин. «Ленский расстрел». Кровавые события на Ленских золотых приисках 17 апреля 1912 г. Изд. «Труженик», Вятка, 1924. (Комиссия по истории Октябрьской революции и РКП).

М. И. Лебедев. «Лена». (Кровавый урок). Воспоминания участника событий на Лене в 1912 году 4 апреля. Изд. 2 Агитпропокружкома РКП. Феодосия, 1923.

«Павшим на Лене» (История расстрела в 1912 г.). Изд. Бюроста. Графическ. мастерск. Акад. и-ва. Ленинград, 1924.

Ф. Дан. «После Лены.». Ж. «Наша Заря», № 4, 1912.

И. Ларский. «Солидарность». Ж. «Совр. мир», № 5, 1912.

А. Тюшевский. «К истории забастовки и расстрела на Ленских приисках». Петерб., 1921 г.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ [1])

Абрамов, П., унтер-офицер киренской команды. Стр. 252.
Аге, член времен. управл. ленских приисков—196.
Аджемов, чл. Гос. Думы—284, 287.
Азеф—280, 354.
Аксенов, Е., солдат киренской команды—251.
Акулиничев, торговец—44.
Александр II—268.
Александров, горный инженер, заместитель окружного инж. Тульчинского—63, 64, 71, 74, 77, 79, 80, 97, 98, 100, 101, 105, 109, 110, 111, 112, 124, 143, 151, 153, 166, 172, 200, 204, 205, 206, 213, 214, 215, 216, 219, 220, 221, 224, 225, 226, 227, 228, 233, 261, 309, 312.
Алексинский, член 2-й Госуд. Думы—362.
Андрейчик, чл. Гос. Думы—349, 350, 351.
Анельгольм, служащ. Лензото—180, 209.
Асквит—281.
Ахмеджанов, торговец—44.

Бабянский, чл. Гос. Думы—351.
Баженов, служащ. Лензото, нарядчик—180, 209.
Балашов, член Гос. Думы—265, 355.
Бантыш, иркутский губернатор—56, 57, 59, 81, 95, 96, 97, 98, 99, 100, 101, 102, 103, 105, 106, 107, 108, 109, 110, 111, 113, 114, 115, 116, 117, 118, 119, 120, 122, 123, 125, 128, 129, 130, 132, 133, 135, 136, 137, 138, 139, 141, 142, 143, 144, 145, 146, 152, 160, 164, 166, 169, 170, 171, 172, 173, 177, 178, 179, 182, 185, 186, 193, 194, 199, 212, 213, 218, 219, 221, 225, 226, 228, 229, 230, 231, 233, 234, 235, 236, 242, 260, 268, 280, 300, 313, 314, 355.
Бармин, служащ. Лензото, обходный—42, 180, 209.
Баташев, Н. П. (Михаил?), член стачечн. комитета—55, 130, 153, 203, 204, 205, 207, 212, 213, 214, 243, 301, 303, 306, 317, 343, 344.
Белецкий, и. д. директора департ. полиции—58, 95, 107, 142, 147, 148.
Белозеров, главноуправляющий Ленскими приисками—34, 36, 40, 48, 67, 96, 104, 116, 117, 131, 133, 160, 161, 162, 163, 165, 169, 180, 181, 187, 188, 201, 211.
Белоусов Д., рабочий—191.
Белоусов, член Госуд. Думы—285, 288, 294, 295.
Белоногов, Д. А., рабочий—90.
Беспальченко, Аф., рабочий—204.
Болотов, А. Г., рабочий—52, 53.
Бояновский, Н. И., чл. правлен. Лензото—166, 169.
Бояров, Г., рабочий 243
Брамирский, инженер, служащ. Лензото—180, 209.
Бродский, промышленник—354.
Брюханова, Ал., жена рабочего—41.
Будевиц, И. Ал., член стачечн. комитета—58, 61, 75, 84, 212.
Буйнов, стражник—243.
Булат, чл. Гос. Думы—333, 335, 336, 337, 338, 341, 346, 347, 348.
Булатов, начал. бодайбинской поч.-тел. конторы—155.
Буров, служащий Лензото, нарядчик—121.
Бутылкин, лесопромышлен.—74.
Быков, рабочий—71, 203, 238.

[1]) В указатель не включены фамилии раненых и убитых рабочих, списки которых помещены на стр. 91—95 настоящей работы. *Ред.*

Вавельберг, банкир—45.
Васильев, полк., нач. иркутского жандармск. управл.—57, 58, 59, 107, 141, 142, 146, 147, 148, 149, 152, 170, 199, 230, 231, 234, 235, 270.
Вершинина, Гликерия—251.
Виноградов, рабочий—33.
Винокуров, Н., священ.—253, 255.
Витте, граф—73, 122.
Власов, рабочий—180.
Власов, инжен., управляющий Иннокентьев. прииском—166.
Волконский, В. М., чл. Гос. Думы—284.
Володимиров, член Госуд. Думы—267, 281, 282, 283, 284.
Волошин, рабочий—216.
Воронков, стражник—251.
Вострых, рабочий—125.
Вязовов, В. В., член стачечн. комитета—58, 61, 75, 84, 204.
Вышнеградский, А. И., член правлен. «Lena Goldfields»—168.

Гадер, завед. депо на Александр. прииске—33.
Галкин, горн. исправник—45, 68, 70, 71, 74, 76, 80, 81, 84, 97, 99, 100, 106, 111, 112, 113, 114, 122, 125, 142, 143, 144, 146, 152, 166, 180, 181, 182, 183, 191, 200, 201, 204, 206, 207, 213, 215, 216, 218, 219, 220, 221, 222, 223, 224, 225, 226, 229, 230, 238, 261, 298, 299.
Гапон—74.
Гаршунов, мастер плотн.—209.
Гегечкори, чл. Гос. Думы—326, 327, 329, 345, 349.
Герасименко, Ан. (Герасимов), член стачечн. комитета—55, 58, 60, 75, 84.
Гинцбург, Альфред, барон, директ.-распорядитель Лензото — 115, 116, 117, 139, 140, 161, 164, 166, 168, 172, 177, 185, 186, 217, 261, 282, 288, 355, 370, 371.
Гинцбурги, братья—167, 273.
Главноуправляющ. землеустройством (Кривошеин)—194.
Гладков, см. Косарев.
Горбунов, д. ст. сов., старш. фабр. инсп. Киев. губ., член ком. сен. Манухина—37, 198.
Головизин, Ал. С., рабочий—190.
Гололобов—287.
Горелов, служ. Лензото, нарядчик—180, 209.
Горинов, смотр. народн. дома—204.
Горшечников, С. К., рабоч.—190.
Грауман, бывший главноуправл. Ленск. приисками, член ревиз. комиссии Лензото—164.
Гурко, генерал—365.
Гучков, член Гос. Думы—271, 273, 274, 286, 319, 353, 354, 355.

Демидов, рабочий—222, 223.
Демут, А., служащ. Лензото—180, 209, 212.
Думпе, Эд. Юр., слесарь, член стач. комитета—58, 60, 75, 84, 203, 205, 303, 306.
Дунаев, урядник—244.

Егоров, торговец—44.
Егоров, член Гос. Думы—277, 293, 298, 308, 318, 330.
Елачич, ст. сов., помощник статс-секрет. Гос. Совета—37, 198.
Еникеев—56.
Ефремов, член Госуд. Думы—284, 324.

Жданов, биржевик—355.
Журавов-Иванов, Дм. В., член стач. комитета—58, 61, 75, 84.

Завалин, рабочий—62.
Завалина, Ст., жена рабоч.—199.
Зайцевский, Н., нач. отделен. в горном департаменте—50.
Замысловский, член Гос. Думы—268, 283, 284, 287, 288, 291, 294.
Захаров 2-й, член Госуда Думы—276.
Защеринская, Ан.—41.
Звегинцев, член Гос. Думы—325, 326, 327, 328, 334, 335, 338, 341, 351.
Звегинцев, рижский губернатор—359.
Зелионко, рабочий—70, 71, 230, 232, 238.
Золотарев, Иг. М., тов. мин. вн. дел—57, 59, 102, 105, 134, 138, 139, 145, 146, 229, 230.
Зуев—332.

Иван Варфоломеевич, один из служащ. Лензото—41.
Иванов, Ал. Ал., прис. поверен., уполном. Лензото — 81, 99, 100, 112, 141, 150, 153, 220.
Иванов, А., и. об. директ. горного департамента—50.

Ивонинский, стражник — 235, 243, 244.
Индрик—303.
Иовлев, служащий Лензото, нарядчик—180, 209.

Каблуков, пол. урядник—83, 202, 204, 205, 229, 237, 238, 244, 245, 246, 248, 251, 252, 254.
Кадышевский, тов. прокурора ирк. Окр. Суда—53, 199.
Казаков, служащий Лензото, нарядчик—180.
Казаков, служащ. Лензото, кассир—180, 209.
Каменев, Л. Б.—356.
Капустин, М. Я., тов. председат. Гос. Думы—352.
Карзаков, П. С., золотопромышленник- 98, 169, 178, 179, 226.
Карпов, Н., рабочий—55, 222, 223.
Катунцева, жена рабочего—232.
Кашин, вымышленная фамилия, под которой выехал из Бодайбо ротм. Трещенков—149.
Керенский, А. Ф., прис. пов.—159.
Китов, стражник—249.
Кишинский, К.. секретарь при прокуроре петерб. судеб. палаты, член ком. сенатора Манухина—29, 36, 37, 46, 47, 48, 51.
Князев, Ирк. генерал-губернатор—74, 79, 95, 98, 104, 107, 119, 122, 123, 130, 131, 132, 133, 147, 148, 154, 155, 156, 157, 158, 159, 160, 177, 181, 193, 194, 195, 215, 218, 266, 297, 323.
Кобылянский, управл. Надеждинским приисном—87, 209, 212, 219, 244.
Кобылянский, служащий Лензото, нарядчик—180.
Кобяков, прис. повер.—159.
Козлов, управл. канцел. генерал-губернатора—195.
Коковцев, В. Н., премьер-министр—105, 157, 160, 262, 275, 277, 281, 282, 283, 284, 288, 319, 321, 355.
Колесников, тов. прокурора ирк. окр. суда—90, 199.
Колчина, жена рабочего—41.
Комаров, служащ. Лензото, завед. электр. станцией—162.
Коморников, служащ. Лензото—180, 209.
Коренев (Корнев), В. А., член петерб. окр. суда, член ком. сен. Манухина—29, 36, 37, 43, 45, 67, 75, 198.
Корнеев, Ив., рабочий—207.
Коршунов, служащ. Лензото—180.
Косарев, В. М., революционер-террорист—148.
Косолапова, В., жена рабочего—40.
Костин, служащ. Лензото, нарядчик—180, 209.
Красноперов, солдат киренской команды—252.
Крестовников, промышлен.—275.
Кропотов—336.
Крупенский, член Государств. Думы—337.
Крючков, шт.-капитан—223, 224.
Крыжанович, служащ. Лензото, смотритель—180, 209.
Кузминский, и. д. судебн. следов. псковск. окр. суда—198.
Кузнецов, чл. Гос. Думы—268, 273, 274, 276, 284, 298, 303, 306, 312, 315, 317, 318, 319, 330, 332, 333, 345, 354, 355.
Кузнецовы, братья, служащие Лензото, нарядчики—180, 209.
Кулябко—331.
Курлов—331, 354, 355.
Курочкин-Шиллер, нач. отдел. департ. полиции—360.

Ланшин, Ф. И., рабочий—84.
Лебедев, М., рабочий—95.
Лебедев, П., рабочий—246.
Лепин, шт.-капитан, нач. бодайбинской команды—69, 70, 224, 228, 240, 247, 249, 250, 252, 254.
Лерхе, член Гос. Думы—351.
Линдиг, врач—125. 131.
Линев, стражник—251.
Литвинов-Фалинский, член Гос. Думы—292.
Литвинцев, служ. Лензото—255
Лобунченко—193.
Лыжин—289.
Лыткина, Ек., жена рабочего—42.

Мазников, рабочий—121.
Маиш, Ал Г., чиновник особых поручений при Ирк. губернаторе—120, 123, 125, 127, 128, 129, 130, 131, 132, 133, 134, 185, 187.
Макаров, служ. Лензото, плотн. мастер—180, 209.
Макаров, мин. внутр. дел—57, 102, 105, 106, 107, 108, 111, 114, 116, 117, 139, 145, 148, 155, 160, 185, 193, 194, 221, 225, 230, 233, 259, 262, 263, 273, 284, 288, 289, 296,

298, 303, 306, 313, 315, 316, 317, 318, 320, 321, 322, 323, 325, 327, 329, 330, 331, 332, 335, 336, 338, 340, 341, 343, 344, 345, 350, 354, 355, 365, 371.
Маклаков, член Госуд. Думы—320, 351.
Мальков, полиц. урядник—70.
Мамаева, Евг., жена рабоч.—41.
Манухин, сенатор—13, 17, 20, 28, 36, 37, 62, 75, 116, 117, 118, 120, 148. 154, 155, 157, 158, 159, 160, 185, 190, 192, 193, 194, 197, 198, 199, 251.
Маньков, полиц. урядник—242,243.
Марков 2-й, член Госуд. Думы—320, 321.
Мария Федоровна (Романова)—122.
Марцинковский, С. Ив., член стачечн. комитета—58, 61, 84.
Маслов, В. А., рабочий—87, 88.
Мейер, Э. М., владелец торговой фирмы—167.
Меллер-Закомельский, генер.—316.
Мерсиков, З. Е., рабочий—87.
Милюков, П., член Гос. Думы—45, 354.
Мимоглядов, Еф. Як., член стачечного комитета—58, 60, 70, 71, 75, 84.
Министр пут. сообщения (Рухлов)—194.
Митинский, член учен. горного комитета, член комис. сен. Манухина—37, 198.
Мотовилов, член Гос. Думы—345.
Мочалов, инженер—73.
Мягкий, член Гос. Думы—284.
Мызникова, Ан., жена рабоч.—42.

Негашев, торговец—44, 47, 48.
Некрасов, член Госуд. Думы—265, 267, 272, 294.
Некуражев, служащий Лензото, нарядчик—180.
Никитин, пом. прис. повер.—159.
Николай II (Романов, Николай Кровавый)—323, 354, 367, 368, 370.
Нимандер прокурор ирк. судебн. палаты—102, 125, 169, 170, 197, 199, 235, 297, 299.
Ниссселович—281, 282.
Новицкий 2-й, член Гос. Думы—329, 330, 333.
Носов, Ев. Г., рабочий—190
Носович, В., обер-прокурор уг. кас. департамента, чл. ком. сенатора Манухина—29, 36, 37, 120, 123, 198.

Ольков, Ф., рабочий—191.
Онихимовский, письмовод. окр. инженера—200.
Оранский, начал. иркутск. горн. управл.—140, 141, 169, 182, 226.
Орлов, П. А., рабочий—85, 86.
Осипова—154.

Павленков, А. В., рабочий—87.
Паршин, солдат киренской команды—252.
Патушинский, Гр. Б., присяж. поверенный—159.
Патюков, служащ. Лензото—252.
Переломов, Ал. Н., прис. пов.—169, 173.
Пестяков, служ. Лензото—180, 209.
Петлин, Гр.—254.
Петров, Ф. В., рабочий—47, 48.
Петров, член Гос. Думы—352.
Петухов, А. Г., рабочий—190.
Пешков, М., член стачечн. комитета—124, 131, 157, 236.
Пинаев, Ив. Дм., рабочий—190.
Писарев Д., пом. окр. инженера—14, 15.
Подзахотников, П. Ив., рабочий—190.
Познанский, жанд. полковник—58, 59, 107, 108, 111, 144, 145, 146, 154.
Покровский, чл. Гос. Думы—345.
Покровский 2-й, член Государ. Думы—326, 329, 330.
Половцев, член Гос. Думы—284.
Полянский, стражник—251.
Попов, ин., нач. Александровской станции—128, 153, 204, 205, 207, 301.
Поповская, Евд., жена рабоч.—42.
Потехина, М., жена рабочего—41.
Председат. 3-й Гос. Думы—257, 259, 263, 265, 267, 271, 273, 274, 276, 277, 281, 282, 283, 288, 291, 293, 294, 295, 296, 298, 303, 306, 315, 317, 318, 320, 321, 324, 325, 326, 327, 328, 330, 333, 335, 336, 337, 341, 344. 345, 346, 347, 348, 350, 351.
Преображенский, тов. прокурора—56, 57, 67, 69, 70, 71, 73, 75, 82, 83, 87, 89, 90, 105, 107, 110, 112, 121, 122, 123, 125, 128, 129, 131, 146, 150, 153, 172, 228, 235, 236, 238, 240, 241, 242, 243, 244, 245, 246, 247, 251, 252, 254, 259, 261, 270, 301, 305, 355.

Прокурор Ирк. окр. суда (Левберг)—169, 170, 232, 235, 298, 299, 323.
Пуришкевич, член Гос. Думы—298, 303, 305, 306, 318, 327, 332, 333, 336, 341, 314, 345, 347, 351.
Путилов, А. Н., член комитета «Lena Goldfields»—168.

Рейн, мировой судья 1-го участка Олекмин. зол.-пром. района—67, 75, 122, 125, 128, 218, 227, 238.
Рейнбот—331.
Розанов, член Госуд. Думы—287, 302, 308, 313, 314.
Розенберг, Ин. С., член стачечн. комитета—58, 60, 75, 84, 303, 306.
Романов, рабочий—238.
Романова, жена рабочего—130.
Романовы—353, 354.
Рубан, солдат киренской команды—252.
Русаков, П., служащий Лензото, кассир конторы—180, 209.

Савельев, инженер, служащий Лензото—180, 209, 212.
Савинов, врач—74.
Савинов, начал. 2-й дистанции—48, 63, 67, 128, 200, 216, 217, 228, 244, 245, 246.
Саладилов, П. М., канд. в чл. правления Лензото — 105, 106, 107, 109, 115, 139, 163, 168, 169, 171, 172, 173, 174, 175, 176, 177, 178, 179, 186, 218.
Самохвалов, управляющий прииском—30, 123, 131.
Санжаренко, шт.-капитан, нач. киренской команды—74, 75, 121, 122, 123, 223, 225, 237, 239, 247, 250, 252, 254.
Сапожникова, Евг., жена рабочего—41.
Саросек, служащ. Ирк. судебн. палаты—198.
Свириденко, Я. А., нотариус в Бодайбо—43, 45.
Секретарь Гос. Думы—257, 264, 349.
Селиванов—332.
Семеко, жанд. ротмистр—148.
Семлюков, Г.—33.
Сенников, В. Н.—88, 90.
Сибиряков, золотопромышленник—121.
Синцов, служащ. Лензото, смотр. шахты—180, 209.
Скороходов, Ал., чл. Гос. Думы—157, 277, 281, 282, 283.
Слиозберг, прис. пов., член ревиз. комис. Лензото—164.
Смирнов, тов. прок. петерб. окр. суда, чл. ком. с. Манухина—198.
Смирнов, полковник—198, 251, 252.
Смит, служащий Лензото—206, 211, 212.
Соболев, Ал. Ал., член стачечн. комитета—58, 60, 75, 84, 303, 306.
Соболев, горн. исправник—51, 55, 150.
Соловьев, Г. С., стан. пристав Надеждин. прииска - 87, 244.
Соломин, член стачечн. комитета—58, 60, 75, 84.
Соломон Гаврилович, один из служащ. Лензото—40.
Сорокин, рабочий - 34.
Сорокина, Т., жена рабочего—40.
Спиридович—331.
Станукинас, становой пристав—209.
Столыпин, П. Ар.,—331, 338, 342, 348, 353, 354, 355, 365.
Сухомлинов, воен. министр—287, 288.
Сысоев, В. В, рабочий—86.

Тагиев—268.
Танугинаса, служ. Лензото—180.
Тарасов, стражник—251.
Теппан, пом. главноуправляющ. приисками—28, 44, 63, 67, 68, 69, 74, 76, 80, 85, 99, 100, 101, 102, 111, 112, 119, 121, 122-124, 126, 127, 131, 138, 139, 140, 161, 162, 163, 165, 166, 170, 171, 172, 173, 174, 175, 176, 177, 178, 179, 180, 181, 182, 183, 184, 200, 201, 202, 203, 204, 206, 207, 210, 211, 212, 213, 214, 215, 216, 217, 218, 219, 220, 224, 225, 226, 228, 229, 231, 232, 309.
Тепанн, жена пом. главноуправл. приисками—74.
Тимашев, мин. торг. и промышл.—59, 60, 122, 134, 137, 139, 141, 181, 182, 218, 229, 236, 263, 272, 273, 284, 288, 296, 306, 307, 316, 321, 322, 325, 327, 329, 330, 335, 350.
Тимирязев, В. И., предс. правл. «Lena Goldfields»—164, 168, 267, 273, 275, 292, 355, 369.
Тимошкин, член Гос. Думы—284.
Титов, стражник—302.
Тихонов, полиц. урядник—68, 239, 240.
Токарев, служащий Лензото—180, 209.

Толоконский, торговец—46, 47.
Трепов—332.
Трещенков, жанд. ротмистр—45, 53, 56, 57, 58, 59, 65, 67, 68, 69, 73, 74, 82, 83, 95, 100, 102, 105, 106, 107, 108, 110, 111, 113, 121, 122, 123, 124, 125, 126, 128, 129, 131, 132, 133, 139, 141, 142, 143, 144, 145, 146, 147, 148, 149, 150, 151, 152, 153, 154, 155, 165, 172, 227, 230, 231, 233, 234, 235, 236, 237, 238, 239, 240, 241, 242, 243, 244, 245, 246, 247, 248, 249, 250, 254, 259, 261, 288, 289, 299, 300, 301, 302, 306, 316, 318, 354, 355, 363, 368, 369, 370.
Трещенкова—154.
Трифонов, Ив. Ив., рабочий—190.
Трофимов, рабочий—216.
Трусевич—331, 335, 354.
Тульчинский, окружной горный инженер—36, 39, 40, 54, 56, 57, 59, 61, 63 64, 65, 66, 68, 69, 77. 82, 83, 84, 85, 86, 87, 89, 90, 97, 101, 102, 105, 107, 109, 110, 111, 112, 113, 118, 119, 122, 123, 124, 126, 127, 128, 129, 131, 133, 142, 144, 149, 151, 165, 170, 172, 180, 182, 183, 184, 191, 192, 200, 215, 227, 228, 231, 232, 233, 234, 236, 237, 238, 241, 242, 243, 245, 247, 248, 249, 250, 251, 258, 259, 261, 262, 289, 299, 301, 302, 305, 307, 308, 309, 314, 363.
Тюшевский, пом. прис. пов.—159.

Уваров, гр., член Гос. Думы—320.
Украинцев, М., ссыльный—55, 204, 222, 223.
Ухаловы братья, рабочие—202.

Федоров, Евг., рабочий—191.
Феоктистов, служащ. Лензото, нарядчик—180, 209.
Фидаев, П., кузнец—33.
Филиных, жандарм. унтер-офицер—147, 239, 240, 247, 254.

Харламов, Н. П.—102, 137.
Хитун, мировой судья 2-го участ. Олекмин. золот.-пром. района—43, 44, 65, 67, 68, 69, 70, 72, 73, 74, 80, 84, 97, 121, 128, 129, 140, 153, 182, 218, 220, 223, 225, 227, 228, 230, 231, 232, 234, 235, 236, 237, 238, 240, 241, 247, 251, 252, 254, 259, 268, 270, 298, 299, 300.
Хитун, жена миров. судьи—73, 80, 184.
Хомяков—154.
Христолюбов, П., рабочий—189.

Цвилинский, тов. прокурора петерб. окруж. суда, чл. ком. сен. Манухина—198.
Цинберг, управл. Андреевским приисков — 44, 63, 64, 76, 130, 200, 212.

Чегрин, стражник—251, 253.
Челноков, чл. Гос. Думы—331.
Червенцов, докт. мед., член ком. сен. Манухина—37, 199.
Черепахин, Гр.—204, 205, 212.
Черных, нач. первой дистанц.—206, 211.
Черных, Ал., священник—253.
Чиликин, член Госуд. Думы—291, 295.
Чхеидзе, член Госуд. Думы—341, 344.

Шаблов, С. В., рабочий—190.
Шебеко, служащий Лензото, нарядч.—180, 209.
Шило, член Государ. Думы—285, 289, 295.
Шмонин—251.
Штейнер, служ. Лензото—209.

Щегловитов—197, 259, 284, 296, 299, 350.
Щепетунин, торговец—202.

Юринский, нач. Нерчинск. у.—147.
Юрова, М., жена рабочего—41.

Яковлева, Евг., жена рабоч.—42.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

Вера Владимирова. «Расстрел рабочих на Лене» V

От редакции LXXV

МАТЕРИАЛЫ:

I. Экономическое положение рабочих Ленских приисков накануне забастовки.

Договор найма рабочих Ленского золотопромышленного товарищества в 1911—12 г.г. 1

Отчет старшего фабричного инспектора И. Н. Горбунова об экономическом положении рабочих 7

Докладная записка рабочих сенатору Манухину о причинах забастовки 18

Протокол осмотра Феодосиевского прииска 26

Осмотр Александровского прииска 34

Жалобы женщин—жен ленских рабочих 36

Протокол допроса бодайбинского нотариуса Свириденко 40

Протокол допроса частного торговца в Бодайбо 43

Протокол допроса рабочего Петрова 45

Отношение горного департамента в Лензото от 16 апреля 46

II. Стачка и расстрел ленских рабочих.

Сведения о количестве бастовавших рабочих 49

Протокол допроса старосты рабочих Болотова 50

Воззвания стачечного комитета ленских рабочих 51

Переписка по поводу ареста стачечного комитета . . . 54

Список арестованных членов стачечного комитета . . . 58

Телеграмма рабочих о расстреле от 5 апреля 59

Заявление рабочих 4-х приисков сенатору Манухину об обстоятельствах расстрела 60

Протокол допроса бодайбинского мирового судьи Рейна 65

Заявление группы арестованных по делу о Ленской стачке 73

Выдержка из показаний раненых рабочих 82

Список раненых рабочих 89

Список рабочих убитых и умерших от ран 91

Телеграммы о сохранении фотографических снимков событий 4 апреля 93

III. Правительственная переписка, относящаяся к Ленскому расстрелу.

Переписка иркутского губернатора Бантыша 94

Переписка окружного инженера Тульчинского 116

Протокол допроса и телеграммы чиновника особых поручений Майша 118

Министерская переписка 132
Переписка горного департамента 138
Переписка иркутского жандармского управления, Трещенкова и документы к ним относящиеся 139
Переписка иркутского генерал-губернатора Князева . . 153

IV. Протоколы допросов и переписка членов правления Лензото и администрации приисков 159

V. Последние дни Ленских событий и эвакуация рабочих.

Совещание выборных рабочих с упр. Белозеровым 1 июня 185
Заявление рабочих сен. Манухину о временном их выходе на работу 187
Заявления рабочих Светлого и Феодосиевского приисков 189
Документы, относящиеся к эвакуации рабочих, и результаты судебного следствия 190

VI. Состав комиссии сенатора Манухина и выдержки из доклада Манухина 196

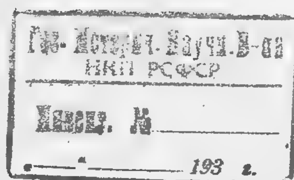
VII. Стенографические отчеты заседаний Госуд. Думы по поводу Ленский событий 255

VIII. Отзвуки Ленских событий в России и за границей.

„Ленская бойня и 3-июньская монархия" ст. Л. Б. Каменева в газ. „Социал-Демократ" 351
Перечень забастовок, вызванных сочувствием ленским рабочим 354
Агентурные сведения департамента полиции о последствиях Ленских событий 358
Прокламации, выпущенные по поводу событий на Лене . 361
Выдержки из статей в иностранных газетах 366

Приложения:

Библиографический указатель опубликованных работ и документов о Ленских событиях 371
Именной указатель 383

ИЗДАНИЯ ЦЕНТРАРХИВА РСФСР.

ЦЕНТРАРХИВОМ ВЫПУЩЕНЫ СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ:

1. «Красный Архив», т. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8 и 9. Под редакц. В. В. Адоратского, В. В. Максакова, М. Н. Покровского, В. И. Полонского, В. М. Фриче.
2. Русско-германские отношения (Сборник секретных документов). С предисловием М. Н. Покровского.
3. Достоевский. Исповедь Ставрогина (неизданные главы из романа «Бесы») и житие великого грешника (План романа). Под редакцией В. М. Фриче и Н. Л. Бродского.
4. Письма русских писателей. Из архива Достоевского. Под редакцией М. К. Пиксанова.
5. Дневник А. Г. Достоевской.
6. Сборник материалов и статей по архивному делу.
7. Лейтенант Шмидт. (Письма и воспоминания). Под редакцией и с предисловием Вл. Максакова.
8. И. С. Тургенев. (Новые материалы).
9. Крестьянские движения 1902 г. Вып. III. Под редакцией Б. В. Веселовского, В. И. Пичета и В. М. Фриче.
10. Архивное дело. Выпуск I, II, III-IV.
11. Письма Скрябина. Под редакцией Л. Сабанеева.
12. Чехов. Неизданная пьеса.
13. Дневник П. А. Кропоткина. С предисловием А. А. Боровово.
14. Политические процессы 60-х годов. Вып. I. Под редакцией Б. Н. Козьмина.
15. Переписка Вильгельма II с Николаем II. С предисловием М. Н. Покровского.
16. Переписка Николая и Александры Романовых. Т. III. С предисловием М. Н. Покровского.
17. Бакунин (материалы для биографии). Под редакцией В. П. Полонского.
18. Аграрный вопрос в совете министров в 1906 г., вып. IV. Под редакцией Б. Б. Веселовского, В. М. Фриче и В. И. Пичета.
19. Письма Победоносцева к Александру III, т. I. С предисловием М. Н. Покровского.
20. Южно-русские рабочие союзы. Под редакцией В. В. Максакова и В. И. Невского.
21. Морозовская стачка. Под редакцией А. Лозовского и с предисловием В. И. Невского.
22. Русско-Японская война. По дневникам А. Н. Куропаткина и Н. П. Линевича. С предисловием М. Н. Покровского.
23. Сборник узаконений и распоряжений по архивному делу.
24. Царская дипломатия в мировой войне. С предисловием М. Н. Покровского.
25. Восстание декабристов. Материалы, т. I. Под редакцией и с предисловием М. Н. Покровского.
26. Революция 1848 г. во Франции. Под редакцией и с предисловием С. Красного и Г. Зайделя.

27. Партизанское движение в Сибири. Под редакцией В. В. Максакова.
28. Допрос Колчака. Под редакцией и с предисловием К. А. Попова.
29. Петроградский Совет Р. и С. Д. (1917 г.). Под редакцией М. Н. Покровского и Я. А. Яковлева.
30. Ленские события. Под редакцией А. Лозовского.

НАХОДЯТСЯ В ПЕЧАТИ И ПОДГОТОВЛЯЮТСЯ:

Материалы по истории восстания 14 декабря 1825 г., под редакцией М. Н. Покровского.

1. Следственное дело, т. I (вышел в свет), т. т. II, III (печатаются,) т. т. IV, V и VI.
2. «Русская Правда» Пестеля. Под ред. С. С. Мильмана, С. Н. Чернова и П. Е. Щеголева.
3. «Алфавит декабристам». Под редакцией Б. Л. Модзалевского и А. А. Сиверса (печатается).
4. Восстание Черниговского полка. Под редакцией В. О. Волосевича и Ю. Г. Оксмана.
5. Дело Н. Ф. Раевского. Под редакцией Ю. Г. Оксмана.
6. Покровский М. Н. Декабристы. Общий очерк.
7. А. Е. Пресняков. День 14 декабря.
8. П. Е. Щеголев. Восстание Черниговского полка.
9. С. С. Мильман. П. И. Пестель.
10. М. В. Нечкина. Общество Соединенных Славян.
11. Описи архивных дел по истории декабристов.
12. Библиография Н. К. Пиксанова и Н. М. Ченцова.
13. Хрестоматия—сост. Н. Ф. Лавров и Ю. Г. Оксман (печатается).

1917 г. в документах и материалах под редакцией М. Н. Покровского и Я. А. Яковлева.

1. I С'езд Советов.
2. Петроградский Совет Р. и С. Д. 1917 г. (вышли в свет).
3. Аграрное движение в 1917 г.
4. Рабочее движение в 1917 г.
5. Движение железнодорожников в 1917 г. (печатается).
6. Материалы II С'езда Советов.
7. Материалы по истории разложения старой армии во время войны и революции (печатается).
8. Буржуазия перед революцией (печатается).

Материалы по истории рабочего движения в России, под общей редакцией А. Лозовского.

1. Морозовская стачка. С предисловием В. И. Невского (вышла в свет).
2. Стачечное движение 90-х годов.
3. Рабочее движение начала 900-х годов.
4. Стачечное движение 1905 г.
5. Рабочее движение в годы реакции.
6. Ленские события (вышла в свет).
7. Рабочее движение в годы войны (печатается).
8. Материалы по истории рабочего законодательства

1. Пугачевщина т. I. Под редакцией и с предисловием М. Н. Покровского (печатается).
2. Политические процессы 60-х год., т. II.
3. Политические процессы 70-х и 80-х г. г. Под редакцией В. В. Максакова, В. И. Невского и П И. Щеголева.
4. Крестьянские движения до 60 г. г. XIX стол. (печатаются).
5. Пугачевщина т. II и III. Под редакцией М. Н. Покровского.
6. Дело Александра Ульянова и др. (1 марта 1887 г.) (печатается).
7. Материалы по истории «Народной Воли».
8. Дневник Л. Тихомирова. Под редакцией В. М. Фриче (печатается).
9. Студенческое движение 1905 года.
10. Революционное движение в армии и флоте.
11. Последние дни Колчаковщины.
12. Переписка Николая и Александры Романовых. Т. IV. (печатается).
13. Дневник Ламздорфа. Под редакцией Ф. А Ротштейна (печатается).
14. Письма Победоносцева к Александру III. Т. II Под редакцией М. Н. Покровского (печатается).
15. Дневник Перетца (печатается).
16. Русско-польские отношения (печатается).
17. Русский империализм на Дальнем Востоке.
18. Наказы депутатам в 1 Гос. Думу.
19. Письма Ф. М. Достоевского к жене. Под редакцией П. Н. Сакулина (печатается).
20. Из архива Ф. М. Достоевского. Материалы к роману «Идиот». Под редакцией П. Н. Сакулина.
21. Материалы к роману «Преступление и наказание». Под редакцией И. Н. Гливенко
22. Материалы к роману «Бесы». Под редакцией Н. Л. Бродского.
23. Материалы к роману «Подросток». Под редакцией Ф. Ф. Переверзева.
24. Письма И. С. Тургенева к П. В. Анненкову. Под редакцией П. Н. Сакулина.

Издательство ВОПРОСЫ ТРУДА

ПРАВЛЕНИЕ

Москва, Старая площадь, 6. Телефон 2—43—85; 5—11—0; 4—11—12.

ОТДЕЛЕНИЯ И КНИЖНЫЕ МАГАЗИНЫ:

в Москве—Никольская, 17; Кузнецкий Мост, 6; в Ленинграде—Площ. Труда, 2; в Харькове—Площадь Тевелева, 6; в Казани—улица Комлева, 7; в Минске—улица Энгельса, 4/1; в Свердловске—Пушкинская, 10.

АГЕНТСТВА:

в г.г. Архангельске, Астрахани, Артемовске, Ак-Мечети, Арске, Армавире, Брянске, Барнауле, Борисове, Владимире, Воронеже, Вятке, Вологде, Великом Устюге, Виннице, Витебске, Владикавказе, Гомеле, Грозном, Екатеринославе, Житомире, Златоусте, Иваново-Вознесенске, Курске, Костроме, Красноярске, Киеве, Краснодаре, Калуге, Могилеве на Днепре, Майкопе, Н.-Новгороде, Нижнем Тагиле (Урал), Новороссийске, Орле, Оренбурге, Одессе, Пензе, Полторацке, Пскове, Петрозаводске, Полтаве, Перми, Пятигорске, Ростове на Дону, Рязани, Самарканде, Самаре, Саратове, Смоленске, Ставрополе, Тифлисе, Твери, Туле, Тамбове, Тюмени, Ульяновске, Уфе, Череповце, Чернигове, Челябинске, Ярославле и др.

ИМЕЮТСЯ В ПРОДАЖЕ:

	Руб.	К.
Баевский, И. Л.—Практика социального страхования в СССР	—	70
Бархин, Г. Б.—Современные рабочие жилища	—	55
Альбом—Рабочие жилища (примерные проекты построек)	7	—
Сборник—Рабочая жилищно-строительная кооперация (статьи, практические указания и официальн. распоряжения)	—	75
Вернон, Х. М.—Промышленная усталость и производительн. труда	2	—
Вигдорчик, Н.—Постановка статистики в кассах соц. страхования	—	50
Его же.—Страхование на случай болезни в Западной Европе, 2-е изд.	1	—
Гиндин, Я.—Ленин как строитель пролетарского государства (воспоминания)	—	25
Гродзовский, М.—Анализ воздуха в промышленных предприятиях (руководство к химическому исследованию вредных газов, паров и пыли в воздухе фабрично-заводских помещений), под редакцией и с предисловием проф. В. Г. Хлопина	2	85
Данилова, Е. Н.—Сборник важнейших узаконений по труду	2	50
Ее же—Действующее законодательство о труде, том I	3	—
Ее же „ „ „ II	3	35
Ее же „ „ „ „ III	5	50
Данский, Б.—Дореволюционная страховая кампания, 2-е изд. дополн.	1	15
Каплун, С.—Санитарная статистика труда	3	50
Его же—Гигиена и охрана труда в Германии и Франции	—	50
Его же—Библиография по научной организации труда, 2-е изд.	1	70
Его же—Современные проблемы женского труда и быта, 2-е изд.	—	70
Его же—Рецензия по охране труда	1	85
Кавалеров, И.—Пневмокониоз углекопов Донбасса	—	45
Клапаред, Э.—Профессиональная ориентация, ее проблемы и методы	—	60
Краснопевцев.—Как разрешаются трудовые дела	—	30
Куркин, П. И.—Физическое развитие рабочего	3	—

